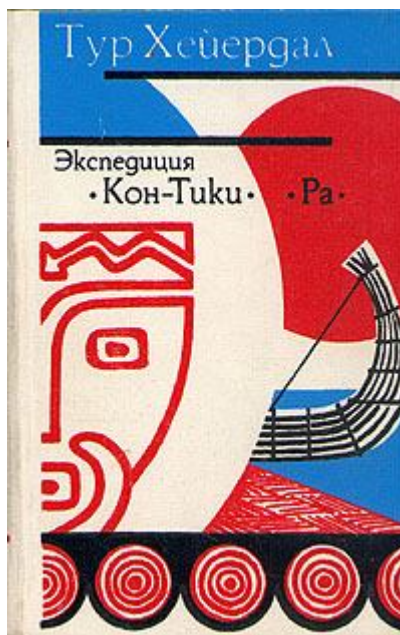

Тур Хейердал «Ра»

«Экспедиция «Кон-Тики». «Ра»»: Мысль; Москва; 1977

Аннотация

Эксперимент норвежского ученого Тура Хейердала, который в 1947 г. прошел с пятью товарищами на бальсовом плоту из Южной Америки через восточную часть Тихого океана до Полинезии, остается ярчайшим примером дерзания в науке.

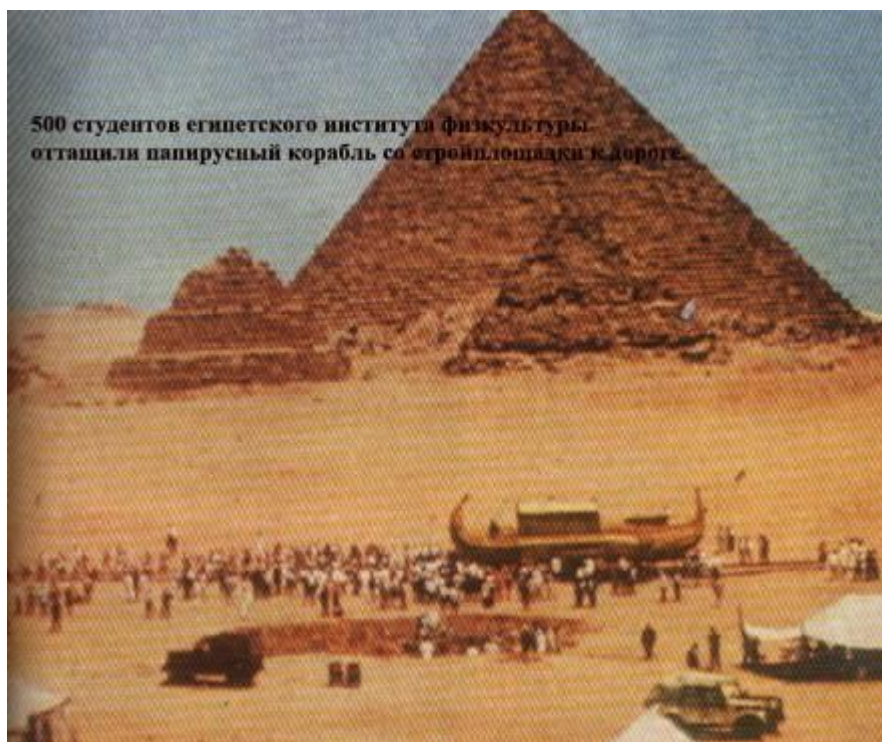
Более двадцати лет отделяет экспедицию «Кон-Тики» от нового смелого эксперимента Тура Хейердала. Интернациональная команда в составе которой был и представитель Советского Союза, прошла в Атлантике около 5 тысяч километров на папирусной лодке «Ра» и доказала, что можно верить древним источникам, свидетельствующим о мореходных папирусных судах.

Бесстрашный рейс на папирусной лодке – естественное продолжение научного подвига на бальсовом плоту. Поэтому книга Тура Хейердала об экспедиции «Ра» выходит вместе с книгой о «Кон-Тики».

Тур Хейердал «Ра»

Глава 1

Один ребус, два ответа и никакого решения

Ветер качает тростинку.

Мы обламываем ее.

Она лежит на воде и не тонет. Посади лягушку – выдержит.

Ветер колышет 200 тысяч тростинок, вдоль берега простерся сплошной зеленый луг.

Мы срезаем тростинки. Вяжем большие снопы. Кладем на воду. И становимся на них. Русский, уроженец Чада, мексиканец, египтянин, американец, итальянец и я – норвежец. С нами обезьянка и тьма кудахтающих кур. Мы пойдем в Америку. Пока что мы в Египте. Ветер несет песок, кругом сушь, кругом Сахара.

Абдулла заверяет меня, что снопы будут держаться на воде. Я объясняю ему, что до Америки далеко. Он слышал, что в Америке не любят черную кожу. Я стараюсь его убедить, что это не так. Он не знает, в какой стороне Америка. Но мы до нее доберемся, если ветер дует туда. Снопы нас не подведут, только бы веревки выдержали, говорит он. Только бы веревки выдержали. Выдержат или нет?

Кто-то потряс меня за плечо, я проснулся. Абдулла.

– Три часа, – докладывает он. – Мы опять начинаем работать.

Палатка горячая от солнца. Я сел и, прищурив глаза, выглянул наружу. Там властвовал сухой зной и слепящее солнце Сахары. Солнце, солнце, солнце. Накаленная солнцем плоскость смыкалась со сводом несравненной синевы, косые лучи озаряли сухое безоблачное небо над миром золотисто-серого песка. На фоне неба акульими зубами торчали три большие и две малые пирамиды. Незыблемые, неизменные, стоят они так с той далекой поры, когда человек был неотъемлемым от природы и созидал природу.

А в пологой ложбине, на песке около пирамид, желтело нечто, вырванное из тока времени, созданное вчера, созданное пять тысяч лет назад: корабль в песках, этакий Ноев ковчег, севший на мель в сахарской пустыне, далеко от водорослей и волн. Рядом стояли два верблюда. Они что-то жевали. Что? Может быть, обрезки нашей ладьи, «бумажной» ладьи. Ведь ее сделали из папируса¹. Золотистые стебли связали в снопы, из этих снопов собрали лодку – вот она, с высоким носом и кормой, словно лунный серп на фоне неба.

¹ Папирус (*Cyperus papyrus*) – высокое (достигает 8 метров) травянистое растение из семейства осоковых. Дико растет в странах Африки, занесен кое-где в Средиземноморье. Камыш (виды рода *Scirpus*) – травянистые растения из семейства осоковых, распространены повсеместно. Тростник (виды рода *Phragmites*) – крупные многолетние травы (до 7-9 метров высоты в тропиках) из семейства злаков, космополит. – Прим. ред.

Абдулла уже спускался в лощину. Два чернущих будума в просторных белых тогах карабкались на ладью, ярко одетые египтяне волокли снопы папируса. Работать так работать!

– Бут! Бут! – кричал Абдулла. – Еще папируса!

Я вышел на горячий песок, пошатываясь, как будто очнулся после тысячелетнего сна. Все эти люди работали для меня, это мне взбрело в голову возродить искусство строительства лодок, которые фараон Хеопс и его потомки уже начали забывать, когда возводили могучие пирамиды – те самые, что теперь, будто горная гряда, отделяли возникшую из тьмы веков строительную площадку от бурлящих водоворотов двадцатого века на улицах Каира, раскинувшегося в зеленой нильской долине.

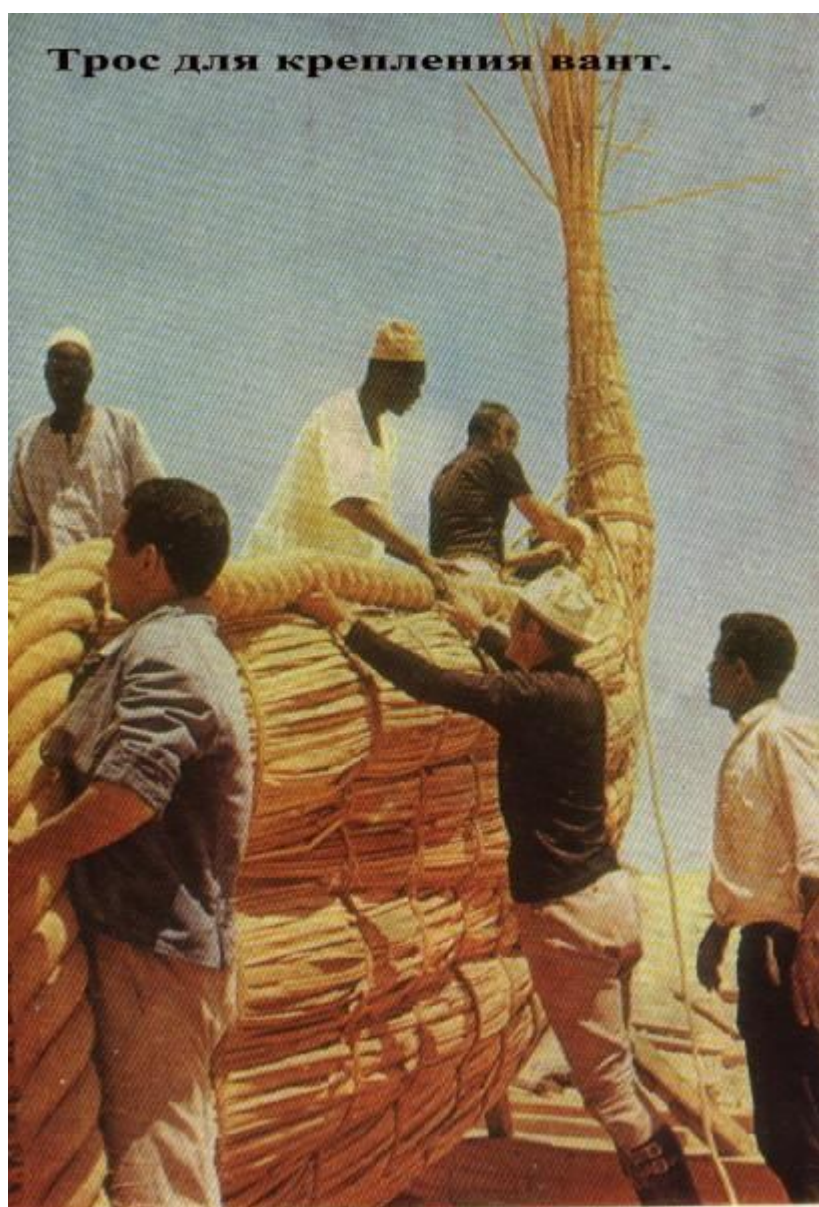
Нас окружал сплошной песок. Жаркий песок, пирамиды, снова песок и стога просушенной солнцем травы – хрупкого, горючего папируса; рабочие тащили его к смоляно-черным африканцам и те, сидя на желтом полумесяце, затягивали веревочные петли руками, зубами и ногами. Они строили лодку, папирусную лодку. *Кадай* называли ее на своем языке – языке племени будума – эти ребята. Ловкие пальцы и крепкие зубы вязали узлы так, что сразу видно мастеров своего дела.

Бумажным корабликом называли нашу лодку сотрудники Института папируса в Каире, которые размачивают эти растения в воде и превращают колотушками в хрупкую бумагу, чтобы туристы и научные работники могли своими глазами увидеть, на чем писали иероглифами свои труды первые в истории человечества ученые.

Стебель папируса – сочный и мягкий, ребенок может его согнуть и сломать. Высушенный, он обламывается, как спичка, и горит, как бумага.

На песке у моих ног лежал безжалостно скрученный, весь изломанный сухой стебель. Его швырнул здесь старый араб, сперва возмущенно смял, потом бросил, плюнул и презрительно показал на него пальцем. Дескать, что это за материал, он не держит гвоздя, как к нему мачты крепить! Искушенный лодочный мастер, этот араб приехал на автобусе из Порт-Саида, чтобы принять заказ на мачту и такелаж для нашей лодки. И до того осерчал, что следующим же автобусом укатил обратно к морю. Что за насмешки над честным тружеником! Или нынешние совсем уже не знают, что нужно для настоящей лодки? Напрасно ему объясняли, что именно такие лодки в большом количестве изображены в склепах древних строителей пирамид, похороненных в здешней пустыне.

– Ну и что?! Там и не такое намалевано, есть и люди с птичьей головой, и крылатые змеи! А папирус, сами убедитесь, – это же трава, мягкие стебли, ни гвоздь вколотить, ни шуруп завинтить. Стог сена. Бумажная ладья. Попрошу оплатить обратный проезд.

И уехал. Но ведь лодке нужна мачта... Наши чернокожие друзья с озера Чад в сердце Африки клялись, что этот мастер – олух, он, наверно, никогда не видел настоящей *кадай*, их вяжут из этого самого папируса. Правда, мачт на *кадай* не ставят, да и к чему нам мачта, когда все люди веслами гребут. Озеро Чад огромное, неужели океан больше! И друзья невозмутимо продолжали связывать вместе снопы папируса. Тут они могли хоть кого поучить. А этот араб из Порт-Саида – просто невежда, он же в глаза не видел *кадай*.

Я вернулся в палатку и достал из портфеля зарисовки и фотографии древних египетских фресок и моделей. Вот папирусные лодки – ни гвоздей, ни костылей. Под мачту поверх папируса уложена и укреплена веревками широкая, прочная деревянная пята, нижняя часть мачты вставлена в нее и крепко с ней связана... Я отложил зарисовки и лег на сваленные около палатки веревки. Здесь не так жарко, можно поразмыслить... Итак, что я, собственно, затеял, и какие у меня основания считать, что на такой лодке можно было выйти из дельты Нила в море? По чести говоря, моя догадка опирается скорее на интуицию, чем на конкретные факты.

Когда я задумал построить из бальсовых бревен плот «Кон-Тики», у меня были совсем другие отправные точки.

Я в жизни не видел бальсы и никогда не ходил на парусной лодке, не говоря уже о плоте, но у меня была гипотеза, были веские данные и логический вывод. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего. В тот раз я был вооружен объемистой рукописью, полной

надежных, на мой взгляд, свидетельств того, что представители древнейшей культуры Перу задолго до какого-либо другого народа достигли островов Полинезии. Было известно, что у древних перуанцев к понятию «морское судно» ближе всего подходил бальсовый плот. Отсюда я делал вывод, что этот плот был вполне мореходным и мог благополучно перенести людей и культурные растения через океан из Перу в Полинезию. Вот и все аргументы, однако вывод подтвердился.

Теперь дело обстоит иначе. Я вовсе не предполагаю, что египтяне принесли свою культуру на далекие острова или континенты. Многие считают, что задолго до Колумба древние египтяне достигали тропической Америки. Я такой гипотезы не выдвигаю, у меня нет свидетельств ни за, ни против. К тому же и в Месопотамии тоже строили пирамиды. Я увлечен проблемой, но не вижу убедительного ответа. В этой мозаике науке недостает еще слишком многих кусочков. Огромный пробел в хронологии, необъяснимые противоречия, да и путь через океан неизмеримо больше пути через Нил...

Для передвижения по воде у древних египтян первоначально были только лодки из папируса. Потом у них появились длинные парусные суда; выходить на этих судах в море в большую волну было опасно, зато они идеально подходили для всяких перевозок и путешествий по тихому Нилу. В нескольких сотнях метров от моей палатки, у самой пирамиды Хеопса, мой египетский друг Ахмед Юсеф, улыбчивый бородач, как раз занимался сборкой одного из великолепных деревянных кораблей фараона.

Совсем недавно археологи установили, что вокруг пирамиды с каждой стороны были закопаны корабли, итого четыре. Они сохранялись в герметичных камерах глубоко под землей, прикрытые сверху большими каменными плитами. Пока что вскрыта только одна камера, в ней обнаружены сотни толстых кедровых досок, и древесина такая же крепкая, какой была при захоронении свыше 4600 лет назад, за 2700 лет до нашей эры. Главный хранитель египетских древностей самолично продевал в тысячи дырочек новые веревки взамен сгнивших. Заново сшитый корабль получился больше сорока трех метров в длину, с удивительно изящными обводами, вполне способный размерами и красотой поспорить с ладьями викингов, которые начали бороздить Северное море, Атлантический океан и Средиземное море несколькими тысячелетиями позже. Только в одном эти два типа судов существенно отличались друг от друга: ладьи викингов были рассчитаны на нелегкий поединок с океанской волной, а корабль Хеопса предназначался для парадных выездов на тихом Ниле.

След, оставленный на дереве веревками, говорит о том, что древний корабль немало послужил, это не была так называемая «солнечная ладья», построенная для последнего плавания фараона. Но корпус сделан так, что он был бы разрушен при первой же встрече с высокими морскими волнами. Это очень странно. Ведь строгие, совершенные обводы корабля Хеопса не вяжутся с представлением о речном судне; мастерски набранный корпус с высоким носом и кормой, казалось бы, во всем обличает морской корабль, нарочно сделанный так, чтобы переваливать через прибой и крутую волну. Конечно, это не случайно, тут есть над чем призадуматься. Фараон, живший на тихом берегу Нила почти 5 тысяч лет назад, построил ладью, которая выдерживала только легкую речную рябь, хотя обводам ее могли бы позавидовать лучшие мореходные нации мира. Хрупкое речное судно сделано по образцу, созданному народом с давним, большим опытом морских плаваний.

В чем же дело? Одно из двух. Либо плавные обводы морского корабля были творением египетских мореплавателей той самой поры, когда другие гениальные египтяне уже создали письменность, астрономию, строили пирамиды, делали операции на черепе, изготавливали мумии. Либо кораблестроители фараона учились в других странах. Похоже, что последнее вернее. В Египте нет кедра, материал для корабля Хеопса был привезен из лесов Ливана. А в Ливане жили финикийцы, опытные кораблестроители, избородившие все Средиземное море на своих судах. Их главный порт Библ, один из древнейших городов мира, ввозил из Египта папирус, ведь здесь был центр изготовления книг, отсюда само название Библ или Библия, то есть книга. Во времена, когда строилась пирамида Хеопса, между Египтом и Библией велась

оживленная торговля, так, может быть, у финикийцев корабельщики фараона позаимствовали конструкцию своих судов? Может быть.

Все дело в том, что нам очень мало известно о внешнем облике финикийских кораблей. Во всяком случае они вряд ли были папироформными, то есть сделанными по образцу папирусной ладьи. Ведь папирус не рос в Ливане, а ладья фараона Хеопса была папироформной. Все крупные деревянные суда времен фараонов были папироформными, их очертания напоминали папирусную ладью.

Тут мы подошли к самому главному. Образцом для корабля Хеопса послужила папирусная лодка. Именно ей были присущи характерные черты морского судна. Нос и корму делали высокими, изогнутыми вверх, выше чем на ладьях викингов, чтобы судно переваливало через морскую волну и прибой, а не для того, чтобы оно приминало мелкую рябь на реке. Папирусная лодка передала свою форму деревянному кораблю, а не наоборот. И конструкция папирусной лодки уже полностью сложилась к тому времени, когда по велению первых фараонов на стенах гробниц изображали их мифических божественных предков. Причем когда легендарные зачинатели фараонова рода – бог солнца и птичечеловеки – изображены на кораблях, то это не финикийские деревянные корабли, не плоты и не речные плоскодонки, а серповидные папирусные ладьи, форму которых в точности повторили строители корабля Хеопса, вплоть до изгибающегося внутрь высокого ахтерштевня, увенчанного символом цветка папируса.

Чтобы построить ладью так, как строили египтяне, когда Средиземноморская культура на берегах Нила делала свои первые шаги, нужен не топор и знание плотницкого ремесла, а нож для резки папируса и веревка. Ножом и веревками были оснащены африканцы Мусса, Умар и Абдулла, которые в эту минуту вязали у подножия пирамид Хеопса, Хафра и Мен-Кау-Ра папирусную лодку такого же вида, как древние ладьи, изображенные на стенах гробниц в пустыне по соседству с нашей строительной площадкой.

Зачем? Что я хотел доказать? Да ничего, ровным счетом ничего. Я хотел только выяснить – выяснить, можно ли на такой лодке выходить в море. Правы ли специалисты, считающие, что финикийцы сами ходили за папирусом в Египет, потому что египтяне с их папирусными лодками не могли плавать за пределами дельты Нила. Или, может быть, древнейшие египтяне были опытными судостроителями и мореплавателями, прежде чем осели на месте и стали ваятелями, фараонами, мумиями. Я хотел выяснить, способна ли папирусная лодка пройти по морю 400 километров – путь от Египта до Ливана. Выяснить, не может ли лодка из папируса пройти еще дальше, от одного материка до другого. Выяснить, не может ли она дойти до Америки...

Зачем? Да затем, что никто не знает, кто же первым достиг Америки. В учебниках написано, что это был Колумб. Но Колумб не открыл Америку. Он был повторным открывателем. Чрезвычайно смелый и проникательный человек, он вышел на кораблях в неведомое, твердо убежденный, что Земля круглая, и он не свалится с ее края. Имя Колумба знаменует перелом в истории, он изменил образ жизни целой части света, дал толчок рождению могущественных государств, и со временем там, где раньше были только леса и кустарники, выросли небоскребы. Но не Колумб открыл Америку. Он проложил туда дорогу для других, однако это было уже в 1492 году нашей эры.

Когда же Америка была открыта? Это никому не известно. Первый человек, ступивший на американскую землю, не был знаком с понятием летоисчисления. У него не было календаря. Не было письма. При своих ограниченных географических представлениях он и не подозревал, что достиг нового материка, где еще не бывало людей.

Первый представитель *Homo sapiens*, пришедший в Америку, был кочующий охотник и рыболов. Подобно своим отцам и дедам, он бродил вдоль суровых берегов арктической Сибири и в один прекрасный день очутился на восточном берегу полностью или частично скованного льдом Берингова пролива, не подозревая, что до него в здешней тундре топтали сугробы только дикие звери. Мы не знаем сегодня, пересек ли он Берингов пролив пешком по льду или на утлой лодчонке. Знаем только, что первый человек, умерший на

американской земле, родился в арктической Азии. И еще нам известно, что открыватель Америки не знал ни металла, ни ткачества, что он прикрывал свое тело звериными шкурами или обработанной колотушками корой, что его оружие и орудия труда были сделаны из кости и камня, ведь это был человек каменного века.

Мы не можем точно сказать, когда потомки первооткрывателей Америки начали распространяться через Аляску на юг в Северную, Среднюю и Южную Америку. Одни полагают, что заселение Нового Света началось около 15 тысяч лет до нашей эры, другие утверждают и доказывают, что эту цифру можно по меньшей мере удвоить. Но все сходятся на том, что воротами в Америку были ледяные просторы Арктики, и первыми в них вошли бродячие орды, коим суждено было стать предками многочисленных и чрезвычайно разнообразных этнических групп, которых мы привыкли именовать «американскими индейцами».

Узкий пролив между арктической Азией и Аляской продолжал оставаться доступным для кочующих племен, и многие находки говорят за то, что первобытные общины и потом переходили из Сибири в Америку и обратно. А цепочка Алеутских островов и Курило-Сиву к югу от нее служили мостом для тех, у кого были лодки. От Аляски на севере до Огненной Земли на юге новые поколения поселялись в иглу и вигвамах, в хижинах и пещерах, ведь в Новом Свете есть все разновидности климата и географической среды. Эндогамные браки при изоляции, новые переселения и смешанные браки – все это, вместе взятое, способствовало возникновению множества различных индейских племен Америки, резко отличающихся между собой, и не только лицом и телосложением: они подчас говорили на языках, которые даже не назовешь родственными, и вели совершенно разный образ жизни.

И вот тут-то наконец появился Колумб. 12 октября 1492 года он сошел на берег Сан-Сальвадора со своим знаменем и крестом, а за ним явились Кортес, Писарро и прочие испанские конкистадоры. Никто никогда не отнимет у Колумба его заслуги, это он распахнул ворота Америки для всех нас, кому не пришлось идти в нее по льду. Но мы, европейцы, как-то уж очень легко забываем, что на берегу его встречали тысячи людей. Что на континенте за островами, на которых он высадился, гостей ждали высокоразвитые государства. Тамашние ученые поведали испанцам, что сюда и раньше приходили из-за океана белые бородатые люди, что эти пришельцы посвятили их во все секреты цивилизации, что испанцев давно ожидают, ведь представители заморской культуры обещали их предкам вернуться.

И правда, в этой части Америки жили отнюдь не те первобытные охотники и рыболовы, которые первоначально пришли в Новый Свет из сибирской тундры. Напротив, в тропической полосе с ее далеко не бодрящим климатом, куда доставили испанцев пассатные ветры и могучее океанское течение, их встретили высокообразованные люди. Они сами делали книги из бумаги, изучали астрономию, историю, врачебное искусство. Они читали и писали, пользуясь собственным письмом. У них были настоящие школы и научные обсерватории. В астрономии и географии они достигли замечательных успехов: точно рассчитали движение небесных тел, вычислили положение экватора, эклиптики, северного и южного тропиков, различали звезды и планеты. Сложный календарь этих людей был точнее того, который знали в Европе во времена Колумба; их летоисчисление – год 0 майя – начиналось, в пересчете на наш календарь, 3113 годом до нашей эры. Где позволял климат, врачи весьма умело бальзамировали знатных покойников, и подобно древним египтянам они делали трепанацию черепа – искусство, которым врачи Европы еще не владели и сто, и двести лет спустя после того, как Колумб пересек океан².

² Как видно из текста, автор считает трепанацию черепа свидетельством высокой культуры народа. С этим согласиться трудно. Известно, например, что некоторые народы, стоящие еще на стадии первобытности, практикуют трепанацию. Можно спорить, приносила ли такая трепанация больше пользы или вреда. Известный советский специалист по истории первобытного общества Н. О. Косвен считал, что последствия подобного врачевания могли быть только отрицательными. – Прим. ред.

Просвещенные и непросвещенные граждане жили в выстроенных по плану городах с ровными улицами, водостоком, канализацией, рыночными площадями, спортивными площадками, школами и дворцами. Тут нельзя было увидеть палаток и шалашей, горожане изготавливали кирпич из глины с соломой, такой же, как в странах Средиземноморья, и строили настоящие дома в два и больше этажей. В домах побогаче были залы с колоннами, а стены украшались барельефами и замечательными фресками; у художников были яркие и прочные краски. Широко применялись ткацкие станки; испанцы увидели гобелены и плащи, которые композицией узоров и тонкостью изготовления превосходили все, что они знали на своей родине. Искусные гончары лепили вазы и блюда, кувшины и кубки, людей, животных, разные бытовые сценки, и мастерство их ничуть не уступало лучшим произведениям классических культур Старого Света. А золотые и серебряные изделия здешних ювелиров технически и эстетически стояли так высоко, что испанские «открыватели», потеряв от радости голову и совесть вместе с ней, схватились за меч...

Над крышами домов из сырцового кирпича высились огромные ступенчатые пирамиды, храмы, могучие изваяния священных правителей; мощные дороги, хитроумные акведуки и мосты изменили лицо края. Нескончаемые земледельческие террасы с искусственным орошением давали обильный урожай корнеплодов, местных злаков, овощей, фруктов, лекарственных и других культурных растений. Даже хлопчатник был окультурен селекционерами и возделывался на больших площадях. Местные жители пряли шерсть и хлопок, красили пряжу и делали ткани, нередко превосходившие качеством лучшие ткани Европы.

Так кто же кого открыл? Те, кто стояли на суше и смотрели на приближающиеся суда, или те, кто, стоя на палубе, разглядывали людей на берегу? Священный правитель слышал от своих дедов, что он происходит от Солнца через белых бородатых людей, которые явились на паланкинах с зонтом и опахалом. Музыканты правителя играли на флейтах и трубах, били в барабаны, звенели серебряными колокольчиками. Его сопровождала личная охрана и многотысячная регулярная армия; разведчики обнаружили горсточку испанцев, которые сошли с кораблей на сушу и двинулись внутрь страны, к столице.

С могущественным царством ацтеков в Мексике произошло то же, что с огромной империей инков в Южной Америке. Горстка бородатых, белокожих испанцев захватила обширные государства, что называется, без единого выстрела. И все потому, что ученые и жрецы в этих странах сохранили иероглифические записи и религиозные предания: будто бы белые бородатые люди принесли их предкам блага культуры, а потом ушли дальше, в чужие края, но обещали вернуться назад³.

Сами индейцы были безбородые, как и все люди с желтовато-коричневой кожей, проникшие на материк с севера. А испанцы, которых они «открыли» у себя на берегу, были белокожие и бородатые, как и все культурные герои местных преданий, и могущественнейшие самодержцы того времени от души приветствовали их «возвращение» в Мексику и Перу.

Но недолго длилось знакомство остального мира с великими цивилизациями Нового Света, от империй ацтеков и майя на севере до царства инков на юге, которые протянулись, словно бусины на нитке, не выходя за тропики в те части Америки, где в наше время особенно наглядно проявились инициатива и трудолюбие человека. Занавес, поднятый Христофором Колумбом, был очень быстро опущен теми, кто последовал за ним. Всего несколько десятилетий – и полнокровные государства с замечательной культурой рухнули. Частью уничтоженные, частью воспринявшие другие элементы, они обрели новые формы,

³ Объяснение быстрого подчинения ацтеков и инков наличием подобных записей и преданий представляется недостаточным. Важная причина такого хода событий заключалась, очевидно, в том, что и наиболее развитые индейские народы все же сильно уступали по уровню развития производительных сил испанцам. Огнестрельное оружие конкистадоров намного превышало по своим боевым качествам оружие индейцев (см. Н. О. Косвен «Очерки истории первобытной культуры». М., 1957). – Прим. ред.

причем мы, европейцы, охотно приписываем себе заслугу создания всего позитивного, что принято связывать с культурой, а какие-то экзотические минусы относим к наследию доколумбовой поры. И все потому, что алчные до золота конкистадоры, преступно прячась за крест, сумели задернуть занавес раньше, чем кто-либо успел как следует уразуметь, что они нашли на другом конце земного шара.

Так что же происходило в Мексике и Перу до того, как Колумб явился в Америку? Можно ли считать первобытного человека из арктической тундры единоличным зачинателем всего того, что обнаружили испанцы? Или имелись другие пути в Древнюю Америку? Может быть, и в Америке, как всюду на земном шаре, еще до Колумба происходило смешение племен? Может быть, потомки переселенцев из Арктической Азии встречали мореплавателей на берегу Мексиканского залива в те далекие времена, когда цивилизация из Африки и Малой Азии распространилась на берега варварской Европы?

Вот в чем вопрос. А ответ? Нет. Конечно, нет. Пожалуй, нет. Пожалуй... Жесткая веревка терла мне спину, и я сел. Пожалуй. Проклятый вопрос. Я лег удобнее. И не видно решения, сколько ни ломай голову. Мысли вращались в замкнутом кругу. Если древние цивилизации Америки всецело сложились в Мексике или Перу, естественно ждать, что археологи обнаружат следы их постепенного развития. Но в каком бы из исторических центров Мексики или Перу ни производили раскопки, они показывают, что цивилизация явилась в сложившемся виде, а уже дальше развивался тот или иной местный вариант. Завязки обнаружить пока не удастся. Казалось бы, все ясно: импорт. Заморское влияние. Но ведь великие культуры расцвели в Новом Свете за несколько веков до нашей эры, если верны нынешние теории, а к этому времени прошло около двух тысяч лет, как перестала существовать соответствующая культура в Египте.

Так зачем же строить папирусную лодку? Мысли полетели дальше. Через Америку в Тихий океан. Там я чувствовал себя более уверенно. Сколько лет отдано исследованиям и полевым работам в этой области. В Египет я впервые прибыл простым туристом четыре года назад и увидел в Долине царей настенные изображения папирусных лодок. Лодки показались мне знакомыми. Примерно такие же рисовали на своих кувшинах строители пирамид Северного Перу во времена расцвета их культуры, задолго до заселения Полинезии. У самых больших перуанских камышовых лодок на этих изображениях двойная палуба. На нижней палубе – множество кувшинов с водой и прочий груз, а также маленькие фигурки людей; на верхней палубе обычно стоит земной наместник бога Солнца, священный правитель. Его огромную фигуру окружают люди с птичьей головой, которые нередко тянут за веревки, ускоряя движение ладьи. На папирусных лодках, изображенных на стенах египетских гробниц, тоже показан сверхъестественного роста земной наместник бога Солнца, священный правитель – фараон, его тоже окружают маленькие фигурки, и мифические птичелюди тянут за веревки.

Похоже, что есть какая-то необъяснимая связь между камышовыми лодками и людьми с птичьей головой. Ведь и в Тихом океане, на макушке самого высокого вулкана острова Пасхи, в древнем ритуальном селении с солнечной обсерваторией главный мотив рельефов и фресок – неразлучное трио: маска бога Солнца, камышовые лодки под парусами и птичелюди. Остров Пасхи, Перу, Египет. Можно ли представить себе более обособленные друг от друга районы? И можно ли сыскать лучшее доказательство того, что люди в совершенно разных местах независимо друг от друга изобретают одно и то же? Вот только странно, что исконные жители Пасхи называли солнце «ра». И это не случайность, ведь на других островах Полинезии солнце тоже называлось «ра». «Ра» – и в Египте так именовалось солнце. Трудно найти в религии древних египтян более важное слово: «Ра» – солнце, солнечный бог, прародитель фараонов. Это он плывал на папирусной лодке, окруженный птичелюдьми. И на острове Пасхи, и в Перу, и в Древнем Египте воздвигали в честь земных наместников бога Солнца монолитные изваяния ростом с дом. А также высекали каменные плиты величиной с железнодорожный вагон и сооружали ступенчатые пирамиды, согласуя их положение с движением солнца по небу. Тоже в честь «Ра», которого

во всех этих трех местах почитали как прародителя. Что это – случайность, или тут кроется какая-то взаимосвязь?

Сто лет назад, когда паруса гордо реяли над морями, считалось, что никакие дали не останавливали древних в их странствиях: ведь сумели же Магеллан, капитан Кук и многие другие, пользуясь только силой ветра, обогнуть земной шар. Но мы изобрели винт и реактивный двигатель, для каждого нового поколения наша планета становилась все меньше и меньше, и возникло представление, что прежде, чем дальше от наших дней, тем больше мир должен был казаться людям, а до Колумба и вовсе мыслился необъятным и непроходимым.

На всякого, кто учился в школе, производит магическое действие дата – 1492 год. Год, когда Колумб достиг Америки. И когда земля стала круглой. Раньше ее мыслили плоской, и океан был плоским, поэтому все, влекомое ветрами и течениями, неизбежно должно было свалиться с края в бездну. Вернее говоря, земля и до Колумба была круглой, но не совсем, а вроде половинки яйца. Так или иначе, если уплыть достаточно далеко в океан, все равно упадешь с края земли.

До 1492 года ни одна камышинка не могла проплыть над бездной в неведомую даль. После того как Колумб сделал нашу планету шаром, с нее уже ничто не сваливалось. Теперь все уплывающее в Атлантику прибывало к возникшим из морской пучины новым берегам. К тем же островам, куда прибило Колумба, или к тропическому побережью сразу за ними. Колумб стал своего рода Святым Петром, открывшим ворота в Новый Свет. За ним последовали тысячи каравелл и других парусных суденышек. А в XX веке любители приключений гуртом пересекают Атлантический океан на шлюпках, надувных лодках, амфибиях и байдарках.

Патент покорителя Атлантики выдан Колумбу. До него в Америку можно было попасть лишь пешком – в мокалинах или без них – вдоль заснеженной кромки льда из пустынных дебрей Сибири через морозную Арктику. Здесь, на севере, нельзя было сажать хлопок и строить кирпичные дома, на этот счет никаких разногласий нет. Но как те же люди, достигнув сонных тропиков, надумали разводить хлопчатник, дающий волокно для пряжи и тканей? И как они в жарком климате надумали мешать глину с соломой и лепить кирпичи, чтобы строить настоящие дома? Здесь кончается согласие. Здесь начинается спор между теми, кто искал ответа на эти вопросы.

Одним из последних, кто запросто отправлял древних в кругосветные плавания, был англичанин Перси Смит. В культурах Мексики и Перу он находил столько общих с культурой Древнего Египта специфических черт, что предполагал контакты через океан. А обнаружив те же удивительные совпадения на Пасхе и ближайших к Перу островах, он взял линейку и атлас мира и соединил прямой линией Египет через Красное море, Индийский и Тихий океаны с Полинезией и Южной Америкой. Вот как солнцепоклонники пришли в Америку, написал он. Через остров Пасхи.

Другие ставили перед собой глобус и качали головой. На круглом глобусе видно, что Тихий океан охватывает почти половину окружности земли, занимая чуть не целое полушарие. Проплыв на восток 4 тысячи километров, египетские мореплаватели подошли бы к Индии. И от острова Пасхи их бы еще отделяла ровно половина земной окружности. А южноамериканские мореплаватели, отчалив от берегов империи инков и пройдя на запад 4 тысячи километров, уже достигли бы острова Пасхи. На плоту «Кон-Тики», построенном по инкскому образцу, мы прошли от Перу на запад 8 тысяч километров и на полпути пересекли долготу Пасхи.

Остров Пасхи... Самый уединенный обитаемый остров в мире. Ближайшая страна – Перу, а не Египет. Остров Пасхи... Осаждаемый волнами ком застывшей лавы, где около тысячи заброшенных изваяний молча созерцали небо, когда люди нашей расы наконец проникли в эту область и «открыли» остров в 1722 году. Островом Пасхи называли мы его потому, что впервые увидели его в день пасхи. «Пуп Вселенной» называли его полинезийцы, когда пришли сюда на долбленках и обнаружили, что остров уже заселен еще более

древними мореплавателями. Теми самыми, которые высекали на груди своих каменных истуканов большие камышовые лодки с мачтами и парусами. Теми самыми, чьи серповидные лодки из камыша изображены в древнейшем культовом селении острова Пасхи, где скалы расписаны солнечными символами и фигурками птичеловеков, где наблюдали «ра» и поклонялись Солнцу, где жители собирались на ритуал птичеловека, когда смельчаки выходили в море на маленьких камышовых лодках. Пока европейцы в 1868 году не ввели свое христианство, положив конец тысячелетнему обычаю.

Камышовые лодки острова Пасхи. Мысли перестали метаться. Все стало на свои места. На этом острове родился мой интерес к камышовым лодкам. Может быть, именно здесь кончилась их история. Но для меня здесь все началось.

Впервые я увидел камышовые лодки задолго до того, как попал на Пасху. Я ходил на них, когда изучал других каменных исполинов, покинутых своими создателями на горном плато вокруг озера Титикака в Андах. Меня поразила их грузоподъемность, ведь на таких лодках некогда перевозили многотонные глыбы в древний город Тиауанако. Но тогда я воспринял эту своеобразную конструкцию скорее как курьез. Как и все, кто читал про империю инков, я знал, что камышовые лодки озера Титикака – всего лишь рудимент доколумбовых лодок, которыми пользовались на всем побережье Перу, когда испанцы пришли на Тихий океан. Они применялись тогда и дальше на север, вплоть до Мексики и Калифорнии. Самые маленькие лодки, напоминавшие слоновый бивень, выдерживали только одного человека, он плыл на них, лежа по пояс в воде. На самых больших, о которых пишут испанцы, была команда до двенадцати человек, а если несколько лодок связывали вместе, на них можно было перевозить по морю лошадей и рогатый скот⁴. Я знал также, что камышовая лодка в Перу так же стара, как бальсовый плот, больше того, она была известна уже во времена древнейшей доинкской культуры: камышовые лодки в море – обычный мотив в искусстве строителей первых пирамид на севере Перу, мастеров народа мочика.

Когда я задумал строить «Кон-Тику», мне надо было выбирать. В древней империи инков знали морские суда трех родов. Бальсовые плоты из бревен, обычно срубленных в Эквадоре, камышовые лодки из снопов камыша тотора, растущего дико по берегам горных озер и выращиваемого на орошаемых землях засушливого побережья, наконец, понтоны – два связанных плугом бурдюка из тюленьих шкур.

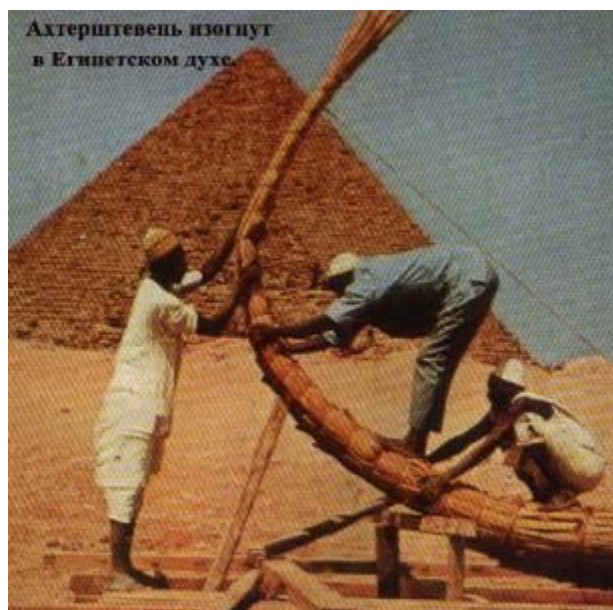
Бурдюки через несколько дней теряли плавучесть, индейцам приходилось снова их надувать, плавая рядом в воде. Меня такой способ ничуть не прельщал. Камышовая лодка тоже не внушала мне особого доверия. Камыш, солома – это нечто хрупкое, слабое; одно дело, когда в безвыходном положении хватаешься за фигуральную соломинку, но взаправду выходить на соломе в море – слуга покорный. Так я рассуждал тогда. И все были со мной согласны. Если уж плыть, то на бальсовом плоту, крепкой платформе из легких бревен. Так и вышло. Бальсовый плот прошел испытание и обнаружил поразительные мореходные качества. А камышовая лодка была отвергнута и забыта. На время.

Глава 2

Почему камышовая лодка?

Остров Пасхи и Перу

⁴ Как известно, индейцы до прихода европейцев не знали ни лошадей, ни рогатого скота. Когда автор говорит о том, что на камышовых лодках перевозили по морю лошадей и скот, он имеет, вероятно, в виду первые годы, последовавшие за завоеванием, когда индейцы уже заимствовали у европейцев их домашних животных, но продолжали еще широко пользоваться своими старыми транспортными средствами. – Прим. ред.

Это было на острове Пасхи в 1955 году. Восточный берег. Под рокот прибоя четыре брата, четыре старика с кожей, похожей на сморщенный табачный лист, мелкими шажками вбежали в бурлящую воду, неся маленькое суденышко, формой близкое к банану. Солнце рассыпало блики на синих волнах, позолотило лодчонку. Престарелые крепыши вытолкнули лодку за вспененную полосу, вскочили на нее и, часто-часто работая веслами, рассекли обрушившийся гребень. Не успела вырасти новая волна, как они перевалили через нее, словно на качелях, и через следующую тоже, и вот уже вышли за прибой. В лодке было так же сухо, как до встречи с валами. Вся вода в ту же минуту ушла через тысячу щелей в днище. Ни высоких бортов, ни полого корпуса. Толстые связки, на которых сидели гребцы, образовали плоскую палубу, только впереди и сзади лодка-плот, сужаясь, загибалась вверх, чтобы лучше справляться с волной. Золотистым лебедем она переваливалась через гребни.

Сто лет на острове Пасхи не спускали на воду таких лодок. Старики связали ее, чтобы показать нам, на чем их деды выходили в море ловить рыбу. Миниатюрная модель известных по изображениям огромных судов поры расцвета культуры острова Пасхи. И весьма внушительная, если сравнить с похожими на бивень одноместными пора, на которых состязались кандидаты на звание птичеловека.

Островитяне благоговейно смотрели, как четыре старых рыбака идут в океан на лодке, так хорошо всем знакомой по сказаниям предков, лодке, означающей для здешних людей примерно то же, что для американцев «Мэйфлауэр» или для нас, северян, ладья викингов.

Утлое суденышко извивалось, будто надувной матрас, вверх-вниз, вправо-влево, применяясь к волнам и не давая им намочить команду. И когда смуглая четверка на золотистой лодке обогнула мыс, на котором мы в эти дни поднимали первого из поверженных каменных исполинов острова Пасхи, можно было слышать, как люди постарше с горящими глазами говорят о том, что вот, мол, оживает далекое прошлое острова.

А для меня ожили суда далекой страны за горизонтом на востоке... Лодки острова Пасхи поразительно напоминали лодки озера Титикака, но еще больше – серповидные суда из камыша, реалистически воспроизведенные в керамике древней культуры мочика на Тихоокеанском побережье Южной Америки. Волны, которые разбивались о берег у наших ног, шли с той стороны. И ведь я сам пересек здесь океан с востока на запад, влекомый постоянным круговоротом воды. Как тут не призадуматься...

В мертвом кратере вулкана Рану Параку шесть человек погрузили в кромку озерной трясины восьмиметровый стальной бур. Множество незавершенных статуй на склонах вокруг кратерного озера свидетельствовало о том, что ваятели неожиданно прервали работу. Некоторые истуканы были почти готовы, только спина прочно соединялась с коренной породой. Они лежали с закрытыми глазами, сложив руки на животе, будто их заколдовала недобрая фея из сказки про принцессу Шиповничек. Другие каменные богатыри были

отделены от породы и воздвигнуты стоймя, чтобы ваятели могли обтесать спину, сделать ее такой же изящной и гладкой, как остальные части статуи. Так и стоят они по карнизам, некоторые по подбородок в осколочном материале из каменоломен. Чуть наклонясь, сжав тонкие губы, они словно критически поглядывали, что там творят на берегу озера шесть гномов из живой плоти.

Длинное стальное копье дюйм за дюймом уходило в вязкую кашу. Десятки тысяч лет на дне потухшего вулкана скапливались дождевая вода и ил, и возникло голубое зеркальное озеро, в котором отражается небо. И кажется, что белые пассатные облака вечной чередой скользят через кратер с востока на запад, исчезая в зеленых зарослях камыша. Три кратерных озера в камышовом венке – единственные источники пресной воды на острове Пасхи. Пасхальцы добывают в них питьевую воду с тех самых пор, как свели огнем первичный лес и превратили весь край в голую степь, после чего ручьи один за другим ушли в пористую вулканическую породу и пропали.

Об этом поведала каша, извлеченная нами из озерной трясины. Бур заканчивался вращающимся ножом и маленькой полостью, которая захватывала ил, глину или песок, смотря по тому, из чего состоял очередной пласт. Чем глубже погружался бур, тем дальше мы проникали в прошлое.

Кромка трясины была словно книга, лежащая последней страницей вверх, а первой – вниз. Потом начиналась затвердевшая лава и вулканический шлак – свидетели той поры, когда остров поднялся со дна океана, извергая пламя. На эту безжизненную подстилку ложилась глина и ил, когда вулкан потух и края кратера начали разрушаться. Постепенно в донных осадках собиралось все больше цветочной пыльцы. Она герметически сохранялась, и теперь специалист-палинолог, изучая структуру отложений, может рассказать, в какой последовательности на новорожденный остров с помощью течений, ветров, птиц и людей попадали папоротники, кустарники и деревья. Ведь у каждого растения своя пыльца; под микроскопом ее крупинки напоминают причудливейшие плоды и ягоды.

Детективы укрываются под разными прозвищами. Некоторые, чтобы им не докучали любопытные, называют себя палеоботаниками. Они сидят и анализируют крупинки пыльцы так же тщательно, как другие детективы – отпечатки пальцев. Добытые нами комочки грязи мы раскладывали по нумерованным пробиркам, чтобы потом передать их в отдел ботанического сыска в Стокгольме. Так нам удалось кое-что разузнать о забытом прошлом острова Пасхи, о том, откуда мог прийти загадочный народ, который на заре истории не приметно для всех воздвиг здесь свои исполинские монументы.

Пыльца рассказала, что этот голый и бесплодный в представлении европейцев остров, богатый лишь истуканами и каменоломнями, от природы был наделен пышной растительностью – кустами, пальмами и другими деревьями. Но затем сюда задолго до европейцев прибыли мастера каменотесного дела. Они подожгли лес. Зола и копоть сыпались на кратерное озеро, оставив след в донных отложениях. Выше этого слоя пыльца лесных деревьев резко идет на убыль. Пришельцы сводили лес, расчищая место для американского батата, составлявшего их главную пищу. Им нужно было также место для их каменных домов и для широких культовых площадок, где сооружали ступенчатые платформы из огромных обтесанных плит, напоминающие культовые сооружения древнего Перу и египетского масштаба. Они уничтожали пальмы на склонах вулканов, снимали дерн и землю, добываясь до корневой породы, чтобы вытесывать из нее гладкие плиты и монолитные статуи покойных правителей-жрецов. Срубленные деревья их не интересовали, потому что первые обитатели острова Пасхи привыкли строить из камня, камень был для них привычным материалом, тяжеленные плиты весом в шесть, восемь, десять слонов и высотой с дом тащили через весь остров, ставили на торец, укладывали друг на друга и подгоняли, сооружая замечательные мегалитические стены, подобные которым можно увидеть только в Перу, Мексике да в странах древних солнцепоклонников Внутреннего Средиземноморья, на другом конце земного шара.

И не только об этом рассказали детективы, изучив доставленные нами комочки грязи.

Усердные покорители целины, хотя истребили изначальную растительность острова, привезли взамен батат, который был неизвестен в нашей части света, пока Колумб не обнаружил его в Америке. Об этом мы знали и раньше. Островитяне называют батат «кумара», как и коренные жители значительной части древней инкской империи. Но лепешечки ила сохранили следы другого растения, еще более важного для морского народа.

Камыш. Камыш тотора.

Выше слоев с золой от лесных пожаров идут другие слои, желтые от спрессованной пыльцы камыша тотора, перемешанной с прочными волокнами стеблей. Большие участки кратерного озера покрыты сплошным плавучим ковром из сгнившего камыша. Кроме тоторы только одно водное растение оставило свою пыльцу в донных отложениях, начиная с пласта, в котором пепел знаменует прибытие людей на остров. Глубже пыльца пресноводных растений не встречена. До прихода человека в кратерных озерах Пасхи ничего не росло, поверхность их была совершенно чистой.

Чем не материал для детектива! Нетрудно догадаться, что оба пресноводных растения попали сюда из-за океана вместе с человеком. Ведь речь идет о важных культурах, одна из которых применялась в медицине, другая использовалась как строительный материал, и ни та, ни другая не могла быть принесена морскими течениями, ветрами или птицами, потому что обе размножаются только корневыми отростками. Чтобы они могли появиться в трех кратерных озерах на уединенном острове Пасхи, их должны были посадить там люди, которые привезли корневища из своего родного края. Теперь оставалось лишь пройти по следу. Оба вида встречаются только на американском материке, их нет больше нигде на свете. Камыш тотора – *Scirpus tatora* – был одной из главных культур в хозяйстве древних обитателей засушливого приморья инкской империи; они разводили его на орошаемых участках и применяли для лодок, кровли, циновок, корзин и веревок. Второе растение, горец – *Polygonum acuminatum*, – использовалось индейцами Южной Америки как лекарство. И для островитян оба растения играли такую же роль.

Держа в руке кусок легкого, высушенного солнцем камыша тотора, я смотрел на четырех полинезийцев, которые перемахивали через волны в открытом море так же лихо, как скакали верхом на конях по суше. Присутствие этого американского пресноводного растения в трех кратерных озерах на самом уединенном острове мира давно считалось одной из великих загадок ботаники Тихого океана. А загадка, похоже, решается очень просто. Может быть, древние мореплаватели из Перу пересекли океан не только на бальсовых плотках, может быть, среди них были мастера вязать камышовые лодки, и они привезли корневища, чтобы обеспечить себя строительным материалом.

Когда мы помогли старикам вытащить на берег их серповидную лодку, я окончательно утвердился в мысли, что люди древнейшей культуры острова унаследовали свои характерные суда от древних строителей перуанских пирамид.

Пять лет спустя я встретился на конгрессе в Гавайском университете с ведущими специалистами по археологии Тихоокеанской области. Пять лет мои товарищи по экспедиции, эксперты в разных областях науки обрабатывали материал, собранный в ходе наших раскопок на Пасхе. Скелеты и каменные орудия, образцы крови, пыльца и остатки костров – все было важно для детективов от науки, которые пытались выяснить, что происходило на самом уединенном острове в мире задолго до того, как Колумб приплыл в Америку и тем самым открыл европейцам путь в Тихий океан. Мои сотрудники доложили конгрессу итоги наших работ на острове Пасхи.

И вот я сижу за одним столом с другими учеными и вместе с ними подписываю документ, резолюцию конгресса. А в резолюции говорится, что наряду с Юго-Восточной Азией Южная Америка была родиной народов и культур, которые до европейцев пришли на острова Тихого океана. Никаких возражений с моей стороны. Ведь своим плаванием на плоту из Перу я как раз хотел показать, что Полинезия могла быть заселена с двух сторон. Такая догадка родилась у меня задолго до «Кон-Тики», еще когда я приехал на Маркизские острова, чтобы пожить на полинезийский лад, и на восточном берегу Фату-Хивы слушал у

костра рассказы старика Теи Тетуа под гул могучих волн, которые вместе с облаками день и ночь, день и ночь шли в одну сторону – от Америки к островам.

Три тысячи ученых заслушали резолюцию и единогласно одобрили ее. Я покидал X Международный тихоокеанский конгресс с поручением содействовать дальнейшим раскопкам на ближних к Южной Америке островах. В свою очередь археологи-тихоокеанисты впервые включили в круг своих интересов приморье Южной Америки. Открылись ворота между Перу и Полинезией, кончился однобокий взгляд на Тихий океан.

Но камышовая лодка снова была забыта.

И вдруг ее извлекли из забвения самым неожиданным образом, в самой неожиданной связи. В январском номере научного журнала «Американская древность» за 1966 год один известный исследователь из Калифорнийского университета указал, что камышовые лодки древнего Перу похожи на папирусные лодки древнего Египта. Причем лодки не единственная черта, позволяющая говорить о поразительном сходстве этих двух культур. В статье приводился список шестидесяти очень специфических черт, не имеющих широкого мирового распространения, но одинаково характерных для древнейших культур Восточного Средиземноморья (включая Месопотамию и Египет), с одной стороны, и доколумбовых культур Перу – с другой. Камышовая лодка была лишь одним из шестидесяти перечисленных элементов.

Обычно, когда в культуре далеких друг от друга обособленных районов обнаруживают одну или две однотипных черты, наука называет это случайностью, ведь люди во всех концах света настолько схожи, что вполне естественно, если какие-то их изобретения совпадут. Но когда налицо целый набор разнообразнейших совпадений, притом настолько специфичных, что этот комплекс встречается только в двух определенных районах земного шара, опасно совсем исключать возможность контакта между этими двумя центрами культуры. Список шестидесяти специфических параллелей в журнале был как раз таким случаем, сигналом, призывающим к осторожности.

Статья в «Американской древности» поразила не только меня. И не только потому, что перечень элементов выглядел внушительно и давал пищу для размышлений. Больше всего удивляло, что его составил изоляционист. Автор статьи прослыл одним из самых рьяных поборников гипотезы о полной изоляции Америки до Колумба, полагающих, что люди могли попасть в Новый Свет только по льду на севере. И он вдруг публикует перечень, которому позавидовал бы Перси Смит и вся его старая школа диффузионистов. Шестидесят специфических культурных параллелей между древним Перу и Египтом.

Напрашивался вывод. И автор статьи делал его. Дескать, Египет лежит в Восточной Африке, а Перу – на западе Южной Америки, их разделяют два материка и Атлантический океан. Два народа, которые делали лодки из камыша, не могли сообщаться через океан, из чего следует, что шестидесят культурных параллелей должны были возникнуть независимо, из чисто практических соображений они не могли явиться следствием морских плаваний человека. Мораль: уважаемые диффузионисты, верящие, что Америка получала импульсы извне до 1492 года, прекратите поиски параллелей, ибо сим доказано, что эти параллели ничего не доказывают.

Научные противники изоляционистов, то есть диффузионисты, возмутились. Их коробило от такой логики. Они были твердо убеждены, что Центральная Америка и Перу еще в древности восприняли импульсы через океан. Но через какой именно? И на каких лодках? Волны дискуссии продолжали бушевать. Вопрос оставался открытым.

В том же 1966 году устроители XXXVII Международного конгресса американистов решили свести для научного единоборства представителей обоих спорящих лагерей. Каждые два года съезжаются специалисты по древней истории Америки; очередной конгресс должен был собраться в Аргентине, и меня попросили организовать симпозиум по вопросу: были или не были контакты через океан с Америкой до Колумба?

Двери аудитории закрываются, симпозиум открывается. Составитель перечня шестидесяти параллелей приглашен, но не явился. Диффузионисты, считающие, что контакт

был, представлены докладчиками с трех континентов. Изоляционисты тоже хорошо представлены, но только среди слушателей. У них такая тактика: сначала выслушать противника, потом сокрушать его аргументы. Они предпочитают оборону, мудро предоставляя собирать доказательства тем, кто считает, что люди достигли Америки морским путем до Колумба. У диффузионистов никогда не было недостатка в аргументах, но доказательства отсутствовали. Значит, заключали изоляционисты, океан не был преодолен.

Одним из яблок раздора были исландские королевские саги, сказания викингов, подробно записанные их историками задолго до рождения Колумба. Никто не отрицал, что норвежские викинги заселили сперва Исландию, потом все юго-западное побережье Гренландии. К тому времени, когда Колумб поднял паруса, они жили там постоянно 500 лет. Это подтверждают многочисленные могилы и развалины хуторов, шестнадцати церквей, двух монастырей и усадьбы епископа, который поддерживал связь с папой римским, используя регулярное морское сообщение с Норвегией. Колония платила дань норвежскому королю.

Путь от Норвегии до поселений викингов в Гренландии через Северную Атлантику равен пути от Африки до Бразилии через Южную Атлантику. От Гренландии оставалось совсем немного до американского материка. Изоляционисты говорили, что этот последний отрезок не удалось одолеть.

Он был преодолен, утверждали древние саги. Бьярне Херюльфссон первым пересек пролив на своей ладье, пересек нечаянно, сбившись с курса в тумане. Однако он не стал причаливать к неведомым берегам, а повернул назад, в Гренландию. Вскоре его корабль купил Лейв Эйрикссон, сын Эйрика Рыжего, того самого, который открыл Гренландию. Около 1002 года Лейв с командой из тридцати пяти человек вышел из Гренландии на юго-запад. Отряд Лейва первым высадился на берег новой земли, названной ими Винландом, построил там дома, перезимовал и только потом вернулся в Гренландию. На следующий год брат Лейва, Турвалд Эйрикссон, пересек пролив и поселился со своими людьми в домах, оставленных Лейвом. Через два года, исследуя лесистые берега, он был убит стрелой в схватке с коренными жителями. Тридцать дружинников похоронили его в Винланде и ушли домой, в Гренландию. Затем в Винланд на двух кораблях отправился Турфинн Карлсэвне вместе со своей женой Гюдрид и многочисленной командой. С ними была дочь Эйрика Рыжего, Фрейдис; на этот раз норманны взяли с собой скот, намереваясь прочно обосноваться в новом краю. Гюдрид родила в Винланде сына – Снорре. Однако участвовавшие нападения многочисленных отрядов «скрелингов» (индейцев) в конце концов вынудили поселенцев уйти. Понеся большие потери, они бросили свои усадьбы и вернулись кто в Гренландию, кто в Европу.

Рукописные саги изобилуют реалистичными деталями. Берега и пути кораблей описаны так подробно, что нельзя сомневаться: да, викинги открыли Винланд и пытались обжить новую страну в первые десять-пятнадцать лет после 1000 года.

Но где находился Винланд? Докажите, что Винланд – это Америка, твердили изоляционисты много лет. И вот – сенсация: XXXVII Конгресс американистов получил доказательства.

Место, где викинги около 1000 года высадились на берег и построили свои дома, – Ланс-о-Мидоуз на северной оконечности Ньюфаундленда. Здесь до наших дней под дерном сохранились следы типичного норманнского жилья. Остатки древесного угля позволили произвести радиоуглеродную датировку с десятикратной проверкой. Она показала, что дома появились как раз в то время, о котором говорится в сагах.

Индейцы не знали до Колумба железа, а здесь нашли остатки железных гвоздей, нашли болотную руду в примитивной кузнице. Северные индейцы не знали ткачества, а тут лежало под дерном типично норманнское пряслице из стеатита.

Открыл все это известный норвежский специалист по Гренландии, историк Хельге Ингстад. Он отыскал заветное место, тщательно изучив древние исландские записи. А раскопками руководила его жена, археолог Анна Стина Ингстад; ей помогали видные

американские археологи. Против фактов нечего было возразить. Викинги побывали на Ньюфаундленде. Они первыми дошли до Америки через Атлантический океан.

Но, говорили изоляционисты, викинги пришли и ушли, не оставив никакого следа, кроме обросших травой земляных валов. Их посещение никак не повлияло на ход истории, индейцы прогнали норманнов и зажили по-старому. Согласно сагам, они успели получить от викингов лишь несколько кусков красной материи раньше, чем кровавые схватки положили конец всякой меновой торговле.

Да, норманны не осели прочно в Америке. И все-таки на севере человек достиг Нового Света и с востока, и с запада до того, как Колумб прошел через океан в тропических широтах.

В Южной Атлантике изоляционисты взяли верх. Здесь развернулась главная баталия. Никто не мог предъявить осязаемых доказательств того, что мореплаватели достигали Мексики до испанцев. К письменным источникам коренных жителей Мексики относились еще более пренебрежительно, чем к сагам викингов. Их сказания о доколумбовых пришельцах – белых бородатых людях – нельзя было подтвердить. И штурм диффузионистов был отбит так же легко, как прежде. Культурные параллели на востоке и западе были для их противников пустым звуком. Поединок закончился тем, что изоляционисты сохранили прочные позиции. И ведь у них был важный аргумент, с которым нельзя было не соглашаться: если народ древней культуры с мореходным опытом пересек океан и научил индейцев писать на бумаге и строить дома из кирпича, он должен был также научить их строить суда. Невозможно, чтобы люди, умеющие воздвигать пирамиды, одолели океан, не умея строить кораблей. Египтяне за 2700 лет до нашей эры уже строили настоящие деревянные корабли с полым корпусом, палубным настилом и каютами из строганных досок, а индейцы до этого так и не додумались. Во всем Новом Свете до Колумба делали только камышовые лодки, плоты, долбленки да каноэ из кожи. Против этого факта нечего было возразить. Настоящее судостроение возникло в Новом Свете только с появлением Колумба и его товарищей.

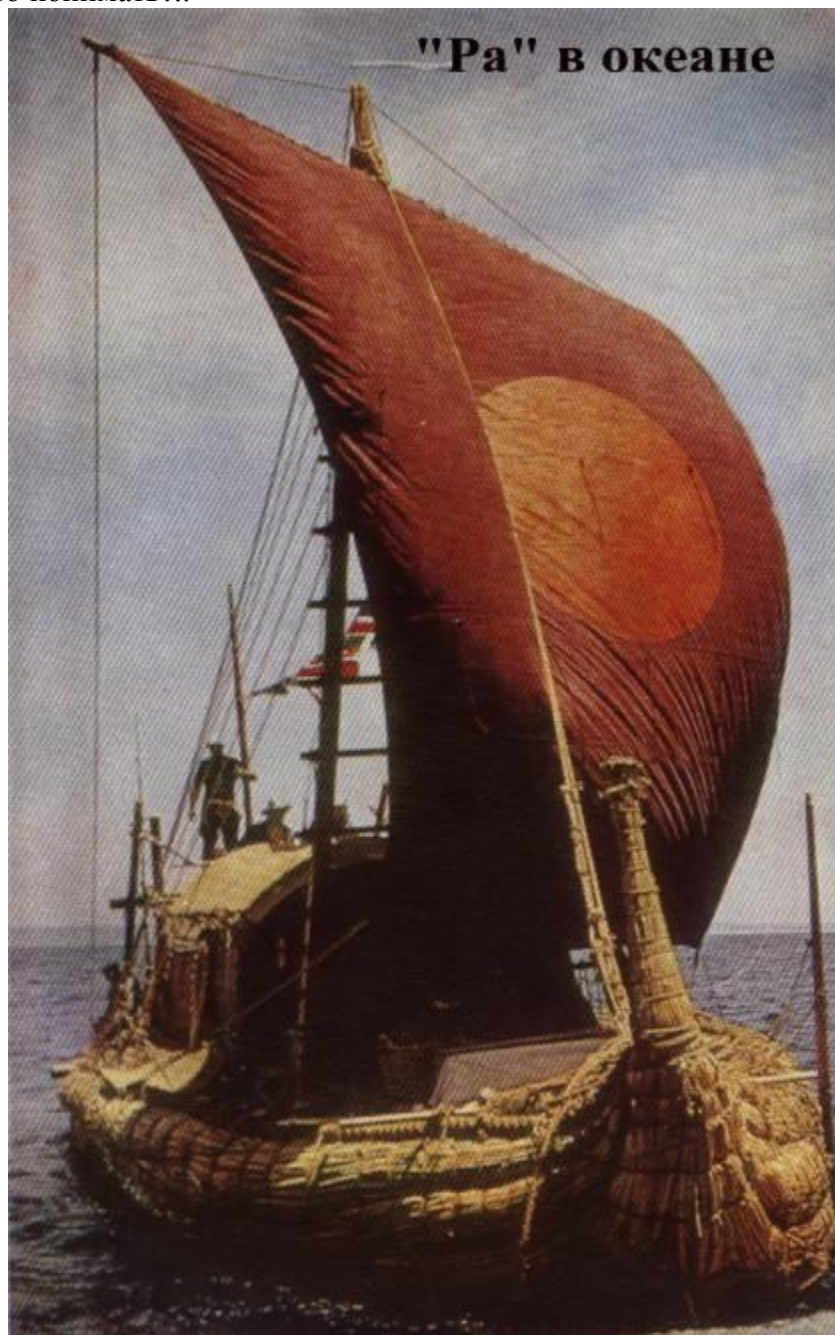
Камышовые лодки, плоты, долбленки. Опять они... Бальсовый плот вполне мореходен, но на нем можно было плыть только из Америки, а не в нее, потому что до прихода испанцев бальса не росла в других частях света. Зато камыш, осока, тростник росли повсюду. И уж, конечно, на Ниле и в Малой Азии.

– Ивон, – сказал я жене, – надо будет отправиться в Анды, еще раз посмотреть на американские камышовые лодки.

Мы пригласили с собой супругов Ингстад: пусть убедятся, что не одни викинги умели строить изящные суда. Не успел закрыться конгресс, как мы вылетели в Ла-Пас в Боливии и на следующий день уже были на берегу Титикаки, небесно-голубого озера на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря, вокруг которого еще на две с лишним тысячи метров вздымаются вверх снежные пики. На прилегающем к озеру плато лежали развалины Тиауанако, культурного центра и самой могущественной столицы Южной Америки доинкской поры: пирамида Акапана, мегалитические стены, огромные каменные статуи неведомых священных правителей. А на озере, маневрируя на сильном ветру, ходили лодки рыбаков из племени аймара. Издали виден лишь наполненный ветром парус, на большинстве лодок – из ветхой парусины, но кое-кто, оставшись верным старой традиции, поднял на двуногой мачте большую циновку из золотистого камыша тотора. Три лодки шли полным ходом прямо на нас, вот уже видно индейцев в полосатых остроконечных шапочках, и можно рассмотреть конструкцию лодки. Изумительно. Мастерская работа. Каждая камышинка уложена предельно тщательно, симметрия безупречная, изящные, плавные обводы; сигары из камыша связаны настолько туго, что больше похожи на надутые воздухом понтоны или позолоченные бревна, у которых оба конца заострены и загнуты вверх, будто носок деревянного башмака. Стремительно рассекая воду, лодки вошли в просвет в камышах и с ходу врезались в илистое дно. Причалив таким способом, индейцы вброд дошли до берега со своим уловом.

Лодки этого своеобразного типа и в наши дни вяжут тысячами во всех концах огромного внутреннего моря. Точно так же они выглядели 400 лет назад, когда сюда пришли испанцы и обнаружили заброшенные развалины Тиауанако, увидели сориентированную по Солнцу пирамиду и каменных истуканов, созданных, по словам индейцев аймара, на заре времен народом виракоча, белокожими бородатыми людьми под предводительством Кон-Тики-Виракочи, солнечного наместника на земле. Сперва виракоча поселились на острове Солнца. Предание сообщает, что они связали первые камышовые лодки. Легенда, записанная испанцами четыре века назад, по-прежнему жива среди индейцев озера Титикака. Сколько раз меня тут величали «виракоча» – так аймара здесь по сей день называют белых.

Как же все это понимать?..

Вот они снова передо мной – огромные глыбы весом от пятидесяти до ста тонн, обтесанные и пригнанные друг к другу с точностью до долей миллиметра. И изящные, как произведение искусства, лодки из камыша бороздят озеро сегодня, как они его бороздили в ту далекую пору, когда на таких же судах возили с той стороны камень из потухшего вулкана Капиа для пирамиды Акапана. Нет никаких причин сомневаться, что современная

наука права, допуская связь между этой погибшей культурой и другими центрами древних американских культур, следы которых протянулись цепочкой через глухие дебри от Мексики до перуанского нагорья. До того как гигантские доинкские сооружения Тиауанако превратились в развалины, здесь была столица одной из самых могущественных империй мира, чье влияние распространялось на всю территорию нынешнего Перу и на прилегающие части Эквадора, Боливии, Чили, Бразилии и Аргентины. Приморская полоса длиной не меньше двух тысяч трехсот километров испытала влияние искусства и религии, исходящее из имперской столицы на берегу горного озера; и все эти тысячи километров тогда, как и теперь, омывались могучим океанским течением, которое доставило плот «Кон-Тики» прямо в Полинезию. Черепки керамики, характерной для приморской культуры Тиауанако, найдены на Галапагосских островах, в тысяче километров от материка, а древнейшие статуи, найденные археологами в почве острова Пасхи, очень схожи с тиауанакскими образцами. То же можно сказать о камышовых лодках. Не приходится сомневаться, что культура острова Пасхи – только ветвь, возможно последняя, верхняя ветвь могучего дерева. Но где его корень? Здесь, в Америке? Или по ту сторону Атлантики? Кто прав, изоляционисты или диффузионисты? На конгрессе их голоса прозвучали одинаково неубедительно. Как руководитель симпозиума, я занял нейтральную позицию. Хотя в одном был совершенно уверен: и те и другие недооценивали тиауанакскую лодку. Не так уж плоха камышовая лодка, если жива по сей день, после четырехвекового контакта с европейской культурой.

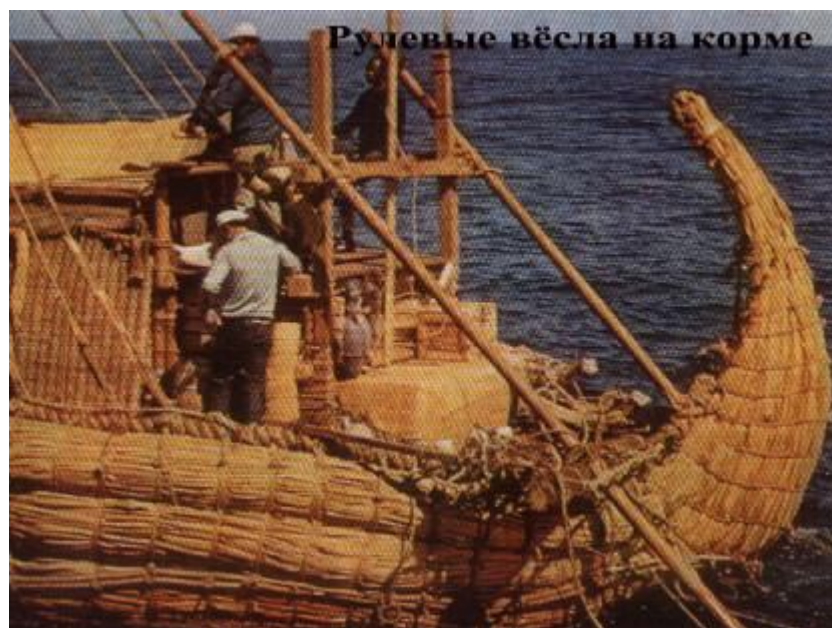
Ладно, деревянные корабли знали только по одну сторону Атлантического океана. Но суда из стеблей водных растений вязали и там и тут – это же одна из шестидесяти черт сходства. Искусство строить такие лодки исстари было известно в Египте и Перу. Только в этих двух странах? Нет. Здесь мне виделся маленький изъян в рассуждениях исследователей: камышовые лодки не были таким обособленным явлением, как остальные пятьдесят девять сходных элементов культуры в перечне. Почти никто не изучал их распространение в прошлом. Но кое-какие сведения я все же нашел. В частности, лодками из камыша и папируса пользовались в Месопотамии, на островах Средиземного моря, на атлантическом побережье Марокко южнее Гибралтара и в древней Мексике. А путь от Марокко до Мексики уже не выглядел таким непреодолимым и нелепым, как расстояние между крайними точками – Египтом и Перу.

И я решил построить лодку из папируса.

Глава 3

К индейцам кактусового леса.

Мексика

Море. Кактусы. Клочок моря в просвете между колючими исполинами. Сказочный мир. Стою, словно лилипутик, и, задрав голову, рассматриваю макушки зеленых великанов. То словно органные трубы, то многорукие подсвечники возвышаются над царством раскормленных толстяков и дородных верзил. А ведь почва у меня под ногами – всего лишь сухая корка спекшегося, бесплодного песка. Ни травы, ни цветов, если не считать красные и желтые соцветия между шипами на могучих мускулах зеленых богатырей. Планета кактусов... У ног великанов стояли, лежали, извивались колючие шары, колбасы, коленчатые валы. В лучах вечернего солнца они напоминали то балансирующие друг на друге тарелки и вилки эквилибриста, то ошестинившиеся гвоздями старые подметки, то куски колючей проволоки, то извивающиеся кошачьи хвосты. Лес был безмолвен и недвижим. Не шуршали даже листья на единичных экземплярах узловатого железного дерева, которые изгибались и так и смяк, спасаясь от вездесущих шипов.

Пустынный заяц беззвучно выскочил из густых теней на солнце, посидел, подняв торчком длинные уши, поглядел в одну, в другую сторону и поспешил дальше. Крохотный полосатый бурундучок стремглав пересек его путь, вдруг замер на месте, подняв кверху хвостик, и тут же засеменил прочь через заколдованный лес, – будто косматый мячик покатился. На самой высокой ветке зеленого тройного канделябра, вознесенный над всем светом, сидел орел. Он сидел неподвижно, пока я не подошел вплотную к стволу, и только тогда тихо расправил крылья и поплыл над волшебным лесом. Казалось, не орел скользит по воздуху – я вместе с кактусами ухожу назад, а он теряется вдаль, пригвожденный к небосводу. И тишина кругом, лишь мои подошвы хрустят, давя песчаную корку и проваливаясь в потайные норки земляных крыс, змей и прочих тварей пустыни. Только что в этом царстве безмолвия мой слух уловил другой звук, совсем негромкий, однако не менее впечатляющий, чем грозное рыканье льва. Слово кто-то тряхнул коробку со спичками. Зловещий сигнал тревоги на универсальном языке самой природы. Услышав его, даже тот, кто никогда не видел гремучей змеи, живо отскочит в сторону. С трепещущим в воздухе языком и сверкающими глазами змея приготовилась к атаке и покачивала поднятым вверх хвостом. Сухие, будто сделанные из светлого пластика кольца трещотки сердито подрагивали. Я лихорадочно искал взглядом палку или хотя бы ветку, чтобы расправиться с гадиной. Но кругом стояли одни кактусы, а их колючие мясистые побеги ломались, как огурец, когда я пытался ими пришибить извивающуюся гадину. Я основательно наплясался, прежде чем нашел твердый высохший стебель и смог оглушить змею. Не давая ей очнуться, я довел расправу до конца, и только хвост гремучей змеи продолжал судорожно вздрагивать.

В этом краю кактусов мы очутились в поисках лодочных мастеров. Хоть бы одно настоящее дерево, чтобы с него можно было высмотреть дорогу! Мой мексиканский друг

Рамон Браво ушел куда-то налево искать скалу для обзора, а его жена Анжелика и наш друг Герман Карраско остались ждать в джипе, там, где мы – в который раз! – потеряли колею. Мне посчастливилось: я наконец-то увидел море. Место приметное, рядом со мной высился этакий живой монумент – кактус в виде трезубца Нептуна, толстенный, хоть прячься за него. Это на нем сидел орел. Ему сверху, наверно, были видны и берег, и в другой стороне – иссеченные рыжие скалы, вдоль которых мы тряслись на нашей машине, пока поминутно разветвляющаяся колея не затерялась совсем в кактусовом лесу. А я видел только серебристые блики солнца на водной глади да голубеющие вдаль горы за заливом. Вполне достаточно, чтобы наметить курс. И мы покатали дальше по заколдованному лесу, спеша достичь цели до захода солнца.

Неожиданно кактусы расступились, сменившись низким вечнозеленым кустарником, и нашему взору предстало море и открытый девственный пляж с бахромой тихо плещущихся волн. Пять черных китовых спин, стремительно рассекая воду, шли прямо на нас. В последнюю секунду они нырнули, зато в воздух взмыл целый каскад мелкой рыбешки, и с минуту вода у берега буквально кипела, пока серебристая мелюзга не рассеялась.

Нас окружала нетронутая природа. Впереди – Калифорнийский залив, сзади и по бокам – Сонорская пустыня.

Волнистая голубая полоска гор по ту сторону залива обозначала протянувшийся на тысячу с лишним километров полуостров Нижняя Калифорния. На нашем берегу, сколько хватало глаз, не было видно ни построек, ни еще каких-либо следов человека, и мы вернулись в кактусовый лес. Поищем севернее...

Наконец в ту самую минуту, когда солнце укрылось за горами на западе и на море легла черная тень, нашим глазам предстала индейская деревушка. Архитектурный стиль, который утвердился здесь, когда последние представители некогда могущественного племени сери приобщились к европейской культуре, никак нельзя было назвать романтическим. Человек шестьдесят, примерно десяток семей, обосновались на голом песчаном мысу Пунта-Хуэка, украсив его соответственным количеством лачуг из железа и толя. Размеры жилья только-только позволяли лечь навтыжку на песчаном полу. Строительный материал, как и горы битого стекла и жестяных банок за лачугами, позволяли судить, что получают индейцы за черепах, которых ловят живьем и держат в садке на берегу.

Наше появление никого особенно не взволновало. Большинство продолжало заниматься своими делами: одни сидели, переговариваясь, другие прогуливались между лачугами в нарядах из ярких лент, самодельных брошей и покупных, по-цыгански пестрых тканей, скомпонованных на индейский лад. У мужчин до самого крестца свисали черные косицы. Лица женщин были симметрично расписаны узорами из черточек и точек, сочетающими дикую пикантность и вечную красоту. Так красились в далеком прошлом, а теперь этот грим, похоже, может стать ультрасовременной модой.

Миловидная женщина в длинном платье сидела в окружении своих подруг; они растирали в чашечках естественные краски, а одна вооружилась обыкновенной губной помадой, которая очень подходила для того, чтобы рисовать черточки на подбородке. Жену Рамона, восхищенно смотревшую на всю эту процедуру, решительно поманили рукой, усадили на песок и украсили ее лицо таким же узором. К нам подошли два старика в сопровождении гурьбы ребятишек. Они узнали Рамона, тотчас ребятишки сбегали за Чучу, который был переводчиком и проводником Рамона в прошлый раз, когда тот приезжал сюда снимать тюленей и прочих животных в заливе. Чучу явился со всей семьей, и радости не было конца.

Рамон привез друга, который хочет посмотреть на их камышовые лодки? Но никто из племени сери больше не вяжет *аскам*. Где лодка, которую Рамон видел два года назад? Эта как раз была последняя. В соседней деревне теперь тоже нет *аскам*, власти выделили на каждую деревню по деревянной лодке с подвесным мотором. Какой-то голый карапуз, внимательно слушавший наш разговор, убежал и вернулся с игрушечной моделью торпедного катера из желтого пластика.

Спустилась ночь, нам одолжили несколько картонок, и мы сделали себе из них постель на полу сарая, где хранились рыболовные снасти. Ворочаясь на жестком ложе, я слышал монотонные голоса индейцев, они всю ночь о чем-то толковали у своих костров и легли спать лишь под утро, за час до того, как мы поднялись.

Еще не зарделись на солнце макушки кактусов, а наша четверка уже сидела в кольце индейцев, глядя на тихий залив. Никто не произносил ни слова. Все только смотрели. Наконец Чучу неторопливо встал, спустился к воде и забросил небольшую сеть. В две закидки он прямо у берега поймал четыре крупных рыбы. Два мальчугана с острогами в одно мгновение удвоили улов. Завтрак обеспечен. Остальные продолжали сидеть. Других событий в этот день явно не предвиделось.

– Вы не сделаете для меня *аскам* ? – осторожно спросил я.

– Мучо травахо («Много работы»), – последовал дружный ответ.

Их знание испанского явно исчерпывалось этими словами, дальше требовался переводчик. Чучу пришел на помощь.

– Я заплачу, – пообещал я. – Получите товары или песо.

– Мучо травахо, – повторили они.

Я надбавил цену. Индейцы промолчали. Надбавил еще.

– Далеко идти за камышом, – нерешительно сказал Чучу.

– Мы пойдем с вами, – я встал.

Четверо индейцев согласились отправиться за камышом: Чучу, двое из его братьев и сын одного из них. Только старший брат, Каитано, знал, где растет камыш: на озере. На Исла-Тибурон, Акульем острове, вон он в лучах восходящего солнца, по ту сторону залива.

Пригодился подвесной мотор, предоставленный властями. И вот мы уже идем к горизонту, рассекая мелкую волну. Я недоумевал: неужели ближе нет камыша?

– Это камыш пресноводный, – объяснил Каитано. – Он на здешнем берегу не может расти. Надо добираться до озера.

Впереди из воды выросли крутые пики Исла-Тибурон. Остров изрядный, площадь больше тысячи квадратных километров, его даже на карте мира видно. Мы причалили к белому песчаному пляжу, дальше до розовеющих гор простиралась ровная полоса земли с кустарником и единичными кактусами-великанами. На берегу, глядя на нас, неподвижно стоял олень-беррендо с горделиво поднятой головой, увенчанной великолепными рогами. Скорей камеру сюда, только без шума, чтобы увековечить его, пока он не обратился в бегство! Олень продолжал стоять недвижимо. Мы подкрались ближе. Еще ближе. Я шел первым, держась в кадре. Только бы не спугнуть... В эту минуту олень тронулся с места. Гордо, решительно он пошел вперед, нагнул шею и легонько уперся мне головой в живот, просунув рога у меня под мышками. Я попробовал его оттолкнуть, чтобы можно было снять путные кадры. Куда там, олень хотел сниматься именно так, и сколько я его ни толкал, как ни силился прекратить этот унизительный спектакль, все напрасно, ласковый олень то отступал, то снова напирал, ни на секунду не отпуская меня, но и не причиняя мне боли. Дурацкое положение, неожиданный оборот нашей киноохоты. И лишь когда я почесал оленя за ухом, он от удивления отнял голову и воззрился на меня огромными глазами. Воспользовавшись случаем, я шаг за шагом отступил к двуногим, вместе с которыми сошел на берег.

Мы вытащили лодку на песок подальше от воды и зашагали по равнине. Где же озеро в рамке из камыша? Увы, кругом был только песок с лабиринтом из вечнозеленого кустарника и кактусов. Никакого намека на тропу. Одни лишь олени, зайцы, ящерицы, змеи и всякие мелкие твари оставили свой след. Акулий остров необитаем с той поры, как индейцев сери принудительно переселили на материк.

Каитано еще помнил, как это было.

Мы шли, шли... Направо, налево, прямо, отыскивая проходы в зарослях, курсом на горы.

– Где же озеро? – спрашивал то один, то другой из нас.

– Вон там, – показывал носом Каитано. Мы продолжали шагать дальше. Море осталось где-то далеко позади. Зато горы подступали все ближе. Вот и подножие. Полдень, солнце печет макушку, а у нас ни воды, ни продуктов.

– Ну где озеро, пить хочется, – пробурчал Герман.

– Вон там, – Каитано показал носом вверх.

Мы начали карабкаться по заполненному каменной осыпью кулуару в рыжевatom склоне. Внизу нам встречались одни зайцы да ящерицы, здесь же мы то и дело спугивали баранов и оленей, которые явно не были нам рады в отличие от чудака на пляже. Несколько раз мне попались черепки от индейских кувшинов. Не иначе, тут споткнулся кто-то из ходивших по воду.

Выше, выше... Даже не верилось, что на сухой-пресухой горе, где растет один кактус, может быть озеро.

Вдруг Каитано остановился и показал вперед, теперь уже рукой. Мы стояли на скатившихся сверху глыбах, перед нами простиралась заваленная камнем выемка, а на противоположном склоне расщелина в красной породе вела в котлован, где в лучах солнца выделялось зеленое пятно, которое сочностью и яркостью тона превосходило все кактусы и прочие растения засушливой прибрежной полосы. Камыш!

Усталые, мучимые жаждой, мы прибавили шагу. Море синело далеко внизу, и мы мечтали поскорее нырнуть в озеро и вдоволь напиться. Я заметил искусственную кладку на двух-трех карнизах – это поработали люди. Добравшись до зеленой чащи, Каитано начал прорубать себе путь секачом, и вскоре его смуглая спина с черной косичкой пропала в высоком, выше человеческого роста, камыше.

– Где озеро? – спросил я, догнав его.

В густых зарослях было видно не дальше вытянутой руки. Каитано стоял, глядя себе под ноги. Он показал носом вниз, на черный влажный перегной. Мы подтолкнули его, спеша поскорее выйти к озеру. Каитано нехотя пригнулся и нырнул в темный туннель, проложенный в чаще животными, которые ходили здесь на водопой. Туннель заканчивался полостью, достаточно большой, чтобы вместить почти всех нас. Чувствовалась близость воды. Мшистые камни были словно холодные губки, а между ними, в ямке шириной с умывальный таз, поблескивала лужица, затянутая зеленой ряской. Я уже хотел присесть в лужицу, чтобы немного освежиться, но меня вдруг осенила догадка... Кажется, лучше не мутить эту воду!

– Где озеро? – спросил я.

– Здесь, – сказал Каитано, показывая на лужу. Мы промолчали. Все мы вдруг ощутили страшную жажду теперь, когда обещанное озеро вдруг растаяло, как мираж. Осторожно выловив ряску, набрали горстью воды – только-только всем смочить горло. Оставшейся мутной жижей смазали воспаленную кожу, потом погрузили ноги в ил, чтобы использовать всю влагу до последней капли.

Что ни говори, здесь, в тени, было на диво свежо и приятно, и жизнь сразу стала восхитительной. Наибольшую радость доставляют сильные контрасты: капелька ила и клочок тени после перехода по пескам подарили нам больше блаженства, чем обед с шампанским после поездки на трамвае.

Индейцы поглядывали, шурясь, на солнечный диск, который едва просвечивал сквозь плотный полог стеблей над нами. Они думали о долгом пути домой, и двое из них, отойдя от лужи, начали срезать своими секачами самые длинные стебли. Тем временем мы прилегли на траву отдохнуть.

Поучительный поход! Ведь я, подобно другим ученым, думал, что для индейцев сери было естественно строить лодки из камыша. Считал, что в Сонорской пустыне не хватало древесины, зато камыша в приморье видимо-невидимо. А выходит совсем другое. Индейцы сери делали такие лодки вовсе не потому, что камыш был у них под рукой. Вон куда им пришлось забираться, на гору на далеком острове, чтобы по берегам родника высадить растение, стебли которого служили материалом для лодок. Видно, строительство

камышовых лодок было в племени давней традицией, собственной или заимствованной извне. Без этого зачем им ходить сюда за камышом, они вполне могли делать каркасы для лодок из веток железного дерева и обтягивать их кожей. Тюленьи шкуры превосходный материал для лодки, а на южном, скалистом берегу Акульего острова тюленей видимо-невидимо. Кто-то другой, пришедший из области, где было много камыша, надоумил индейцев сери строить камышовые лодки. Кто?

Мы пошли вниз; четверо индейцев – впереди, каждый с кипой камыша на плече, за ними остальные, неся штативы и киноаппаратуру. Спускаясь по каменистому склону, я то и дело замечал оброненные индейцами стебли. Внизу наши проводники разбрелись, а затем мы почему-то оказались впереди. Чтобы не заблудиться, я отыскал наши старые следы и зашагал по ним, выписывая зигзаги. Индейцы упорно шли сзади, ссылаясь на тяжелую ношу, хотя мне показалось, что охапки уже стали меньше...

День подошел к концу, когда мы отыскивали лодку. Зная, что после захода солнца увидим костры на Пунта-Хуэка, мы терпеливо ждали четверку индейцев. А вот и они тихонько вышли на берег. Последним, смущенно улыбаясь, брел Чучу, неся на плече 3 (три) стебля камыша. Остальные ничего не несли.

– Мучо травахо, – пробормотал один из индейцев. Другой одобрительно кивнул и вытер лицо косичкой. Чучу осторожно положил в лодку свои три стебля. Каитано, четвертый индеец, уже сидел в лодке и ждал, когда его повезут домой.

Мои мексиканские друзья были страшно огорчены и откровенно возмущались. Три стебля – итог целого дня голодного странствия по безводному острову. Мы-то рассчитывали найти камыш на самом берегу. Но я отчасти был даже доволен. Из трех камышинок не свяжешь лодки, зато они рассказали мне кое-что поважней. Я узнал, что не в Сонорской пустыне надо искать родину камышовых лодок.

Старики обрушили град насмешек на Чучу и его помощников, когда он сбросил свой груз на землю около лачуги. Особенно негодовала одна голосистая древняя бабуса. Отведя душу, она доковыляла до своей лачуги и что-то крикнула, стоя лицом к двери. Через минуту на пороге показался дряхлый слепец в синих очках. Подчиняясь властной супруге, он нехотя вышел, разогнул спину, и мы поняли, что некогда это был статный богатырь с красивым лицом. Индейцы сери выделяются среди других племен Мексики; после первой встречи с жителями Акульего острова испанцы описывали их как великанов.

Старик со старухой зашли за лачугу – здесь, на куче мусора, лежала камышовая лодка! Похожие на бамбук тонкие стебли посерели от старости, от них осталась почти одна труха, веревки сгнили, но лодка еще сохраняла свою форму. Мы помогли отнести ее к двери: старик решил показать, что настоящий сын племени сери умеет вязать *аскам*. Нам объяснили, что этот ветеран – бывший вождь племени.

На другой день он на рассвете приступил к работе, вооружившись веревкой собственного изготовления и длинной деревянной иглой, отполированной долгим употреблением. Этой иглой слепец ощупью сшил свою лодку заново, придав изящный изгиб поникшему носу. Это ли не удача – мусорная куча подарила нам то самое, ради чего мы сюда добирались.

Последнюю камышовую лодку племени сери, – а то и всей Мексики, – отнесли к заливу. Каитано с сыном, захватив весла и деревянное копье с веревкой, вскочили на нее и уселись поудобнее. Оба умели обращаться с веслами, и смуглые спины с черными косицами быстро исчезли вдали. Когда длинная, узкая лодка вернулась, между гребцами лежала, размахивая лапами, здоровенная морская черепаха. Сухой, прелый камыш пропитался водой, и мелкие волны захлестывали лодку, но она продолжала держаться на поверхности.

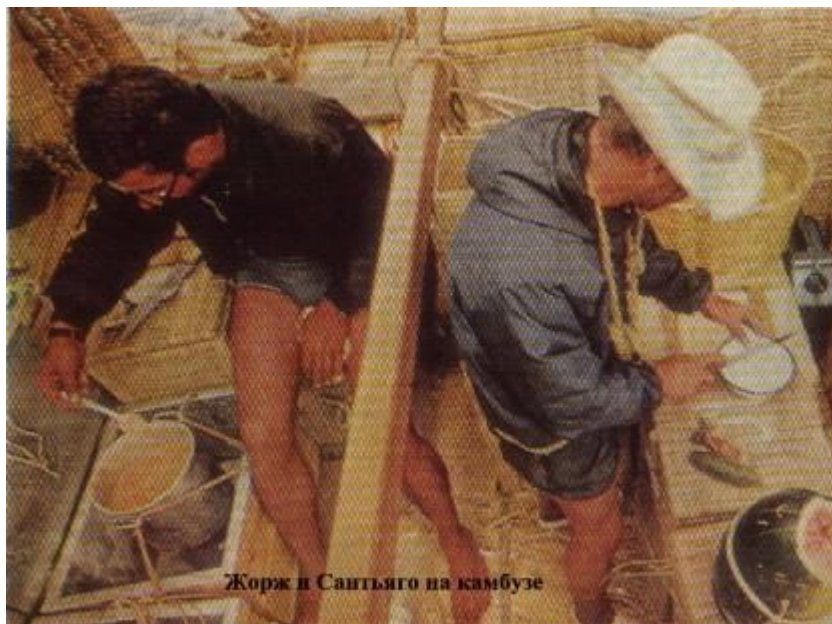
Итак, Мексика. Кто научил индейцев сери специфическому искусству вязать камышовые лодки? Кто-то из их многочисленных соседей. Некогда такие лодки окружали их со всех сторон, от инкской империи на юге до Калифорнии на севере, они были даже на озерах самой Мексики. Еще в начале прошлого века французский художник Л. Шори зарисовал трех индейцев с веслами на камышовой лодке у лесистого берега в гавани Сан-

Франциско. Лодки из камыша были известны в восьми штатах Мексики.

С грустью я смотрел, как улов Каитано отнесли в черепаший садок, а последнюю *аскам* индейцев сери отправили на свалку за лачугой бывшего вождя. Там она и осталась, знаменуя конец последней главы в ненаписанной книге о безвозвратно забытой истории камышовых лодок Средней Америки.

Глава 4

Среди бедуинов и будума в сердце Африки. В республику Чад за лодочными мастерами

Жорж и Сантьяго на камбузе

Африка... У какого еще материка такое живописное имя! Слышишь его, и сразу представляется край: зеленая стена тропического леса, огромные листья, они раздвигаются, и в кадр входит караван, статные африканцы с ношей на голове. Плавными скачками пересекают экран жирафы и павианы. Рокочут тамтамы. Рыкают львы. Я никогда не бывал в глубине Африки, видел ее как бы через иллюминатор, сидя в темном зале кино, да засушенной между переплетами книг.

И вот я сам очутился в Африке. В сердце Центральной Африки. Маленький номер гостиницы в Форт-Лами – столице республики Чад. Предельно далеко от океана. Этаким парадокс, ведь мой приезд сюда – первый этап в подготовке задуманного мной плавания через Атлантику на лодке древнего типа. А какая здесь вода, только тихая река. Вон она, из окна видно. Зеленые берега, красная глина отмелей, бурый поток. Солнце играло свои цветовые гаммы. Мокрые рыбаки с черно-лаковой кожей тянули сеть, стоя по колено в воде; ловушки для рыбы были сделаны из воткнуемых в дно тонких пластин бамбука.

Накануне я видел на отмели выше по течению семерку ленивых бегемотов. Здесь, около столицы, они охраняются законом. Крокодилы почти истреблены, так как их кожа шла на экспорт. Вот уже полгода, с конца дождевого сезона, не выпадало дождей, и река обмелела настолько, что сейчас по ней ходили только плоскодонные долбленки.

Мерно течет на север рожденная в лесах Шари, но ее тихие воды не доходят до океана. Выйдя из необозримых дебрей на юге, река пересекает саванну и полупустыню и вливается у южных рубежей Сахары в обширное озеро Чад. А тут зной такой, что вода испаряется так же быстро, как прибывает. Разные реки впадают в Чад, а стока нет, из озера воде путь один – вверх, к безоблачному голубому небосводу, который жадно впитывает незримые испарения.

Туда-то, на это озеро, я и хотел попасть. Но если найти его на карте легко, то добраться к нему куда труднее. Озеро Чад все равно что голубое сердце Африки, хотя на всех картах

оно выглядит по-разному: то круглое, как тарелка, то кривое, как рыболовный крючок, то изрезанное, будто дубовый лист. Наиболее добросовестные карты обозначают его пунктиром, ведь никто не знает точных очертаний этого изменчивого внутреннего моря. Тысячи плавучих островов беспорядочно дрейфуют по его поверхности, сталкиваются друг с другом, срastaются, причаливают к берегу, образуя полуострова, снова распадаются, и плывут в разные концы, к неведомой цели. Средняя площадь озера – 25 тысяч квадратных километров, но нередко оно усыхает наполовину, ведь вся-то глубина его от одного до пяти, самое большее шести метров. В северной части озеро местами такое мелкое, что обширные участки поросли осокой, вернее, папирусом. Папирусом обросло и большинство островов, участвующих в вечной гонке по озеру.

В республике Чад нет железной дороги. Нет и шоссе, действующего круглый год. Здесь рай для охотников и для тех, кто мечтает увидеть клочок земли, который не был бы зеркалом наших собственных вездесущих будней. В столице есть первоклассные отели, аптеки, бары и современные административные здания, где корпят клерки, большинство с параллельными шрамами на щеках или на лбу – знак племенной принадлежности. Широкие асфальтированные проспекты (по бокам – садики с французскими бунгало колониальной поры, которая кончилась в 1960 году), достигнув арабских домишек предместья, переходят в изрытые колдобинами песчаные улочки, а их в свою очередь сменяют караванные дороги, теряющиеся вдаль между единичными негритянскими хижинами. Когда начинаются дожди, нужен конь или самолет, чтобы попасть в глубинные области. Зато по реке тогда можно дойти на лодках вплоть до торговых факторий по соседству с устьем Шари.

Три дня назад я пролетел над Средиземным морем и Сахарой на французском самолете, который следует на юг Африки, а раз в неделю делает посадку в Форт-Лами. Самолеты доставляют в республику то, чего нельзя везти на верблюдах. Автомашины, экскаваторы, холодильники, бензин, даже омары и свежая говядина для шеф-повара в «Ла Чадиенн» – все прибывает по воздуху.

И мы тоже вышли из самолета – три путника, нагруженные киноаппаратурой и меновыми товарами для африканских лодочных мастеров, с которыми надеялись познакомиться. Меня сопровождали два кинооператора: француз Мишель и итальянец Джанфранко. Мы собирались изучать и снимать, как здесь вяжут лодки. В путевых очерках о Центральной Африке мне попала интересная фотография: несколько африканцев у воды, и рядом своеобразное суденышко такого же типа, как хорошо знакомые мне по Южной Америке и острову Пасхи камышовые лодки. Снимок был сделан на озере Чад, и автор статьи подчеркивал разительное сходство лодки из Африки с лодками, которые с незапамятных времен вяжут индейцы озера Титикака в горах Перу. В Египте древнейший вид африканской лодки давно исчез, здесь же, в сердце материка, он дожил до наших дней.

Из области Верхнего Нила проходит через горы древний караванный путь в Чад, известный также как трансафриканский работоторговый путь. Я знал, что антропологи по ряду признаков связывали некоторые группы жителей Чадской области с обитателями Нильской долины. Чад – африканский тигель, жгучие лучи тропического солнца освещают тут причудливую смесь народов, и только специалист не запутается в местных племенах и языках. Но не надо быть специалистом, чтобы видеть, что Чад образует не только географический, но и этнический переход между песчаными дюнами Сахары на севере и глухими тропическими лесами на юге. Если северную часть страны занимают бедуины и другие арабы, то южная населена негроидами. А встречаются они на центральных равнинах и в столице Форт-Лами, где вместе стараются создать единую нацию из племен, волей случая временно оказавшихся в пределах одной французской колонии.

Освежившись под душем в кондиционированных номерах отеля, мы влезли в раскаленное такси и поехали в Управление туризма. Широкая главная улица кишела машинами, велосипедами, пешеходами. В сплошном потоке африканцев мелькали белые лица французских чиновников и поселенцев, которые решили остаться в Форт-Лами после провозглашения республики.

Начальник Управления туризма был белый. Мы объяснили ему, что хотели бы узнать, как лучше добраться до озера Чад, ведь на карте нет ни железной дороги, ни шоссе. Начальник управления развернул свою красочную карту, разложил на столе снимки львов и всякого зверья и сообщил, что вся эта дичь – в нашем распоряжении за умеренную мзду, правда, для охоты надо выехать на юг, в другую сторону от озера Чад. Мы возразили, что нам нужно озеро, только там мы сможем увидеть папирусные лодки. Начальник сложил карту. Если нас не устраивает то, что он нам предложил, он ничем не может помочь. С этими словами он бесстрастно развернул свое пузо в сторону внутреннего кабинета и ретировался туда. Я вынул из паспорта пестрящее печатями рекомендательное письмо норвежского министра иностранных дел и попросил чернокожего клерка отнести его шефу. Снова в дверях показался начальственный живот, и нас любезно осведомили, что до озера невозможно добраться, пока не поднимется уровень воды в реке. К тому же папирус растет около Бола на северо-восточном берегу, а туда и вовсе можно попасть лишь самолетом. Может быть, я согласен взять напрокат самолет?

Да, согласен, если нет другого выхода.

Начальник управления схватил телефонную трубку. В стране было два одномоторных самолета, и оба стояли в ангаре на ремонте. Имелся еще один пассажирский самолет, двухмоторный, но ему требовалась для посадки 800-метровая дорожка, а посадочная полоса в Боле – всего 600 метров. К тому же, добавил начальник, чтобы снимать, нужно разрешение властей. Да еще в республике в эти дни неспокойно. Арабы в областях на пути к Болу – мусульмане, они не в ладах с возглавляющими правительство христианами. Так что сейчас опасно лететь на север. Чтобы мы не сомневались в его доброжелательности к нам, начальник Управления туризма дал нам машину и водителя: можно объехать Форт-Лами и разузнать у сведущих людей про обстановку у озера.

Мы получили от него адрес веселого плечистого француза с татуировкой на руках, который изучал возможности пополнения запасов рыбы и развития современного промысла на озере Чад. Он рассказал, что к болским зарослям папируса можно добраться только на джипе через пустыню с восточной стороны озера. То же самое сказал врач-француз, он же укротитель зверей и заядлый путешественник. И оба они подтвердили слова начальника Управления туризма о том, что в том краю неспокойно. Выяснилось, что на озере есть большой катер, который объезжает берега, скупая один местный злак, но где этот катер сейчас, неизвестно.

Франция – одна из немногих стран, поддерживающих дипломатические отношения с республикой Чад. Мишель представил нас в посольстве, но посол был новый, приехал всего месяц назад, и никто из его сотрудников не бывал на озере.

Третий день в Форт-Лами, а мы все ходим из конторы в контору, из бунгало в бунгало, знакомимся с любезными людьми, они потчуют нас кофе, холодным пивом или виски и дают адреса других людей, которые, может быть, сумеют нам помочь. И вот круг замкнулся, нас уже снова направляют к начальнику Управления туризма и всем тем, к кому мы обращались в первый день.

Ладно, попробуем сами добраться до Бола на джипе... Власти дали официальное разрешение. В Боле находилась единственная на все озеро радиостанция, и министерство внутренних дел обещало на всякий случай предупредить о нашем визите болского шерифа. Оставалось получить в министерстве информации справку, что нам разрешено снимать. Как и в других ведомствах, главные посты здесь занимали преимущественно местные жители. Прочтя бумагу, которую секретарша написала под диктовку, министр схватился за голову и громко расхохотался.

– Этот человек археолог, ар-хе-о-лог, – он кивнул на меня и вернул ей бумагу. – Исправьте на ар-хе-о-лог, не то мусульмане там отрубят ему голову!

Я осторожно заглянул через плечо курчавой красавицы. Официальный язык в республике – общий для всех здешних племен – французский. И девушка ухитрилась из «археолога» сделать «архиепископа», хотя эти слова не так уж и похожи во французском

языке.

Ошибку исправили, а министр лишний раз пояснил нам, что лучше не впутываться в местные религиозные распри.

Получив надлежащие документы и двух чернокожих шоферов, один из которых, Баба, по его словам, бывал в Боле, мы рано утром, до восхода солнца двинулись в путь. Ехали на двух джипах – мало ли что случится в пустыне, – и эта мера себя вполне оправдала. В первой машине у нас была сплошь желтая карта с красными черточками под названиями Форт-Лами, Массакори, Али-фари, Каир, Нгура, Иссеир, Бол. Первые деревни мы отыскиали без труда. У обочины стояли надежные указатели, а плотно утрамбованный песок позволял развивать больше 100 километров в час; правда, и такая скорость не спасала нас от пыли, облака которой вздымались из-под колес до самых звезд.

На ближайших к столице участках трудились машины и бригады рабочих, они прокладывали настоящее шоссе на твердой основе, чтобы и в дождь можно было проехать.

Километров 200 мы уже отмахали, когда взошло солнце. Дальше дорога с каждым поворотом становилась все уже, и вскоре все следы двадцатого века остались далеко позади.

Как только мы выехали из столицы, городская застройка сменилась круглыми хижинами с соломенной кровлей, по большей части заброшенными, потом пошли соединенные малоезженной колеей и караванными тропами редкие деревни, глинобитные арабские лачуги, где вместе ютились люди, козы, верблюды и ослы. А там и вовсе пошло сплошное безлюдье.

Это началась пустыня. Южная кромка Сахары. Последний виденный нами термометр показывал около 50° в тени. Здесь же на десятки километров вокруг не было ни градусников, ни тени. Позади осталась саванна с веерными пальмами и сухими деревьями, остались настоящие рощицы, где газели, кабаны и обезьяны бросались наутек при виде машины, и разлетались пестрые тропические птицы, и только жирные цесарки нехотя освобождали колею. Теперь кругом лежал песок, будто снег на голом нагорье, плавные складки рельефа были занесены песчаными сугробами, дюнами, и только жидкие кустики тут и там пропороли иссушенную солнцем безбрежную гладь.

Солнце. Оно стояло прямо над нами, высекая блеск из металла. Джип до того накалился, что страшно прикоснуться к дверцам. От зноя слипались ноздри. Мельчайшая вездесущая пыль насытила жаркий воздух пустыни.

Мы поминутно увязали в глубоких дюнах, и тогда один джип тянул другой стальным тросом, а под колеса мы клали горячие листы железа. Моторы не выдержали жары, сначала один забастовал, за ним второй. Но Баба и его приятель были отличные механики, в их руках отвертка и гаечный ключ справлялись с любыми неполадками.

Где песок поплотнее, мы мчались с головокружительной скоростью. Нередко все следы колеи исчезали, и мы описывали большие дуги, пока Баба не заключал, что выбрался опять на верный путь. Так мы натолкнулись на глухую деревушку, не показанную на нашей карте. В глубокой рывтине около первых домиков оба джипа забуксовали, пришлось нам снова вылезать и браться за лопаты.

С разных концов медленно, не торопясь, подходили один за другим закутанные в серое арабы в белых чалмах. Они пристально глядели на нас, и, никому не приходило в голову поздороваться и предложить свою помощь.

Никакой реакции на наши улыбки и приветствия. Ни одной женщины. Суровые мужчины с орлиным взглядом окружили нас плотным кольцом. Кожа темная, как у негроидов, но четкие черты лица, изогнутый нос и тонкие губы выдавали арабов. Трудная жизнь в пустыне наложила свой отпечаток на облик и душу здешних людей. Похоже, милости тут не жди. И телефона нет... Внешний мир был представлен только нашими джипами, которые прочно увязли в песке.

Подложены железные листы. Баба и его приятель сидят за рулем и без толку гоняют моторы, из-под буксующих колес летит песок. Арабы стоят неподвижно, затаились в себе, словно напряженно ждут чего-то. Кажется, лучше не мешкать, самому сделать первый шаг.

У одного из них был начальственный вид, я вежливо протянул ему две лопаты и знаком попросил выделить нам кого-нибудь в помощь. Он на секунду опешил, потом схватил лопаты и крикнул что-то двоим. Мы сделали жест остальным, чтобы подтолкнули, и вот уже главарь рядом со мной уперся плечом в джип, и со всех сторон напирают желающие помочь.

Мы пожали руки, сказали «спасибо» и ринулись дальше во всю прыть наших колес, волоча за собой через деревню и по верблюжьей тропе густое облако пыли.

Под вечер мы неожиданно увидели в пустыне еще одну, с виду столь же нелюбезную деревню. Наши джипы с трудом протискивались через толпы людей и скопление верблюдов, ослов и коз на рыночной площади. Угрюмые, молчаливые арабы напирали на машины, сверля нас взглядом, как будто хотели прочесть наши мысли и выяснить, не присланы ли мы властями вводить христианство или собирать налог. Чувствуя, что мы отнюдь не желанные гости, мы, не задерживаясь, понеслись дальше.

Хотя дело шло к вечеру, нас душила жара. Баба жаловался на головную боль, пассажиры второго джипа наглотались пыли и все больше отставали. Вода в канистре только обжигала губы и вызывала тошноту, вместо того чтобы утолять жажду.

В виденных нами деревнях фруктов не было, только калebasы с бурой оазисной водой да кувшины с козьим молоком. За целый день мы не заметили на своем пути ни пустой бутылки, ни консервной банки, ни клочка бумаги. Лишь на выезде из столицы в одном месте около шоссе лежали осколки стекла. Все здесь собственного изготовления: одежда, упряжь, постройки. На дорогах длинные вереницы тяжело нагруженных осликов, арабы верхом на высоких верблюдах, да семенящие за верблюдами женщины с кувшинами и корзинами на голове. Излишки домашнего производства отправляют на рынок в соседнюю деревню. Мы словно попали в другой, обособленный мир, нетронутый, независимый, обеспечивающий себя всем необходимым. Пропали наша цивилизация, а они знай себе будут жить дальше так же безбедно, так же скромно и неприхотливо, – верные традиции, тесно связанные с природой.

И вот вдаль показалось озеро. Голубое, с холодным стальным отливом зеркало неба за кромкой ярко-зеленой поросли сочного папируса. С гребня песчаной дюны оно смотрелось, как мираж, хотелось выскочить из машины, побежать туда, пробиться сквозь зеленый барьер, броситься в эту немыслимо голубую воду, сделать добрый глоток и нырнуть, освежить воспаленную кожу, отмыть от насохших корок песка уши, ноздри, веки, поры, отмыться с головы до ног и снова пить, пить, пить... Тринадцать часов в джипе, мы с трудом разогнули затекшие ноги и уже хотели ступить на землю, но Баба нас остановил. Лучше не покидать машину. Лучше подождать до Бола. Деревня лежит на самом берегу; если поспешим, поспеем туда засветло. В пустыне ночью небезопасно.

До чего же нам трудно было удержаться! Вода, рукой подать, небесно-голубая вода, такая соблазнительно прекрасная в своей холодной наготе за зеленой шторой. А ты садись на место, давись пылью, и трясись дальше в раскаленном джипе. Баба развернул железную коробку кругом, скатился с дюны вниз, и снова потянулся песок, песок... Снова пустыня.

А Баба сделал доброе дело. Когда наши джипы уже перед самым закатом по утрамбованной караванами дороге, связывающей Бол с деревнями на востоке, въехали в городишко, пересекли безлюдную базарную площадь и остановились на берегу за домами и мы приготовились прямо в одежде прыгнуть в воду, послышался чей-то предостерегающий возглас. Молодой серьезный француз с бородкой, член работающего на озере исследовательского отряда, сухо довел до нашего сведения, что здесь не стоит купаться: озеро кишит паразитами, они в несколько минут пробуравят нам кожу.

Мы посмотрели на Бабу. Он пожал плечами, на которых тоже лежал слой пыли, и вернулся к машине.

Да, упоительно красивое озеро Чад – обитель одной из самых коварных тварей Африки – шистозомы. Так называют крохотное чудовище, точнее его личинку, представляющую собой тонкого, почти невидимого червячка длиной с миллиметр, который с ходу пробуравливает кожу, поселяется в организме и буквально пожирает человека изнутри.

Мы поблагодарили за предупреждение и спросили, где же можно помыться. Он сокрушенно покачал головой. Здесь всю воду берут в озере, ее надо кипятить или хотя бы несколько дней выдержать, прежде чем употреблять.

Местные жители держались поодаль, пока из белого домика не вышел человек богатырского роста, который в сопровождении маленького эскорта направился к нам. Сразу было видно начальника; это и в самом деле оказался исполняющий обязанности шерифа. Сам шериф куда-то выехал по делам, и никто в Боле не был предупрежден о нашем визите. Кто мы, где наши документы? Вице-шериф Адум Рамадан мучился зубной болью и явно был не в духе. К тому же на его попечении находилось все население Бола, две тысячи человек, и каждый десятый считал себя вождем. Словом, хлопот полон рот.

Мишель дал ему аспирин и объяснил, что нам нужно где-то устроиться на ночь, мы приехали из самого Форт-Лами и нигде в пути не отдыхали.

– Быстро ехали, – сухо заметил Адум Рамадан, пропустив мимо ушей слова о ночлеге.

Его интересовало другое: почему же все-таки не было радиогаммы из Форт-Лами, ведь радиостанция в порядке?

Велев одному из своих людей проводить нас в стоящий на берегу цементный сарай, жертва зубной боли исчез с остальным эскортом в сгущающемся мраке.

Мы вошли в сарай. Это была местная общедоступная гостиница: заходи и устраивайся, как можешь. Длинный коридор, по бокам – каморки, похожие на открытые стойла и набитые спящими людьми, через которых нам приходилось перешагивать.

В одном конце коридора помещался умывальник, правда, без воды, если не считать мыльную жидкость в двадцатисантиметровой ямке в земляном полу. Мы хотели было накачать чистой воды, но передумали, когда увидели, что труба проведена из озера, зараженного шистозомой. Пришлось лечь, так и не смыв с себя желтый налет.

Только наш проводник подмел пол, на котором мы собирались расстелить спальные мешки, как снова появился вице-шериф, и на этот раз его широкое лицо освещала добродушная улыбка. Зуб прошел. Если Мишель отдаст ему остаток лекарства, нам принесут из дома шерифа три кровати!

Едва озеро осветили лучи восходящего солнца, как нас разбудили негромкие голоса арабов, которые, стоя на коленях лицом к Мекке и касаясь челом земли, читали свои молитвы. Другие постояльцы развели маленькие костры из сухого папируса и молча готовили себе чай. Нас пригласили на завтрак к вице-шерифу. Он пребывал в отличном настроении и запретил нам трогать свои припасы: пока мы гостим в Боле, будем есть у него. Надо сказать, что у него была превосходная в своем роде кухня, только жевать надо было осмотрительно, чтобы на зубах не скрипел вездесущий песок.

В этот день я впервые в жизни увидел папирусную лодку. Она плавно прошла мимо меня по зеркальной глади заколдованного озера, которое за ночь уже успело изменить свой вид. Когда мы приехали накануне, прямо напротив сарая темнел большой низкий остров, теперь он бесследно исчез, зато появилось сразу три других острова. Меньший из них у меня на глазах скользил вправо, и за ним даже тянулось что-то вроде кильватерной струи. Он напоминал аранжированную искусной рукой цветочную корзину с толстым букетом пушистых золотых соцветий – посередине длинные цветки, по краям стебли покороче, изящно склоненные над голубой водой, отражающей нежные желтые метелки и зеленые цветоножки. Эстетическую законченность композиции придавали торчащие из дерновины цветочки, листики и вьюнки. Плавающий остров из сплетенных корней и волокон двигался степенно и бесшумно без всяких там весел и моторов. А рядом, легко обгоняя эту цветочную корзину, уверенно шла папирусная лодка с двумя африканцами в белых тогах. Они стояли прямо, как оловянные солдатики, работая длинными шестами. Желтая лодка и стройные мужчины тоже отражались в озере, и опрокинутая картинка напомнила мне другие камышовые лодки, которые и впрямь плыли вверх ногами по отношению к нам на противоположном конце земного шара, на озере Титикака в Южной Америке. Причем лодки Титикаки так похожи на чадские, что вполне могли бы выступить в роли зеркального

отражения.

Я жаждал сам походить на такой лодке и узнать, как их делают. Ведь мало просто связать вместе папирус, как бог на душу положит, надо знать секрет, чтобы получилась нужная форма.

Шериф устроил нам торжественную аудиенцию у султана М'Булу М'Бами, местного религиозного главы и самого могущественного человека на много километров вокруг. Сам шериф и его заместитель были с юга страны, их прислали из Форт-Лами для охраны политических интересов христианского правительства, а султан из местного племени будума опирался на мусульманское население области.

Плечистый шериф поражал своим могучим телосложением; султан же был худой и долговязый, полных два метра росту, закутанный в белый бурнус, только и видно, что орлиный нос да острые глаза.

Каждый из местных вождей сбрасывал сандалии, прежде чем ступить на площадку перед глинобитным домиком султана, где происходила аудиенция. Затем участники торжественного приема выстроились по краям большой песчаной площади посередине деревни – парадного манежа, где султан должен был гарцевать на своем пылком белом коне в честь гостей. Двое, держа коня под уздцы, все время заставляли его дыбиться, сам султан сидел неподвижно в седле, а кругом, обмахивая повелителя легкими шальями, бегали девицы в ярких нарядах. Когда кончился этот хоровод, сопровождаемый барабанным боем и пением рожков, мимо нас лихим галопом промчались всадники. Они размахивали мечами и издавали хриплые вопли, а один из них несколько раз проскакал перед нами совсем близко, чуть не по нашим ногам, с грозными ужимками и завыванием вращая саблей у нас над головой. Я осторожно спросил шерифа, как это понимать. Он ответил, что всадник просто куражится. Но Баба добавил, что воин выражает свою антипатию к нам, не мусульманам. Правда, султан такого чувства не выказывал, напротив, он очень заинтересовался, когда услышал, что мы хотим научиться делать папирусные лодки. И направил нас к своему родственнику, статному африканцу по имени Умар М'Булу, который жил в одной из конусовидных соломенных хижин квартала будума. Только шериф и его заместитель занимали белые бунгало, увитые красными цветами бугенвиллеи. Будума и канембу жили в круглых хижинах из соломы, а арабы, составляющие большинство населения районного центра Бол, – в низких глинобитных домиках.

Бритоголовый Умар был черный, как ночь, высокий и стройный, со сверкающими в улыбке глазницами и большими зубами. Кроме родного языка он говорил на арабском, голос у него был приветливый и негромкий, и разговаривая, он почти все время улыбался. Рыбак по профессии, он не стал мешкать ни минуты, когда Баба, обратившись к нему по-арабски, попросил его связать лодку из папируса. Выдернул из стены своей хижины длинный нож-мачете, забросил на плечо полу голубой тоги и зашагал впереди нас к озеру. Вот он нагнулся, и под черной кожей заиграли мышцы, когда длинный нож стал подсекать высокий папирус у самого корня. Один за другим ложились на край трясины длинные мягкие стебли. К Умару присоединился добровольный помощник, его сводный брат Мусса Булуми. Он был постарше, поменьше ростом, тоже бритоголовый, однако без королевской осанки Умара. Мусса знал лишь язык будума, но одинаково весело улыбался, когда Баба обращался к нему по-арабски, Мишель по-французски, Джианфранко по-итальянски или я по-норвежски. И он еще проворнее Умара косил папирус.

Заготовив большущие охапки зеленых стеблей, их оттащили от воды и сложили на земле. Предстоял урок вязки лодок.

Поблизости стояли две больших папирусных лодки человек на двенадцать. Мы начертили на песке лодку поменьше, метра на четыре, чтобы можно было погрузить ее на крышу джипа. На помощь были призваны еще два соплеменника Умара и Муссы. Они сели на песок под деревом и принялись соскребать мякоть с кожистых листьев пальмы дум. Тугие белые жилки разделялись при этом на тонкие нити, из этих нитей между ладонью и бедром скручивали веревочки, а из веревочек потом сплетали толстые веревки. И вот уже Умар и

Мусса начали вязку; остальные двое едва поспевали снабжать их веревками.

Длина стеблей была два метра с лишком, толщина у корня – четыре-пять сантиметров. В разрезе папирус представляет треугольник с закругленными углами; он не пустотелый и не коленчатый, как бамбук, сплошной стебель состоит из напоминающей белый пенопласт губчатой массы, обтянутой гладкой кожицей.

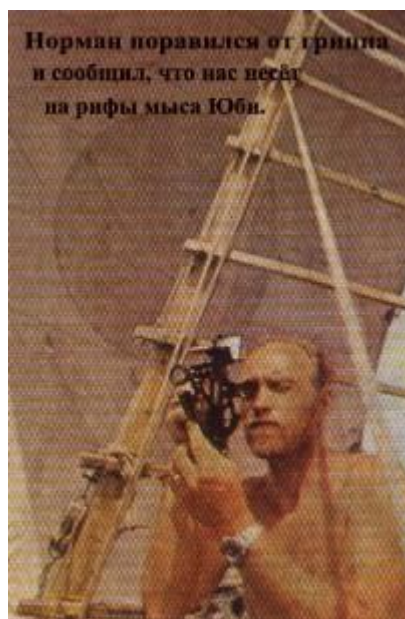
Для начала Умар взял стебель и расщепил его вдоль на четыре части, но не до конца. В развилок он всунул комлем вперед четыре целых стебля и продолжал затем вставлять между ними новые стебли, получалась утолщающаяся сигара. Стебли туго-натуго перевязывали веревками; Умар и Мусса, держа в зубах каждый свой конец петли, затягивали ее руками и зубами, так что мышцы на руках и шее вздувались черными буграми. Очевидно, сжать губчатый срез стеблей так плотно нужно было, чтобы закрылись все поры. Достигнув в диаметре примерно полуметра, конус переходил в ровный цилиндр, получился этакий огромный карандаш. Его положили острым концом на чурбан, и мастера стали прыгать по снопу и притаптывать его, пока он не изогнулся вроде слоновьего бивня. Так была придана нужная форма носу, после этого первый конус нарастили с боков еще двумя, покороче, причем привязывали стебли по одному, так что все три конуса были очень плотно сращены между собой.

Когда лодка достигла в длину черты, которую мы провели на земле, она, по сути дела, была готова и представляла собой вполне симметричную конструкцию, кроме кормы, где папирус торчал, как прутья в метле; при желании ее можно было бы наращивать до бесконечности. Проблему с кормой Умар и Мусса решили простейшим способом. Взяли нож подлинней и отсекли все лишнее, как обрезают горбушку у колбасы. После чего папирусная лодка с загнутым вверх острым носом и широкой обрубленной кормой была готова к спуску на воду. Строители управились с работой в один день.

– *Кадай*, – улыбнулся Мусса и погладил готовое изделие своих рук.

Так будума называют лодку, которая с незапамятных времен составляет как бы основу их жизни, неразрывно связанной с озером. Никто не знает, когда и у кого они научились ее строить. Может быть, сами додумались. А может быть, их далекие предки пришли караванными тропами из долины Нила. Так или иначе на Чаде древняя конструкция сохранилась всюду, где только есть папирус, даже в тех частях озера, которые принадлежат республикам Нигер и Нигерия. Традиционные приемы строительства везде одни и те же, и везде лодка выглядит одинаково, разница может быть только в длине и ширине.

В просвете среди папируса, где мы спустили на воду нашу лодку цвета зеленой травы, были также причалены к берегу четыре долбленки из могучих стволов, очевидно, принесенных из леса рекой Шари во время паводка. Мы воспользовались ими, как мостками, проходя к своей *кадай*. Умар презрительным жестом выразил свое отношение к неустойчивым долбленкам, похожим на длинные полузатопленные корыта. Дескать, канембу не будума, не умеют вязать *кадай* ...

Я уже приготовился прыгнуть на нашу *кадай*, которая лежала на воде кривым зеленым огурцом, когда увидел Абдуллу. Это была моя первая встреча с ним. В самую нужную минуту он явился вдруг, как дух из лампы Аладдина.

– Бонжур, мсье, – поздоровался он. – Меня зовут Абдулла, я говорю по-французски и по-арабски. Вам не нужен переводчик?

Конечно, нужен! Разве я без перевода узнаю что-нибудь толком от Умара и Муссы, когда мы выйдем вдвоем на озеро на нашем плодовоовощном изделии?

Завернутый в длинную белую тогу, с осанкой Цезаря, Абдулла держался очень деликатно. Голова у него была так же гладко выбрита, как у Умара и Муссы, лицо – чернее ночи, со лба на нос спускался длинный шрам. Впрочем, этот знак племенной принадлежности производил скорее приятное, чем отталкивающее впечатление. Добавьте живые умные глаза, постоянно изогнутые в искренней улыбке губы и ровный ряд белых зубов, которые то и дело обнажались в радостном смехе. Сразу видно неподдельного сына природы, внимательного помощника и веселого товарища. Абдулла Джибрин уже достал откуда-то два грубо обтесанных двойных весла и подал мне одно из них.

Под жужжание кинокамеры, увековечивающей итог эксперимента, мы один за другим заняли места на узкой папирусной лодке. И нечаянно оказались свидетелями интересной картины.

Был базарный день, и в Бол из пустыни и с островов собрались тысячи людей в колоритных нарядах. На рыночной площади кипела жизнь, не видно земли от женщин, мужчин и детей, которые проталкивались мимо друг друга, неся на голове кувшины, подносы и корзины с пряностями, соломой, шкурами, орехами, сушеными кореньями, местными злаками. Лица в шрамах, обнаженные груди, голосащие младенцы... Глаза – умные, угрюмые, кокетливые... К благоуханию пряностей примешивался запах навоза, сушеной рыбы, козьей шерсти, пота, кислого молока. Солнце нещадно пекло, жужжали полчища мух, но их заглушали кричащие, бормочущие, тараторящие люди, которые яростно торговались на трех различных языках под мычание, рев и блеяние сотен коров и тысяч ослов, коз и верблюдов, и громче всего звучали мерные удары кувалд по звонкому металлу там, где кузнецы ковали наконечники для копий и кинжалы.

И вот от этого муравейника отделилась группа черных фигур, которые криком и палками погнали к озеру стадо коров с большущими кривыми рогами. Подойдя к воде, они разделись и поплыли следом за своим скотом, пристроив узелок с одеждой на голове. Похоже, что среди местных жителей многие в отличие от европейцев невосприимчивы к шистозоме. Многие, но не все. И для здешних эта болезнь, превращающая человека в развалину, настоящий бич.

Пастухи плыли на остроконечных поплавах, одни из которых были сделаны из дерева, напоминающего бальсу, другие связаны из папируса, в точности как одноместные лодочки из камыша, знакомые мне по Перу и острову Пасхи. Они быстро удалялись от берега, уже только и видно торчащие рядом с носом поплава черные головы с узлами на макушке, а впереди – рой рогов, плывущих к длинному острову вдалеке. Абдулла объяснил, что эти будума купили скот на базаре и теперь перегоняют его на свой остров. Белый песчаный пляж и пальмы дум свидетельствовали, что остров не плавучий. Зато с другого конца в пролив как раз входили два папирусных островка с развевающимися цветками.

Тем временем мы сами отчалили и пошли на веслах вдоль берега. Через Абдуллу мы узнали от Умара, что многие семьи будума живут на плавучих островах. Умар и Мусса сами родились на таком острове, причем Мусса и сейчас там живет, а в Бол приехал продать рыбу. Озеро богато рыбой, самая крупная – больше человека. Есть также крокодилы и бегемоты, правда, их теперь мало осталось.

Коровы и прочий скот вместе со своими хозяевами странствуют на плавучих островах по всему озеру, и нередко таможенники Нигерии становятся в тупик, когда из Республики Чад, не покидая родной земли, прибывает какая-нибудь семья будума со своими коровами и другим имуществом. С пастбища на пастбище скот обычно перегоняют вплавь, но на рыбную ловлю и в далекие путешествия будума выходят на папирусных лодках. Мы уже слышали в Боле, что иногда из папируса вяжут лодки, способные взять и 40 тонн груза, и больше. По словам Муссы, он однажды помогал строить *кадай*, на которой перевезли через озеро восемьдесят голов скота. А еще была *кадай*, так на ней поместилось сразу двести человек.

Как ни неправдоподобно звучали все эти рассказы о грузоподъемности *кадай*, я готов был поверить в них, очутившись сам вместе с Муссой, Умаром и Абдуллой в наскоро связанной по моей просьбе лодчонке. Совсем узкая, хоть верхом садись, она тем не менее не прогибалась у нас под ногами и шла очень устойчиво, с осадкой не больше, чем у резиновой надувной лодки. Издали такая голубая, вода была отнюдь не прозрачной вблизи, и я бы не хотел шлепнуться в этот шистозомный суп. Тем более что возле зарослей папируса было легче всего заразиться, ведь личинка выходит из тела улитки, живущей на стеблях. А тут Умару и Муссе зачем-то понадобилось поменяться местами. Они протиснулись мимо Абдуллы и меня, придерживая нас руками, чтобы не столкнуть за борт, и лодка хоть бы качнулась.

Подойдя к большему из двух плавучих островов, мы увидели в зарослях старую, полусгнившую папирусную лодку. Ее палуба погрузилась вровень с водой, многие веревки совсем распались, и, однако, даже эта развалина выдержала мой вес, когда я осторожно перешел на нее. Сколько же времени этой *кадай*? Что-нибудь около года, ответил Умар. Сказать точнее он, естественно, не мог. Так или иначе старушка еще держалась на воде.

Мы целый день ходили на веслах между папирусными островами и не могли на них налюбоваться. Одолжив *кадай* покрупней, которая была причалена рядом с долбленками, нас догнали мои товарищи. Потом подошли рыбаки на двух лодках, и мы принялись ставить сеть, глядя, как плещутся огромные рыбы капитен. Но вот и вечер настал, кончился мой первый день на борту папирусного судна.

...Стоим втроем у караван-сарая, глядим на сверкающее звездное небо. Другие, не столь дальние странники, давно уже спят вповалку на полу, а мы только что вернулись из гостей, ходили в скромную лачугу американца Билла Холисея, который осчастливил нас душем из подвешенной на дереве железной бочки с самодельной лейкой. Путешествуя один в пустыне в разгар религиозных распрей, Билл по-своему помогал примирению сторон. Там, где было особенно худо с водой, он бурил колодцы, и как только появлялась вода, у мусульман пропадала охота убивать христиан. Теперь он занимался бурением в арабских и в негритянских кварталах Бола.

После омовения мы словно заново родились на свет, и захотелось еще подышать чистым воздухом, прежде чем забираться в душную конуру. Конечно, лучше всего было бы

спать на воле, но по ночам здесь выходят на охоту ядовитые змеи.

Жаркая, темная, безлунная тропическая ночь, заманчиво мерцают далекие звезды... Тишина, только звенят цикады, да в зарослях папируса квакают полчища лягушек. Пустыня мертва, словно и нет ее, нет и селений, канули в ночной мрак. Последний взгляд на звезды, и мы уже хотели войти в низкую дверь караван-сарая, когда я вдруг что-то услышал и остановил своих товарищей. Мы прислушались.

Из пустыни доносился далекий, едва уловимый рокот барабанов и дрожащий тонкий голосок какого-то духового инструмента. Весь Восток воплотился в этих звуках, как будто мелодию сочинил сам песок, а исполнял ее теплый ночной воздух. И нигде ни огня, но я не мог ложиться, не увидев диковинного зрелища, несомненно связанного с этим таинственным концертом.

Звуки терялись вдаль. Я попробовал уговорить своих товарищей пойти со мной, однако их такая прогулка не соблазняла, им хотелось спать. На всякий случай я сунул в карман фонарик. Тут ведь надо подкрасться незаметно, ни к чему тащить с собой большой фонарь с аккумулятором, когда хочешь посмотреть на что-то так, чтобы никому не помешать и чтобы тебе не помешали. С другой стороны, я столько всего наслушался, что совсем без фонарика тоже не хотелось идти. Мало ли что...

Темно, хоть глаз выколи. Я сориентировался по звездам, чтобы отыскать потом караван-сарай, который сразу пропал во мраке, стоило мне сделать несколько шагов. По мелкому песку я шел почти бесшумно, главное было поднимать повыше ноги, чтобы не споткнуться о какой-нибудь бугорок.

Иду, иду, а барабан все так же далеко. Вдруг путь мне преградила глиняная стена. Деревня. Арабская лачуга. Придерживаясь руками за стену, я дошел до угла и повернул, идя на звук. Долго не было никаких преград, потом мои руки уткнулись в изгородь из папируса. Притаившиеся во тьме дома не выдавали себя ни одним лучом света. Огороженная с двух сторон широкая песчаная улица вела прямо туда, откуда все отчетливее доносилась музыка. И я различил на фоне звезд круглые очертания крыш; ниже была сплошная чернота. Пошел побыстрее. И тут же споткнулся обо что-то большое, косматое и живое. Громко прозвучал хриплый горловой крик, меня грубо швырнули на землю. Я потревожил спящего верблюда. И даже теперь не разглядел его, только по хрусту суставов понял, что он удаляется.

Я замер в напряженном ожидании, но дома словно вымерли, ни огонька, ни звука. Только музыка явственно отдавалась в ночи. Барабаны и что-то вроде рожка или свирели. Я двинулся дальше с вытянутыми вперед руками и пересек так всю деревню. Теперь музыка звучала где-то совсем близко. Глаза различили тусклый свет керосинового фонаря. Дома остались за моей спиной, а впереди какие-то тени мелькали нескончаемой чередой, заслоняя свет. Дальше шло открытое пространство, очевидно, здесь начиналась сама пустыня. Бесшумно обогнув последнюю преграду – глиняный дувал, – я разглядел множество человеческих фигур. Это были стоящие и сидящие зрители; я переступил через ребятишек, которые, сидя на корточках возле дувала, смотрели, как замороженные, туда, где светил фонарь. Никто не обратил на меня внимания. Пожалуй, лучше всего остаться около стены, где меня не видно, и не двигаться, затеряться среди всех этих закутанных в бурнусы людей, неотрывно смотрящих на нескончаемое шествие силуэтов.

И тут же я сообразил, что это не шествие, а танец, мужской хоровод. Идя по кругу, танцоры часто перебирали ногами, наклонялись, опускали руки к земле и снова поднимали их к небу под колдовские звуки рожков и дробь барабанов. В широком кольце танцующих можно было рассмотреть музыкантов. И там происходило еще что-то, мелькали две женские фигуры, то они вроде сидели, качаясь, на каких-то стульях, то их будто кто-то волочил по кругу за волосы, спиной вперед. Я шурился, вертел головой и так и сяк, пытаюсь разобраться, что там делается, но тут все мое внимание сосредоточилось на новой детали. Один человек отделился от хоровода и, не переставая танцевать, направился ко мне. В руке он держал короткий меч, которым взмахивал под музыку.

Откуда я взял, что он ко мне идет, разве можно меня рассмотреть в темноте? Но нет,

никакого сомнения, он именно меня приметил... И вот уже меч сверкает перед моим носом. Я принудил себя улыбнуться, дескать, шутка есть шутка, я все понимаю. Однако ответной улыбки не было. Суровый араб, пританцовывая, продолжал размахивать своим мечом. Уголком глаза я видел, что вокруг фонаря по-прежнему вращается кольцо танцующих, только этот чудака напирал на меня. Я снова попробовал улыбнуться, но потом до меня дошло, что улыбаться тут нечему, я попал в дурацкое, унижительное положение. Острие меча то грозило отсечь мне нос, то вонзалось в дувал около моей головы.

Я лихорадочно соображал, как мне быть. Перехватить меч рукой? Останусь без пальцев. До самого танцора мне не дотянуться. Он как-то нетвердо ступал, словно находился в трансе. Пьян? Но я не видел, чтобы здесь пили вино. Накурился наркотика? Кто мне ответит, кто научит, что делать, пока меч не расписал мне лицо.

И тут, подчиняясь шестому чувству, я вдруг пустился на такую штуку, что сам усомнился в своем рассудке. Видели бы меня сейчас мои родные, они решили бы, что я свихнулся. Я начал танцевать, да, да, танцевать. Сперва на месте, чтобы не напороться на меч. Похоже, араб опешил, во всяком случае он на миг как будто сбился с такта, но тут же опять запрыгал, и мы, танцуя вместе, двинулись к фонарю – он задом наперед, я за ним. Участники хоровода механически расступились, пропуская нас в круг, и никто не реагировал на наше появление, я же так старался поточнее повторять движения танцоров, что уже не различал особо ни моего партнера с мечом, ни кого-либо из остальных. А когда ко мне вернулась способность наблюдать, я уже слился с широким кольцом танцующих арабов, будума и канембу и видел только четырех музыкантов, которые стояли, приплясывая, у самого фонаря. Танец был совсем несложный: знай, шаркай ногами под музыку, подпрыгивай и наклоняйся, как все.

Я как-то не сразу заметил, что круг постепенно становится меньше. Участники неприметно отходили по одному, и вот уже всего человек десять-двенадцать танцуют вокруг фонаря и музыкантов. Дудочник, должно быть, с младенчества дул в свою свирель, потому что щеки у него были, совсем круглые и как будто сделанные из черной резины, которая, растягиваясь, становилась коричневой. А может быть, это мне так казалось из-за освещения. Но что у него по лбу пот катил градом, это уж совершенно точно, и приглядевшись, я обнаружил, что все остальные тоже обливаются потом. И еще я увидел: у каждого танцора была в руке монетка, ее отдавали дудочнику, когда отделялись от хоровода и ныряли в темноту. Не пристало мне быть хуже других! Я достал из кармана ассигнацию Республики Чад, тотчас дудочник, сопровождаемый барабанщиками, приблизился и задул мне прямо в лицо, темп возрос, круг еще больше сузился, осталось всего четверо танцоров, и внимание музыкантов недвусмысленно сосредоточилось на самом щедром. Глядя на своих потных партнеров, я с удивлением заметил у них явные признаки утомления, словно они в этом состязании кто кого перепляшет уже дошли до точки. У нас в Европе любители твиста или шейка так скоро не сдаются, но, может быть, у всадника из пустыни ноги послабее, чем у северного лыжника, я только-только во вкус начал входить, правда, они, наверно, танцуют не первый час, а я только что начал, могу хоть целую вечность продолжать в этом духе, шарк-шарк-скок-нагнулся-выпрямился, ух ты, еще быстрее, видно, музыканты решили, что пора заканчивать, еще один вышел из круга, за ним другой, состязаться так состязаться, быстрее, быстрее, так и запыхаться можно, ага, последний сдался, я танцую один, дудочник бросается мне на шею и хватает ассигнацию, люди напирают, белки, зрачки, всем надо посмотреть, и поди пойми эти взгляды... Жадно глотая ночной воздух, я ощущал приятную усталость и радовался, что человек с мечом пропал. В эту минуту из темноты вынырнул какой-то могучий детина и подвел ко мне двух дородных дам не первой молодости, красотой и пропорциями заметно уступающих многим местным жительницам, которых мы видели днем на пляже. Их черная кожа блестела от пота, как у тех ребят, что плясали со мной. Уж не те ли это женщины, которые что-то изображали в центре круга? Их молча поставили рядом со мной, словно призовые кубки. Тусклый свет фонаря падал на сотни арабских и негритянских лиц, окруживших меня со всех сторон. Что делать? Как выйти из положения, которое все

более осложняется, и как выйти из этой толпы в ночь, откуда я пришел?

Вдруг чья-то тяжелая рука легла мне на плечо – Умар!

– Мсье брав тамтам, – одобрительно сказал он, исчерпав этим свой запас французских слов.

Я смотрел на улыбающееся лицо моего спасителя, единственное знакомое лицо. Этот праздник явно был для простых людей, ни султан, ни шериф не пришли. Но Умар тоже пользовался авторитетом, и увидев, что я на дружеской ноге с родственником султана, толпа расступилась. Вдвоем мы прошли под аккомпанемент цикад через безлюдную деревню.

После этого случая мои акции в Боле заметно поднялись. На следующий день только и говорили о том, как я здорово танцую под тамтам и как щедро вознаграждал музыкантов. Между тем шериф получил новые известия о том, что в пустыне неспокойно, и настаивал на том, чтобы мы оставались его гостями, пока за нами не пришлют самолет. Связаться микрофоном с Форт-Лами не удалось, но радист передал ключом, что нам нужно воздушное «такси».

Мы приобрели немало добрых друзей в Боле и с удовольствием проводили дни на папирусных лодках на озере. Так прошла неделя. Но вот в воздухе над плавающими островами раздался гул мотора, маленький самолет пронесся бреющим полетом над папирусом, развернулся над самыми крышами Бола и сел на ровной песчаной дорожке. Через минуту мы уже здоровались с французским летчиком. Он был готов тотчас лететь обратно, забрав нас троих, но киноаппаратуру его самолетик осилить не мог, только по чемоданчику с одеждой на каждого. Связанную для нас папирусную лодку мы примостили на крыше одного джипа, все остальное снаряжение погрузили во второй, к Бабе. Шериф и султан заверили, что без бледнолицых чужеземцев чернокожие шоферы могут ехать через пустыню спокойно, на них никто не нападет.

Последними с нами простились лодочные мастера Умар и Мусса и переводчик Абдулла Джибрин. Шериф и султан не раздумывая сказали «да», когда я спросил, можно ли братьям приехать ко мне в гости в Египет, если мне понадобятся специалисты строить папирусную лодку. Абдулла перевел мой вопрос с французского на арабский для Умара, Умар с арабского на язык будума для Муссы, и братья восторженно подтвердили свое согласие, смеясь, кивая и пожимая мне руку двумя руками.

– Они согласны, – торжественно сообщил Абдулла, – а я поеду переводчиком!

В эту минуту мы уже сидели в самолете, и я сквозь чихание капризничавшего мотора сам не разобрал своего ответа, но Абдулла понял меня так, как ему хотелось.

К самолету протянули провода от джипа Бабы, наконец мотор заработал, мы тронулись с места и взмыли в воздух над хижинами будума, над *кадай* и папирусными зарослями. За хвостом самолета желтела безбрежная пустыня, через которую мы сюда добрались, а внизу раскинулось озеро Чад с самыми удивительными в мире островами. Около Бола поверхность озера напоминала мозаику, сдвинутую неосторожной рукой. Зеленые островки были разделены сложным лабиринтом синих проливов. На некоторых клочках потрескавшегося пейзажа были изображены крохотные круглые хижины и пасущиеся игрушечные коровы, а в голубых просветах горчичными зернышками желтели *кадай*. Дальше до самого устья Шари протянулась сплошная синева. На весь путь через озеро и до Форт-Лами ушел какой-нибудь час. А затем началось томительное ожидание джипов. Прошел день, другой, третий. С Болом наладили микрофонную связь, и шериф подтвердил, что обе машины давно выехали.

Договорившись с владельцем автобазы, мы отправили из Форт-Лами навстречу третий джип. Водитель, проехав полдороги до Бола, вернулся и доложил, что видел только нашу колею. Послали на рекогносцировку маленький самолет. Он три часа кружил над нашим маршрутом, но нигде не было видно застрявших в песке машин. Ученые, работавшие на озере Чад, проверили всю дорогу до Бола – ничего.

Мы обратились к властям. Они ничем не могли нам помочь. Рейсовый самолет, который садился в Форт-Лами только раз в неделю, ушел без нас. Кинооператоров ждало в Эфиопии другое задание, но они не могли лететь туда без своей драгоценной аппаратуры.

Наконец мы смекнули, что надо делать, и во главе с Мишелем пошли в штаб французских войск. Когда Чад стал независимой республикой, французы покинули правительственные учреждения, но при желании их не трудно было найти. И для командующего французским корпусом не представляло труда найти пропавшие джипы. Уже через несколько часов командующий сообщил нам, что обе машины найдены, стоят бок о бок под большим деревом в глухой деревушке. Как выяснилось, это наши собственные шоферы удрали с драгоценной добычей, рассчитывая сбыть ее арабам. Папирусная лодка, ради которой мы все затеяли, их меньше всего интересовала, они выбросили ее. Увы, в пустыне не нашлось покупателя на киноаппаратуру, им удалось продать лишь бензин из баков обеих машин. Патруль, поймавший беглецов, передал по радио, чтобы мы выслали машину и бензин, если хотим вернуть джипы в Форт-Лами.

Не знаю уж, чем все это кончилось для вероломного Бабы и его приятеля. Их не было в джипе, который через неделю подъехал с нашим снаряжением к трапу рейсового самолета. А вот нашего преданного переводчика Абдуллу местные власти вскоре арестовали и бросили в тюрьму. Но тогда, вылетая в Европу, мы никак не могли этого предвидеть.

И вот уходит назад удивительный тигель Центральной Африки, леса и пустыни, чернокожие африканцы и желтые просторы Сахары, через которые, не оставляя следа, скользнула тень нашего огромного самолета – тень двадцатого века.

До свидания, Африка.

Глава 5

Среди черных монахов в истоках Нила. За папирусом в Эфиопию

Чтобы связать лодку, нужен материал. Мне нужен был необычный материал – папирус. Где он есть? На озере Чад. Но сердце Африки не связано с внешним миром никакими артериями, ни рекой, ни шоссе, ни железной дорогой. Самолет? На нем можно вывезти мастеров, но не вывезешь столько папируса, сколько надо для большой ладьи. Да и как его доставишь из Бола до аэродрома в Форт-Лами?

В Египте? Ну конечно же. На каменных стенах гробницы фараона нарисованы лодки из папируса. Камень и папирус. Камень в пустыне, папирус по берегам Нила. Природа даровала древнейшим жителям Нильского поречья камень и папирус. Да еще ил с Эфиопских гор, который откладывался на берегах реки. Ил кормил крестьянина, из папируса вязал себе лодку рыбак, камень нужен был фараону, беспокоившемуся о своей загробной жизни. На

бумаге из папируса ученые-египтяне записывали события древнейшей истории человечества. На папирусе перевозили камень, на камне увековечивали папирусную лодку. Цветок папируса – обычный мотив в искусстве Древнего Египта. Он служил государственным знаком Верхнего Египта, и в одном из мифов птичеловек Гор, сын солнечного бога Ра, связывает его вместе с цветком лотоса Нижнего Египта, объединяя весь Египет в одно царство.

Если вам нужен бальсовый плот, делайте, как делали инки: отправляйтесь в лесные дебри Эквадора и срубите стволы, полные природного сока. Если вам нужна папирусная лодка, делайте, как делали люди фараона: отправляйтесь на заболоченные берега Нила и нарежьте зеленого папируса. Когда фараону нужна была лодка, задача решалась просто. К его услугам были вооруженные многовековым опытом искуснейшие корабли, которые знали все о папирусе и папирусных ладьях, он имел сколько угодно рабочих рук, и строительный материал рос в изобилии прямо у ворот его дворца. Заросли папируса тянулись по обоим берегам Нила на десятки километров от Средиземного моря на юг, в глубину страны. Но так было при фараонах.

– Теперь в Египте папирус больше не растет, – объяснил мне Жорж Сориал, египетский аквалангист, знающий Нил как свои пять пальцев. – Камня предостаточно, если тебе захочется построить пирамиду, но папируса не наберется даже на игрушечную лодку.

И он подвел катер поближе к берегу, чтобы я мог убедиться в его правоте.

Множество парусов скользило вверх и вниз по Нилу между пальмами, песчаными отмелями и возделанными полями, но ни один золотоволосый стебель папируса не склонял больше своей косматой головы над бурой нильской водой, чтобы покрасоваться перед зеркалом. Папирус перевелся в Египте еще в прошлом веке. Никто не знает, почему. Боги забрали обратно один из своих древних даров, буквально выдернули его с корнем. Камень есть – остались горы, остались пирамиды, но ила тоже поубавилось с появлением плотин. И вместе с папирусом с берегов Нила исчез последний египтянин, который владел искусством строить папирусные лодки.

Мы странствовали по живописному Нильскому поречью верхом на конях и верблюдах, на автомашинах, поездах и катерах. Приходили на рыбачьи шаланды и грузовые баржи, сидели под солнцем на серых досках и ели арабские лепешки с липнувшим к палубе мягким сыром, надеясь получить какие-то сведения от речников, которые не знали, что такое обувь, и редко сходили на берег. Они родились на борту, и все: жена, дети, скот, скарб – находилось тут же. Сто раз чиненная деревянная лодка с каютой-шатром – родной дом нильского рыбака, его деревня, его мир. И мы немало узнали от них. О том, как люди ухитряются жить в трудиться там, где, казалось бы, и повернуться-то негде. Как стряпают на легковоспламеняющейся палубе над глиняным очагом. Как заготавливают провиант, который не боится никакого солнца. Но о папирусе они нам ничего не могли рассказать, тут скорее мы их могли поучить. Рыбаки в жизни не видели папирусного цветка, не видели даже маленького пучка этой травы, посаженного для туристов у фонтана перед входом в Каирский музей. Они не заходили внутрь гробниц. И отцы им не говорили, что некогда по Нилу ходили совсем другие лодки, а не те, на которых они сами выросли.

Однако Нил велик. Он тянется на юг через Египет и Судан до своих истоков в Уганде и Эфиопии. И вот там-то, по берегам озер в его верховьях, папирус уцелел. Я слышал даже, будто бы он там растет так же пышно, как на озере Чад.

Должно быть, древние любили странствовать по свету, ведь многие из фараонов, правивших Египтом, родились в далекой Эфиопии, где начинается Голубой Нил. Но в средние века нильский путь был забыт, и легенда помещала истоки великой реки в таинственных, неведомых Лунных горах. Лишь после того как европейцы во времена Колумба тоже пустились в странствия, итальянцы и португальцы вновь открыли верховья Нила. И люди нашей эпохи узнали, что Голубой Нил вытекает из озера Тана, лежащего высоко в горах Эфиопии. В Марокко и на Сицилии тоже есть папирус, но очень мало, на большую ладью сразу не соберешь.

Итак, отправляясь за папирусом к истокам второй по длине реки земного шара; позавидуешь фараонам... К тому же в Судане были какие-то осложнения, и власти косо смотрели на туристов, да еще таких, которые уверяли, что цель их поездки – связать лодку из цветков папируса! Зато Эфиопия не стала чинить препятствий, и рейсовый самолет доставил нас в Аддис-Абебу, столицу древнего королевства, расположенную на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря, посреди зеленого нагорья с россыпью желтых цветов.

Моим спутником был начинающий кинооператор, итальянец Тоси, худой и такой долговязый, что мы насилу втиснули его в маленький самолет местной линии, который ходит на озеро Тана. И вот уже нас качает на воздушных ухабах над зелеными холмами Эфиопии. Внизу на склонах и вершинах жались в кучу живописные круглые соломенные хижины. Долго ландшафт напоминал волнистую, всех оттенков зелени площадку для игры в гольф. Потом пошли изборозжденные ущельями горы. На дне глубоких диких каньонов пенились белые ручьи. А вот и верхнее течение Нила – красно-бурая лента на дне судорожно извивающейся теснины между обрывистыми скалами. Эти извивы были словно рисуночное письмо самой природы, повествующее о том, как древняя река в союзе с всемогущим временем тысячелетиями вгрызалась в горный массив, выплевывая пережеванные ею скалы Эфиопии в виде миллионов тонн ила на засушливые равнины Судана и Египта. С незапамятных времен Нил без устали перемалывает горы Эфиопии в удобрение для полей Египта. Вот уж подлинно исторический ландшафт, ведь из этих борозд возникла почва, питавшая один из корней мировой культуры.

Мои размышления были нарушены. Пилот взял ручку на себя, самолет резко пошел вниз и чуть не сбрил крылом макушки деревьев на скальном ребре в одном из зигзагов реки. Нил исчез, мы видели только деревья и скалы. И в ту же секунду вдруг услышали со всех сторон громopodobный гул, в котором совершенно тонул рокот мотора. Руки вцепились в сиденье, живот стал невероятно тяжелым, дыхание на миг остановилось. Тут же впереди снова показалось русло Нила, но это была картина безумного хаоса. Великая река была разорвана поперек во всю свою ширину и могучей стеной уходила отвесно вниз. Впереди нас, по бокам, сверху, внизу падали с уступа на уступ беснующиеся белые каскады, вода бурлила, рокотала, кипела, пенилась, курилась. Мрачные утесы заслонили солнце...

Ручку на себя, нас вдавило в кресла, высотный руль вкупе с сильной восходящей струей воздуха бросил машину вверх, мы влетели в изумительную радугу на фоне голубого неба и пронеслись над самым краем бушующего кратера, там, где идущий нам навстречу лоснящийся поток, как бы надломившись, обрывался в пропасть. И опять под нами Нил, но уже этажом выше, волшебным образом изменившийся – бурого цвета, степенный, неторопливый, неслышный. И никаких круч или барьеров, ровное зеленое плато, ничем не заслоненный вид на отлогие холмы, блестящую воду и вечнозеленый лиственный лес.

– Хотите еще раз посмотреть? – спросил летчик. Не дожидаясь ответа, он развернулся, прошел над обрывом и опять бросил машину вниз, в клочковатое ущелье.

– Водопад Тиссисат, – бесстрастно сообщил он, когда остался позади оглушительный рев. – Здесь Нил срывается отвесно вниз с плато. Местные называют водопад Тис Аббай. Аббай – имя Нила, а «тис» означает «дым». Получается «курящийся Нил».

Мы обернулись – в самом деле, там, где великий Нил исчезал в преисподней, к безоблачному небу, словно дым исполинского костра, поднималась завеса из мельчайших капелек.

Самолет приземлился в Бахар-Даре, и вскоре мы уже снимали тот же водопад с земли. Здесь пролежала грань между двумя мирами – или этажами двухэтажного мира. Мы знали, что совсем близко люди по-прежнему, как во времена фараонов, плавают на папирусных лодках: всего один дневной переход отделяет Тиссисат от озера Тана, в котором берет начало Голубой Нил и на котором мы рассчитывали найти папирус в неограниченном количестве.

И вот мифические Лунные горы, вот начало реки, и серебряная с чернью гладь озера Тана отражает вечерние тучки, контуры гор и макушки деревьев. В заливе что-то двигалось,

словно какие-то животные с загнутым вверх хвостом беззвучно пересекали серебристую дорожку. Нырнут в тень – пропадут, выйдут опять на отливающий серебром клин – отчетливо видно длинные силуэты. Я насчитал шесть силуэтов; шесть папирусных лодок бесшумно скользили по воде там, где два лесистых мыса сдавливают озеро Тана и рождается поток, который медленно катится к водопаду.

На каждой лодке сидели люди – где один, где двое, где трое, – и гребли тонкими шестами, как двухлопастным веслом. Может быть, они ловили рыбу в протоке, а может быть, просто тешились на досуге, бороздя тихие струи, с которых начинается Нил. Пониже чья-то лодка лихо неслась по белым перекатам в опасной близости от могучего водопада, но черный гребец искусно вывел легкое суденышко из бурлящей стремнины и пошел обратно к озеру, держась в тени у самого берега.

Лунные горы. Горы, вздымающиеся к Луне. Так рисовался здешний край путешественникам средневековья, карабкавшимся вверх с берегов Красного моря или с египетских равнин. Озеро Тана лежит на высоте 1800 метров над уровнем моря, а горы кругом достигают 3-4 тысяч метров. Озеро большое – с одного берега другой не видно. На нем нашли себе приют черные монахи. Лесистые острова стали их обителью, и сотни лет только папирусная лодка связывает их с внешним миром.

Хотя уже смеркалось, я даже на таком расстоянии рассмотрел интересную особенность здешних лодок. Если на *кадай* на уединенном озере Чад корма обрезана прямо, и только нос загнут вверх красивой дугой, то папирусная лодка, дожившая до наших дней в истоках Нила, сохранила исконную египетскую форму. Не только нос, но и корма изогнута вверх, причем ахтерштевень еще загибается внутрь, образуя характерный древнеегипетский завиток. И в этот тихий вечерний час я мысленно перенесся вниз по течению Нила, перенесся в далекое прошлое, когда занималась безмятежная заря истории.

Краешек тропического солнца провалился за далекие лесные кроны, и свет медленно померк, как в кинозале. Горы и озеро, скрывшись во тьме, растворились во времени. Теплый ночной ветерок принес сладкий запах благовоний и веяние нетленных тайн – дыхание островов, где календарь застыл на месте, где в наши дни живет средневековье, лелеемое и сберегаемое монахами, которые пронесли сквозь столетия образ жизни, одежду, ритуалы и веру, доставленные сюда их святыми предшественниками в ту далекую пору, когда средневековье для всех еще было явью.

Хотя на островах высятся могучие деревья, монахи по сей день не делают ни долбленок, ни дощанок. Предки провели папирусную лодку из седой древности в средневековье, потомки невозмутимо ведут ее дальше, в атомный век. Вот мы и приехали к ним за наукой: им ли не знать, как вяжут папирусные лодки и где найти нужное нам количество папируса!

Откуда пришли учителя черных монахов? Древние народы, обитавшие в разных концах Нила, делились друг с другом не только папирусными лодками и фараонами. Зарождающееся христианство проникло в Эфиопию из Египта за тысячу лет до того, как в спячке средневековья заглохли естественные связи между равнинами в устье Нила и нагорьем в его истоках. Уже около 330 года, задолго до прихода христианского учения на север Европы, в Эфиопии распространилась коптская вера. Первые христиане поселились севернее озера Тана, в древнем королевстве Аксум высоко в эфиопских горах. Позже многие из них бежали от преследований на юг, на затерявшиеся в просторах озер Тана и Звай острова. Черные монахи, нашедшие убежище на Тане, живут там уже семьсот лет, а преемственность обеспечивают, привозя на своих папирусных лодках молодежь с побережья.

Чтобы познакомиться с монахами и разведать участки папируса, мы взяли напрокат железную моторку с папирусной лодчонкой на буксире. Один предприимчивый итальянец привез две таких моторки на Тану и конкурировал с ладьями из папируса, забирая зерно на мелких пристанях и доставляя его на два центральных базара в северной и южной частях озера.

Густой лес покрывал откосы первого острова, к которому мы подошли, корни деревьев переплелись даже в воде. Мы протиснулись к суше на папирусной лодчонке и спрыгнули на берег под сень листвы. Между стволами начиналась узкая тропка, здесь стояли два монаха, словно поджидали нас. В длинных облачениях с опущенным клобуком, босые, темно-коричневая кожа, черная борода. Придерживая рукой коптский крест на груди, они молча поклонились и учтивым жестом указали нам путь к стоящей наверху часовне.

У солнечной стены сушились поставленные на ребро папирусные лодки, лежали снопы сухого папируса. Часовня стояла в высшей точке острова, такая же, как разбросанные по откосу скромные лачуги монахов, только размером побольше. Круглая постройка из жердей под толстой соломенной крышей конусом.

Раздались низкие мелодичные звуки гонга – подвешенной каменной плиты, по которой колотили дубинкой, и к часовне потянулись монахи. Красивые, статные люди, как большинство эфиопов: темная кожа, чеканное лицо, орлиный нос, острая черная борода. Тут и юноши, и зрелые мужи, и согбенные седобородые старцы. Все в грубых облачениях, босые или в открытых сандалиях; я заметил несколько апатичных, изможденных лиц. Кормились эти бедняки тем, что им давали жалкие клочки земли, да рыбой из озера. Дни проходили в молитвах, псалмопениях и раздумье.

Нас приняли как желанных гостей; можно было надеяться, что мы здесь получим важные сведения. Два старика в чалмах приволокли похожие на бочонок барабаны и, колотя по ним ладонями, затянули надтреснутыми голосами диковинные церковные песни, явно унаследованные от древнейших эфиопских христиан. Должно быть, так же пели учредители их церкви, когда пришли сюда из королевства Аксум.

Остров называется Ковран Гавриил, и архангел Гавриил богатырского роста, с мечом в руке встретил нас, когда монахи предложили нам войти в их часовню с соломенной крышей. Его изображение, обрамленное многокрасочными библейскими сценами, украшало своего рода алтарь, который занимал всю среднюю часть часовни от пола до потолка, оставляя круговой проход вдоль стен с выходами на все стороны. По этому принципу устроены все коптские церкви на озере Тана.

Цветная роспись алтаря позволяла проследить всю библейскую историю. По словам монахов, которые подтверждают очаровательно наивной трактовкой, алтари были расписаны лет двести-триста назад, а то и раньше. На картинке, изображающей, как фараон со своим египетским войском тонет в Красном море, только блестящие рыцарские шлемы и ружейные дула торчат из воды...

Нас попросили разуться у входа в часовню, и когда мы вышли, то вынесли с собой полчища блох, которые долго постились на церковных коврах. Я еще легко отделался, а вот порывистые движения кинооператора говорили о том, что передовые блошинные отряды быстро добрались до его подмышек и головы. Бегом спустившись к лодке, он, к великому замешательству монахов, затеял что-то вроде стриптиза с дезинфекцией при помощи пульверизатора.

К тому времени я уже успел выведать у монахов то небольшое, что они могли рассказать о плавучести папируса. Хотя для этих островитян папирусная лодка то же, что для жителя пустыни лошадь и верблюд, никто из них не пользовался ею больше одного дня подряд. Походят день – непременно вытащат на берег и поставят ее сушиться, не то очень сильно намокнет. А намокший папирус хоть и не тонет, но грузоподъемность совсем не та. Чем больше лодка, тем дольше она сохраняет плавучесть, но чересчур большие делать нет смысла, слишком тяжело вытаскивать из воды и сушить.

Да, не густо.

Следующий остров назывался Нарга. Он был плоский, с папирусом в мелких заливах, но это растение нужно было самим монахам для пополнения своего флота. Они говорили, что папирус как-никак гниет; сколько ни просушивай лодки, раз в год приходится вязать новые. А в старинной каменной башне сидел монах, который вообще ничего не говорил. И не двигался с места. Только и видно темный силуэт на фоне облаков. Башня была построена

царицей Ментуаб 250 лет назад, монах же уселся на верхней площадке лишь несколько лет назад, зато дал богу обет неподвижно просидеть там всю жизнь. До самой смерти. Его собраты смотрели на него как на живого святого.

Мы поспешили к соседнему острову, Дага Стефано, его лесистые взгорья высоко вздымаются над водой. Это самый священный остров на всем озере, до того священный, что ни одной женщине, будь она хоть царица, не дозволяется сходить здесь на берег. Последний раз такая попытка была сделана 250 лет назад. Царица Эфиопии Ментуаб со своей свитой подошла к острову на большой папирусной лодке, но ее учтиво спровадили. И пришлось ей продолжить путь до Нарга, где она и соорудила храм и башню.

Дага Стефано благодаря пышной растительности очень красив. На вершине острова между древесными кронами мы различили соломенную крышу с крестом. У единственного причала стоял на страже оборванный монах с явными признаками слоновой болезни; к деревьям позади него были прислонены маленькие папирусные лодки. Волнуясь, мы ступили на священные камни: что последует? Но монах позволил нам осмотреть лодки и не стал нас останавливать, когда мы пошли по широкой тропе вверх. Могучие деревья, соломенные лачуги, монахи... Немые поклоны, рот бормочет молитву, рука придерживает маленький крест... Папирус? Они дружно показали через озеро. Вон там. Там его сколько угодно. Они сами его там берут. Сколько держится на воде? Восемь дней. От силы две недели. К тому времени он, если не затонет под тяжестью груза, все равно сгниет и развалится на волне. Папирус надо сушить. Вытаскивать лодки на берег. Больше они ничего не могли нам сказать.

В храм нас не пустили. Его овалы стены из камня, бамбука и соломы грозили вот-вот рассыпаться. Но рядом было что-то вроде каменного грота с множеством реликвий. Два улыбающихся монаха любезно ввели нас в этаким кабинет ужасов. В полумраке на полках лежали белые черепа, старинные кресты и священные предметы, принадлежавшие покойным отцам церкви. Главной святыней были накрытые материей длинные стеклянные гробы. Покрывала сдвинули, и мы увидели мощи, бальзамированные тела четырех эфиопских царей со скрещенными на груди руками. Здесь, на священном острове, они обрели вечный покой. Их привезли сюда на папирусных лодках через бурное озеро Тана, как некогда траурные процессии сопровождали мумии фараонов по тихому Нилу.

Выйдя из темного грота на волю, мы устроили монахам маленький сюрприз: они услышали собственные голоса, записанные на портативном магнитофоне. Другим тоже захотелось услышать себя. И вот все монахи сидят в ряд на широкой лестнице и хором поют в микрофон. Звучат древние коптские псалмы. Я сижу на корточках перед ними и регулирую запись. Позади меня стоит долговязый кинооператор, согнувшись в три погибели над штативом. Вдруг я услышал страшное ругательство, от которого стрелка индикатора на магнитофоне ударилась в край шкалы, после чего откатнулась на ноль и застыла. Монахи закрыли рты и вытаращили глаза. Я обернулся и увидел, что мой итальянский товарищ исполняет какой-то лихой воинственный танец. Штатив он уже сшиб ногой и теперь торопливо стаскивал с себя рубаху. Отбросив ее, он взялся за брючный ремень.

– Стой! – яростно прошипел я. – Ты что, рехнулся?!

Мои слова не возымели никакого действия. Штаны последовали за рубахой, и Тоси, завершив стриптиз, обеими руками схватился за корму.

– Оса! – вопил он. – У меня в штанах оса!

Эх, оператор, оператор, так испортить нам последние минуты на острове Дага Стефано. Я не мог его простить, хоть и жалко было смотреть на беднягу, который не был в состоянии даже сидеть, когда мы вернулись в моторку. Монахов с лестницы как ветром сдуло, осталось лишь несколько человек; впрочем, они с признательностью приняли от нас скромную лепту в благодарность за содействие и во искупление греха, совершенного кинооператором.

В общем визит к черным монахам нас огорчил. Послушать их, так главное – делать папирусную лодку поменьше, чтобы легче было вытаскивать ее на берег и просушивать. Не очень-то это подходит для Атлантического океана... Как только лодка освобождалась, ее немедленно выносили на берег.

Чтобы упростить сушку, лодки побольше здесь делают из двух частей, которые можно выносить на берег отдельно: тонкий, так сказать, корпус с загнутыми вверх носом и кормой, а внутри корпуса – пригнанный к нему толстый папирусный матрац. Чадские *кадай* куда массивнее. Если монахи озера Тана стараются делать лодки легкими, ревностно сохраняя исконную древнюю форму, то для будума на озере Чад важнее всего капитальность конструкции.

Идя дальше через озеро, мы миновали несколько островков, ставших вотчиной бегемотов. Наше появление вызвало переполох, могучие звери, покинув свою обитель, погружались в воду и выныривали около нас. Нам объяснили, что они ненавидят папирусные лодки и всегда норовят их опрокинуть, потому что с таких лодок исстари били гарпунами бегемотов. Но когда мы столкнули в воду нашу папирусную лодчонку, бегемоты, окружив ее со всех сторон, только фыркали и таращили любопытные глаза.

В юго-западной части озера, где берег едва выдается над водой, раскинулись обширные заросли папируса.

В одном месте сквозь папирус пробивается мутный поток, и по озеру словно расплывается бурая краска. Здесь в Тану впадает речушка, ее устье сразу и не отыщешь в густом папирусе, где прячется много крупных болотных птиц. И так как озеро питает Голубой Нил, эту речку называли Малым Нилом.

Как правило, Малый Нил настолько мелок, что на моторке по нему можно пройти всего несколько сот метров, но необычно высокий уровень воды позволил нам подняться вверх по реке до маленькой деревушки племени абайдар, лежащей в 3 километрах от озера. При появлении нашей моторки из крытых соломой круглых хижин высыпали на берег местные жители. Как нам объяснил Али, впервые одна из двух принадлежащих его итальянскому боссу моторок зашла в Малый Нил.

Встречающие спустили на воду лодки из папируса, сушившиеся возле хижин, и направились к нам, кто на веслах, кто толкаясь шестом. Самые маленькие здешние лодочки – по сути дела, поплавки, смахивающие на бивень слона; нам сказали, что они называются *коба*. Вяжут и применяют их точно так же, как в Центральной Африке, в Южной Америке и на острове Пасхи. Лодка побольше на одного человека, называется *тароча*, а наиболее обычная для Таны разъемная лодка на двух и больше гребцов – *танкуа*. Мы видели *танкуа* с экипажем в девять человек, но нам говорили, что есть лодки, на которых перевозят через озеро до 2-3 тонн зерна. Был случай, сильный ветер унес груженую *танкуа*, и она целую неделю дрейфовала по озеру, прежде чем ее удалось пригнать к берегу, даже зерно успело прорасти.

Абайдары, как и черные монахи, считали, что две недели – крайний срок, после которого *танкуа*, пропитавшись водой, неизбежно развалится. Корпус этой лодки настолько тонок, что она извивается на малой волне, будто змея.

Все это подтверждало мои первые впечатления. Хотя *танкуа* с загнутой вверх кормой больше похожи на лодки древнего Египта, чем чадская *кадай*, они уступают ей в прочности. И поскольку в нынешнем Египте нет ни папируса, ни строителей папирусных лодок, напрашивалось решение: взять папирус с озера Тана, строителей – с озера Чад, а образец для задуманной мной реконструкции – с древнеегипетских фресок.

Ночью разразилась жуткая гроза. Мы привязали моторку за дерево на берегу и накрылись папирусной лодкой. Гром гремел так, как это бывает, когда низкие тучи идут над самой водой. Ослепительный блеск молний и оглушительные залпы говорили о том, что центр грозы над нами. Молнии били в озеро, ударяли в берег. Вспышка, удар грома, толчок воздушной волны – и совсем рядом с нами раскололось огромное дерево! Дождь лил как из ведра. Наше имущество плавало в лодке вместе с дневным уловом рыбаков. А кинооператор крепко спал, в такую погоду он был избавлен от необходимости сражаться с насекомыми.

...На самом юге Эфиопии, с севера на юг параллельно Красному морю, протянулась в сторону Кении Рифт-Валли. Геологи полагают, что эта широкая долина, зажата между двумя горными грядами, образовалась при медленном смещении Африки на запад за много

миллионов лет. На дне рифта, словно бусины, лежат в ряд большие озера. На одном из них, озере Звай, вяжут папирусные лодки. Есть отличная автомобильная дорога, и большинство озер – излюбленное место отдыха; из столицы, Аддис-Абебы, сюда приезжают охотиться, ловить рыбу и купаться. Только Звай, хотя оно самое красивое, не посещается туристами. Сюда не доходит шоссе, и здесь растет папирус, прибежище улитки, в которой вырастает личинка шистозомы, гроза любителей купанья.

В Аддис-Абебе я встретил двух шведов, от которых кое-что узнал про Звай. Один из них, этнограф, изучал по литературе жителей тамошних островов. Другой – он кормится ловлей птиц в Эфиопии – сам побывал на озере.

Я взял напрокат джип, погрузил на него продукты и полевое снаряжение, мы покинули нашу базу в столице и помчались сперва по отличной, потом по хорошей, потом по посредственной и, наконец, по отвратительной дороге. Первый ночлег – у гостеприимных шведских миссионеров на высоком восточном склоне Рифт-Валли. На другое утро вместе с переводчиком – эфиопским учителем Асеффа – и «знающим дорогу» молодым парнем из племени галла мы двинулись дальше к озеру Звай.

Глубокое ущелье с порожиистой рекой, секущее равнину к западу от озера, преградило нам путь, и в поисках переправы пришлось проехать 25 километров на юг по строящейся дороге, увязая в сыром грунте. Наконец мы пересекли реку по мощному каменному мосту, после чего километров пятьдесят ехали на северо-запад вовсе без дороги, где по конной, где по звериной тропе, где просто в просветах между редкими деревьями. Часто кому-нибудь из нас приходилось идти впереди джипа, отыскивая путь. «Проводник» сидел смирно, не раскрывая рта, а если и пытался что-то нам подсказать, то весьма неудачно. Дикие звери не попадались, зато мы видели много старых могильников. То и дело встречались нам галла – на плече копье, по пятам трусит собака. Хотели мы спросить у одного парня про дорогу, но он так перепугался, когда мы развернули джип в его сторону, что поднял копье для защиты, потом пустился наутек и мигом исчез среди акаций.

Вечерело, когда мы выехали на высокий утес, с которого открывается великолепный вид на восточный берег озера Звай и два ближних острова. На утесе стоял дощатый домик и большая палатка – шведская миссионерская поликлиника. Заведовала поликлиникой медицинская сестра, но она уехала в отпуск в Швецию, и мы застали только сторожа, живущего с семьей в шалаше по соседству. Он позволил нам разместиться в палатке.

От подножия утеса на юг и на север тянулись камышовые заросли, а на воде в лучах вечернего солнца поблескивало желтое зернышко: папирусная лодчонка возвращалась на свой остров.

День угас быстро, как и должно быть в восьми градусах от экватора. И тотчас начался спектакль. На деревьях тараторили обезьяны. Грузные бегемоты выбирались на берег и шли лакомиться кукурузой на поля. Все ближе и ближе скулили и выли гиены. Откуда-то с озера доносилась далекая барабанная дробь. Из палатки были видны костры на островах. Асеффа объяснил, что это копты готовятся встретить свой праздник маскал. Я вышел, чтобы полюбоваться всей панорамой, и у самых дверей наткнулся на две темных фигуры с копьями. Это сторож с одним из своих родичей пришел спросить, не хотим ли мы посмотреть на гиен, которые нашли околевшего мула и устроили пир.

Мы крадучись вошли в рощу. Где-то впереди звучали дикие вопли, тьяканье, рычание, щелкали челюсти. В кустах со всех сторон сверкали, словно стоп-сигналы, бдительные глаза гиен. Но стоило мне включить фонарик, и обладатели глаз беззвучно улетучились, как будто по волшебству. Видно только лежащую на земле истерзанную тушу. Выключая фонарик и жду. Опять кругом пара за парой вспыхивают глаза, опять зверье воет, скулит и рвет мясо, трещат кусты и сучья. Зажигаю фонарик... Половины туши как не бывало, осталась только передняя часть, да и та разодрана на куски. Мы поискали в кустарнике, идя по кровавым следам, но задние ноги мула канули в ночь.

На другое утро мы спустились к озеру. Маленькое кукурузное поле у подножия утеса подверглось за ночь основательному опустошению, вторгшийся сюда бегемот сжевал не

одну сотню початков. Мы застали хозяина, когда он разгонял обезьян, которые задумали доесть то, что осталось после вылазки озерного исполина.

Вдали показалось несколько маленьких папирусных лодок, они шли от островов прямо к нам. Мы стояли там, где расчищенный в папирусе проход от причала встречался с тропой, спускающейся сверху. У нас были припасены топоры, веревки и два толстых сука в рост человека. Мы задумали один план и ждали, когда подойдут лодки.

Вот и они. Похожи на чадские: корма обрезана прямо, только нос заострен и изгибается кверху. Правда, совсем маленькие, на одного человека.

Островитяне пересекли озеро для меновой торговли с галла. Один привез буроватое кукурузное пиво в кувшине и в калбасе. У другого была свежая рыба. Подошел третий и начал вытаскивать свою лодку на берег. Мы перехватили их и предложили сделку. Взяв напрокат все три лодки, мы поставили их рядом и связали вместе. Только так можно было осуществить наш план и попасть на острова, к людям племени лаки. На всем озере Звай лишь они делают лодки, притом такие маленькие, что никто посторонний не может воспользоваться ими, чтобы проникнуть в древнее пристанище этого племени.

Лаки не состоят в родстве с галла, обитающими на берегах Звай. Галла – типичные африканцы, кормятся земледелием и скотоводством, они прочно приросли к суше, им в голову не приходило связать лодку или плот, чтобы выйти на озеро. А в жизни лаки папирусная лодка играет важную роль, ведь они не только земледельцы, но и рыбаки, и торговцы. Несмотря на черную кожу, лаки не негроиды, у них, как у большинства эфиопов, узкие лица, четкий рисунок которых наводит на мысль о жителях библейских стран. Как и монахи озера Тана, они пришли из области верховий Нила и принесли с собой искусство строительства лодок из папируса. Уже в 1520-1535 годах, они, спасаясь от гонений, после долгого странствия достигли Рифт-Валли и уединились на глухих островах озера Звай со всеми своими церковными сокровищами и древними коптскими рукописями. Мне говорили, что рукописи сохраняются до сих пор, ведь галла ни разу не смогли проникнуть на острова, несмотря на четырехвековую вражду с лаки. Правда, в последние годы розни пришел конец, наладилась меновая торговля, некоторые семьи лаки даже перебрались на берег, но по-прежнему на озере делают только такие лодки, что на них кроме гребца может поместиться от силы один человек. Да и то он рискует перевернуть тонкую связку папируса, если не будет сидеть тихонько, вытянув ноги вперед или свесив их по колено в воду.

Вот почему мы смотрели с торжеством на свое произведение – устойчивый плот из трех связанных вместе лодок. Мы уже собрали снаряжение и хотели занять места на плоту, чтобы переправиться на заманчивые острова, когда увидели, что один из лодочников потихоньку развязывает узлы. Объяснив Асеффе, что он пришел за дровами для большого праздничного костра, но теперь вспомнил, что самые хорошие дрова не здесь, а в другом месте, островитянин учтиво попрощался с нами и поспешно удалился на одной трети нашего тримарана.

Лишь под вечер нам удалось наконец позвать еще одного лаки. Он шел вдоль камышей, забрасывая в воду небольшую сеть, и чуть не всякий раз в его сети трепетало живое серебро. Мы купили весь улов, двадцать одну тулumu с нежнейшим мясом, испекли на углях по рыбе на человека, а остальное вернули рыбаку. В нашу сделку с ним входил также прокат лодки, и на этот раз мы поспешили отчалить, как только связали плот. Он легко выдерживал вес троих пассажиров и кинокамеры с треногой, и Асеффа нерешительно присоединился к нам, когда я напомнил ему, что мне понадобится переводчик.

Берег был оторочен густыми зарослями низкого камыша, но папируса мы здесь не увидели. Небольшая волна заставила всех взяться за весла. Постепенно берег озера ушел вдаль, а над нами поднялись зеленые холмы ближайшего острова. Между деревьями на склонах отчетливо различались живописные круглые хижины из соломы. В это время из-за мыса вышла маленькая лодчонка и направилась прямо к нам. Верхом на папирусе, спустив ноги в воду, сидел суровый человек в покоем на мундир костюме защитного цвета. Умело работая веслами, он развернул свою лодку и стал поперек нашего курса. Асеффа сообщил,

что этот человек называет себя не то шерифом, не то шефом острова Тадеча и требует, чтобы мы предъявили ему документы, прежде чем он пустит нас на берег.

Асеффа спросил, нет ли у меня какой-нибудь официальной бумаги. Я достал из нагрудного кармашка написанное по-французски письмо норвежского министра иностранных дел, адресованное властям Республики Чад. Асеффа ни слова не знал по-французски, но это не помешало ему, стоя на плоту, торжественно произнести на языке галла долгую тираду, в которой я разобрал только поминутно повторяемое имя императора Хайле Селассие. Что уж он там сочинил, знают лишь сам Асеффа да шериф; во всяком случае суровый чиновник растерянно отдал честь, освободил нам путь задним ходом и возвратился к мысу, а мы взяли курс на ближайший залив.

Остров был изумительно красив. Яркая зелень, пологие холмы, аккуратные кукурузные поля... В заливе голые ребятишки удили рыбу, сверху спускались к причалу женщины с кувшинами на голове, в платьях из домотканой материи, навстречу им поднимался мужчина, неся на плече свою папирусную лодку. Кругом сновали куры, порхали красочные птицы. На открытом гребне холма примостилась чистенькая деревушка, горстка хижин с конической соломенной крышей, стены – из камня и обмазанного глиной плетня, расписанные незамысловатым узором. Около большинства хижин сушились на солнце остроносые лодки, где одна, где две, а то и три. Нас учтиво пригласила к себе в дом симпатичная супружеская чета и предложила свежего кукурузного пива айдар. Его звали Дагага, ее – Хелу. В доме было уютно и чисто.

На утрамбованном глиняном полу стоял ткацкий станок и большие запечатанные кувшины. На каркасе стен висели калесы и нехитрые орудия труда, постелью служили шкуры, подушкой – кривая деревянная скамеечка вроде древнеегипетских. Дагага и Хелу жили без забот, вещей у них было очень мало, зато бездна времени, чтобы получать от них радость. Нет холодильника, зато нет и счета за электричество. Нет автомобиля, но ведь и спешить некуда. Они отлично обходятся без того, чего у них нет, и что мы привыкли считать необходимым. И у них есть все, что им необходимо и чем охотно обходимся мы, расставаясь с городом на время долгожданного отпуска. Когда наш современный мир вскорости проникнет к ним, они многое у нас переймут, а мы у них – ничего, но это будет бедой и для них, и для нас, ведь обе стороны считают, что умнее, лучше, счастливее мы, раз у нас больше всякой всячины. Так ли это?

Пока я философствовал, сидя на холодке у двери, красавица Хелу с мудрыми глазами потчевала незнакомых гостей. Дагага сидел и поглаживал козленка, от души радуясь, что может угостить нас пивом и жареной кукурузой. До чего же вкусно! И до чего хорош вид из двери на зеленые холмы. Вот бы, лежа на шкурах, полюбоваться озером на закате, когда пойдут домой последние папирусные лодки... В эту минуту что-то сверкнуло на горизонте, потом донесся глухой рокот. По небу ползли черные тучи. Кинокамера! И все наше имущество в незастегнутой палатке на том берегу!.. Надо поторопиться, если мы хотим пересечь озеро до грозы. Солнце склонилось совсем низко. Я глянул на свои часы: ого! В доме Хелу и Дагаги часов не было, время здесь не дефицитный товар и нет нужды его мерить.

Мы сбежали вниз по склону и оттолкнули от причала папирусный тримаран. И вот уже остров уходит назад, растворяясь в вечерней мгле. Последнее, что мы видели, раньше чем дождь все заслонил, были тусклые огоньки на гребне холма. Наши лакские друзья, надежно укрытые в своих уютных хижинах, зажгли фитили масляных светильников...

Наступил маскал, главный коптский праздник, когда все эфиопы-христиане празднуют так называемое «открытие истинного креста». С нашего утеса мы видели большие костры на островах. Мы собирались еще раз навестить лаки, расспросить их о папирусных лодках, но не тут-то было. В этот день ни одна лодка не вышла на озеро. На следующий день мы увидели две лодки с рыбаками, но они держались вдали от берега. Может быть, им так велел шериф, чтобы избежать повторных визитов.

Мы погрузились в джип и покатали обратно. Ориентироваться было нетрудно.

Несмотря на прошедший ливень, отпечатки наших колес сохранились. Мы уже приближались к ущелью, когда заметили между деревьями другой джип. Он тоже ехал по нашему следу, но навстречу нам. В машине сидели эфиопы. Выйдя из джипа, чтобы поздороваться, мы обратили внимание на одного из них, который был почти на голову выше остальных. На нем была роскошная ряса с шитьем, ниже косматой седой бороды на животе болтался огромный коптский крест на цепочке. Асеффа поцеловал крест и объяснил нам, что этот богатырь с благодушным лицом – глава эфиопской церкви, епископ Лука. Он направляется к озеру Звай, чтобы навестить своих единоверцев лаки. Епископ лукаво сказал, что знает способ вызвать лодки. И если мы сможем приехать на следующей неделе, он нас примет на главном острове – Девра Зионе. Но для этого надо спуститься к озеру с другой стороны, там есть небольшой лепрозорий, а при нем – пластмассовая лодка.

Возвращаемся в Аддис-Абебу. Нагружаем джип свежими запасами. Через несколько дней едем на юг по туристской магистрали вдоль западной кромки Рифт-Валли. Отсюда совсем просто спуститься к Звай, но в этом конце озера нет ни папируса, ни островов. Лепрозорий оказался закрытым, окна заколочены. Сидевший на крыльце галла с распухшими от слоновой болезни ногами сообщил нам, что лодку увезли на ремонт в Аддис-Абебу. А других лодок тут нет, только маленькие *евелла*, которые лаки вяжут из папируса.

Попытались проехать вдоль берега на север. Сплошное бездорожье. На юг... Заросшая тропа привела нас к монастырской школе. Школа тоже закрыта. Дальше путь нам преградила глубокая река. Сонный монах, кутаясь в рясу, сидел на траве и глядел на бегемота, который нежился у другого берега в тени могучих деревьев, высунув голову из воды. Ниже по течению начинались пороги.

Лодка? Откуда ей быть. Здесь никто не вяжет лодок: слишком много бегемотов, которые недолюбливают их еще с той поры, когда на них охотились люди с папирусных лодок. Автомобильная дорога? Нету. Здесь нету.

Возвращаемся к шоссе. Едем по нему на юг. Озеро Лангана среди каменистой равнины. Островов нет, папируса нет, шистозомы нет. Есть пляж, туристский отель, пиво, лимонад. Пластмассовая лодка? (Мы надеялись взять ее напрокат.) Увы. Она в Аддис-Абебе, ремонтируется. Едем обратно по шоссе. Ночь, тропический ливень. В деревне Ада-митуллу мы нашли приют. В дощатом сарае женщина галла торговала пивом и эфиопскими чебуреками. А во дворе за сараем мы увидели две конурки с постелями, ничем не огороженную выгребную яму и бочку с водой для тех, кто привык умыться.

Кинооператор приоткрыл дверь своей будки и просунул внутрь руку, в которой держал распылитель с дезинсектантом. Потом распахнул дверь настежь и вымел веником богатую коллекцию дохлых насекомых. Он так и уснул, лежа поверх покрывала с распылителем в руке. Я отыскал одного галла и поставил сторожить машину, снабдив его фонариком, затем вынес из своей будки все, оставил только голую железную кровать, и развел на полу костерок из взятых у хозяйки благовонных палочек. Всю ночь из окошка струился ароматный дымок.

Только я задремал, как в соседней конурке послышалось ругательство, и оператор с грохотом выскочил на волю и исчез в ночи. Утром я обнаружил его в нашем джипе, он лежал поверх багажа, свернувшись калачиком. Мало того что его чуть не сожрали паразиты, он всю ночь глаз не сомкнул из-за какого-то человека, который все время светил ему в лицо. Сторож гордо доложил, что это он следил за тем, чтобы верзила, явившийся откуда-то среди ночи, ничего не стащил.

Этот сторож нас здорово выручил. Уроженец деревушки, лежащей у южной оконечности озера, он сказал нам, что туда очень легко проехать, он охотно покажет нам путь. С проводником и переводчиком мы покатали через рощи и перелески, пока не уперлись в уже знакомую нам порожистую речку, правда, в другом месте, здесь через стремнину было переброшено для перегона скота несколько кривых бревен, присыпанных камнями и землей. Дюйм за дюймом мы форсировали этот мост и покатали дальше по конным тропам, сухим руслам, просекам и глинистым полям от одной идиллической деревни

галла к другой. Километр за километром нас сопровождали веселые ребяташки, они живо разбирали изгороди на нашем пути, засыпали камнями и сучьями канавы. Природа тут красивая, разнообразная, птиц словно в зоопарке. Галла к югу от Звай образуют свой замкнутый мир, ни о чем не просят, ничего не получают и не нуждаются ни в чем. Никто не вмешивается в их жизнь, никто им не докучает, никто их не совершенствует и не портит. Они привязаны к земле, и никому из них не приходило в голову связать себе лодку.

Продолжая движение, мы под вечер увидели совсем близко самый большой из островов лаки. Его зеленые вершины вздымались выше, чем холмы на берегу. И вот уже только широкий пролив отделяет нас от Девра Зиюна, куда направлялся епископ Лука. Мы выехали на ровное поле, к очередному селению галла. Ни у кого не было лодки, зато все знали, что епископ Лука сейчас на острове. За ним приходила оттуда большая *обоу* – так лаки называют лодки из трех снопов папируса, связанных плугом. Мы до сих пор видели обычные, узкие лодчонки, которые опрокидываются при малейшем неверном движении. Лаки называют их *шафат*, галла – *евелла*.

Поблагодарив за информацию, мы съехали по крутому спуску к самой воде и сигналили до тех пор, пока к нам с той стороны не подошел какой-то любопытный лаки на маленькой *шафат*. До острова здесь было всего 2 километра, и мы попросили лодочника вернуться и передать, что мы приглашены епископом Лукой и нам нужна *обоу*. Вскоре кинооператор вместе с переводчиком и лакским гребцом уже сидел в широкой лодке епископа. Сам я уселся на обычной *шафат*, спина к спине с гребцом, который объяснил мне, что нельзя сгибать ноги в коленях и надо плотнее прижиматься к нему, чтобы не опрокинуться. Съёмочную аппаратуру мы погрузили на другую *шафат*.

Моя лодка была кое-как связана полусгнившим лубом. Я оперся рукой, чтобы не сидеть в шистозомной воде, в ту же минуту две лубяные петли лопнули и *шафат* начал разваливаться. Гребцы не на шутку переполошились, все трое что-то кричали друг другу и нам на своем языке. На всякий случай соседи подогнали к нам свои лодки, хотя было очевидно, что спастись у них, если наша лодка распадется, бесполезно, только опрокинемся все вместе.

Чувствуя, как мои штаны все глубже погружаются в теплую воду, где резвились микроскопические чудовища, я сидел будто вкопанный и судорожно сжимал руками стебли папируса, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение. Может быть, эти твари уже прокладывают себе путь через тонкую ткань шортов? Раньше до острова было рукой подать, теперь он вдруг отодвинулся куда-то страшно далеко. Никогда еще двадцать минут не казались мне такими долгими.

Когда мы вытащили на берег растрепанный сноп папируса, было очевидно, что этот *шафат* отслужил свой срок. Но мы добрались до Девра Зиюна, а это все окупало.

От прибрежного папируса до скал внутри острова простирался поистине парковый ландшафт, на зеленых склонах высились старые деревья-исполины. Источенные ветрами утесы напоминали колонны и террасы разрушенного замка, который оброс цветущими кустами, лианами, кактусами и диковинными деревьями.

Мы шли очень быстро по горной тропе, не встречая ни полей, ни хижин, ни людей, лишь обезьян да многоцветных птиц. Наконец у наших ног простерлась глубокая долина в виде подковы. Ее ложе представляло собой сплошное зеленое болото с папирусом и зарослями камыша, в которых кишели длиннохвостые обезьяны и крупные болотные птицы.

От устья долины в озеро вдавалась песчаная коса, здесь мы застали епископа. Под его руководством два десятка лаки соорудили из только что срубленных сучьев нечто странное, больше всего похожее на двухэтажную клетку для птиц. Епископ Лука, явно удивленный нашим появлением, приветливо объяснил, что каркас обмажут глиной и получится дом для гостей с большой земли. Мы посмотрели на безлюдную заболоченную долину, на курящийся паром горячий источник, который впадал в озеро по соседству с косой.

А епископ тем временем уже развернул свои припасы и настаивал, чтобы мы ели его печенье и превосходные фрукты. Мы еще не успели опомниться от смущения, когда святой

отец с тревогой в голосе добавил, что, закусив, мы сразу должны отправляться обратно, дескать, ночью озеро опасно из-за бегемотов. Мы ответили, что собираемся ночевать на острове. Ни в коем случае! При всей учтивости епископа Луки было очевидно, что ему не терпится нас спровадить.

— А пергаментные рукописи? Можно их посмотреть?

Рядом с епископом стоял высокий худощавый человек с орлиным носом, острой бородкой и пронизательными глазами. Они посовещались и кивнули. Можно, только поскорей, сейчас нас проводят в церковь, а оттуда к лодкам.

Епископ быстро, но сердечно попрощался с нами, и так же быстро нам представили нашего проводника. Это был высокий спутник епископа, по имени Брю Мачинью, верховный вождь всех лаки, обитающих на пяти островах озера Звай, общим числом две с половиной тысячи. Следом за Брю, сопровождаемые вереницей его подданных, мы, тяжело дыша, затрусили вверх по склону между валунами и кактусоподобными деревьями. Подъем продолжался не один километр, наконец мы, совершенно измотанные, шатаясь на ходу, ступили на вершину острова. Отсюда открывался великолепный вид на озеро, соседние острова, дальний берег и горы. Прямо под нами, метрах в трехстах над озером, вырисовывались круглые соломенные крыши небольшой деревушки, прилепившейся на уступах склона. На самой вершине стоял сине-зеленого цвета квадратный домик из досок. Брю объяснил нам, что это новый монастырь и временная обитель епископа Луки.

Монах впустил нас в домик, и мы увидели на пыльной полке беспорядочную грудку пожелтевших старинных рукописей и пергаментных книг. Брю гордо сообщил, что все это привезли с собой прадеды, пришедшие с севера много сотен лет назад. Я протянул руку наугад и вытащил огромную книгу длиной в полметра, с изумительно разрисованными страницами из кожи козлят. Картинки изображали древних патриархов в красочных облачениях и с крохотными ногами. Текст — черная с красными завитушками вязь непонятных эфиопских писем — тоже смотрелся как произведение искусства. В любой библиотеке мира такая книга хранилась бы под стеклом в ряду самых дорогих реликвий.

Монах извлек откуда-то два огромных серебряных блюда с гравированным изображением апостолов — старинные изделия, также доставленные на остров предками. В эту минуту осмотр был прерван, нам напомнили, что пора бежать дальше, к причалу, скоро стемнеет. А мы хотели переночевать на Девра Зионе и всячески тянули время. Нельзя ли послать на другой берег *шафат* за продуктами и спальными мешками для нас? Это исключено. Никто из лаки не согласится возвращаться в темноте. Мы должны переночевать у галла, а завтра утром можем приехать опять.

Меня разбирало любопытство. Что тут такое происходит, почему никто из посторонних, кроме епископа Луки, не должен ночевать на острове? Начало смеркаться. Я шепнул несколько слов кинооператору и, когда все ринулись вниз по склону, незаметно спрятался за большим камнем. Вскоре вся компания исчезла и воцарилась тишина. Только ветер шелестел в листве, оттеняя мое одиночество. Я чувствовал себя так, словно сидел на крыше Африки. Вот наши лодки отчалили и пошли навстречу тени, ползущей по равнине. Озеро поглотило солнце, и поверхность воды превратилась в раскаленный металл. Медленно остывая, она стала темно-синей, потом почернела, а ночь уже катила дальше, через леса, горы и доли туда, где кончается земля.

Африка ночью... Исчезли во мраке круглые крыши, ничего не видно, только слышны какие-то странные звуки, сплетение тирольских трелей с религиозным песнопением. Было так темно, что я не рисковал трогаться с места. Лучше уж буду сидеть здесь, воспринимая мир на слух и на запах. Летучая мышь? Трава шуршит... Вдруг на плечо мне легла чья-то рука. Это был вождь Брю. Он молча взял меня под руку и повел, будто слепого, по невидимой тропе между огромными валунами и каменными террасами. Мы шли молчком, все равно мы не поняли бы друг друга без переводчика. На всем острове не было человека, с которым я мог бы объясниться.

Вождь знал тут каждый камень и следил в оба, чтобы со мной ничего не случилось.

Мы миновали первые хижины, прошли через две-три террасы и очутились перед домом собраний, который заметно выделялся своими размерами. Из низенькой двери падал наружу свет. Так вот откуда доносилось странное пение! Брю подвел меня к старейшинам, сидевшим на колодах и скамеечках у двери.

В плошке с растительным маслом горел фитиль, и глиняная штукатурка стен была расписана множеством огромных колышущихся мужских силуэтов. В глубине помещения стояли в ряд молодые женщины в белых одеяниях, они кланялись и ритмично хлопали в ладоши, одна выводила голосом переливы, остальные что-то монотонно пели. В полумраке за этими нимфами я разглядел круглые кувшины, такие большие, что в каждом свободно поместилось бы два человека. Несмотря на тлеющие головешки в глиняном очаге, дым не скапливался под высоким потолком, который покоился на столбе с распорками вроде зонтичных спиц.

Вместе с самым почтенным старцем, таким белобородым Моисеем из Библии, меня и Брю посадили на резные скамеечки в полукруге мужчин. По эфиопскому обычаю, перед нами поставили столик, накрытый конической плетеной крышкой. Под ней лежали в два слоя огромные, мягкие, словно губчатая резина, лепешки с кусочками жареной рыбы и горькой коричневатого порошка, после которого обычный перец показался бы сахаром. Оторвал кусок лепешки – макни в этот порошок. Но прежде чем началась общая трапеза, каждый ополоснул пальцы в миске с водой. Брю старательно выбирал для чужестранца самые лучшие куски. И молчаливый перебежчик сразу ощутил себя почетным гостем. Под звуки необычного женского хора виночерпий наполнил наши кружки сперва сладким кукурузным пивом, потом крепчайшим самогоном. Мужчины оживились, зазвучали торжественные монологи на языке лаки. Один я сидел, как немой. Тут я вспомнил, что у меня на плече висит магнитофон... Не успели женщины устроить перерыв, как откуда-то полились тирольские трели. И не один мужчина поперхнулся пивом: только приложишься к кружке, в это время раздастся твой собственный голос! В первую минуту воцарилось полное смутение, но затем магнитофон стал гвоздем вечера. С ним я превратился в чревоушника, свободно болтал на языке лаки и громко хохотал, как будто понимал все шутки, все, что пелось и говорилось в доме собраний.

Наконец старейший встал в знак того, что пора расходиться по домам. К выходу потянулась вереница поющих женщин, и тирольский хор стал распадаться на отдельные голоса в ночи, смолкающие по мере того, как их обладательницы исчезали в своих хижинах.

Вождь взял меня под руку и отвел к себе. Его лачуга была устроена в точности, как дом собраний, только поменьше. В тусклом свете коптилки я различил несколько фигур, они свернули и вынесли покрывала, освобождая для меня единственную кровать, такую же, как древнеегипетские кровати в Каирском музее, с сеткой из узких кожаных ремней. Спорить было бесполезно, хозяева перетащили свои одеяла и подголовники в другую хижину, а мне знаком предложили располагаться на кровати, постелив чистые шкуры и домотканое покрывало. Пока я разувался, вождь велел своему сыну принести таз и вымыть мне ноги. Закончив омовение, мальчик отвесил глубокий поклон и облобызал пальцы моих ног, после чего ему и другим было велено покинуть дом. Поистине, на Девра Зионе еще живы библейские времена.

Я лег не раздеваясь, а Брю с женой затеяли вполголоса какое-то совещание. При этом они то и дело поглядывали на меня, как бы проверяя, всем ли я доволен, или они что-нибудь упустили. Не совсем понимая, что происходит, я вдруг заметил, что они стоят не одни, с другой стороны кровати смутно виднелась еще какая-то фигура. Скрытая столбом коптилка позволяла только различить, что это молодая женщина. Вот она чуть-чуть повернулась, и я рассмотрел очерченный тусклым светом красивый профиль. Наверное, одна из дочерей Брю... Наконец родители вышли, пригнувшись в дверях. Светильник был при последнем издыхании. Кажется, таинственная фигура исчезла? Нет, вон она по-прежнему стоит в ногах. Хорошее дело. Я занял кровать вождя, его сын вымыл мне ноги, теперь дочь исполняет роль ангела-хранителя... Вдруг я услышал, как чей-то далекий голос в ночи зовет меня. Это был

кинооператор. Я не стал отзываться, боясь нарушить очарование. Но мой товарищ не унимался, голос его звучал все ближе, и вот он уже входит в комнату вместе с Брю и его женой. Кинооператор объяснил, что тревога за меня заставила его вернуться с переводчиком на остров на епископской *обо́лу*. Хозяева принесли кукурузного пива и лепешки с рыбой, постелили новым гостям шкуры на полу.

Мы остались гостить у вождя еще на день и с помощью переводчика узнали все, что нас интересовало.

Папирус на Звай рос в труднодоступном месте, нечего было и думать о том, чтобы вывезти его в большом количестве. Только болота озера Тана могли нас выручить. Но мы выяснили на земле лаки еще кое-что. Лакские *шафат* и *обо́лу* скорее походили на лодки Чада, Мексики и Перу, чем на связанные эфиопскими сородичами лаков *танкуа* с озера Тана. Лаки вяжут лодки из папируса не потому, что на озере нет леса, напротив, древесину здесь заготовить легче, чем папирус. Еще мы убедились в том, что не всякий народ, обосновавшись на берегу озера, непременно начинает делать папирусные лодки. Это явствовало уже из того, как сложно нам было попасть на острова из области галла. Искусство вязания лодок из папируса передавалось по наследству. Это древний обычай, который сопровождал определенные народы в их скитаниях. Однако лаки отмечали тот же недостаток, что монахи озера Тана: папирусные лодки надо каждый день вытаскивать на берег и просушивать. Если *обо́лу* или *шафат* оставлять в воде, она придет в негодность через восемь – десять, самое большее четырнадцать дней.

Уезжая назад в Египет, я колебался. Стоит ли отваживаться на такой лодке пересекать Атлантический океан?

Глава 6

В краю строителей пирамид. Судоверфь в песках Египта

– Вы хотите огородить участок пустыни за пирамидой Хеопса, чтобы построить там лодку из папируса?

Широкоплечий министр поправил очки в роговой оправе и посмотрел на меня с недоверчивой улыбкой. Потом неуверенно покосился на стройного седого человека – норвежского посла, который стоял рядом со мной, как бы удостоверяя своим присутствием, что этот северянин, его соотечественник, находится в здравом уме. Посол вежливо улыбнулся.

– Папирус тонет через две недели даже на реке, – продолжал министр. – Это не мои слова, так говорит директор Института папируса. И археологи тоже утверждают, что папирусные лодки не могли выходить из дельты Нила, потому что морская вода разъедает папирус, и он ломается на волнах.

– Это как раз мы и хотим проверить на деле.

Более веской причины я не мог привести, оказавшись лицом к лицу со специалистами, которых министр культуры и министр туризма ОАР пригласили, чтобы обсудить мою просьбу, переданную через норвежское посольство.

Так открылось совещание с директорами музеев, археологами, историками и папирусоведами. Руководитель Института папируса Гасан Раджаб повторил свое заключение, но признал, смеясь, что из всех присутствующих я один видел настоящие папирусные лодки. И если я твердо решил провести опыт, он с удовольствием меня поддержит. Сам он мог только испытать куски папируса в баках с водой, ведь в Египте некому было построить лодку. Я подумал, что с таким же успехом можно испытать кусок железа и заключить, что «Куин Мери» непременно должна была пойти ко дну. Одно дело – строительный материал, совсем другое – сделанное из него судно.

Директору Каирского музея мысль о морском плавании на папирусной лодке казалась абсурдной. Конечно, в древности Египет поставлял Библию папирус для книг, но финикийцы сами приходили за товаром, ведь только деревянные суда могли пересечь Средиземное море. И уж тем более никакие папирусные лодки не могли и не могут одолеть Атлантический океан.

От папируса перешли к пирамидам и иероглифам по обе стороны Атлантики, ученая дискуссия затянулась. Последним взял слово генеральный директор археологических памятников Египта, доктор Гамаль Мереж. Это будет очень ценный эксперимент, сказал он, если кто-то по фрескам в наших древних гробницах восстановит папирусную лодку и испытает ее в деле. На том и порешили.

Министр культуры уполномочил директора Гизского заповедника отвести нам требуемый участок для палаток и строительства, но взял с нас обязательство не производить раскопок в древнем некрополе фараонов.

Мы спустились по лестнице; внизу, как повсюду в Каире, высилась кирпичная баррикада, окна первого этажа были заложены мешками с песком. Здесь мы простились с заместителем министра туризма Аделем Тахером.

– Непременно постройте лодку, – сказал он, улыбаясь и пожимая мне руку. – Мы поможем, сделаем все, что от нас зависит. Невредно напомнить миру, что Египет не только войной занят.

Оставшись вдвоем с послом, я от души поблагодарил его за неоценимую поддержку. С первой встречи Петер Анкер стал моим добрым другом. Он много лет проработал на Ближнем Востоке как представитель ООН и как посол Норвегии, давно увлекался историей и стал ходячей энциклопедией по вопросам древних торговых и культурных связей в этой области.

– Успех, – подвел он итог. – Ты получил участок, но никто не разделяет твоей веры в папирусную лодку!

– Если бы не было разногласия, то и лодку проверять незачем, – ответил я.

Вернувшись в гостиницу, я сел на кровать и призадумался. Участок получен, это верно. Но колеса еще не завертелись, есть время отступить. Сейчас я должен решить. Развертывать наступление на всех фронтах или бить отбой? Правда, моих денег никак не хватит на экспедицию, но издательства вряд ли откажут мне в авансе под будущую книгу. А если книги не будет?.. Я вертел в руках клочок бумаги. Монахи, лаки, ученые, папирусовед... Все, как один, утверждают, что папирус может выдержать от силы две недели в тихом пресном водоеме, а на море и того меньше. Мое знакомство с *кадай*, *танкуа* и *шафатом* измеряется какими-нибудь часами, и то я уже испытал, что это такое, когда сноп под тобой начинает разваливаться. Американский камыш тотора вполне способен выдержать долгое морское

плавание, а его волокнистый стебель с губчатой начинкой напоминает папирус, но, может быть, египетский папирус все-таки впитывает воду намного быстрее тоторы?

Я развернул бумажку. На ней корявыми детскими буквами было написано:

Дорогой Тур в Италии.

Помнишь ли ты Абдуллу из Чада. Я готов приехать к тебе и вместе с Умаром и Муссой построить большую *кадай*. Мы ждем, что ты скажешь, а я сейчас работаю столяром у пастора Эйера в Форт-Лами.

Привет, Абдулла Джибрин.

Я отчетливо представил себе смешливого Абдуллу, эту черную физиономию с шрамом через лоб и переносицу, и невольно улыбнулся трогательному письму. В то же время нельзя было не восхищаться этим неграмотным парнем в Центральной Африке, который отыскал в Форт-Лами писаря, чтобы поторопить меня. Что тут раздумывать? Абдулла ждет, Умар и Мусса согласны ехать вместе с ним. Им приходилось строить для перевозки скота лодки побольше тех, на которых эфиопские христиане переправились на свои острова, и они знают о плавучести папируса больше, чем все ученые мира, вместе взятые. Они верят в свою *кадай*. Они берутся связать большую ладью, способную держаться на воде месяцами, и готовы идти на ней в дальние страны, о которых знают лишь то, что туда надо плыть много-много дней.

Письмо Абдуллы развеяло мои колебания. Положусь на ребят из Чада!

В тот же вечер я отправил в Аддис-Абебу телеграмму итальянцу, которому принадлежали катера на озере Тана. Мы с ним заранее условились, что он, как только получит от меня сигнал, пошлет Али и его команду заготовить на заболоченном западном берегу 150 кубометров папируса, а потом его просушат и свяжут в снопы на северном берегу.

Марио Буши – человек средних лет, коренастый, румяный, полный энергии. Опытный коммерсант, он сумел организовать доставку тяжелых железных катеров с Красного моря на озеро Тана. Еще в 1937 году он занимался перевозкой 180-тонного аксумского монолита из гор Эфиопии в Рим.

Сперва я думал сплавить папирус по Нилу, но на пути к Египту столько порогов и водопадов и целая страна – Судан. Буши воспринял мою просьбу переправить пятьсот снопов папируса на расстояние 725 километров от озера Тана в горах Эфиопии до Красного моря как почетное поручение, хотя и не очень сложное, ведь речь шла о каких-нибудь 12 тоннах; правда, если бы сложить все снопы вместе, получился бы небольшой дом.

Теперь каждый день был дорог. Скоро рождество, а чтобы пересечь Атлантику до начала ураганов у берегов Нового Света, надо выйти из Африки не позже мая. Опасно заготавливать папирус слишком рано, ведь старый он вряд ли будет прочным. Но если мы промедлим, то до мая и вовсе не управимся. Не так-то это просто – заготовить 200 – 300 тысяч стеблей, тем более что в это время года уровень воды в Тане высокий, а нам понадобятся стебли длиной около трех метров, значит, их надо срезать под водой. После этого папирус нужно сушить, чтобы не сгнил в снопах. А потом переправить через горы и провезти по Красному морю. В области Суэца из-за военных действий всякое движение прекращено, между тем надо выгрузить легковоспламеняемый папирус на берег в Суэце, чтобы по закрытой дороге везти его обратно к Нилу. И до того как груз прибудет к пирамидам, необходимо разбить лагерь в пустыне и наладить снабжение рабочих и сторожей. Будума из республики Чад, которым предстоит руководить работой, все еще сидят на своих плавучих островах в глухом уголке Центральной Африки. Когда наконец начнется строительство, потребуется немало времени, чтобы из тонких стеблей папируса связать мореходное судно длиной 15, шириной 5 метров. Надо также продумать и организовать доставку готовой лодки в один из портов на атлантическом побережье Африки и спуск на воду. Паруса и снасти, древнеегипетское рулевое устройство, каюта, кувшины с пресной водой и провиантом на старинный лад – тысячи проблем ждали своего решения. А в моем

распоряжении меньше шести месяцев. И пока что я успел только отправить телеграмму в Эфиопию. Бумагу, карандаш! Надо пускать машину на полный ход. И главное сейчас – набрать команду из желающих участвовать в эксперименте.

Естественно было подумать прежде всего о ребятах, с которыми я провел сто одни сутки на бальсовом плоту «Кон-Тики». Мы и теперь собираемся вместе при каждом удобном случае, вспоминаем минувшие дни. Но Кнют Хаугланд, директор музея «Кон-Тики» в Осло, недавно был по совместительству привлечен к созданию Музея Норвежского сопротивления. Герман Ватсингер, много лет работавший в Перу в качестве эксперта ФАО по рыболовству, должен был вот-вот перейти с повышением в Рим. Бенгт Даниельссон, единственный швед на «Кон-Тики», после экспедиции занимался этнологией на Таити, а теперь вступил на пост директора Этнографического музея в Стокгольме. Эрик Хессельберг остался верен своему божественному образу жизни и по-прежнему странствовал с гитарой и палитрой; он-то уж сразу согласился бы снова идти со мной. Что же до Торстейна Робю, который на приглашение плыть на «Кон-Тики» телеграфировал одно слово «пойду», то его богатая приключениями жизнь оборвалась в ледяной пустыне северо-западнее Гренландии, куда он попал с экспедицией, намеревавшейся пройти на лыжах через Северный полюс.

Команда «Кон-Тики» состояла из шести скандинавов – одного шведа и пяти норвежцев. На этот раз мне хотелось собрать вместе столько наций, сколько позволит площадь. Если потесниться, можно выйти всемером. Семь человек из семи стран. Сам я представляю крайний север Европы, не мешает для контраста взять кого-то с крайнего юга; напрашивалась Италия. Европейцы – «белые», значит, хорошо бы включить в команду «цветного», а самых черных африканцев я видел в Чаде; естественно пригласить кого-нибудь из наших знатоков папируса. Поскольку цель эксперимента – подтвердить возможность контакта между древними цивилизациями Африки и Америки, символичным было бы участие египтянина и мексиканца. Соблазнительно включить в интернациональную группу по одному человеку из США и СССР, чтобы были представлены идеологические контрасты. Символом других наций может служить флаг ООН, если нам позволят его нести.

Сама жизнь говорила о том, как важны любые, даже самые скромные, попытки наладить сотрудничество между народами. Над сфинксом и пирамидами проносились военные самолеты, вдоль бездействующего Суэцкого канала грохотали пушки. Солдаты всех пяти континентов мира воевали на чужой земле. А в странах, не захваченных войной, сидели наготове у атомной кнопки, боясь нападения других держав.

На плавучей связке папируса могут удержаться только люди, готовые протянуть друг другу руку. Я задумал плавание как эксперимент, как научную экспедицию в далекое прошлое древних культур. Но этот эксперимент вполне мог сочетаться с другим – с экспедицией в тесный, перенаселенный мир завтрашнего дня. Телевидение, реактивные самолеты, космонавты помогают нам сжать нашу планету в такой комок, что скоро народам негде будет повернуться. Земного шара наших предков давно уже нет. Когда-то мир казался беспредельным, теперь его можно облететь за девяносто минут. Нации уже не разделены неприступными хребтами и неодолимым океаном. Народы не живут больше обособленно, независимо друг от друга, они связаны между собой, и появляются признаки скупенности. Пока сотни тысяч специалистов лихорадочно экспериментируют с атомами и лазерами, наша маленькая планета летит со сверхзвуковой скоростью в завтрашний день, и все мы – участники огромного технического эксперимента, и нам надо научиться сотрудничать, если мы не хотим пойти ко дну вместе с нашим общим грузом.

Папирусная лодка в океане, во власти стихий, может стать экспериментальным микромиром, попыткой показать на деле, что люди могут мирно сотрудничать, невзирая на национальность, веру, цвет кожи и политические взгляды, лишь бы каждый понял, что в его же интересах вместе с другими бороться за общее дело.

Я взял ручку и написал письмо Абдулле, подтвердил, что жду Умара и Муссу, и пусть сам он едет переводчиком. Надо ли мне приезжать за ними, или Абдулла заберет остальных в Воле и доставит их в Форт-Лами, если я пришлю авиабилеты до Каира и встречу их здесь

на аэродроме?

К моему удивлению, ответ не заставил себя ждать. Через писаря в Форт-Лами Абдулла сообщил, что нужны документы о найме, чтобы всю тройку выпустили из страны, нужны три авиабилета до Египта и 150 тысяч чадских франков наличными. Тогда он сам все устроит, и мне незачем снова приезжать в Чад.

Итальянский государственный банк не знал точного курса чадского франка, но сумма была изрядная, и пришлось одолеть немало препон, прежде чем деньги наконец дошли до Абдуллы. Дошли, ну и что? Я положился на открытое, честное лицо, а что я знаю об Абдулле Джибрине кроме того, что ой, по его же словам, столяр? Подошел ко мне в Боле какой-то человек в белой тоге, вызвался переводить мне, помог и потом исчез. Но если Абдулла меня не подведет, я сберегу и время, и деньги. Вместо того чтобы еще раз добираться до Бола, совершу напоследок очень важную для меня поездку к индейцам Перу; кстати, мне надо побывать в Мексике и США, отобрать участников.

Итак, два партнера уже вступили в игру. Буши взялся доставить папирус, Абдулла – строителей. Материал и люди, надо думать, придут в Египет примерно в одно время. К тому времени и лагерь должен быть готов, эту задачу я возложил на надежного друга, итальянского преподавателя Анжело Корио, который получил от своего министерства просвещения академический отпуск на полгода для языковой практики в нашем интернациональном отряде в ОАР. Корио прибыл к пирамидам, словно турист, с чемоданчиком и фотоаппаратом и сразу попал в окружение гидов, горевших желанием показать ему сфинкса и научить его ездить верхом на верблюде. Чтобы выжить в непривычной восточной среде, он нуждался в помощнике из местных, знающем все нравы и обычаи, все ходы и выходы. Таким помощником стал для него полковник в отставке Аттиа Оссама. Из-за военного положения его основное занятие было окутано покровом тайны, мы знали только, что оно связано с Синайским полуостровом, оккупированным Израилем. Обходительный и симпатичный человек, он согласился быть нашим посредником в сношениях с властями и добиться разрешения на выгрузку папируса в военной зоне Суэца.

Колеса закрутились, завертелись, подключались все новые страны. Срочные письма с диковинными марками, телеграммы, телефонные переговоры на разных языках – и все по секрету, чтобы работать без помех. Семь участников из семи стран. Я уже подобрал итальянца, наметил египетского кандидата, представителем Чада должен был стать один из тройки, которая придет строить лодку. В Советский Союз послан запрос. Пора отправляться в Америку. Декабрь прошел, на подходе февраль. Остается три месяца.

В Нью-Йорке я встретился со своим американским помощником Фрэнком Таплиным. Корио ждал в Каире, когда придет папирус, который уже просох под солнцем на берегу озера Тана; Абдулла предпринимал необходимые меры, чтобы вывезти своих товарищей из Бола.

Фрэнк Таплин – американский бизнесмен, на редкость энергичный человек, борец за мир и активный деятель Всемирного союза федералистов мира, выступающего за более широкое сотрудничество между странами и укрепление ООН. Председатель ВСФМ – нью-йоркский редактор Норман Козэнс, близкий друг У Тана. Генеральный секретарь ООН принял нас троих на верхнем этаже стеклянной громады штаба Организации Объединенных Наций.

Семь национальностей, черные и белые, представители Запада и Востока – на связке папируса через Атлантический океан? Можно нести флаг ООН, но при этом обязательно соблюдать правило: все флаги должны быть одного размера и висеть на одной высоте. Семь национальных флагов, и по краям – флаги ООН? Пожалуйста. У Тан от души пожелал нам успеха. Где мы думаем стартовать?

– Я намечал Марокко.

– Тогда советую вам зайти к моему другу Ахмеду Бенхиме, представителю Марокко при ООН, это пятнадцать этажами ниже, на двадцать третьем этаже.

Его Превосходительство на двадцать третьем этаже был высокий, статный мужчина, последний отпрыск одного из самых древних и самых деятельных семейств Марокко. Он принял меня с дежурной вежливостью, предложил мне сесть в кресло и бесстрастно выслушал вступление.

– Итак, вы собираетесь начать в моей стране дрейф через океан на папирусной лодке? – Он предложил мне сигарету.

– Спасибо, я не курю.

– Из какого порта вы думаете стартовать?

– Сафи.

– Сафи?! Мой родной город! Почему именно Сафи?

Он сразу оживился и встал с выражением крайнего удивления на лице.

– Почему Сафи? – повторил он.

– Потому что Сафи – один из древнейших африканских портов западнее Гибралтара. Касабланка – современная гавань, а Сафи упоминается еще в древности. К тому же Сафи расположен как раз там, где корабль из Средиземного моря скорее всего мог быть увлечен стихиями в океан. Поблизости проходит Канарское течение, вместе с пассатом оно подхватывает все, что держится на воде, и уносит к Америке.

– Мои родители живут в Сафи. Тамашний паша мой хороший друг, я напишу ему. Кроме того, я напишу моему брату, он министр иностранных дел Марокко.

Надо же, как мне повезло! Мы расстались очень довольные друг другом.

Здесь же в Нью-Йорке жил подходящий кандидат в члены экспедиции, и все шло на лад, пока мы не посвятили в нашу тайну его лучшую половину, после чего все трое быстро согласились, что надо подыскать замену. Я только-только успел пообедать с новым кандидатом перед тем, как вылететь в Лиму в далеком Перу.

Через несколько дней я уже жарил рыбу на плавучем островке посреди озера Титикака вместе с несколькими индейцами уру. Остров сплошь состоял из нагроможденных друг на друга пластов камыша тоторы. По мере того как нижние слои сгнивали под водой, сверху настилали свежий камыш. Всю эту часть озера заполняют разделенные узкими проливами

искусственные островки, и кругом, куда ни погляди, растет тотора. Лишь далекие снеговые вершины взирают сверху на плоское болотное царство, где среди камыша и рыбы проходит вся жизнь уру. Дом и постель – из камыша. Лодки – из камыша, даже прямой парус связан из стеблей тоторы. Камыш – единственное топливо для кухонного очага. Из прелого камыша, смешанного с привозимой землей, на плавучих островках делают грядки для традиционного батата. Уру не знают, что такое твердая почва под ногами, для них она всегда зыбкая, будь то на огороде или в собственном доме.

Я приехал сюда проверить одну догадку. Индейцы уру, как и кечуа и аймара на берегах той же Титикаки или будума в Чаде, не вытаскивают лодки из воды для сушки каждый день. И однако они не тонут через две недели. Конечно, камыш постепенно погружается в воду, это видно хотя бы по плавучим островам, которые приходится наращивать сверху. Но изящные лодки держатся на воде без такого ремонта, совсем как на озере Чад в Центральной Африке. Объясняется это очень просто. Южноамериканские лодки, подобно чадским, туго связывают крепкой самодельной веревкой, так что капилляры внутри стебля закрываются. А маленькие эфиопские лодки кое-как скрепляют лубом или папирусным волокном, и пористые стебли впитывают воду.

Оставалось двенадцать дней до приезда Абдуллы и его товарищей в Каир. Я послал ему билеты на 20 февраля, к этому времени папирус должен был прибыть в Суэц. За двенадцать дней многое можно сделать. И вместе с моим хорошим другом, известным в Норвегии философом, спортсменом и кинооператором Турлейфом Шельдерупом я покинул зыбкие болотные острова уру и отправился в засушливое приморье Северного Перу. Мы хотели осмотреть в долине Чикама красивейшую пирамиду Южной Америки, огромное симметричное сооружение из сырцового кирпича, которое стоит, покинутое и забытое, в пустыне за песчаниковыми горами, не исследованное наукой, зато основательно разоренное кладоискателями. Они пробили широкий колодец до самого дна, преобразив ступенчатую пирамиду в этакий четырехгранный вулкан.

Исполинское сооружение так высоко вздымается над пустыней, что местные жители называют его Серро Колорадо – Красная гора. Если бы не правильная ступенчатая конструкция и не стена вокруг пирамиды, никто не сказал бы, глядя издали, что эта гора сложена из миллионов кирпичей.

После увиденного мной неделю назад, нельзя было не поражаться сходству здешних пирамид с древнейшими египетскими; это касалось и размеров, и общей формы, и астрономической ориентации, и строительного материала.

Пирамида Серро Колорадо воздвигнута безвестным властителем той далекой поры, когда в Перу вдруг расцвели могучие цивилизации. Было это задолго до того, как инкская культура сменила культуру чиму, которой в свою очередь предшествовали неведомые творцы самой ранней культуры, условно названные учеными народом мочика. Первые и самые большие пирамиды перуанского приморья сооружены «мочиками». Что это был за народ? Ученые все более склоняются к тому, что между основателями культуры на севере Перу и строителями пирамид древней Мексики была какая-то связь.

У меня еще оставалось время съездить в Мексику, где к тому же жил мой товарищ по путешествию к индейцам сери, пловец Рамон Браво, который с величайшей охотой согласился участвовать в плавании на папирусной лодке. Правда, у него что-то не ладилось с желудком, но он заверил меня, что за два с половиной месяца, оставшиеся до старта из Марокко, снова войдет в форму.

И вот мы стоим с ним в мексиканских дебрях, а перед нами – пирамида, и хлещет тропический ливень. Как раз то, что нам нужно! Мокрый насквозь Турлейф, стоя в одной рубашке (штормовкой он накрыл кинокамеру), снимал, как по ступенькам огромной пирамиды Паленке сбегает потоки воды. Тучи нависли над самыми кронами высоченных деревьев; стена леса, скатываясь по склонам холма, наступала на каменную громаду.

На расчистках вокруг пирамиды громоздились обомшелые развалины величественных сооружений. Здесь было чем любоваться... Прибыв сюда лишь за тем, чтобы хоть отчасти

представить себе, что происходило в Америке до Колумба, я в первую минуту буквально задохнулся от восторга и восхищения, а придя в себя, сел и попытался понять значение этого грандиозного заброшенного комплекса. Что-то своеобразное и неуловимое, точно и не определишь, заставляло насторожиться и призадуматься. Сейчас важно было не поддаваться гипнозу привычных представлений. И не фиксировать все внимание на какой-то упоительной детали. И не предаваться слепому экстазу, восхищаясь масштабами, красотой и инженерным подвигом. А хорошенько осознать тот факт, что этот величавый ансамбль, все эти пирамиды, храмы и дворцы – дело рук таких же людей, как мы, подобных нам и душой, и телом. Придя сюда за тысячу лет до Колумба, они расчистили в нетронутых зарослях место для домов, полей и святилищ. Пирамиды и храмы были рассчитаны и спроектированы искусными зодчими, мастерство которых особенно поражает, когда подумаешь, что большинство индейцев этого лесного края по сей день строят себе хижины из ветвей и листьев, и никому из них не приходит в голову вытесать прямоугольный блок из валуна или коренной породы.

Однажды я попробовал сделать из круглого камня прямоугольник. Ничего не вышло, хотя у меня был стальной инструмент, а у индейцев – лишь каменные орудия. Только специалисту под силу высечь из твердой породы гладкие блоки. Я с этим не справлюсь, и никто из моих друзей не справится, где бы он ни работал, и никто из тех индейцев, с которыми я встречался. Задача посильная, но не для всякого. Так в чем же секрет развалин Паленке?

Пусть это покажется абсурдом, но, может быть, наука нуждается в консультанте из уголовного розыска? В человеке, который, возможно, не разбирается в тонкостях археологии и латинских названиях, зато наделен пытливым взглядом, умением обобщать и чутьем детектива? И кое-что знает о математической вероятности? Ведь что такое уголовное расследование, если не логическая реконструкция событий, имевших место в прошлом? Вот стоит в глухом лесу огромная пирамида. Кто надумал соорудить ее здесь? Обыкновенные индейцы? Или в лесных дебрях Мексики развивали деятельность не только люди азиатской крови из Сибири?

– Это же естественно, – говорили те, кто считает, что творцы доколумбовых культур сидели на месте и дальше своего двора не ходили, – это естественно, что люди, живущие в одинаковой среде, создают похожие вещи. Вполне естественно, что народы Египта и Мексики клали камень на камень, и получалась пирамида.

Усилившийся ливень загнал нас в укрытие под широкие листья.

Одинаковая среда! Что может быть различнее египетской пустыни и мексиканского леса? Воздух, которым мы дышали, был душный, как в жаркой оранжерее. Кругом сплошь влажная листва, стебли, стволы, тучный перегной. И ни одного камня, если не считать обросшую зеленью кладку из огромных обтесанных глыб. Так ли уж это естественно укладывать камень на камень в мексиканском дождевом лесу? А что же тогда африканские леса? Или различные природные зоны Европы?

Где добывали строительный материал творцы пирамиды Паленке? Может быть, они зарывались глубоко в землю под корни деревьев, может быть, где-то вырубали кусок горного склона. Как бы то ни было, здесь, в Паленке, сперва родилась идея, а уже потом специалисты разыскали материал для ее воплощения.

Ну а в Перу? Естественно ли было там класть камень на камень, чтобы получилась пирамида? Пустыни, в которых разбросаны перуанские пирамиды, простерлись вдоль побережья на тысячу километров, но подходящего камня здесь нет, за ним надо отправляться в Анды. В долине Мочика, где мы только что побывали, камень был таким дефицитным товаром, что строителям пришлось изготовить около 6 миллионов больших сырцовых кирпичей, чтобы соорудить свою пирамиду высотой 30 метров, с площадью основания почти 4 тысячи квадратных метров. И ведь в Перу есть кирпичные пирамиды побольше Серро Колорадо.

Как хорошо думается, когда сидишь, мокрый, озябший, под широкими листьями и

смотришь на поливаемую дождем пирамиду, находясь под свежим впечатлением виденного в Перу и Египте...

В Египте было естественно строить из камня, высекая блоки из коренной породы, ведь в пустыне, где только голые скалы торчат из песка, камень – единственный природный строительный материал, не считая папируса. Ну а в Мексике? Известно, что жители горных плато – ацтеки, и майя в густых лесах Юкатана научились сооружать пирамиды у своих предшественников. Ученые считают, что древнейшая цивилизация Мексики, которая дала толчок развитию остальных культур, зародилась в тропическом лесу на берегу Мексиканского залива, где океанское течение завершает свой путь через Атлантику. Может быть, здесь было естественно строить пирамиды? Ничего подобного. Безвестным основателям самой древней культуры Мексики приходилось очень далеко ходить за камнем, в отдельных случаях блоки весом в 20-30 тонн доставлялись на строительную площадку за 80 километров.

Никто не знает, кем были эти деятельные ваятели и зодчие, которые строили в лесной чаще, хотя лучше понимали толк в камне, чем в лесе. Ученые условились называть их ольмеками. Если многочисленные реалистические скульптуры из памятников той поры считать автопортретами, то у одних ольмеков были чисто негроидные черты – круглое лицо, плоский нос, толстые губы, а другие узким лицом с бородой, усами и орлиным носом напоминали семитский тип. Ольмеки – ключ к загадке. Как они назывались на самом деле, кем были, почему вдруг начали добывать камень и сооружать пирамиды? Кстати, одна из этих пирамид, высотой 30 метров, как и перуанские, и древнемесопотамские, и некоторые из древнейших пирамид долины Нила, сложены из кирпича-сырца.

Омытое дождем сооружение, которым мы любовались, еще больше запутало вопрос. В 1952 году здесь было сделано открытие, потрясшее ученый мир и опрокинувшее незыблемые догмы. Археологи обнаружили тайный ход; узкая лестница вела в недра пирамиды, упираясь в тяжелую каменную плиту, за которой находился великолепно украшенный склеп с большим каменным саркофагом, а в саркофаге лежали останки священного правителя. Все это напоминало о Египте, но ведь отсутствие склепов в мексиканских пирамидах было одним из главных факторов, ссылаясь на которые большинство исследователей отвергало мысль о трансокеанских контактах. Дескать, сходство чисто внешнее, пирамиды по обе стороны Атлантики играли разную роль, они даже видом различались. В Мексике и Перу они ступенчатые, а у египетских пирамид гладкие грани.

Однако ссылка на вид пирамид не выдерживала критики. Всякий, кто побывал в долине Нила, знает, что в Египте тоже есть ступенчатые пирамиды, причем они старше и представляют исконный тип. Это относится и к Месопотамии. Творцы соседней с Древним Египтом культуры, вавилоняне, в Старом Свете строили ступенчатые пирамиды и увенчивали их храмом, совсем как древние мексиканцы. А тут еще в мексиканской пирамиде находят саркофаг с останками властителя. Его род вел свое происхождение от Солнца, и в погребение поместили нефритовое изображение солнечного бога, а зодчий точно сориентировал по солнцу основание пирамиды, как это делали в Египте. Положив прах властелина в каменный саркофаг, ему – совсем как в Египте – накрыли лицо роскошной маской, правда не золотой, а из нефритовой мозаики, с белками из ракушек и зрачками из обсидиана. Подобно фараонам, покойный верил в загробную жизнь – его снабдили кувшинами и блюдами с питьем и яствами; тело украсили браслетами, серьгами, кольцами, диадемой и ожерельем из нефрита и перламутра. Изнутри саркофаг выкрасили киноварью в красный цвет; на драгоценных украшениях и истлевших костях сохранились куски красной ткани. Как и в Египте, каменный гроб был накрыт многотонной резной плитой длиной около 4 метров, шириной больше 2 метров. Плиту и стены склепа покрывали рельефные изображения жрецов и правителей, все в профиль, и у некоторых символом ранга – совсем как в Древнем Египте – служила накладная борода. Наконец, перед входом в склеп лежали скелеты принесенных в жертву юношей: в потустороннем мире правителя должны были сопровождать рабы. Вход был заложен огромной каменной плитой, а коридор и лестница

засыпаны камнями и землей. Погребение солнечного короля в Паленке во всем повторяло древнеегипетскую процедуру, было только одно нововведение – пирамиду увенчал небольшой каменный храм; но ведь так строили и в Месопотамии.

Мы только что побывали внутри пирамиды и осмотрели склеп. Искусный зодчий с самого начала предусмотрел его в своем плане; стены и потолок сложены из отшлифованных и плотно пригнанных огромных плит, а уже потом была воздвигнута собственно пирамида.

Белые сталактиты свисали сосульками с карнизов, придавая аромат глубокой старины застывшим изображениям жрецов в пышных ритуальных облачениях. Воздух в склепе был свежий и прохладный. Как и в Египте, строители позаботились о хорошей вентиляции. От внутреннего помещения вдоль всей лестницы тянулся вентиляционный канал, еще два канала пошире пронизывали толщу пирамиды, открываясь в стене.

Когда мы поднимались вверх, я хорошенько присмотрелся к конструкции тесного хода. Он представлял собой в сечении шестиугольник и сужался к потолку. Только в одном месте я пробирался по лестнице такой же формы – в пирамидах Египта.

Неужели все это так естественно? Во всяком случае эти камни не сваливали в кучу как попало. Мы вышли на волю из хода, выложенного большими вытесанными блоками, и снова нас обступила зеленая чаща, готовая повторно поглотить весь ансамбль, если бы Археологический институт Мексики не заботился о расчистке самых крупных памятников старины. Дождевой лес упорно старается снова занять плодородную землю, некогда отвоєванную у него каменщиками, которые поселились среди деревьев.

Рядом с этой гробницей была вторая, воздвигнутая поверх естественной пещеры. Каменные лестницы, длинная шахта, ведущая в глубь пирамиды, и беспорядочно наваленные человеческие кости. Если ее тоже соорудили для какого-то правителя, она, очевидно, была разграблена еще в доисторические времена.

Да, тут было над чем поразмыслить. Скептики упирали на то, что одно дело – строить пирамиды-гробницы, совсем другое – храмовые пирамиды. И заключали, что не было контакта через Атлантику. Но если принять их аргументацию, получится, что в лесах Мексики рядом процветали две совершенно различных цивилизации. Нелепый вывод, который может только еще больше запутать проблему.

В Мехико-Сити мы посетили доктора Игнасио Берналя, руководителя института, который занимается мексиканскими древностями и включает государственный археологический музей – один из самых больших в мире. Мексиканские археологи славятся яркими изоляционистами, особенно старшее поколение настаивает на том, что все идеи, лежащие в основе древних мексиканских сооружений, родились на месте. Мы же собирались бросить вызов этим исследователям, выйдя на папирусной лодке из Африки на запад. Что скажут на это мексиканские специалисты? Я решил спросить их виднейшего представителя Игнасио Берналя, любезно распорядившегося, чтобы нас пустили в музей с кинокамерой и магнитофоном. Я подвел его к большой каменной стеле с рельефным изображением длиннородного ольмека, и он скептически покосился через плечо на это олицетворение загадки древнейших творцов мексиканской культуры. Бородатые ольмеки первыми строили пирамиды в краю безбородых индейцев.

– Доктор Берналь, – начал я, – по-вашему, древние культуры Мексики развивались без всякого влияния извне, или вы допускаете, что какие-то идеи могли быть принесены из-за океана на примитивном судне?

– Спросите меня что-нибудь полегче, – ответил человек, которого мы считали виднейшим мексиканским авторитетом по этим вопросам.

– Почему? – Я удивленно поднес микрофон ближе.

– Потому что я вижу доводы и «за» и «против» контакта через океан. И пока что не берусь дать ни утвердительного, ни отрицательного ответа.

– Может быть, мы согласимся, что проблема пока остается нерешенной?

Он помедлил, потом твердо сказал:

– Да. Именно таково мое мнение.

Мы повторили это интервью, чтобы застраховать себя от капризов техники.

Как раз в эти дни через Каир в печать просочились первые сведения о планах экспедиции. Дошли они и до Мексики.

– Значит, вы задумали испытать папирусную лодку в море, – сказал, улыбаясь, доктор Сантьяго Хеновес, который пришел к своему коллеге, доктору Берналю, когда мы уже собрались покидать музей.

– Совершенно верно, – подтвердил я. – А вы что, хотите пойти с нами?

– Хочу. Совершенно серьезно.

Я удивленно посмотрел на него. Доктор Хеновес – известный специалист по древнейшему населению Америки, я встречал его на международных конгрессах в Латинской Америке, СССР, Испании. Небольшого роста, крепкий и коренастый, он спокойно глядел на меня.

– К сожалению, место уже занято другим мексиканцем, придется вам подождать следующего раза, – отшутился я.

– Запишите меня в кандидаты. И если место освободится, через неделю я буду у вас!

– Условились!

Маленький крепыш, улыбаясь, пожал мне руку на прощание. Мог ли я тогда подозревать, что наш уговор и впрямь станет актуальным.

Следующее утро, Нью-Йорк. Гостиничный номер битком набит газетчиками. И здесь тоже планы экспедиции перестали быть секретом. Папирус в Каире. Можно приступать к работе. Тройка из Чада, очевидно, сидит в самолете. Корио ждет, лагерь готов, рабочие набраны, завтра мы все соберемся вместе и начнем. Мой самолет вылетает вечером, остается один день для всех незавершенных дел в Нью-Йорке.

В это время принесли телеграмму. Я прочитал ее и сел.

«Абдулла арестован. Строители не выезжали из Бола. Позвони немедленно».

Телеграмма была подписана моей женой.

Я срочно позвонил домой, и Ивон подтвердила, что это не розыгрыш. Из Чада пришло коротенькое письмецо от Абдуллы. Он сообщал, что не сможет привезти Умара и Муссу, так как его арестовали. Через месяц напишет опять. С приветом, Абдулла.

Абдулла арестован. Что он такого натворил? И в какой тюрьме его искать? В письме об этом ни слова. Мусса и Умар все еще сидят на своих плавучих островах за тридевять земель, к югу от Сахары. Без них лодки не будет. Чтобы финишировать до начала ураганов, мы должны выйти в океан из Марокко через одиннадцать недель. Целая бригада ждет у пирамид гостей из Чада. Уже накрыты столы и застелены кровати. Кому-то надо сейчас же ехать в Чад и привезти мастеров в Египет. Кому как не мне. Каждую среду из Франции утром идет самолет в Чад. Значит, я должен быть во Франции с чадской визой не позже вторника. Сегодня пятница, день Джорджа Вашингтона, все конторы в США закрыты. Завтра суббота, нерабочий день. Послезавтра воскресенье. Остается только понедельник на то, чтобы получить визы, купить новые билеты и добыть денег на не предусмотренный планом визит в сердце Африки.

Три дня слонялся я по улицам среди небоскребов, три дня прошли впустую: все закрыто.

В понедельник утром нью-йоркцы устремились в свои конторы. Ожили телефоны. Представители всех континентов собрались в здании ООН. Но никого из республики Чад. Вежливый голос объяснил мне, что представитель Чада сейчас находится в Вашингтоне. Надо ехать туда за чадской визой. Но мой бумажник пуст, а издатель, на помощь которого я могу рассчитывать, находится в Чикаго. Билеты на вечерний самолет до Парижа у меня на руках, но для следующего этапа, до Чада, нужна виза и нужны деньги. Телефон чадского посольства в Вашингтоне не отвечал. Зато норвежцы отозвались и пообещали найти посла республики Чад, если я никуда не буду отлучаться из гостиницы. Из Чикаго мне сообщили адрес человека в другом конце Нью-Йорка, к которому мне надлежало обратиться. Ко всему примешивалась тревога за Абдуллу. В канцелярии У Тана мне ответили, что Генеральный

секретарь охотно напишет нужное письмо, если я сейчас же приеду к нему. Я метнулся к двери, но тут в номер ворвался новый гость. Мистер Пайпел, руководитель крупного агентства печати. Аванс под договор о репортажах с лодки. Нас перебил междугородный телефон. Виза будет, если я поспею в Вашингтон следующим самолетом. Удалой директор агентства мигом помог мне уложить в два чемодана зимнюю и летнюю одежду, сунул себе в карман мой счет за гостиницу и сказал, что вечером подвезет багаж к парижскому самолету. В соседнем номере Турлейф бросил свои пленки и отправился в канцелярию У Тана. Я понесся на аэродром.

В Нью-Йорке, в Вашингтоне, в воздухе – всюду транспортные пробки, зато Норвегия и Чад показали отличную сыгранность. И когда я с чадской визой в паспорте выскочил в Нью-Йоркском аэропорту из одного самолета, меня у другого уже ждали двое: один – с письмом У Тана, второй – с чемоданами.

Спасибо, спасибо. До свидания. Спокойной ночи, Америка. Доброе утро, Париж. Мимолетная встреча с женой во время промежуточной посадки в Ницце по пути в Африку. Блокнот для стенографии, телеграфные бланки; быть наготове и ждать моего приезда с лодочными мастерами из Бола.

Под крылом самолета – Сахара. Распахивается люк, в салон врывается волна зноя: мы сели в республике Чад. Приземистые кварталы Форт-Лами казались бесконечными теперь, когда мне предстояло искать Абдуллу. Я знал только номер абонементного ящика. Ящик числился за неким пастором Эйером, миссионером. Миссионер понятия не имел, куда подевался Абдулла после того, как взял у него расчет. Но он тут же сел в свою машину, чтобы поискать в арабских кварталах.

Администратор маленького отеля в центре города, где я остановился, сообщил, что в Судан можно вылететь через восемь дней, однако мои билеты недействительны, так как в Чаде некому оформить мне египетскую визу. Есть израильское посольство, а египетского нет. И ни Норвегия, ни Италия, ни Англия не имеют своих представителей в Форт-Лами.

Я вернулся в номер: кровать, два крючка на стене и вентилятор, который гудел не хуже поршневого самолета. Сидя на кровати, я попытался найти решение в карманном атласе. Вдруг кто-то постучался. Дверь отворилась, на пороге стоял высокий черный человек в длинной белой тоге и с крохотной пестрой шапочкой на голове. Он вскинул руки и рассмеялся, сверкая зубами:

– Ой, мой шеф, ой, мой шеф, Абдулле было очень плохо, но теперь все хорошо!

Абдулла! Он плясал от радости, что мы снова свиделись.

– Абдулла, что произошло?

– Абдулла поехал в Бол, там четыре дня ходил на *кадай* по озеру, искал Умара и Муссу. Они ушли далеко ловить рыбу. Я нашел их. Я заплатил их долги. Я хотел отвезти их в Форт-Лами. Тут появляется шериф. Говорит, что я плохой человек, на все готов за деньги. Меня арестовали. Отправили под стражей в тюрьму в Форт-Лами. Я сидел там один. Отдал все остальные деньги, чтобы меня выпустили на волю.

Хорошее дело. Абдуллу арестовали в Боле по подозрению в работорговле. В древности через Чад проходил работорговый путь, и в наше время об этом не забыли.

Абдулле нельзя возвращаться в Бол. Умар и Мусса сами не приедут, я должен поехать за ними, заручившись трудовым договором, заверенным властями в Форт-Лами.

Пять дней мы с Абдуллой бегали по столичным департаментам, допытывались, как составить официальный трудовой договор для двоих жителей Бола. Всюду умные, вежливые лица. Искреннее сочувствие под маской официальности. Конторы в ультрасовременном стиле. И всех великолепнее громада министерства иностранных дел с четырнадцатью бездействующими фонтанами перед парадной лестницей. А когда настало воскресенье, я в полном изнеможении сел на кровать и выключил гудящий вентилятор. Пусть жара, пусть комары. Черт знает что. За пять дней – ни одной печати, ни одной подписи. Нам удалось найти миссионера, у которого был одномоторный вертолет с понтонами, способный совершить посадку на озере Чад. Но если я попробую увезти двух будума без надлежащих

бумаг, мне грозит участь Абдуллы.

Сперва мы пошли к Генеральному директору внутренних дел, осведомленному о зловещих планах Абдуллы. Но он мог принять иностранца лишь с одобрения министра иностранных дел, а к тому попасть можно было только через заведующего канцелярией министра, а к заведующему – через начальника протокольного отдела. На то чтобы пробиться к министру иностранных дел, ушло три дня: каждому надо было услышать всю историю и прочесть письмо У Тана. В кабинете министра иностранных дел за обитыми дверями восседал приветливый добродушный великан с шапкой жестких волос, черной бородкой и параллельными шрамами на лбу и скулах. Прежде чем дать нам путевку в министерство внутренних дел, он дважды лично обсудил вопрос с президентом Томбалбайе. Президент посчитал дело настолько необычным, что предложил сначала выяснить на совете министров, можно ли гражданину Чада идти через океан на *кадай*.

Чтобы ускорить процедуру, я заверил, что для меня сейчас главное – получить разрешение отвезти трех граждан Чада на берега Нила, чтобы они там построили *кадай* на суше. После этого нас направили в министерство внутренних дел, из министерства – в Директорат труда, из Директората – в типографию за бланками. Заполнив двенадцать контрактов на двух листах, мы пошли к начальнику Директората строительства за печатью и подписью. Судьбе было угодно, чтобы он обнаружил в контрактах два пункта, которые окончательно все застопорили.

Во-первых, договоры нельзя было скреплять печатью, пока они не подписаны нашими друзьями в Боле. Но что хуже всего, в тексте черным по белому значилось, что договор недействителен без медицинской справки. Откуда ее взять? В Боле нет врача, а шериф не выпускает Муссу и Умара из Бола без утвержденного договора. Начальник Директората строительства пригласил представителя Директората труда, и тот печально воззрился на мудреные бумаги. Вопрос исчерпан. Оба были сама любезность, но показывали на злополучные параграфы: убедитесь сами. Договор недействителен без справки. Чтобы получить справку, надо выехать из Бола. Но выехать из Бола нельзя без договора. Ничем не можем помочь.

Шах и мат. Я вошел в свой номер, хлопнул дверью и пустил вентилятор на полный ход. Завтра – воскресенье. Злой, как черт, я сел на кровать и написал в своем блокноте: «Дикая нелепость. Но эти пародийные порядки созданы не чадскими неграми, людьми умными и восхитительно простосердечными, я наблюдаю карикатуру на *нас самих*. В африканской культуре ничего подобного не было, это *мы* им привили новый уклад».

В голове вертелся образ: черные тени от белых облаков... Я выключил вентилятор и уснул под далекие звуки военных труб во дворце президента Томбалбайе.

Воскресенье. Иду к миссионеру с вертолетом. Бензин есть. В понедельник рано утром миссионер запускает мотор, и вот уже мы качаемся в воздухе над крышами департаментов, над саванной, пустыней и плавучими островами. Поплавки вспороли поверхность озера у Бола. Мы везли с собой 24 листа печатного текста и пустой чемодан. На контрактах никаких печатей и никаких подписей, кроме наших. Авось, сойдет!

Когда вечером вертолет снялся с волн перед соломенными хижинами, позади нас сидели два оробевших будума. На берегу – черно, родные и друзья во главе с султаном и шерифом, задрав голову, смотрели вверх на отважных земляков, а те, крепко держась за сиденья, глядели коршунами вниз на маленький мир, в котором выросли. Ни тот ни другой ничем не выдавали своих эмоций: разве их руки не украшены шрамами от ожогов, свидетельствующими, что эти люди шутя переносят прижигание раскаленным железом? Друзья отправились в дальнюю дорогу, как были – в сандалиях и рваных тогах. Чемодан, который мы для них захватили, остался пустым, им нечего было в него положить.

Форт-Лами – объятия и бурное ликование при встрече с Абдуллой. На базарной площади Умар облачился с ног до головы во все голубое, а Мусса – во все желтое. В развешивающихся новых тогах они гордо вошли в здание полицейского управления; у обоих глаза сияли от восторга – уж очень им понравились только что сделанные фотокарточки для

паспорта.

- Имя, фамилия, – приветливо спросил полицейский сержант со шрамами на лице.
- Умар М'Булу.
- Мусса Булуми.
- Возраст, – осведомился блюститель закона.

Молчание.

- Когда родился Умар?
- На четыре года раньше Муссы.
- 1927? 1928? 1929?
- Кажется, – нерешительно произнес Умар.
- Год рождения приблизительно 1929, – записал сержант. – А Мусса?
- 1929, – живо отозвался тот.
- Не может быть, – возразил сержант. – Ты же на четыре года моложе.
- Верно, – подтвердил Мусса. – Но мы оба родились в 1929 году.
- Год рождения приблизительно 1929, – написал сержант и во втором паспорте.

Теперь – расписаться. Умар извинился: он знает только арабские буквы. Взял поданную ему ручку, замахнулся, исполнил рукой какие-то замысловатые финты в воздухе над паспортом, после чего вернул ручку сержанту, и тот подписался за него. Мусса предложил, чтобы сержант заодно уж написал и его имя. Но без контракта они не могли получить паспорт на руки, поэтому мы отправились в католическую больницу за медицинской справкой. Помню тихое веселье, когда одна из монахинь попросила Муссу раздеться до пояса, и он простодушно подтянул тогу до пупа. А рентгенолог никак не могла найти на своем экране Умара, пока не зажгла свет и не обнаружила, что он полулежит на аппарате.

Для проезда через Судан нужна была справка о прививках. И друзьям сделали прививки, но справок не дали, потому что все бланки кончились. Мы с Абдуллой помчались в типографию, однако типография отказывалась печатать новые бланки, пока больница не рассчитается за старые. В конторе Суданского Аэрофлота клерк нашел в одном из ящиков стола три бланка, но не успели мы доставить их в больницу, как вышел французский врач с рентгеновским снимком, на котором было видно, что у Умара на печени какой-то вырост. Оказалось, что этот геркулес серьезно болен; врач строго-настрого запретил ему куда-либо ездить. А Мусса тоже не хотел уезжать без брата, который умел говорить по-арабски. Похоже, не быть папирусной лодке...

Что можно сделать для Умара? Нас принял главный врач, улыбающийся француз с погонами полковника.

– Вы – здесь?

Мы были одинаково удивлены и искренне обрадовались друг другу. Последний раз я видел полковника Лалуэля на Таити, где он служил военным врачом.

Вместе мы нашли решение. Если Умар будет вынужден вернуться в Бол, он останется без медицинской помощи. А в Каире ему будет обеспечен врач. Мне тут же выписали рецепты на таблетки и уколы, обязав проследить за лечением Умара.

И вот взлетает суданский самолет. Умара и Муссу втащили вверх по трапу в последнюю минуту, они почти ничего не видели в своих синих и желтых очках под цвет тог. Абдулла, войдя в самолет, ахнул от восторга, а братья просто опешили, обозревая салон, который был вдвое просторнее, чем резиденция Болского султана. Несколько минут – и мы уже над облаками. Пока Абдулла и Умар изучали устройство предохранительного пояса и механизм подвижного сиденья, Мусса с нерушимым спокойствием достал желтый носовой платок и принялся тереть им свой блестящий череп. Появилась стюардесса с конфетками, они взяли по полной горсти и устали на леденцы, не зная, что с ними делать, пока не увидели, как соседи суют фантики в пепельницу. После этого они затолкали свои запасы в пепельницы и до конца полета выковыривали по одной конфетке из узкой щели. Принесли завтрак, и, глядя, как Умар кладет масло в фруктовый салат, я с беспокойством подумал о его печени. Вскоре самолет пересек границу Судана, и через некоторое время мы приземлились

на аэродроме около столицы.

Что тут было с моими спутниками! В Боле даже двухэтажного дома не увидишь, а здесь, в Хартуме, куда ни погляди, стоят дома в несколько слоев. Даже Абдулла разинул рот при виде четырехэтажного здания. Нам предстояла ночевка, но оставлять их одних в большом городе я не хотел, а поселяться вместе в роскошном отеле тоже не стоит, пока они не освоились с новой обстановкой. И я пошел с моими друзьями в гостиницу четвертого разряда в арабском квартале. Администрация и номера помещались на третьем этаже ветхого здания, кухня и ресторан – на крыше под открытым небом, а трем друзьям казалось, что они попали в сказочный дворец. На лестнице я вдруг заметил, что братья как-то странно держатся. Они чрезвычайно сосредоточенно смотрели вниз и так осторожно ставили ступню, как будто карабкались на крутую гору. Да, ведь они впервые идут по настоящей лестнице! У них в Боле и на плавучих островах все лачуги одноэтажные.

Номера были без окон, но под потолком висела голая лампочка, свет которой падал на выстроившиеся в ряд кровати. Братья в жизни не видели кроватей, и, когда Абдулла объяснил им, что это приспособление для сна, они тотчас заползли каждый под свою кровать и лежали там, уткнувшись носом в пружины, пока Абдулла, покатываясь со смеху, не вызвал их оттуда, к великому облегчению оторопевшей хозяйки гостиницы, которая никак не могла понять, что это постояльцы там ищут.

В ресторане нас посадили за маленький столик с тарелкой и вилкой на каждого. На тарелках лежало мясо, помидоры, картофель, лук и фасоль. Путешественники из Чада быстро оценили достоинства вилки. Только я нацелился на кусок мяса, вдруг чья-то вилка опередила мою и сунула этот кусок в рот Умару. Я взял новый прицел, но едва не столкнулся с рукой Абдуллы и в последнюю секунду переключился на картофель. Подняв голову, я увидел, что вилки так и мелькают, каждый угощался с той тарелки, которая его особенно прельщала. Мои сотрапезники привыкли есть руками из общего блюда и вилку восприняли как удобное приспособление, очень кстати увеличивающее радиус действия, коль скоро пищу разложили так несподручно.

На другое утро Абдулла разбудил меня чуть свет. Ему говорили, что в разных странах по-разному считают время, и он решил проверить, не забыли ли мы договориться с летчиком, на какие часы смотреть, чтобы не опоздать на самолет.

На аэродроме чуть не произошла катастрофа. Никто не обратил внимания, что у моих товарищей нет египетской визы, однако санитарный контроль обнаружил, что прививки станут действенными только через неделю. По недосмотру эти люди попали в Судан, но уж теперь им придется выждать, сколько положено. А я уже прошел на аэродром и заметил калитку в заборе. Зоркий Абдулла тотчас увидел мой указательный палец, три друга в развевающихся тогах – белой, желтой и синей – вышли из очереди перед контролем и спокойно обогнули здание аэропорта. И когда самолет взлетел, наша четверка сидела на своих местах в салоне. Ребята из Бола уверенно застегнули ремни, улыбнулись чернокожей красавице-стюардессе и аккуратно взяли по одной конфетке с подноса.

Каир... У трапа встречает целая делегация во главе с улыбающимся норвежским послом. Не спрашивая ни о визах, ни о прививках, представитель министерства туризма провел нас через все контроли, и посольский шофер в нарядной форме взял под козырек, когда Мусса, Умар и Абдулла, подобрав подолы своих тог, полезли в просторную машину посла. Мосты, подземные переходы, пятиэтажные дома... Восторженные возгласы чередовались с благоговейным бормотанием. Мечеть, еще одна, полон город мечетей, да здесь, наверно, рай! Но когда мы очутились среди таких высоченных домов, что пришлось – с нашей помощью – опустить стекла, чтобы увидеть крыши, друзья притихли. Это какой-то грубый розыгрыш...

Мусса задремал. Умар словно окаменел, лишь белки сверкали, когда он робко косил глазом направо или налево. Только Абдулла, наклонив свою бритую голову и раскрыв рот, жадно впитывал широко открытыми глазами все до мельчайших подробностей, от трамвайных рельсов и марок автомашин до световых реклам и многообразия типов.

– А это что? – спросил Абдулла.

Современные кварталы остались позади, мы выехали на просторы Гизы. Я был готов к такому вопросу, но мне было интересно посмотреть, как реагирует Абдулла. Братья дружно клевали носом, Абдулла же неотрывно глядел вперед, все шире открывая рот и глаза в полумраке.

– Абдулла, это пирамида, – объяснил я.

– Это гора или люди построили?

– Ее построили люди в давние времена.

– Ох уж эти египтяне! Во всем нас перегнали. А сколько человек в ней живет?

– Один, да и тот мертвый.

Абдулла восхищенно рассмеялся.

– Ох уж эти египтяне!..

Но когда показались еще две пирамиды, даже Абдулла потерял дар речи, только молча сверкал белками.

Освещая себе дорогу карманными фонариками, мы повели ребят из Чада от машины по рыхлым дюнам туда, где в ложине за пирамидами и сфинксом в лунном свете призрачно белели палатки лагеря, подготовленного Корио. Шагая по песку, три друга, естественно, не подозревали, что за тысячи лет они, пожалуй, первые строители папирусных лодок на земле сфинкса и что земля эта скрывает древние могилы, где погребены корабли фараона и погребено их забытое искусство, которое теперь длинными кружными путями вернулось к подножию пирамид. Спокойной ночи, Абдулла. Вот твоя палатка. Мусса и Умар займут соседнюю.

Ошеломленные всем тем, что увидели и узнали за этот день, они в последний раз глянули исподлобья на могучие остроконечные горы фараонов, которые возвышались над нами, словно исполинские тени наших палаток на фоне немеркнувшей россыпи звезд. «В каждой по одному человеку, да и тот мертвый», – пробормотал Абдулла по-арабски Умару. Тому не пришлось переводить на язык будума для брата. Мусса уже крепко спал на своей раскладушке, утомленный обилием впечатлений.

Макушки пирамид вспыхнули вулканическим пламенем, когда высоко над палатками пролетели первые раскаленные стрелы, выпущенные восходящим солнцем из укрытия за песчаными дюнами на горизонте. Внизу было еще темно и холодно, но из палаток выбрались трое в длинных тогах и, поеживаясь, устремили взгляд на розовеющие пирамиды, ожидая, когда солнце снизойдет к озябшим человечкам, чтобы они могли обратиться с молитвой к Аллаху. Но вот показалось солнце, друзья опустили на колени, три черных лба коснулись песка и три бритых черепа засверкали в сиянии пробуждающегося бога Ра, явившегося, по мнению Абдуллы, откуда-то со стороны Мекки. А затем все мы вдруг увидели нечто диковинное, кусочек живой жизни среди сплошного песка и камня. Папирус! Вон они ждут нас, огромные штабеля желто-зеленого и золотистого, как само солнце, папируса. Абдулла вооружился длинным ножом, и мы с волнением пошли за ним. Сейчас состоится суд экспертов, сейчас встретятся лодочные мастера из сердца Африки и строительный материал, заготовленный в верховьях Нила, и все решится... Абдулла рассек длинный стебель, остальные двое потрогали его, пощупали поверхность среза.

– Кирта, – произнес Мусса.

– Ганагин, – перевел Умар Абдулле на чадско-арабский диалект и радостно улыбнулся.

– Папирус, они говорят, – это настоящий папирус, – объяснил Абдулла по-французски.

Слава богу. Папирус оказался первоклассный. Вместе мы присмотрели ровную площадку около палаток, потом я отмерил 15 метров в длину, 5 в ширину и начертил палочкой на песке контуры лодки.

– Вот такая *кадай* мне нужна.

– А где вода? – спросил Мусса.

Умар кивнул.

– Вода? Разве вы не видели бочку с водой на кухне?

– Где озеро, – сказал Мусса, настороженно глядя на теряющиеся вдаль дюны. – Чтобы вязать лодку, надо намочить папирус.

– Но ведь ты сам говорил, что папирус должен сушиться на солнце три недели, чтобы им можно было пользоваться! – воскликнул я.

– Ну да, свежий папирус ломается, – подтвердили наши чернокожие друзья. – Его надо высушить, тогда он станет крепким. А потом намочить, чтобы его можно было согнуть, не то он будет ломаться, как сухие прутья.

Вот тебе на. Наш лагерь лежит в песках. Ближайшая вода – в горбах у верблюдов и в бочке с краном. Далеко в долине протекает Нил. В него сливаются все нечистоты. От нынешней нильской воды папирус, наверное, сгниет вдвое быстрее, чем во времена фараона. Ну что бы этим ребятам предупредить нас. У них в Боле кругом вода, вода и плавучие острова, уходящая вдаль озерная гладь с кромкой пустыни.

– Где озеро? – Мусса напряженно глядел на нас, и Умар тоже забеспокоился. Что-то надо придумать.

– Мы его привезем!

Выбора не было. Переносить лагерь и запасы папируса поздно. К тому же Нил загрязнен, а мочить папирус в море нам пока совсем не хотелось, ведь специалисты утверждали, что морская вода разъедает клетчатку растения. Место для строительства было выбрано неспроста: пирамиды олицетворяют Древний Египет, а на фресках и рельефах в погребениях очень удобно по ходу работы над новой лодкой изучать детали конструкции старых. И климат пустыни гарантировал, что папирус будет сухим, как нас учили и в Чаде, и в Эфиопии.

– Абдулла, объясни им, что мы поехали за водой!

И мы с Корио покатали на джипе через песчаный гребень вниз, в ближайший арабский квартал. Здесь мы купили кирпич и цемент, нашли безработного каменщика и договорились с одним водителем, что он будет возить нам через день 12 железных бочек приличной воды на своем тракторе. Потом мы отвезли наших чадских друзей в универсам: здесь, на севере, они зябли в одних тогах на голое тело. Заодно Умар начал лечиться.

Каменщик выложил в песке перед палатками прямоугольный бассейн, и на следующий день мы поместили туда первые связки папируса. Вот когда мы по-настоящему узнали, как хорошо папирус держится на воде! Три человека вскочили на связку и долго прыгали на ней, прежде чем удалось ее утопить, а всего у нас было пятьсот таких связок. Сунешь стебель толстым концом в бочку с водой, потом отпустишь – он выскакивает и, словно копье, летит по воздуху.

Два ученых мужа, два улыбчивых бородача с живыми глазами внимательно наблюдали, как мы приступаем к делу. Оба покачивали головой, не зная, что и думать. Один был египтянин Ахмед Юсеф, он как раз в это время реставрировал деревянный корабль фараона Хеопса у подножия самой большой пирамиды. Второй – швед Бьерн Ландстрем, лучший в мире знаток древнеегипетских лодок. Он приехал в Египет, чтобы внести в каталог и зарисовать все суда, изображенные на стенах многочисленных гробниц Нильской долины. Ландстрем не верил в мореходные качества папирусной лодки и неделей раньше поделился с прессой своими сомнениями, но встреча с нашим папирусом и экспертами из Чада поколебала его взгляды, и он решил задержаться в Египте, чтобы строители могли воспользоваться его знаниями.

Союз теории и практики сразу принес свои плоды. Ландстрем не знал особенностей папируса и тонкостей вязки, превращающей снопы в лодку, зато он мог подсказать важные детали там, где кончался опыт будума: обводы кораблей фараона, конструкция и расположение мачт, снастей, парусов, каюты и рулей. Не теряя времени, он в два счета набросал для нас папирусный корабль и сделал рабочий чертеж с точным указанием всех размеров. Мусса и Умар покатались со смеху, они в жизни не видели лодки с двумя загнутыми вверх носами, однако сразу взялись за дело.

Строительство лодки, которую мы задумали испытать в океане, началось с того, что

четыре стебля связали вместе веревочкой с одного конца. Затем внутрь этого пучка стали всовывать все новые стебли, в точности, как в Чаде, при этом и сноп, и веревки становились все толще. Когда конус достиг семидесяти сантиметров в поперечнике, а веревки стали толщиной с мизинец, он перешел в цилиндр, который перехватывали веревками через каждые 60 – 70 сантиметров. Теперь и Абдулла смог встать рядом со своими товарищами, работа развернулась полным ходом. Мы поехали в арабские кварталы набирать еще помощников. Абдулла переводил, как мог, европейскую речь на чадско-арабский диалект.

– Бут, – дружно кричали египтяне, требуя папируса на своем языке.

И закрутился наш конвейер. Два человека висели на концах бревен-рычагов, топя в кирпичном бассейне упорствующий папирусные связки. Двое других обрезали прелые корневища и относили двум подручным намоченные снопы, а подручные подавали стебли по одному ребятам из Чада, которые, напрягая все силы, втискивали их в растопыренную оконечность того, что должно было стать лодкой, так что веревки натягивались, словно обручи на бочке. Абдулла сразу вошел в роль бригадира, он лихо работал и так же лихо распоряжался. Египетские рабочие поначалу склонны были глядеть свысока на ребят из африканской глуши, чернота которых превосходила все, что они когда-либо видели в своей печи, но Абдулла с его великолепной головой быстро утер им нос, а за ним и братья завоевали общее уважение своим нерушимым спокойствием, веселым нравом и смекалкой. Два сторожа-балагура в тюрбанах, вооруженные старыми ружьями, повар-кудесник и смешливый, жизнерадостный поваренок вносили свою лепту в уютную атмосферу нашего лагеря – палаток, папирусного склада и стройплощадки, символически огражденных канатом. За длинным столом в столовой звучала английская, арабская, итальянская, будумская, норвежская, шведская и французская речь, а ведь интернациональный экипаж экспедиции еще не был в сборе.

На третий день начался спор между наследственным опытом и академической наукой. Цилиндр уже настолько вытянулся в длину, что пора было сводить его на конус в задней части, но братья наотрез отказались: они хотели идти до конца одним диаметром, затем обрубить связку, как это заведено на Чаде. Разве бывают *кадай* с носом в обоих концах! С помощью Абдуллы Ландстрем, Корио и я долго объясняли им, что нам нужна особенная папирусная лодка, как у древних египтян, но тут наш никогда не унывающий Мусса вдруг насупился и ушел в свою палатку. Умар попытался втолковать нам, что начать связку четырьмя стеблями и постепенно наращивать в толщину – можно, а делать ее все тоньше и тоньше и закончить четырьмя стеблями – нельзя. После чего он тоже побрел прочь, и остались мы совсем беспомощными с нашими египетскими помощниками.

На другое утро братья еще до рассвета потихоньку пришли на стройплощадку, и, когда мы поднялись, они уже успели закончить связку по-своему. Мы бросились к ним, хотели остановить их, но, добежав, застыли, растерянно глядя на лодку и друг на друга. На рабочем чертеже Ландстрема семь отдельных связок, заостряющихся кверху спереди и сзади, были просто скреплены между собой параллельными веревками. А братья, уже приступив к второй связке, сплетали ее вместе с первой так, что получалась сплошная основа. Мало того, что веревки параллельных креплений переплетались друг с другом, в них еще вплетали папирус из соседних связок для полной компактности конструкции. Непосвященный человек никогда не додумался бы до этого, и академиком оставалось только капитулировать перед лицом такого мастерства. Тысячелетний опыт превзошел догадки теоретика, а результатом явилось плотное соединение папирусных понтонов, причем лишь средний был круглого сечения, а боковые напоминали в разрезе луну в первой и последней четверти.

На шестой день работ над Сахарой разразилась буря, песок хлестал по палаткам, как затвердевший ливень, пирамиды пропали из вида. Песчинки резали глаза и скрипели на зубах, но нам надо было вбить поглубже палаточные колья и как следует закрепить брезент на папирусе, легкие стебли которого уже летели по воздуху к пирамидам. На конце первых двух связок необрубленный папирус топорщился, будто иглы дикобраза, и под напором ветра ломался, как солома, но законченная носовая часть крепостью не уступала бревну. Три

дня буря, нарастая в силе, обстреливала лагерь горячей дробью. На четвертый день она унялась, самум сменился моросящим дождиком, и мы поспешили возобновить работу.

Рабочие подносили в кувшинах воду из бассейна и поливали ею заостренный нос лодки, состоящей теперь из трех сопряженных цилиндров, и, когда связки стали достаточно мягкими, вся бригада сообща загнула нос вверх, так, что получилась изящная высокая дуга, как на древних судах. Но с другого конца связки по-прежнему оставались прямыми, напоминая огромные растрепанные помазки.

Что делать? Мы повезли мастеров из Чада в универмаг в Каире, там они всласть покатались на эскалаторах и выбрали себе подарок – ручные часы; Абдулла вызвался научить остальных двоих, как ими пользоваться. После этого сильно подобревший Мусса обнаружил, что корму можно все-таки надставить тонким хвостиком, его потом загнули вверх и нарастили в толщину. И лодка наконец-то начала походить на настоящую древнеегипетскую ладью. На фоне солнечных пирамид изогнулся живописный полумесяц, одинаково приводя в восторг профанов и эрудитов. Кто мог тогда предвидеть, что наскоро придуманный и приделанный ахтерштевень станет ахиллесовой пятой нашей лодки.

По бокам средней, самой длинной связки одну за другой укрепили по четыре связки, а поверх первой девятки тем же способом приладили еще девять папирусных цилиндров.

Дополнительно две связки уложили на палубе в качестве фальшборта. Три средних валика в основе были толще других и выдавались вниз сантиметров на двадцать, образуя как бы широкий киль.

В апреле солнце над Сахарой начало жарить с такой силой, что это сказалось и на ходе работы, и на расходе воды. В это же время о строительстве в ложбине за пирамидами заговорило телевидение и местная печать, папирусную лодку все время путали с деревянным кораблем Хеопса, который воссоставляли в нескольких сотнях метров от нас, и туристские гиды и экскурсоводы, томящиеся бездельем из-за военного положения, надумали водить к нам туристов и показывать им настоящий египетский корабль из папируса. Гости со всех континентов, а также фотографы и репортеры, прибывшие из разных стран освещать ход военных действий, шли или ехали верхом на конях и верблюдах смотреть новейший аттракцион, канатное ограждение было сметено, и сторожа героически защищали хрупкую лодку от тьмы любопытных, самые напористые из которых лезли на палубу позировать для фотографов, не считаясь с тем, что сухие стебли ломались под их каблуками. Верблюды грызли нашу лодку. Туристы уносили на память обрезки папируса и целые стебли с автографами и без, и Абдулле стало не до работы, он едва успевал расписываться, а Мусса и Умар, позабыв про свои веревки, кокетничали с прекрасными дочерьми Нигерии, Советского Союза и Японии. Мы попробовали работать ночью при свете фонарей и факелов, но опасность пожара от искр и керосина вынудила нас отказаться от этой затеи. Кораблик-то был бумажный! Одна неосторожно брошенная спичка – и ладью окутает море пламени, а когда оно схлынет, на песке останется лишь кучка пепла. Мы с ужасом смотрели, как туристы с сигаретами в зубах прислоняются к лодке. Вывесили огромные объявления на арабском и английском языках о том, что курить строго воспрещается, и велели сторожу всем показывать эти плакаты. В тот же день мы увидели, как наш старичок с ружьем сидит подле носа ладьи, дымя самокруткой. Я возмущенно ткнул пальцем в объявление над его головой, но ему мой гнев был непонятен. Улыбаясь, он объяснил, что не умеет читать.

Каюту нам сделал один старик-корзинщик в Каире. Он сплел ее всю из гибких прутьев. Размеры жилья, в котором предстояло разместиться нашей семерке, составляли 4 метра в длину и два восемьдесят в ширину; высота сводчатого потолка позволяла стоять, нагнув голову, в центре; посередине одной из боковых стен было квадратное отверстие для входа, высотой один метр. Крыша и боковые стены заходили на метр дальше задней стены, так что получился как бы альков для корзин с провиантом.

В ходе работы мы частенько наведывались в древние гробницы, чтобы получше рассмотреть важные для нас детали стенных росписей. На длинных деревянных кораблях изображен натянутый над палубой толстый канат. Он перекинут с носа на корму и опирается

на жерди с рогаткой вверх. Этот канат стягивал нос и корму, словно тугая тетива, не позволяя кораблю переломиться посередине. Видимо, продольная упругость судов из папируса была выше, потому что на них такой тетивы не ставили. Зато короткий канат спускался косо вниз от загнутого внутрь конца ахтерштевня к кормовой палубе, это выглядело, как арфа с одной струной. Если бы мы знали, как важна эта струна! Я часами ломал себе голову над ее смыслом, ведь для чего-то ее придумали, сколько бы ученые, поддержанные ребятами из Чада, ни твердили, что единственное назначение этого каната – держать элегантную завитушку. Допустим. А зачем нужна завитушка? Только для красоты, считали все. Дальше наше воображение не шло, но этого было довольно, чтобы мы и тут постарались не отклоняться от древних рисунков. Долго струна стояла на своем месте, но однажды утром она исчезла. Наши чадские друзья убрали ее, она им мешала работать, да и к чему она, ведь завитушка теперь держалась без нее. Мы попросили ребят вернуть канат на место, но они весьма логично возразили, что мы всегда можем сделать это потом, если завитушка начнет выпрямляться. А сейчас в нем нет надобности.

Если на деревянных судах мощный канат опирался на жерди, то у папирусных лодок, как это видно на фресках и рельефах, толстый канат обрамлял палубу. Он скреплял всю конструкцию, увеличивал ее жесткость и служил канвой для всех оттяжек, которые за тонкий папирус не привяжешь.

Древние изображения в подземных коридорах с колоннадой позволяли представить себе, как люди решали проблемы водного транспорта 3-4 тысячи лет назад. Создатели фресок и рельефов живо запечатлели все подробности великолепными нетускнеющими красками. Очень важно было как следует разобраться в этих древних мультипликациях, ведь больше нигде было почерпнуть нужные нам сведения. Часто мы затруднялись различить на изображениях деревянные и папирусные суда, потому что первые обычно имитировали форму вторых. Но есть фрески, показывающие весь ход работы: рабочие срезают стебли на болоте, собирают их и подносят снопы строителям, и те связывают папирус вместе веревками, которые им подают маленькие помощники-ученики.

На палубах папирусных лодок можно разглядеть корзины с фруктами и лепешками, кувшины, мешки, сундуки, клетки с птицей, обезьян, телят. Стоят рыбаки, охотники, торговцы, воины, знатные вельможи, а то даже показаны целые траурные процессии с богами и птичеловеками. Вот обнаженные рыбаки с сачками, сетями, вершами и простыми удочками. Вот сражаются два отряда папирусных лодок. Вот охотники на лодках бьют гарпунами бегемотов. Вот сидят женщины и кормят грудью детей. А вот и сам фараон с супругой восседает на троне, перед ним роскошно накрытый стол, и виночерпий наполняет его бокал.

На одних фресках фараон изображен великаном, его шаг равен длине всей лодки, на других отчетливо видно двадцать пар гребцов и двуногую мачту с такелажем, с полдюжины моряков тянут фалы и карабкаются на реи и ванты, и совершенство парусной оснастки говорит о высоком уровне мореходного искусства 5 тысяч лет назад. Самые роскошные папирусные суда украшены на концах звериными головами, резные столбы каюты покрыты краской и позолотой, и все: весла, тент и прочий инвентарь – отвечает лучшим образцам древнеегипетского строительного искусства и ремесла.

У фараонов хватало камня, чтобы соорудить пирамиды с горю величиной. Папируса им тоже хватало, и они вполне могли строить лодки размером с плавучий остров. Задуманная нами лодка составляла в длину всего одну пятую сфинкса. Выйдя из подземного царства мумий и стоя между лапами каменного исполина, мы чувствовали себя карликами. Папирус разрушается зубом времени гораздо быстрее, чем камень. Если бы мы знали пирамиды и сфинкса только по фрескам в подземелье, никто не поверил бы, что за тысячи лет до Колумба люди могли создавать такие гиганты. Как бы нам ни нравилось смотреть на себя как на поколение, сбросившее наконец-то звериный облик, пирамиды напоминают, что не следует спешить с умозаключениями. Умный человек не будет недооценивать способности других только потому, что они родились на свет раньше нас, так что мы можем пожинать

плоды их изобретательности. Это были люди с такими же, как у нас, чувствами и стремлениями. Памятники той поры свидетельствуют, что ум и сметка, организаторский дар и энтузиазм, любознательность и крылатая мечта, вкус и все прочие пружины человеческих деяний, добрых или дурных, ставят в один ряд человека древности и современности, лишь календарь да созданная нами сообща техника говорят о том, что прошло 5 тысяч лет.

Когда уже подходила к концу установка фальшборта, мне пришлось вылететь в Марокко, чтобы подготовить приемку нашей ладьи и старт из древнего порта Сафи, которого никто из нас еще не видел. А вскоре после того, как я вернулся оттуда, легли на место последние стебли папируса. Всего их ушло на лодку 280 тысяч. Строительство было закончено. На песке осталось шесть стеблей папируса.

28 апреля, в день двадцать второй годовщины старта экспедиции «Кон-Тики», все было готово, ладья могла трогаться в путь. В ложбине за пирамидами собралось народу видимо-невидимо. Министерство туризма подготовило трибуну для почетных гостей – брезентовый тент и стулья, которые заняли губернатор Гизы, министры и иностранные послы. Абдулла, Мусса и Умар, облачившись в свою лучшую одежду, сидели вместе с гостями; сегодня трудились другие. Широкая, плоская, с тонкой шеей, хвост крючком, папирусная лодка напоминала огромную золотую курицу, насиживающую круглые бревна в песке у пирамид. Ладья лежала на больших деревянных салазках, на которых ее строили, от салазок тянулись четыре длинных каната, и прилежные руки выкладывали в ряд телеграфные столбы – по этим каткам предстояло тянуть салазки через дюны.

Еще раньше директор Института папируса ездил со мной к директору Института физкультуры, и мы вдвоем заверили его, что подготовили отличную тренировку для студентов в песках Гизы. Машины будут, сколько человек может предоставить институт? Институт предоставил пятьсот студентов, пятьсот атлетов в белых шортах. Вот они заняли места вдоль канатов под руководством своих преподавателей. Два человека, стоя на лодке, подавали команды, третий примостился впереди на салазках и сигнализировал жезлом «пошел» и «стой». В этой сцене было что-то библейское. То ли потому, что наша грузная доморощенная лодка древнего фасона, с плетеной хижинкой на палубе и пирамидами позади напоминала Ноев ковчег, заброшенный в пустыне после того, как его покинули звери. То ли потому, что по этой земле некогда ступал Моисей, которого нашли ребенком в папирусной корзине, прибитой течением к берегу Нила. Так или иначе, когда по сигналу жезла пятьсот молодых египтян впряглись в ляжки и над песками разнеслись дружные крики, когда заскрипело дерево и папирусный корабль медленно пополз вперед на фоне неподвижных пирамид, иные зрители вздрогнули, как будто в ложбине среди бела дня возникли тени прошлого...

– Ола – хуууп!

Зычно звучали голоса пятисот египтян, жалобно поскрипывали бревна, хрустели камни, и так же, как тысячи лет назад, солнце пекло незыблемые стены пирамид и играло на послушных команде мускулах тысячи рук и тысячи ног, и все могли убедиться, что люди способны без машин сдвинуть гору, когда трудятся сообща.

Непривычно пусто стало в ложбине, когда палатки остались наедине с пирамидами, а лодка, стоявшая в центре кадра, ушла за рамку к шоссе, ведущему в Сахара-сити. Салазки с Ноевым ковчегом подняли на мощный трайлер из тех, что помогали сооружать Асуанскую плотину. Мы поблагодарили пятьсот ликующих физкультурников за усердие, а самое старое и самое молодое средства транспорта Египта уже катили по асфальту среди пальм по берегу Нила, направляясь к устью реки, в Александрию.

Едва хрупкое и худосочное дитя пустыни очутилось в порту, как мы почувствовали, что оно набирает сил и крепости, дыша влажным морским воздухом. Корабль-мумия ожил, как только увидел море.

Глава 7

В Атлантический океан.

Семь человек из семи стран, одна обезьянка и клетка с птицей

Сафи. Соленый ветер с Атлантического океана. Могучие волны разбиваются о береговые кручи, и белые брызги летят вверх, туда, где стоят старые укрепления, которые были заложены одним из сподвижников Васко да Гамы, когда португальцы в 1508 году взяли на себя оборону гавани по соглашению с вождем берберов Яхья бен Тафуфтом. Среди старинных крепостных стен и 450-летних португальских дворцов в наши дни живет полнокровной жизнью небольшой городок, арабы и берберы здесь вместе выходят на промысел сардин, самый крупный в мире, и порт кишит колоритными рыбацкими лодками, а между ними важно скользят огромные океанские суда, они забирают сульфат и привозят товары для Марракеша, одного из главных городов Марокко.

Мы сидели под пальмами в саду паши, самом высоком месте Сафи, и смотрели вниз, на океан, простершийся от гавани вдаль до самого небосвода. Этот порт служил берберам тысячу лет до прихода португальцев, и по меньшей мере столько же лет пользовались им до берберов финикийцы, ведь они ходили мимо этих берегов к своему форпосту на островке около Могадора, где археологи по сей день раскапывают финикийские изделия. Выходит, уже в далеком прошлом мореплаватели, – то ли торговцы, то ли колонисты, – поддерживали сообщение между внутренним Средиземноморьем и древнейшими портами на крайнем западе атлантического побережья Африки, где Канарское течение, устремляясь через океан, увлекает с собой все, что не может ему противостоять.

Всякий, кто в древности выходил за Геркулесовы Столбы, то есть через Гибралтарский пролив, мог найти укрытие в Сафи, если он, подобно финикийцам, решался следовать дальше на юг мимо обрывистых берегов Марокко. Папирусная лодка тоже добралась бы сюда, совершая небольшие переходы вдоль береговой дуги, этого никто не отрицает, лишь бы она держалась у самого берега, чтобы ее, когда надо, можно было вытащить и просушить. А что ожидало лодку, которая уходила от берега в открытое море? Вот в чем вопрос.

Нам известно, что лодки из папируса знали на атлантическом побережье, они здесь оказались не менее живучими, чем к востоку от пролива. Такими лодками по сей день пользуются рыбаки, обитающие по соседству с таинственными древними развалинами нурагьи на западе Сардинии; и в Марокко наша ладья не могла рассчитывать на приоритет. В устье реки Лукус, впадающей в океан между Сафи и Гибралтаром, рыбаки ходили на камышовых лодках, пока их в начале нашего века не сменили португальские дощаники. В 1913 году участники испанской естествоведческой экспедиции установили, что люди племени эль йолот, искони обитающего в этой области, делали из папируса парусно-весельные лодки на пять-шесть рыбаков. Исследователи особо отметили тождество этой лодки с древнеегипетской и подчеркнули, что такой тип сохранился не только в Марокко, но и в верховьях Нила, в Чаде и на озере Титикака в Южной Америке, призывая этнографов выяснить, как лодочные мастера в разных концах света могли быть связаны между собой. Марокканскую *мади* они считали едва ли не самой крепкой и прочной из всех известных лодок этого рода⁵.

– Вы хотите посмотреть *мади* ? – чуть ли не с обидой спросил руководитель местной администрации. – Тогда вы опоздали на несколько десятков лет. Лучше мы вам покажем новейшие лодки из дерева и пластика.

Когда папирусная лодка, связанная нашими чадскими друзьями, въехала на колесах на улицы Сафи, ее появление вызвало изрядный переполох и стечение народа. Теперь она, готовая к спуску на воду, стояла в гавани, на берегу среди рыбацких лодок, и Абдулла прилежно разъяснял смысл нашей затеи берберам и арабам на своем чадско-арабском наречии. Мусса и Умар простились с нами еще в Каире. Они возвратились на самолете через Хартум в Форт-Лами с увесистыми чемоданами и денежным вознаграждением, которое

⁵ A. Cabrera. Balsa de juncos en el Bajo Lucus. Bevista del Instituto de Antropologia de la Universidad Nacional de Tucuman. Vol. I, № 2. Tucuman, 1938.

позволяло им приобрести себе в Боле и жен, и скот. На прощание Мусса сообщил мне шепотом, что обнаружил в своем новом дорогом костюме потайное отделение и спрятал туда деньги так, что никто не найдет. И гордо показал мне внутренний карман. Умар завершил курс лечения и откровенно завидовал Абдулле, которого, благодаря его отличному здоровью и знанию французского языка, включили в экипаж морской *кадай*. Абдулла вообще решил не возвращаться в Чад, пока там не кончатся уособицы. Лучше идти с нами через океан, чего бы ему это ни стоило, даже без благословения президента Томбалбайе и министров. Вместе с начальником нашего лагеря, Корио, он сопровождал папирусную лодку как пассажир на шведском грузовом пароходе, который шел из Египта в марокканский порт Танжер.

Не успели мы проводить пароход в Александрийском порту, как капитан получил приказ повернуть и зайти за грузом лука в Порт-Саид в зоне Суэцкого канала. Здесь Абдулла увидел, как белые соблюдают свой моральный кодекс. Его разбудил грохот пушек, смертоносные снаряды пролетали над блокированным каналом и поражали лачуги арабов. Потрясенный, но не испуганный, он стоял на палубе возле горючей папирусной лодки и смотрел, как что-то просвистело над самым пароходом и взорвалось в гавани. Грузчики исчезли, и пароход опоздал с выходом из Египта на несколько суток. Тем не менее папирусная лодка в конце концов благополучно прибыла на старт в Марокко, и теперь Абдулла приводил ее в порядок. На пути от Каира до Александрии и от Танжера до Сафи она из-за тряски немного сплюснулась, хвост и нос порастрепались и обуглились от столкновений с мостами и высоковольтными проводами, но желтые стебли становились все мягче и крепче от влажного морского воздуха.

На сегодня был назначен спуск на воду. 17 мая – национальный праздник Норвегии. Паша лично все подготовил, отведя нам тот же слип, с которого спускали рыбацкие лодки. Как наместник короля, он обладал большой властью и использовал ее на благо экспедиции. Двери дома паши были широко открыты для меня с того дня, как я пришел к нему с письмом от его друга, постоянного представителя Марокко при ООН – Бенхима. Мы сразу стали друзьями. Таких людей, как паша Тайеб Амара и его супруга Айша, немного на свете. Оба одинаково активны и увлечены социальными проблемами. Паша применил свои полномочия для строительства современных школ, молодежных центров, жилья для рабочих, клубов моряков, библиотек; праздность в древнем приморском городе сменилась бурной деятельностью. Мадам Айша – один из двадцати членов женского совета короля Хассана.

Вот и она – в берберской одежде, с ярким кувшином в руке. Мы встали с пуфиков из верблюжьей кожи: пора идти в гавань.

– Раз уж поручили берберке крестить лодку, сделаю это козьим молоком, – сказала она, показывая Ивон содержимое кувшина. – Козье молоко в Марокко исстари считается символом гостеприимства и добрых пожеланий!

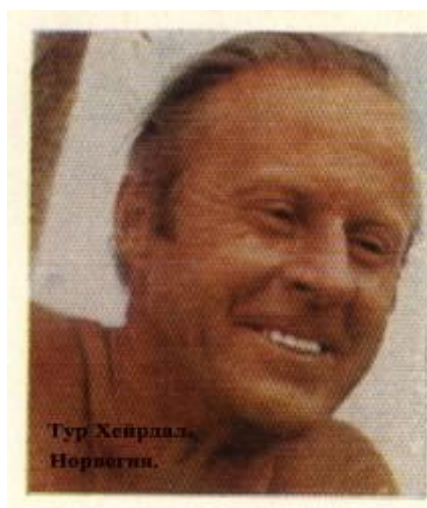
В гавани собралось множество народу. Папирусная лодка принарядилась к празднику, ветер развевал флаги участвующих стран. Айша разбила вдребезги свой красивый кувшин о деревянную раму, так что черепки разлетелись во все стороны и молоко обрызгало папирус и почетных гостей.

– Нарекаю тебя «Ра» в память бога солнца!

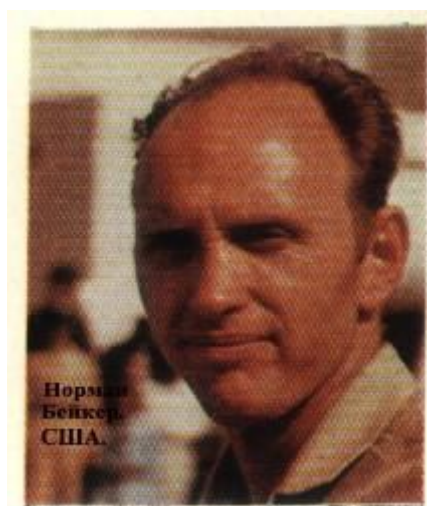
Тотчас заскрежетали цепи и шестеренки. Толпа посторонилась. Папирусная лодка пошла вниз по слипу к воде, а я переглянулся с верным покровителем экспедиции, послем Анкером, который вытянулся в струнку с улыбкой на лице и молоком на пиджаке. Он приехал с женой из Каира, чтобы проводить нас. Наверное, в эту минуту у нас в голове была одна мысль: будем надеяться, что самые опасные рифы уже позади! Другие думали иначе. Глядя на нос лодки, который должен был вот-вот коснуться воды, какой-то фотограф наклонился ко мне с расширенными глазами:

– Что вы скажете, если она сейчас пойдет ко дну? Я ничего не успел ответить. «Ра» легла на воду. Деревянная рама вместе с железной тележкой скрылась под водой, а лодка гусиной закачалась на волнах, и всплывшие на поверхность щепки и куски папируса вытянулись за ней вереницей, будто гусята. Толпа дружно ахнула от восторга и облегчения.

Многие опасались, что лодка, если не опрокинется, то уж во всяком случае будет крениться, ведь она еще не испытывалась, и ее нельзя было назвать симметричной. Как-никак работа ручная, поэтому сторона, сделанная Муссой, оказалась при обмере борта на 40 сантиметров длиннее стороны, которую связал Умар. Но с балансом все было в порядке, и никакое количество пассажиров не могло его нарушить. Осадка составляла всего 20 сантиметров, да и то за счет нижней части трех средних связок, образующей киль почти двухметровой ширины. Лодка лежала на воде, словно спасательный буй. Стоявший наготове буксир отвел копну папируса к большой барже, и мы пришвартовались к ней, чтобы стебли не терлись и не мочалились о каменный пирс. Здесь «Ра» простояла восемь суток, пока папирус ниже ватерлинии пропитывался водой и мы устанавливали такелаж.

В эти же дни состоялось первое знакомство всех участников экспедиции друг с другом. Впрочем, мы знали, что в маленькой бамбуковой корзинке, которой предстояло на много недель стать нашим домом, у нас будет вдоволь времени, чтобы поближе узнать каждого.

Норман Бейкер из Соединенных Штатов... Единственный настоящий моряк на борту, он стал штурманом и радиотелеграфистом экспедиции. Вот он сидит в дверях каюты и строго, придирчиво изучает свою аппаратуру, проверяет каждую деталь со знанием дела. Мое знакомство с ним было очень беглым. Когда я заходил на Таити на судне, зафрахтованном для экспедиции на остров Пасхи, к нам на борт поднялся спокойный, тихий человек – это и был Норман, он только что сам привел с Гавайских островов на Таити 12-метровый кеч, пройдя на нем больше 2 тысяч миль вместе с одним американским биологом. Штурманское дело он знал хорошо. Ему довелось служить в американских ВМС, он носил звание командера и преподавал океанографию в военно-морском училище в Нью-Йорке. А в гражданской жизни он был антрепренером строительной фирмы в городе небоскребов.

– Нет, правда, у тебя совсем нет морского опыта? – недоверчиво спросил он, обращаясь к Юрию, который сидел с ним рядом, круглый, благодушный, вертя в руках клистирную трубку.

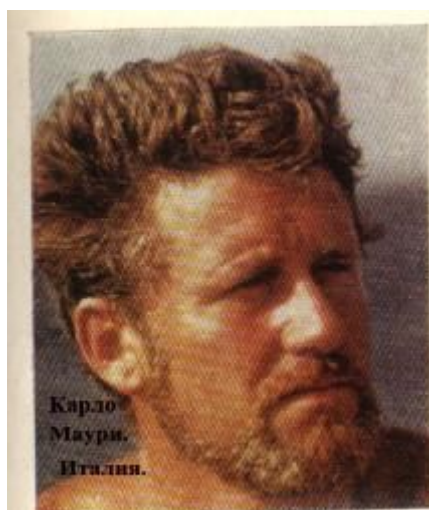

– Я ходил на советском судне в Антарктику и обратно, – широко улыбаясь, ответил Юрий Александрович Сенкевич, наш русский экспедиционный врач.

И он начал рассказывать про прекрасных девушек Манилы, однако Нормана больше интересовало, верно ли, что Юрий год провел в самой холодной точке земного шара. Да, подтвердил Юрий. В качестве врача и физиолога он год зимовал на советской станции «Восток», посреди антарктического материка, на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря, где температура падает до 80° ниже нуля.

Юрий был единственным из ребят, кого я еще совсем не видел, и мы одинаково волновались, когда его самолет приземлился в Каире. А началось с того, что я написал президенту Академии наук СССР М. В. Келдышу; этот серьезный, немногословный исследователь возглавляет всю науку Советского Союза, от спутников до археологии. В письме я напомнил ему, как он однажды спросил меня, почему в моих экспедициях не участвуют русские. Теперь такой случай представился. Мне нужен советский участник, нужен врач, не может ли президент Келдыш предложить кого-нибудь? Желательно, чтобы врач этот владел иностранным языком и был наделен чувством юмора. Русские вполне серьезно отнеслись ко второму пункту. Когда Юрий вышел из аэрофлотского самолета, нагруженный подарками и медицинским снаряжением, я заметил, что он выпил рюмочку для веселья.

Юрий сразу стал в экипаже своим человеком. Он был не очень силен в английском языке, но достаточно, чтобы понимать юмор. Сын врача, он родился в Монголии и смахивал на коренного жителя Азии. Его выбрали среди молодых ученых одного из институтов Министерства здравоохранения СССР, где он изучал влияние экстремальных факторов на организм человека. Осмотрев щелеватую бамбуковую каюту, в которой нам предстояло быть запущенными в океан, Юрий не без юмора заключил, что космонавтам лучше.

С итальянцем Карло Маури я тоже познакомился недавно. Он шел с нами кинооператором. Сначала я пригласил одного своего хорошего друга из Рима, кинопродюсера и превосходного аквалангиста, который снимал на дне Атлантического океана затонувший пароход «Андреа Дориа». Но когда Абдулла очутился в кутузке и я укатил куда-то в Африку, он разуверился в моем плане и предложил взамен себя Карло Маури. Рыжебородый и голубоглазый Карло Маури, хоть и был похож на викинга, тоже не обладал никаким морским опытом. Он был профессиональный горный проводник и один из самых знаменитых альпинистов Италии. Участвовал в четырнадцати международных альпинистских экспедициях на разных материках, в некоторых – как руководитель, и отвесные кручи Гималаев и Анд знал не хуже, чем неприступные вершины Африки, Новой Гвинеи и Гренландии. В Альпах он сильно повредил ногу, и ему пришлось оставить работу горнолыжного тренера, но от восхождений он отнюдь не отказался. Карло находился в Антарктике, когда узнал о планах экспедиции на папирусной лодке, а туда он попал сразу после съемок белых медведей во льдах Арктики и теперь предвкушал купание в свободных ото льда, теплых экваториальных водах.

В последнюю минуту чуть не сорвалось участие Мексики. Мой друг Рамон, который возил меня к индейцам сери, лег в больницу на серьезную операцию в тот самый день, когда папирусную лодку погрузили на пароход в Александрии. Эта грустная весть пришла в разгар пресс-конференции, и мне ее не сообщали, пока кто-то из журналистов не попросил назвать участников.

– От Мексики участвует... – начал я, но тут чья-то рука нервно сунула мне телеграмму.

У меня сердце сжалось. Только бы Рамон благополучно перенес операцию, остальное не так важно. Слова застряли у меня в горле. Газетчики зашевелились.

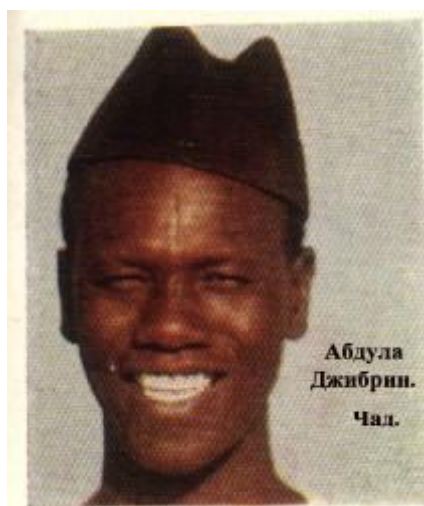

– От Мексики участвует... доктор Сантьяго Хеновес!

Пресс-конференция была прервана, и в Мексику полетели две телеграммы. Одна Рамону, другая доктору Хеновесу, тому самому, который в разговоре со мной шутливо обещал прибыть, если его предупредят за неделю. Теперь я предупредил его за неделю. И он прибыл. По дороге этот энергичный человек успел получить в Барселоне премию имени папы Иоанна XXIII за 1969 год, присужденную ему за антивоенную книгу «Человек – война или мир?», по которой он начал снимать фильм⁶. Из Испании он поспел в Марокко как раз вовремя, чтобы сопровождать лодку по суше из Танжера в Сафи.

И вот Сантьяго Хеновес, теперь уже завхоз и провиантмейстер экспедиции, размещает на неровной палубе грушевидные египетские кувшины, ставит их вплотную друг к другу, чтобы не падали, и крепит веревками. Косматые кокосовые орехи служили отличной прокладкой. Мы заказали сто шестьдесят амфор по образцу древнеегипетских кувшинов Каирского музея, и Сантьяго обращался с ними так же бережно, как с индейскими черепами у себя в университете. С научной дотошностью – недаром много лет редактировал международный ежегодник по физической антропологии! – он нумеровал и записывал в книгу кувшины, корзины и бурдюки.

Я видел Сантьяго Хеновеса на научных конгрессах в разных странах, в том числе в его родной Испании, которую он покинул во время гражданской войны. Последний раз мы встретились в Мексике; профессор университета в Мехико, он специализировался на сложной проблеме происхождения индейцев, моряком никогда не был. Зато – не в пример другим моим знакомым в мире науки – этот ученый-крепыш когда-то был... футболистом-профессионалом.

Трудно было представить себе более далеких от морского дела людей, чем Юрий, Карло и Сантьяго. Разве что Абдулла Джибрин, уроженец Республики Чад, который вырос в сердце Африки и даже не знал, что море соленое. Его мы пригласили как специалиста по папирусу. Пожалуй, этого парня я успел узнать лучше других за две встречи в Чаде и семь недель совместной работы у пирамид. Превосходная голова, но постоянно держится настороже, словно газель, которой всюду чудятся опасности. Наверное, Абдулла еще сам в себе как следует не разобрался. Если исключить его небылицы о мнимых поездках в Париж и Канаду, мне было известно о нем, что он родился в деревушке у папирусных болот Чада. Он смутно помнил, как в детстве его куда-то повели, сколько он ни цеплялся за мать, и украсили ему лоб и переносицу знаком племени. Еще я знал, что он столяр и порядочный донжуан. Как добрый мусульманин, Абдулла мог иметь несколько жен, а я должен был их содержать. Дома жена с тремя детьми, второй женой он обзавелся перед отъездом – вот уже мне забота каждый месяц переводить валюту в Чад. А он еще женился в третий раз в Каире,

⁶ Отрывки из книги С. Хеновеса напечатаны в журнале «Иностранная литература», № 8, 1970. – Прим. ред.

воспользовавшись моей отлучкой в Марокко. Свадьбу отложили до моего возвращения, чтобы я мог оплатить все расходы. Роскошный праздник с танцем живота и египетскими музыкантами состоялся на крыше арабского домика тестя. Мусса и Умар пришли в такой восторг от застенчивой красавицы-невесты, что засунули большую часть своей недельной получки в ее пышное декольте. Оказавшись перед необходимостью переводить валюту и в Египет тоже, я поклялся, что в Марокко мы не будем спускать глаз с Абдуллы.

Самым младшим из нас был Жорж Сориал, рост метр девяносто два, сложение Тарзана, по образованию инженер-химик, по профессии аквалангист, забубенная головушка, чемпион Африки и шестикратный чемпион Египта по дзюдо. После института Жорж главным образом резвился в клубах Каира и волнах Красного моря. Он разбивал кирпичи ребром ладони, развлекая потрясенных друзей, ногу его украшали следы акулиных зубов, и среди всех моих знакомых это был единственный человек, который нырял в гости к мурене и кормил ее изо рта рыбой, глядя при этом опасное чудовище рукой, словно какое-нибудь кроткое комнатное животное. Жорж тоже не был моряком, море знал, как говорится, только снизу, и когда он, прочтя заключение экспертов о папирусе, попросился в экспедицию, то упирал, не без намека, на то, что под водой чувствует себя лучше, чем на воде. Подобно другим древним коптским родам в Египте, семья Сериала связывала свое происхождение с племенами, которые пришли в область Нила еще до того, как арабы принесли сюда мусульманскую веру.

Обычно Сориал спал, как мумия, по четырнадцать часов в сутки, но как только у него родилась надежда войти в состав экспедиции, он стал подниматься чуть свет и являться в лагерь у пирамид. Используя его многочисленные знакомства во всех уголках Каира, мы нашли парусных мастеров, которые шьют паруса по старинке, корзищика, который вручную сплел нам каюту, пекаря, который испек египетские лепешки по рецепту из Каирского музея, и уединившийся на пригорке клан гончаров, которые разминали ногами сырье, стоя по пояс в глиняном месиве, потом босыми ступнями вращали гончарный круг, — так мы получили сто шестьдесят кувшинов, точно повторяющих пятитысячелетние музейные образцы.

Волны покачивали связки папируса, которые с каждым днем впитывали все больше воды, меж тем как на палубе кипела работа. Первоначально общий вес папируса вместе с веревками составлял около 12 тонн, и, несмотря на то, что стебли с тех пор вобрали не одну тонну воды, лодка не погружалась. На палубу свалили несколько тонн груза — хоть бы что, наша ладья была неколебима, как остров. Тяжелее всего была огромная двуногая мачта, которую мы установили, но и мостик, связанный из брусьев сразу за каютой, чтобы рулевой видел, что впереди, тоже весил немало. Если добавить плетеную каюту, огромные рулевые весла и сложенный на палубе материал для ремонта, вес всего дерева превышал 2 тонны. Еще добрую тонну весила вода в тяжелых кувшинах, и не меньше двух тонн составляли провиант с тарой и снаряжение.

Последняя неделя прошла под знаком лихорадочной деятельности. Если верить экспертам, каждый лишний день пребывания папируса в морской воде сокращал срок его службы, так что мы старались не мешкать. К тому же с каждым днем приближался сезон ураганов в западной части Атлантики. До сих пор мы, несмотря на всякие препоны, каким-то чудом выдерживали график с точностью до недели, но дальше и дня нельзя было терять, и темп работы возрос до предела. Кто-то упаковывал, носил, катал грузы на пристани. Кто-то лазил по мачте и вантам, тянул веревки, вязал узлы. Кто-то рубил, строгал и укреплял ремнями и веревками мостик и весла.

Со всех сторон нас окружали помощники. Бельгийский капитан де Бок, участник первой научной археологической экспедиции на остров Пасхи, морской волк, взял отпуск за свой счет и выехал из Антверпена в Сафи, предварительно рассчитав вероятный путь нашего дрейфа. Лоцман антверпенского порта, он привык иметь дело с гигантами водоизмещением в 50 и 100 тысяч тонн, теперь же, стоя на палубе «Ра», следил за тем, чтобы загрузка и оснастка «бумажного кораблика» производилась по всем правилам морского искусства. В это же время его норвежский коллега Арне Хартмарк, капитан судна, которое доставило на Пасху мою экспедицию, висел на мачте вместе с альпинистом Карло Маури, крепя снасти. Герман Ватсингер, участник экспедиции «Кон-Тики», прилетел из Перу, чтобы подсобить нам на старте; Фрэнк Таплин привез из Нью-Йорка добрые пожелания от У Тана. В складском помещении на берегу наши жены под руководством супруги паши, сидя на корточках вокруг кувшинов, клали сыр в оливковое масло, свежие яйца в известковый раствор, наполняли корзины и мешки орехами, сушеной рыбой и бараньей колбасой. Айша Амара смешала мед, тертый миндаль, масло, муку и инжир, и получилось селло, которое исстари известно в Марокко как лучшая дорожная провизия, не боящаяся долгого хранения.

Иной раз паше приходилось вызывать полицию и устраивать оцепление, чтобы работа могла продолжаться: уж очень напирали журналисты, фотографы и просто любопытные. Один зевака свалился с пристани на лодку, разбил несколько кувшинов и раздавил керосиновый фонарь.

И вот настал долгожданный день. «Ра» уже восемь дней впитывала морскую воду в порту, иначе говоря, минула половина срока, который ей отводили ученые-специалисты. Рассвет принес слабый ветер с суши, он постепенно усиливался, и в восемь утра 25 мая флаги на лодке и на старой португальской крепости дружно указывали на Атлантический океан. Раис Фатах, темнокожий араб могучего роста, руководитель профсоюза рыбаков и специальный консультант экспедиции, привел четыре лодки с шестнадцатью гребцами, которые должны были отбуксировать «Ра» в открытое море.

На длинном каменном пирсе творилось что-то невообразимое: народ – стеной, на всех лодках и кранах – фотографы. Супруге паши пришлось просить помощи у полиции, чтобы пробиться к лодке с прощальным даром, непоседливой обезьянкой, которую люди паши совсем недавно поймали в Атласских горах и называли Сафи. Она отчаянно цеплялась за крестную мать нашего судна, пока не увидела шерсть на лице у некоторых членов команды; после этого Сафи весело прыгнула к нам и приняла самое активное участие в прощальной процедуре с объятиями и добрыми пожеланиями на двенадцати языках, а рыбаки тем временем невозмутимо подали концы со своих лодок, закрепили их за толстый канат, опоясывающий «Ра» по ватерлинии, и ждали только приказа, чтобы налечь на весла. Один за другим мы вырывались из толпы на волю и прыгали с высокого пирса на мягкую папирусную палубу. Абдулла, Жорж и Сантьяго с южным пылом слали во все стороны воздушные поцелуи и раздавали автографы, Карло еще раз прижал к сердцу свою русоволосую жену, охрипший от простуды Норман простился с американским послом, который осыпал его напутствиями и добрыми пожеланиями, советский посол сердечно обнял Юрия, впервые пускающегося в путь без отечественного руководства и управления. Взяв в руки поданный кем-то микрофон, я произнес прощальную речь, поблагодарил наших друзей и помощников, которые остались на пристани, хотя по справедливости их место было на борту «Ра». Спасибо вам, посол Анкер из Каира, паша Амара с сотрудниками, капитаны де

Бок и Хартмарк, преподаватель Корио, Герман Ватсингер, Фрэнк Таплин, Бруно Ваилати... Затем и я соскочил на пружинистую палубу. Сигнал Раису Фатаху, ребята на пристани отдали швартовы, и шестнадцать рыбаков навалились на весла. Часы показывали 8.30. Плавающий стог начал медленно удаляться от пирса.

И вдруг нас оглушил какой-то вой, в первую секунду мы вздрогнули от неожиданности, а потом почувствовали, как к горлу подкатывается клубок: все стоявшие в гавани рыболовные суда включили свои сирены, им вторили басовитые гудки заводов и портовых складов, звенели судовые колокола, кричали люди... А с грузового парохода, стоявшего на рейде, пустили сигнальные ракеты, они шипели и взрывались блесками, и звездный дождь медленно ложился на воду перед нами в пелене алого дыма. От таких почестей мы даже слегка оробели, а тут еще эта непривычная лодка, и необычные снасти, и два закрепленных наискось параллельных рулевых весла, какими люди не пользовались с тех пор, как последние из древних египтян, увековечив это устройство на стенах своих склепов, исчезли с лица земли вместе со своими судами. Вдруг древний механизм нам не покорится? Вдруг волны за молом разметают папирус, и нам придется вплавь добираться обратно к пирсу? А в гавани уже все пришло в движение, под звуки сирен и совсем новогоднего колокольного звона эскорт из рыболовецких шхун, парусных яхт и катеров вышел следом за нами за мол, в воздухе кружили прибывшие из марокканской столицы Рабата самолет чьего-то посольства и вертолет. Как только мы вышли из гавани, стало потише, зато здесь нас встретили океанские валы, и суда поменьше повернули назад, оставив нас и самые крупные шхуны наедине с океаном. Буксировавшие нас лодки отдали концы, и гребцы, выкрикивая добрые пожелания на своем языке, тоже укрылись за высоким молом.

И вот мы впервые поднимаем парус «Ра». Большой, тяжелый, из крепкой египетской парусины, 8 метров в высоту, 7 в ширину по верхней рее, сужающийся книзу – как у древних египтян – до 5 метров, то есть до ширины самой лодки. Тихое дыхание слабееющего ветра с трудом отрывало увесистую рею от двойной мачты. И бордовый парус с блестящим, кирпичного цвета солнечным диском, символизирующим «Ра», тоже почти не шевелился. Как будто разноцветное белье, висели над каютой в ряд наши флаги, по латинскому алфавиту: Чад, Египет, Италия, Марокко, Мексика, Норвегия, США и СССР, и по краям – оптимистический флаг Организации Объединенных Наций – белый глобус на голубом поле.

Мы с Абдуллой стояли на мостике, каждый у своего рулевого весла, озабоченно глядя то на обвисший парус, то на белые гребни прибоя в нескольких сотнях метров от нас. Кажется, приближаются?... Точно. Мы засекли две линии: конец мола и башню на крепостной стене – и убедились, что лодку медленно несет к берегу. Пришлось подать конец на ближайшую шхуну, и вот мы полным ходом идем в море, а кругом чуфыкают моторами сейнеры. Но такая скорость не была естественной для «Ра». Сперва линь, на котором за бортом болталась сетка с живыми омарами, занесло за корму, и он обмотался вокруг одного из рулевых весел. Весло напружинилось, грозя сломаться. В последнюю минуту нож обрубил линь, весло было спасено, зато лакомое блюдо поглотили волны. Затем под напором воды переломилось одно из трех укрепленных вдоль борта толстых весел, играющих роль швертов, притом именно то весло, к которому Норман приладил нерв, призванный соединять нас с родными и близкими, попросту говоря, медную пластину, заземление нашей портативной радиостанции. Металл явно был чужеродным телом на упругой папирусной лодке, и весло переломилось как раз по краю медной обшивки, только провод не дал волнам унести лопасть.

Нет, так не годится. Ветер не ветер – надо обходиться своими силами. Мы остановили эскорт, выбрали все концы и снова подняли парус. При этом нам бросилось в глаза, как сильно качает шхуны; наше плоскодонное суденышко, подобно своему предшественнику, бальсовому плоту «Кон-Тики», чуть покачивалось вверх-вниз на широких валах.

И вот родился ветер, сначала легкие, потом все более сильные и долгие порывы, но уже не со стороны суши. Вместо обычного в это время года норд-оста подул норд-вест, а он грозил прибить нас прямо к невысоким скалам, что тянутся к югу от тихой гавани Сафи.

Берег был еще совсем близко, отчетливо видно не только дома, но и коварный прибой, беззвучно лижущий желто-коричневые камни там, где прокаленный солнцем фасад зеленых равнин Марокко отражал вечный напор океана. И нас туда выбросит, если мы не научимся управлять своим стогом...

Всю нашу семерку заботило, как действует рулевое устройство. Мы могли только гадать, научить нас было некому. Вся надежда была на то, что ветер и течение, господствующие у берегов Марокко, увлекут лодку в океан, и мы сможем неделю-другую экспериментировать, не опасаясь, что нас прибьет к скалам. Мы боялись берега, а не океана. Начни мы проводить испытания в море около устья Нила – могли бы очутиться на мели, так и не успев выяснить принцип действия рулевого устройства древних египтян. А здесь, в Атлантике, можно беспрепятственно заниматься экспериментами, ведь обычно стихии уносят всякие обломки в океан.

Мы поставили на «Ра» точно такое рулевое устройство, какое показано на многочисленных моделях и фресках древнейшей поры Египта. И даже, по примеру древних египтян, попытались достать для рулевых весел кедр из Ливана, но в бывшем царстве финикийцев осталось совсем мало кедра, да и тот в заповедниках. Пришлось нам для мачты довольствоваться египетским сенебаром (он похож на можжевельник), а на два 8-метровых весла пошло африканское дерево, которое марокканцы называют ироко, причем лопасти были такой ширины, что вполне можно сделать небольшой письменный стол. Эти весла укрепили наискось по бокам заостренного ахтерштевня «Ра». Нижняя часть веретена опиралась на лежащее поперек кормы тонкое бревно. Примерно в 4 метрах выше – вторая точка опоры, поперечный брус, который был отнесен подальше от кормы и служил также задним поручнем мостика. В поперечинах бруса были вытесаны и высланы кожей желоба для веретен, и в этих местах весла туго привязали толстой веревкой, так что они в стороны не двигались, а только вращались вокруг продольной оси. Иначе говоря, ими нельзя было рулить так, как длинным рулевым веслом на плоту «Кон-Тики», ведь они были фиксированы в двух точках.

Как же они работали? В верхней части каждого веретена была привязана поперек рукоятка из крепкого дерева, своего рода румпель, и обе они соединялись между собой шестом, висящим горизонтально на веревочных петлях. Когда человек, стоя посередине, толкал этот шест в сторону, весла вместе поворачивались вокруг продольной оси, как будто параллельные рули. Это выглядело так замысловато и так непохоже на все, чем пользуются теперь разные народы, что, когда я в первый раз осторожно толкнул шест влево и «Ра» медленно, но послушно, как смиренная лошадь, повернулась вправо, у ребят вырвался крик радости и облегчения. Я сейчас же толкнул рычаг в другую сторону – лодка не спеша повернулась влево.

Все правильно. Мы имели дело с рулевым устройством, которое исторически предшествовало рулю, было связующим звеном между элементарным рулевым веслом и современным рулем. В далеком прошлом египтяне обнаружили, что вовсе не обязательно толкать длинное тяжелое рулевое весло, чтобы заставить парусную лодку повернуть, достаточно крутить его вокруг своей оси, и лодка ляжет на нужный курс. Они прикрепили поперечину к рукоятке, и появилось рулевое устройство, такое, как на «Ра». Подвешенный к румпелям шест был только дополнительным усовершенствованием, чтобы рулевой мог действовать сразу двумя веслами. Дальше древним морякам оставалось убедиться на опыте, что лодка поворачивает и тогда, когда все весло поставишь вертикально и крутишь лопасть, – так они изобрели тот руль, который нам известен теперь.

Сияющий Абдулла, сын пустыни, тоже взялся за поперечный шест, в четыре руки дело пошло еще лучше, а на палубе хлопотали остальные – повинаясь указаниям Нормана, они тянули шкоты, ловя парусом переменчивый ветер. Журналисты и искушенные морские волки на снующих вокруг нас сейнерах внимательно следили за нашими первыми, робкими шагами. И кажется, они не меньше нашего обрадовались, когда выяснилось, что папирусная лодка слушается нас. Норд-вест норовил прибить «Ра» к берегу, но мы сумели лечь на курс

под прямым углом к ветру и пошли правым галсом на юго-запад, параллельно суше.

Здесь нас уже не защищал мыс Бадуса, мощная океанская волна изрядно мотала рыбацкие шхуны, и так как на них сейчас было много непривычных к качке пассажиров, капитаны начали поворачивать назад. Одна за другой звучали прощальные сирены. Последней, кого я видел, была Ивон, она стояла, расставив ноги для устойчивости, и махала нам двумя руками. Вертолет уже исчез. За ним и самолет описал над нами последние круги.

И вот мы остались наедине с океаном. Семь человек, обезьянка, упоенно кувыркающаяся на вантах, и в деревянной клетке кудахтающие куры и одна утка. Теперь лишь океанские валы бурлили и шипели вокруг нашего мирного Ноева ковчега, я сразу стало как-то удивительно тихо.

После того как парус был поднят, шкоты и брасы надежно закреплены, Норман, пошатываясь, пришел на корму и признался мне, что чувствует себя очень скверно. Он был совсем бледный, глаза воспалены. Нетвердо шагая, – еще не освоил морскую походку – подошел Юрий, поставил ему градусник, и мы с ужасом услышали, что у Нормана температура тридцать девять. Грипп... И так как порывы морского ветра становились все холоднее, наш русский врач велел нашему американскому штурману немедленно идти в каюту и лечь в спальный мешок. Единственный моряк в команде на время вышел из строя.

А ветер крепчал, и волны шли все чаще, но «Ра» спокойно приподнимала один борт и любезно пропускала под связками даже самые большие валы. Правда, удар, приходящийся на весла, порой был таким сильным, что они заметно гнулись, грозя сломаться, и я кричал Абдулле, чтобы он ослабил свою железную хватку.

В целом все шло хорошо, и у всех было превосходное настроение, даже у злополучного больного, хоть он и сетовал, что от него никакого проку. Карло, привыкший есть и спать в подвешенном состоянии, уже доказал, что никто на борту лучше него не вяжет узлы; теперь он заботливо подал нам горячий кофе и холодные куриные ножки. Он радостно доложил мне, что в море все равно что в горах: то же самое чувство слияния с природой, напряженное единоборство со стихиями, огромный душевный подъем, необходимость быстро находить решение неожиданных проблем.

Мы продолжали идти перпендикулярно ветру со скоростью около четырех узлов, и берег как будто не приближался. В 15.15 я сказал себе, что все в порядке, можно сдавать вахту следующей двойке. Карло и наш дзюдоист Жорж заняли место у руля, Абдулла отправился отдыхать в каюту, а я пошел вперед, посмотреть на носовую палубу, которая была настолько загромождена кувшинами, бурдюками и овощными корзинами, что пройти на нос можно было только по самому краю папирусного фальшборта. Перед пузатым парусом, прислонясь к клетке с птицей, сидел Сантьяго; он улыбался, любясь видом на далекий берег. Измотанный почти семичасовой рулевой вахтой, я сел рядом с ним и позволил себе – впервые за много недель непрерывной горячки – расслабиться.

Мы не могли нарадоваться, видя, как легко наша лодка переваливает через любую волну, сколько бы та ни ярилась и ни бросалась на нас справа. До нас долетали только редкие брызги, и я растянулся на палубе, наслаждаясь приятной усталостью во всем теле. Вдруг мое блаженство было нарушено испуганным трио:

– Тур! Тур!

Не прошло и пяти минут, как я спустился с мостика... Я вскочил на ноги и, держась за край заполоскавшегося паруса, осторожно протиснулся мимо него назад, обуреваемый тревожными догадками. Навстречу мне, раскачиваясь, словно подвыпивший канатоходец, уже спешил Юрий, от волнения он говорил по-русски и лихорадочно жестикулировал, показывая на корму, а там из-за каюты торчали головы рулевых, которые, продолжали испуганно звать ко мне.

Так, все на борту. А это самое главное, были бы все целы, остальное как-нибудь уладим. Жорж растерянно развел руками, а Карло крикнул мне по-итальянски, что сломались рулевые весла. Оба сразу! Одного взгляда было довольно, чтобы определить размах

бедствия. Веретена переломились в самом низу, и широкие светло-коричневые лопасти всплыли, волочась за нами на буксире, будто доски для серфинга. А нам так расписывали прочность ироко... Хорошо еще, что мы, как это делали древние египтяне, привязали веревки к лопастям, чтобы весла не отходили назад. Мы поспешили вытащить из воды обломки, пока веревки не перетерлись. Карло и Жорж стояли каждый со своим веретеном, крути не крути – толку чуть.

Меня как будто ударили под ложечку.

– Что, будем возвращаться в гавань? – тихо выговорил Карло.

Все трое вопросительно смотрели на меня с выражением глубокого отчаяния на лице.

Я не успел ответить. «Ра» неторопливо повернулась, парус снова наполнился, и лодка как ни в чем не бывало сама пошла тем самым курсом, который мы так упорно ей навязывали. В ту же секунду я сообразил, что произошло, и сердце наполнилось ликованием. Это заработали два укрепленных вертикально весла впереди, играющие роль швертов. Поскольку мы остались без рулей, и на корме не было никакого подобия килля, ветер с моря толкал корму влево, а нос автоматически приводился к ветру, отворачивая от берега.

– Здорово! – крикнул я по-английски, стараясь вложить в этот возглас побольше радости, чтобы только что родившаяся у меня уверенность передалась ребятам, которые – не без основания – уже готовы были поставить крест на плавании через Атлантический океан.

Переполох на палубе заставил больного Нормана покинуть спальный мешок; он вылез из каюты как раз в ту минуту, когда раздался мой радостный крик, и нетерпеливо спросил, чему я так радуюсь.

– Здорово! – повторил я с энтузиазмом. – Оба рулевых весла сломаны, теперь мы можем идти дальше, управляя гуарами, как древние инки!

Норман ошалело воззрился на меня лихорадочными глазами, не зная, смеяться или плакать, остальные тоже пристально смотрели на руководителя экспедиции, пытаясь понять, то ли он потерял рассудок из-за аварии, то ли знает какое-то секретное индейское чародейство. Скорее последнее, ведь «Ра» лучше прежнего держала курс, об этом говорил и компас, и угол между форштевнем и берегом. Карло долго изучал мое лицо, наконец грусть исчезла из его голубых глаз, и он расхохотался. Тут и Абдулла проснулся, и вот уже мы все вместе стоим и смеемся, восхищаясь лодкой, которая сама собой управляла, и никаких хлопот, знай посиживай на корзинах. Компасная игла осталась в одиночестве на мостике, лежа в своем котелке, она диктовала курс зюйд-вест, а нам как раз туда и надо, и «Ра» с наполненным парусом послушно шла на юго-запад среди сердито шипящих волн, предоставляя нам наслаждаться ролью пассажиров.

– Вот теперь мы все равно что потерпевшие кораблекрушение, – признался я своим товарищам и, чтобы не сбивать их окончательно с толку, поспешил добавить, что это идеальный случай для моего эксперимента, как раз то, что грозило судам такого рода, если они, пройдя Гибралтар, направлялись дальше вдоль берегов Марокко. Теперь мы точно выясним, куда их заносило в итоге.

Сияющий Карло не переставал смеяться, покачивая головой. Да, тут самое лучшее – положиться на природу, стихии сами обеспечат доставку. На палубе лежало запасное весло, но оно было единственное, и мы решили не ставить его: чего доброго, сломается раньше, чем начнется по-настоящему наш рейс через Атлантику. И уж во всяком случае это хваленое ироко надо основательно укрепить, перед тем как подвергать весло напору волн.

Под вечер Юрий выбрался из каюты с озабоченным видом и объявил, что теперь у нас два пациента с постельным режимом. Сантьяго третий день жаловался на зуд в паху, а морской воздух, видимо, вызвал обострение, у него во многих местах сошла кожа, и он предполагал, что это неприятная болезнь тинья, которую он наблюдал на Канарских островах, куда нас несло течение. Юрий опасался, что догадка Сантьяго может подтвердиться, ведь тинья широко распространена в Северной Африке.

С наступлением ночи мы увидели огни пароходов, одни шли навстречу, другие обгоняли нас, и некоторые проходили в опасной близости, так что Карло влез на

качающуюся мачту и укрепил на верхушке керосиновый фонарь, чтобы кто-нибудь ненароком не подмял наш стог сена. Ночную вахту поделили между собой Италия, Египет и Норвегия, у Советского Союза был полон рот хлопот с США и Мексикой, а столяру из Чада не мешало, на наш взгляд, хорошенько выспаться, чтобы он на следующий день мог взяться за починку рулевых весел.

Ветер пугал нас коварными порывами то с норд-веста, то с вест-норд-веста, и я следил за мигающим на берегу маяком, пока он не пропал из виду. Тьма кромешная, штурман лежит в жару, и я не решался сомкнуть глаз, потому что у нас оставался только один способ определять расстояние до берега – высматривать огни во мраке. Каждый пароход, который появлялся прямо по курсу или с левого борта, заставлял сердце учащенно биться: что это – свет окон на берегу, нас уже несет на камни, или всего-навсего другие странники морские? И только когда различишь красные или зеленые габаритные огни, душа становится на место, особенно после того, как убедишься, что пароход пройдет стороной. Чем просторней кругом, тем спокойней.

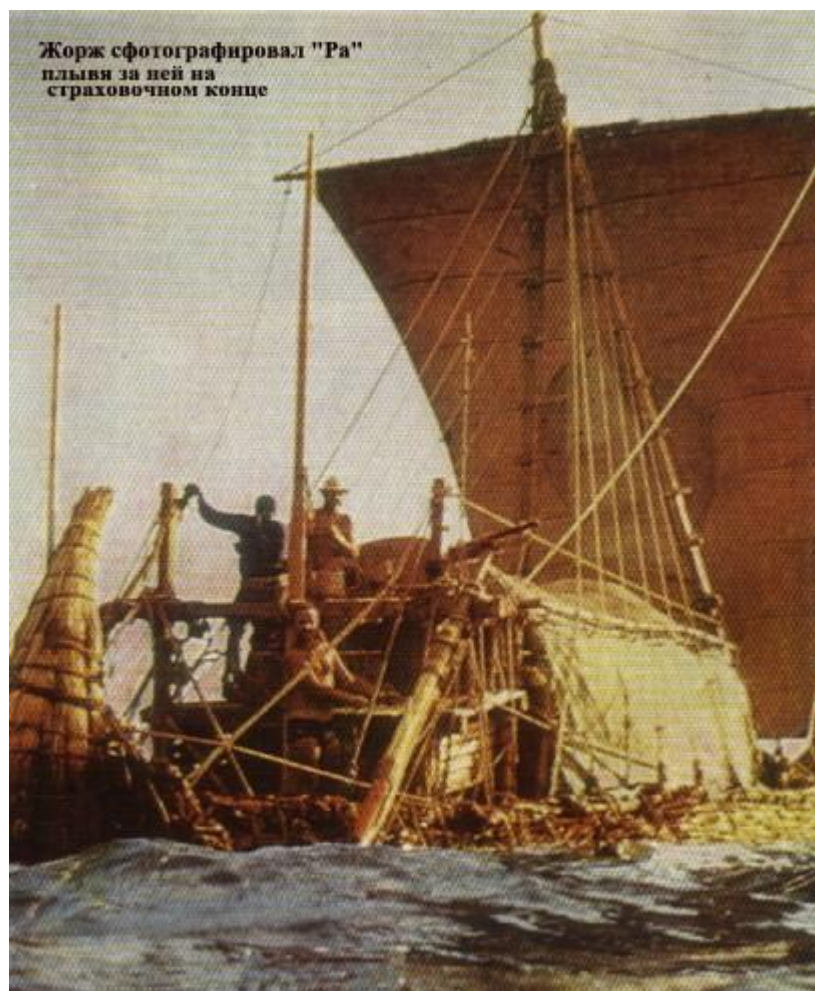
Но вот небо на востоке зарумянилось, земли не видно, и я пошел поднимать Юрия на вахту, хотя на мостике ему сейчас нечего было делать. Он вышел, улыбаясь и поеживаясь от утреннего холодка, одетый так, что хоть в Антарктику, сел таким медведем у входа в каюту и набил себе трубку, а остальная шестерка уютно устроилась в спальных мешках, предоставив папирусным связкам плыть по собственному разумению. Вероятно, не только я после двадцати четырех часов предельного напряжения был настолько измотан, что сразу уснул, не успев оценить по достоинству ершистый нрав нашей плетеной каюты, которая из всех сил старалась перескрипеть, перекряхтеть, перетрещать и перевизжать папирус.

Первые сутки на борту «Ра» были позади.

Глава 8

Вдоль берегов Африки до мыса Юби.

На птичьем гнезде – в океан

Кукареку! Пахнет свежим сеном. Я в деревне. Да нет, какая деревня – меня куда-то несут на качающихся носилках. Я очнулся в спальном мешке и услышал, как подо мной булькает вода и прямо в ухо шипят волны. Ну конечно. Я на лодке. Я открыл глаза и сквозь щелеватую бамбуковую стенку увидел свинцовые океанские валы. Да ведь я на «Ра»! А сеном пахнет от наших матрасов, набитых марокканской травой.

Кукареку! Опять, это уже не сон, и я метнулся на четвереньках к выходу, проверить – не иначе, рядом берег, сейчас мы в него врежемся. Сколько хватало глаз, были видны только курчавые гребни воли; но вид вперед заслонял изогнутый луком бордовый парус, который увлекал нас по волнам. Из-за паруса доносилось сквозь плеск воды неистовое кудахтанье, а вот опять петух прокукарекал. Все правильно, это наш собственный птичник на носу. Облегченно вздохнув, я в одних трусах вылез из каюты. Ну и холодина. Юрий сидел на мостике закутанный, как эскимос, и что-то писал.

Видимо, мы ушли далеко в море: дул леденящий северный ветер, бурлящие гребни вздымались на высоту 3-4 метров, и даже с верхушки мачты, в какую сторону ни посмотри, был виден только зубчатый стык между океаном и небом.

– Где мы находимся? – спросил Юрий.

– Здесь, – ответил я и поглядел на распростертое тело в каюте, в котором вирусы-микробы яростно отбивались от пилуль.

Один штурман умел пользоваться секстантом. Я умел только дрейфовать на плотках. Черт его знает, где мы находимся. И вообще, сейчас важнее всего надеть свитер и штормовку.

Из тесного прохода между парусом и передней стенкой каюты, заглушая плеск волн и разноголосый скрип, вдруг донесся развеселый свист. Из-за бамбуковой плетенки выглянуло бородатое румяное лицо Карло.

– Кушать подано! Горячий чай каркаде а ля Нефертити и Тутанхамоновы лепешки с

медом!

Проснулся Абдулла и растормошил своего африканского соседа Жоржа. Голодная команда окружила Карло, он накрыл на крыше курятника, и мы заняли места, кто на кувшине, кто на мешке с картофелем, кто на бурдюке с водой. Ничего, наведем порядок на палубе и устроимся поуютнее, только бы наладить сперва эти рулевые весла.

– Где мы находимся? – спросил Жорж.

– Здесь, – откликнулся Юрий, идя к больным с двумя кружками горячего каркаде.

– Африка все еще там, – добавил я, очерчивая взмахом руки горизонт слева. – Будут еще вопросы?

– Да, – сказал Жорж. – Интересно, как эти мужики в древности определяли в море свое место без секстанта и компаса?

– Восток и запад они могли найти по солнцу, – объяснил Карло, – а север и юг – по Полярной звезде и Южному кресту.

– А широту они могли определить по углу между горизонтом и Полярной звездой, – добавил я. – На Северном полюсе он равен девяноста градусам, а на экваторе Полярная звезда стоит над самым горизонтом. На шестидесятом градусе северной широты угол между ней и горизонтом – шестьдесят градусов, на тридцать втором – тридцать два. Увидел Полярную звезду – можешь прямо по ней узнать свою широту. Долготу финикийцы, полинезийцы и викинги определяли приблизительно, исходя из скорости и пройденного пути, но тут невидимое течение всегда вносило элемент неопределенности, когда берег скрывался из виду.

У себя в Каире Жорж видел в музее приборы, которыми его соотечественники много тысяч лет назад измеряли угол небесных тел, и он знал, какую роль играли Солнце и Полярная звезда в их астрологических и архитектурных вычислениях. По Солнцу, Луне и наиболее известным созвездиям всегда можно узнать, куда нас несет. К тому же я решил смастерить самоделку, которой можно определять широту без современных навигационных инструментов.

Красный египетский каркаде, похожий на горячий вишневый морс, освежал и бодрил. Рассыпчатые египетские лепешки напоминали плоские сдобы: с медом, без меда – мы в жизни не ели лучшего провианта. Перед началом нового трудового дня мы зашли в каюту пожелать скорейшей поправки нашим прихворнувшим товарищам. Норману было очень худо, однако ни он, ни Сантьяго не вешали носа. Для Сантьяго все осложнялось тем, что из-за влажности воздуха на «Ра», где считанные сантиметры отделяли нас от воды, одежда, спальные мешки и одеяла постоянно были липкими и солеными. Он страдал от потертостей, и малейшее движение причиняло острую боль. В общем, эта двойка задала работу Юрию. И уж наверно им, обреченным на безделье, несладко было лежать и слушать грохот и душераздирающий визг и треск, которым отзывались папирусные связки, когда очередной могучий вал заставлял их сгибаться, извиваться и дергать многочисленные веревки. Порой казалось, что под ящиками Нормана кто-то одновременно разрывает в клочья сто тысяч воскресных выпусков «Нью-Йорк Таймс».

На плетеном полу каюты стояло шестнадцать деревянных ящиков – на каждого члена экипажа по два, да еще в двух ящиках хранилась радиоаппаратура и навигационные инструменты. Папирус изгибался на волнах, как банановая кожура, упругий пол повторял движения связок, и такие же кривые выписывали ящики, сенные матрасы и спина с ягодицами или же плечо и бедро, смотря по тому, какую позу вы выберете. Так и кажется, что лежишь на спине морского змея.

Да и снаружи колебания палубы «Ра» были не менее заметны. Смотришь с кормы вперед и видишь, как желтый фальшборт выгибается согласно с волнами, а если вытянуться так, чтобы разглядеть за парусом высокий заостренный форштевень, видно, что и он то мерно поднимается вверх вместе с носовой палубой, как будто хочет обозреть даль над гребнями, то снова опускается, и только самая верхушка торчит над курятником. Наша «Ра» напоминала морское чудовище, которое плывет, шумно дыша и извиваясь всем своим

могучим телом, и шипит, кряхтит, скрежещет, словно хочет криком разогнать все рифы и барьеры на своем пути.

Но всего чуднее было смотреть на двуногую мачту с большим парусом – как будто огромный спинной плавник двигался взад-вперед, послушный мощным мускулам «Ра». То больше метра отделяет ее от каюты, перед которой Карло сложил кухонные ящики, то просвет сузится настолько, что поглядывая, как бы тебе не прищемило ступню полом каюты или мачтовой пятой; ведь мачта, каюта и мостик были привязаны к гибкой палубе веревками и качались независимо друг от друга. А без этого мы и одних суток не продержались бы на воде. Если бы мы не выполнили в точности все древние правила, если бы скрепили мостик гвоздями, сколотили каюту из досок или привязали мачту к папирусу стальным тросом вместо веревок, нас распилили бы, разбили, разорвали в клочья первые же океанские волны. Именно гибкость, податливость всех суставов не давала океану по-настоящему ухватиться за мягкие стебли папируса и сломать их. И все же в первый день я слегка оторопел, когда наш столяр Абдулла, вооружившись метром, показал, как настил мостика то отходит от каюты сантиметров на двадцать, то прижимается к ней так плотно, что можно и без пальца остаться. Словом, пока не освоился, лучше быть начеку и глядеть в оба. Но что станет с нашим бумажным корабликом через неделю-другую, если он уже на второй день проявляет такую расхлябанность на волне?

По опыту «Кон-Тики» я еще до старта знал, что самое опасное – если кто-нибудь упадет за борт. Мы не сможем повернуть и возвращаться против ветра; во всяком случае пока что наш скудный опыт исключает возможность такого маневра. И даже очень хороший пловец не догонит нас, борясь с волной. Между стояками мостика на корме была привязана пенопластовая спасательная лодка на шесть человек, но она предназначалась для аварийных случаев, и, чтобы спустить ее на воду, надо было сперва разломать мостик, для этого рядом висел топор. К тому же и этот квадратный плотик не догонит «Ра», мы будем дрейфовать порознь. Отсюда правило номер один: держись на борту. Никуда не ходить без страховочного конца. Карло Маури каждому выдал двухметровую веревку с крюком, какими пользуются альпинисты, чтобы не свалиться в пропасть, и за пределами каюты мы всегда передвигались с веревкой вокруг пояса, цепляясь крюком когда за найтовы, когда за ванты, когда за остов мостика.

Не боясь стать смешным, я упорно настаивал на том, чтобы это правило выполнялось в любую погоду, и напоминал, как Герман Ватсингер очутился за бортом «Кон-Тики» и в последнюю минуту был спасен Кньютом Хаугландом. Аквалангист Жорж и житель Центральной Африки Абдулла никак не могли уразуметь, что страховаться надо всегда, а не только когда один несешь ночную вахту или висишь на кормовой поперечине, занятый сугубо личным делом. В конце концов Жорж понял, как это важно для меня, и покорился, но Абдуллу я и на второй день застал стоящим без страховки на бортовой связке. Стоит и поет, а веревка болтается сзади, как хвост.

– Абдулла, – сказал я, – это море больше всей Африки и в тысячу раз глубже озера Чад, где Жорж может нырнуть и достать дно.

– Ух ты, – восхищенно произнес Абдулла.

– И здесь полно рыб, которые едят людей, они больше крокодила и плавают вдвое быстрее.

– Ух ты, – смущенный Абдулла всегда был рад узнать что-то новое.

– Как ты не понимаешь: если ты упадешь в море, то утонешь, тебя сожрут, ты никогда не увидишь Америки!

Лицо Абдуллы озарилось широкой покровительственной улыбкой, и он ласково положил мне на плечо свою ручищу.

– Это ты не понимаешь, – сказал он. – Погляди-ка!

Он завернул край толстого свитера, обнажая плотно набитый черный живот. Поперек живота тянулась веревочка, с нее сзади свисали на крестец четыре кожаных мешочка.

– С этим мне ничего не страшно, – заверил он меня. Кожаные мешочки ему дал отец, а

наполнял их один чадский шаман. Судя по тому, что я видел на рынке в Боле, в мешочках лежали когти леопарда, крашенные камушки, семена и засушенные растения. Абдулла с таинственным видом опустил свитер и победоносно кивнул. Теперь я спокоен? С Абдуллой никогда ничего не может случиться. Но чтобы порадовать меня, он тоже обещал страховаться.

В первое же утро Абдулла испытал серьезное потрясение: он прибежал ко мне и сообщил, что в воду попала соль. Вся вода соленая. Как это могло получиться? Я не на шутку встревожился. Из каких кувшинов он пил?

– Да нет, не в кувшинах, там! – Абдулла показал на море.

До сих пор он не подозревал, что море соленое. И когда я объяснил ему, что мы всю дорогу от Африки до Америки будем идти по соленой воде, он недоверчиво осведомился, как же могло попасть в море столько драгоценной соли. Мое геологическое пояснение совсем убило его. Ведь Сантьяго говорил, что воду надо беречь, каждому тратить в день не больше литра, но ему нужно в пять раз больше, он должен мыть руки, ноги, голову и лицо перед тем, как молиться аллаху, а молиться положено пять раз в день.

– Для омовения можешь пользоваться морской водой, – сказал я.

Но Абдулла уперся. Его вера требует использовать для омовения чистую воду. А эта с солью.

Не успели мы разрешить соляную проблему, как на Абдулла обрушилась еще одна напасть. Жорж извлек сонную Сафи из картона, где она ночевала, и от радости обезьянка напрудила на матрас Абдуллы. Увидев лужицу, бедняга окончательно пал духом. Это обезьяна сделала? Правоверный, чью одежду осквернила собака или обезьяна, сорок дней не может молиться аллаху! Абдулла в отчаянии вращал глазами. Сорок дней без покровительства аллаха!

Жорж спасительной ложью избавил душу Абдуллы от угрызений. Никакая это не обезьяна, просто с моря брызнуло. Абдулла предусмотрительно решил поверить, не донюхиваясь до истины. А я заверил, что обезьяна все равно получит штанишки, и ей никогда не позволят сидеть на матрасе Абдуллы.

– Абдулла, – продолжал я, – тебе вот нужна вода для молитвы, а ты хоть раз подумал, сколько обезьян и собак живет по берегам водоемов Чада? Здесь ты на сотни миль не увидишь ни одной собаки, а мелкие грехи Сафи остаются далеко за кормой. Нигде на свете ты не найдешь такой чистой воды, как в океане.

Абдулла выслушал меня, поразмыслил. И вот уже он изучает морскую воду в парусиновом ведре. Наконец началось омовение. Оно совершилось в лихорадочном темпе и с ловкостью фокусника. Затем Абдулла поднялся на мостик, и Юрий помог ему определить по компасу примерное направление на Мекку. С непосредственностью глубоко верующего человека он, лицом к востоку, опустился на колени у выхода из каюты и принялся отбивать поклоны на своем матрасе. Потом достал четки и начал отсчитывать молитвы. Они сыпались из него, как горох, но он держался так искренне, что мы все – копт, католик, протестант, атеист, пантеист, – невольно с уважением смотрели на такую убежденность. Да, кого только не было в нашем маленьком коллективе! После того как Абдулла очистился телесно и духовно, мы, стоя на мостике, попытались с помощью ножа и сверла прикрепить отломившуюся лопасть к веретену. У Абдуллы было отличное настроение, он пел что-то центральноафриканское и приплясывал. Мы обмотали весло веревкой, тут и Карло помог своими альпинистскими узлами, и дело уже шло к концу, когда налетевшие с разных сторон шквалы вывернули парус. И так как мы без руля не могли развернуть лодку, ветер изо всей силы обрушился на широкий парус спереди. Тяжелая 7-метровая рея яростно колотила по мачте вверху, грозя ее сломать, а широченный парус бешено метался во все стороны, норовя сам себя распороть. Он опрокидывал фруктовые корзины, цеплялся за курятник, и куры иступленно кудахтали, заглушая наши команды. Вдруг одна корзина с провиантом поплыла у нас в кильватере своим ходом. Один лишь завхоз Сантьяго знал, что в ней лежит, но он сам лежал в каюте со своими списками, Юрий чуть не силой удерживал его и Нормана в постели.

Стоя на мостике, я попробовал руководить поединком с 8-метровым парусом. Трудно человеческому голосу противостоять шквалам, которые относят его вдаль над бурлящими гребнями вместе с хлопанием, треском и скрипом парусины и папируса. О том, чтобы спускать парус, теперь не могло быть и речи, его тотчас унесло бы, как воздушного змея. Надо было вернуть лодку на правильный курс, маневрируя парусом и корпусом. Опирая обычное весло о торчащий папирусный хвост, богатырь Жорж принялся выгребать корму к ветру. Отдали плавучий якорь, этакий брезентовый зонт на длинной веревке – лучшее средство погасить ход и развернуть корму. Стрелка компаса начала медленно поворачиваться, а я сражался со строптивым шкотом, который хлестал меня и норовил сдернуть за борт, не давая мне закрепить его за мостик, и одновременно следил за правильным размещением и страховкой моей малочисленной команды. Стараясь перекричать гул ветра, я отдавал команды по-французски Абдулле, по-итальянски Карло, по-английски Юрию, по-итальянски, по-английски или по-французски Жоржу, хотя, по правде сказать, не знал даже, как называются на моем родном языке веревки, которые надо было тянуть, и мое восхищение догадливостью интернационального отряда сухопутных крабов росло с каждой минутой.

Наконец наш драгоценный парус был спасен, шкоты закреплены, все гребные весла установлены около кормы и носа на манер индейских гуар, плавучий якорь поднят на палубу и воцарился относительный порядок. Мы получили небольшую передышку, и я решил использовать ее, чтобы, на случай повторения подобной ситуации, когда каждая секунда дорога, разучить короткие и всем понятные обороты. В промежутках между шквалами сквозь щелеватую стенку из каюты доносились обрывки добрых советов, которые подавал нам слабым голосом больной Норман. Он еще раньше пытался обучить нас важнейшим морским командам на английском языке, чтобы мы знали, когда выбирать, потравить или крепить гордень, служащий для подъема паруса, брасы, вращающие рею в горизонтальном направлении, и шкоты, притягивающие к бортам нижние углы паруса. Но, так как трое из оставшихся в строю ребят плохо понимали на слух английский, никогда нельзя было предугадать, что последует, если я крикну Юрию или Карло: «Пулл ин старборд такк!» Или скомандую Абдулле: «Лет гоу порт сайд шит!»

Не успели запыхавшиеся, но довольные победители собраться на мостике, чтобы придумать несколько кратких команд в духе эсперанто, как наш грот снова угрожающе захлопал, и хотя на сей раз все молниеносно оказались на местах, ветер опять успел развернуть парус и лодку. Раз за разом повторялось одно и то же. Мы продолжали дрейфовать прежним курсом, но задним ходом, и рея с парусом беспорядочно дергались. Каждый раз нам в конце концов удавалось наполнить парус ветром и спасти рею, хотя иногда для этого приходилось выносить парус на левый борт, вместо правого, и лодка естественно, шла почти перпендикулярно тому курсу, который был нам нужен, чтобы не столкнуться с сушей.

И вот нас опять – сколько можно! – несет полным ходом к берегу Африки, и мы гребем, выбираем шкоты, возимся с плавучим якорем, в борьбе с бушующими волнами переставляем весла-гуары, силясь вернуться на верный курс. Но без больших рулевых весел «Ра» категорически не признавала половинчатых решений. Парус увлекал ее либо на юго-восток, либо на юго-запад, и как только своенравный шквал разворачивал нас носом на юго-восток, незримые берега Африки неумолимо приближались. Карло то и дело взбирался на макушку качающейся мачты, но земли, к счастью, не было видно. Что ж, это еще ничего не значит, ведь отступив на восток к югу от Сафи, берег потом опять выдается на запад.

Только укротим парус, вынеся его на борт, как ветер опять зайдет с другой стороны, и парусина начинает дергаться с такой силой, что знай упирайся покрепче, чтобы не вылететь за борт. Один головной убор за другим оказывался в море, особенно жалко было яркую тюбетейку Абдуллы, она как бы стала частью его самого. Зато теперь каждый, перейдя на другое место, тотчас автоматически страховался, у обезьянки тоже была своя веревка, и она лихо раскачивалась на вантах вниз головой, да и куры были надежно защищены брезентом в

своей клетке, которую мы принаитовили к палубе подальше от паруса.

С каждым часом шквалы становились все яростнее, грозя оставить нас без такелажа. Надо убирать парус, пересиливая ветер. Другого выхода нет.

Три человека взялись за брасы, чтобы притянуть рею с парусом к палубе, но не успели двое других раскрепить фал, как налетел новый шквал, и тяжеленный парус заполоскался над морем, будто флаг. На левом борту Юрий и Абдулла прилагали отчаянные усилия, чтобы поймать снасти, которые вырвались из рук и теперь болтались над волнами. Тем временем наша тройка судорожно цеплялась ногами, чтобы нас не сдернули за борт правые снасти, ведь теперь только они могли спасти парус и не дать ему навсегда исчезнуть в волнах. Мачта и ванты угрожающе скрипели, а папирусные связки накренились с жалобным скрипом так сильно, что мы впервые почувствовали, что кажется и эта чудо-лодка способна опрокинуться. Одно несомненно: никакой другой парусник пятнадцатиметровой длины не устоял бы против такого мощного напора, разве что мачта сломалась бы.

Дюйм за дюймом мы подтягивали рею и парус, но часть парусины лежала на волнах, в складках собралось немало ведер воды, и, силясь вырвать эту тяжесть из хватки океана, мы сшибли еще одно из наших драгоценных весел. Оно исчезло в воде, потом вынырнуло и закачалось на волнах за кормой – попробуй, поймай.

– До свидания в Америке! – крикнул ему Карло. – Только мы придем туда раньше!

Так как рея была на два метра шире палубы, пришлось нам складывать мокрый, тяжеленный парус вдоль левого борта «Ра». Вымотанные, как после двадцати раундов бокса, мы торжествующе уселись на него верхом, чтобы обуздать строптивного бордового птеродактиля, который снова и снова начинал корчиться, когда порывы ветра накачивали воздух в складки. В конце концов мы надежно скрутили чудовище.

И сразу на борту воцарилась неожиданная тишина. Слышно было только безмятежное мерное поскрипывание, оно говорило о том, что океан усыновил папирусную лодку «Ра», эту колыбель с семеркой беспокойных близнецов, которых надо было поскорее убаюкать, пока они не натворили бед – того и гляди опрокинут колыбельку. «Ра» опять шла так, как ей хотелось, и при этом не грозила больше врезаться вместе с нами в береговые утесы.

Я посмотрел на Карло. Он улыбнулся. Потом прыснул. Потом громко расхохотался. Остальные тоже уставились на него.

– Теперь у нас ни паруса, ни рулевых весел. Лодка больше не подчиняется воле человека. Теперь природа распоряжается. Надо только перестать с ней воевать, и можно спокойно передохнуть и прийти в себя.

Мы осмотрелись кругом. В самом деле, полнейший порядок. Покачиваемся в папирусном гамаке без руля, без паруса, без мотора и без хлопот, могучее океанское течение несет нас туда, куда ему надо, и нам надо туда же. Абдулла ушел в каюту и лег там, держа возле уха карманный транзистор. Жорж решил заняться рыбной ловлей. Юрий съел апельсин и пошел за медицинским спиртом, чтобы настоять его на корках, Карло начал рыться в мешках и корзинах, подыскивая сырье для плотной трапезы. Сантьяго, стараясь не тревожить свои болячки, смирно лежал в каюте со списком в руках и выкрикивал номера кувшинов с водой, финиками, яйцами, оливками и кукурузой для кур. Я взял нож, чтобы выстругать прибор для измерения широты. Тут Норман не выдержал.

– Ребята, нам здесь хорошо, – простонал он. – А каково тем, кто дома остались. Мы обещали вчера выйти в эфир. Надо сообщить им, что у нас все в порядке, не то подумают, что мы уже на дне.

Юрий был с ним вполне согласен и помог ослабленному температурой Норману отвернуть матрас, снять крышку с ящика в ногах и вытащить маленькую аварийную радиостанцию с ручным генератором. Вскоре радио Сафи откликнулось на вызов Нормана и услышало, что оба рулевых весла сломаны, но у нас все хорошо, и мы идем дальше через Атлантику. Заодно Норман передал, что мы не обещаем регулярных сеансов связи, потому что весло с заземлением сломалось и лежит на палубе. Если просто так спустим медную пластину за борт, она нам перепилит и веревки, и папирус.

После сеанса Норман бессильно опустился на матрас, и Юрий убрал радиостанцию, а Карло принес больному горячее питье.

Жорж никакой рыбы не поймал, но его осенила идея. Что если взять рифы на парусе? При таком ветре даже лоскут заметно прибавит нам ходу. Парус был сшит так, что мы могли во время усиливающегося ветра уменьшить его площадь и на одну, и на две трети. Мне понравилось предложение Жоржа, и Норман вяло кивнул в знак согласия. Хорошенько подкрепившись по примеру древних соленой колбасой и свежими овощами, мы снова вышли впятером на палубу и ценой невероятных усилий развернули рею с намокшим парусом поперек палубы, так что она торчала на метр с каждой стороны. Не простое это дело – брать рифы на парусе при ветре от свежего до очень крепкого, но общими силами мы с ним справились – расстелили парус на курятнике и корзинах, придавливая его собственным весом, и свернули, оставив лишь верхнюю треть. Велика была наша радость, когда узкое полотнище на верхушке мачты наполнилось ветром. Выбрав плавучий якорь и закрепив малые весла, мы понеслись по гребням на юго-запад, торжествуя новую победу над стихиями.

Прошло четверть часа, второй день нашего плавания был в разгаре, вдруг на парус обрушился новый шквал. Услышав, как тяжелый свиток мокрой парусины с маху, будто кувалдой, ударил жесткой реей по верхушке мачты, мы все, как один, бросились к шкотам. Второй удар – казалось, мачта жалобно вскрикнула, и у нас сердце сжалось, когда этот крик перешел в жуткий треск, который пронизал нас до мозга костей. Мы посмотрели вверх и увидели, как наша рея, единственная и незаменимая рея, на которой держалась парусина, медленно поникла плечами, и парус съезжился, как будто сложила крылья летучая мышь. Острые щепки на изломе торчали, словно когти. Пришлось все спустить, пока эти когти не распорили парус. Шел второй день нашего пребывания в море. Второй день.

Едва погибшая рея и парус упали на палубу, как «Ра» снова стала смирной и послушной, магические папирусные связки продолжали извиваться по волнам в нужную нам сторону, точно укрощенный морской змей.

– Что я говорил, – удовлетворенно сказал Карло и полез в свой спальный мешок.

Абдулла отправился на корму, чтобы совершить омовение рук и ног перед очередной молитвой аллаху. Юрий, посмеиваясь, сел с трубкой и дневником в дверях каюты, я примостился рядом с ним и снова принялся стругать деревяшку.

– Все в порядке? – осведомился Сантьяго, высунув нос из спального мешка.

– Все! – дружно ответили мы. – Полный порядок. Все, что можно было сломать, сломано. Остался один папирус.

Остаток дня мы мирно провели в каюте, слушая, как воет ветер. И хотя мы в этот день не видели ни одного корабля, все-таки разделили ночь на вахты, ведь здесь проходил маршрут торговых судов. То и дело кто-нибудь лез на мачту высматривать огни. Столкновение с пароходами или береговыми утесами – единственное, чего мы боялись.

В 0.30 меня разбудил Карло. Наклонившись надо мной с керосиновым фонарем в руках, округлив испуганные глаза, он доложил шепотом, что слева по борту вдоль всего горизонта видно огни. Сильный норд-вест гнал нас боком как раз туда. Я лежал одетый – обвязался страховочным концом и пошел на палубу. Было облачно, дул студеный ветер умеренной силы. Сквозь черноту ночи я и в самом деле прямо по нашему курсу разглядел на горизонте огни – четыре очень ярких, пятый послабее. Берег Марокко, что же еще. Карло уже сидел на макушке качающейся мачты. Как быстро приближаемся. Я поднял остальных трех здоровых членов команды. Надо что-то делать, надо грести, чтобы не погибнуть на камнях.

Вдруг Карло, да и мне показалось, что один из огней зеленый. Еще один зеленый, красный. Это не земля! Прямо на нас шла флотилия рыболовных судов! Продрогшие ребята опять забрались в спальные мешки. Вскоре перед носом «Ра», качаясь на волне, прошли три сейнера. Четвертый, застопорив машину, лег в дрейф бортом к нам, так что нас несло прямо на него. Я осветил фонариком каюту и папирус и стал семафорить: «Ра ОК, Ра ОК». Сейнер

включил двигатель и в последнюю минуту ушел в сторону, мы едва не врезались в него. На его топе замелькали какие-то непонятные сигналы, потом он исчез во мраке.

Жорж, закутанный в штормовку и одеяла, будто мумия, заступил на вахту, а я лег. Даже хрипкое карканье сотен тысяч скрученных веревками стеблей папируса не могло заглушить полного искренней радости пения сына Нила, которое вместе с ветром проникало в каюту через плетеную стенку – единственную преграду между нашей уютной обителью и окружающим нас суровым миром.

Рассвет возвещает наступление нашего третьего дня в море, и по-прежнему облачно. Ветер потише, но волны беснуются пуще прежнего. С удовлетворением отмечаем, что исступленно пляшущие волны только поднимают нас вверх. Океан нес лодку, будто мяч на вытянутой руке, и даже самые коварные гребки не могли окатить нас водой. На груз не попадало ни капли.

Идя без руля и без паруса, не видя берега, не зная своей позиции, мы провели третий день спокойно, закончили ремонт одного рулевого весла и укрепили середину длинного бруса, которому предстояло заменить сломанную рею.

Готовясь к молитве, Абдулла начал мыть свою бритую голову, и вдруг я услышал возмущенный хриплый крик.

Кто сказал, что море чистое! А это что, чем он вымазал себе голову, кто набезобразничал?

В парусиновом ведре Абдуллы плавали большие и маленькие черные комки. Мы посмотрели за борт. Сотни таких же комков. И с одной, и с другой стороны. Мягкие, похожие на асфальт. Прошел час, а кругом все так же густо плавают комки. Видно, какой-нибудь танкер чистил цистерны. Мы поднялись на мачту, но не увидели виновника, и однако весь день волны несли черные комки.

Во второй половине дня мы обогнали большую луну-рыбу, которая нежилась у поверхности, а затем нас навестило около сотни дельфинов, они резвились и выскакивали из воды, затеяв веселую пляску на радость Абдулле, потом вдруг исчезли так же неожиданно, как появились.

На четвертый день стало теплее и потише, между тучами проглянуло солнце. Мы долго видели вдаль отчетливые голубые контуры двух горбатых вершин на материке. Сантьяго чувствовал себя скверно, зато Норман пошел на поправку, температура упала, и Юрий разрешил ему подняться и взять высоту солнца. Но так как у нас не было хронометра, а радио Сафи наш приемник уже не брал, мы не знали точного времени и не могли верно вычислить наши координаты, что немало беспокоило Нормана и Сантьяго. Первый объяснил, что, раз мы по-прежнему видим материк, нам не удастся обогнуть Канарские острова с севера, а мы войдем в опасный проход между островом Фуартевентура и мысом Юби на западе Африки. Сантьяго (он в детстве жил на Канарских островах) подтвердил то, о чем говорилось в справочниках Нормана; мыс Юби – гроза всех моряков, коварное жало этой песчаной косы дотягивается до течения как раз там, где берег Африки сворачивает на юг.

Мы сидели и ели на свернутом парусе, вдруг раздался радостный крик всевидящего Абдуллы, который уже проглотил свою порцию.

– Гиппо! Гиппо! – Он поправился: – Гиппопотам!

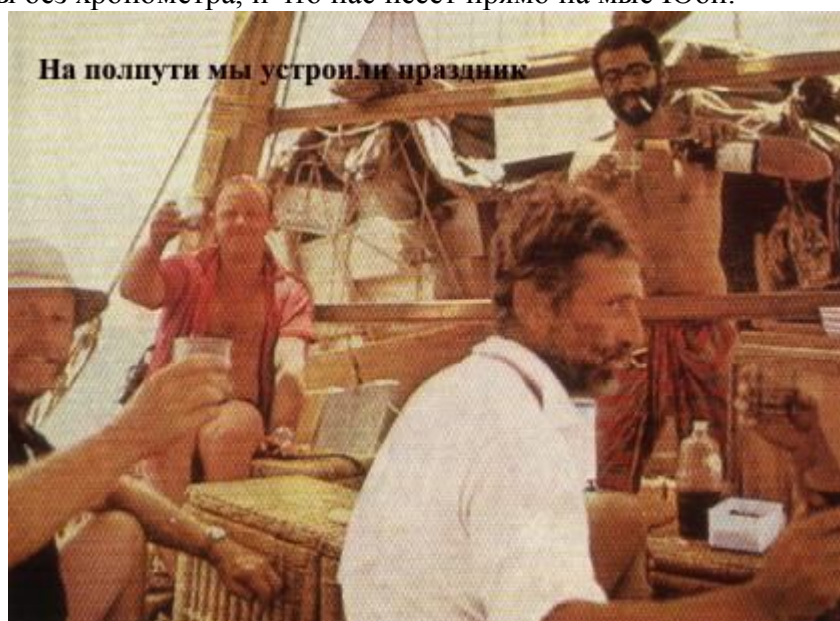
Мы посмотрели туда, куда он показывал и через минуту они опять медленно всплыли – два здоровенных кита, которые лениво глядели на нас своими маленькими глазками и громко фыркали, извергая дыхалом струю воздуха с водяной пылью. В Чаде Абдулла никогда не видел таких огромных бегемотов, так что этого впечатления ему хватило на целый день. Услышав, что на свете есть млекопитающие с рыбьим хвостом, он не поверил своим ушам, но тут один кит вежливо махнул нам хвостом на прощание, и Абдулла лишился языка от удивления: до чего же аллах горазд на выдумку!

Утро пятого дня встретило нас пронизывающим северным ветром и сильной волной. Мы надели все, что везли с собой, и все равно у Абдуллы зуб на зуб не попадал. Пятые сутки

океанские валы непрерывно штурмовали правый борт «Ра» – так и должно быть, ведь весь наш путь пролегал в зоне северо-восточного пассата. Недаром мы вход в каюту сделали с противоположного, левого борта, зная, что он будет подветренным. Больше того, мы сдвинули каюту к правому борту и там же сосредоточили основную часть груза, чтобы ветер, наполняющий огромный парус с этой стороны, не мог опрокинуть лодку. На парусном судне положено нагружать тяжелее наветренный борт – это было известно и нам, и всем тем, кто нас консультировал. Однако уже с пятого дня мы на собственном горьком опыте начали убеждаться, что папирусная лодка в этом смысле отличается от других судов: это единственный парусник, у которого надо тяжелее нагружать подветренный борт. Потому что с наветренной стороны папирус выше ватерлинии из-за волн и брызг впитывает не одну тонну воды, тогда как противоположный борт над ватерлинией остается сухим. Мало-помалу вес воды, абсорбированной наветренным бортом, возрастает настолько, что судно начинает крениться к ветру, а не от ветра, как обычно.

Передвигать каюту на середину было поздно. Ее привязали к папирусу крепкими веревками, которые пронизывали насквозь всю конструкцию. Мы перенесли груз с правого борта на левый, но это не очень помогло. Слишком много воды впитали связки папируса выше ватерлинии, и все эти тонны незримого балласта шутя перевешивали две-три сотни килограммов провизии и питьевой воды, которые перекечевали на другую сторону. Видно, нам так и придется идти через океан с постоянным креном к ветру.

Норман вернулся в строй, и пока мы заново укладывали груз, он постарался укрепить под водой строптивную медную пластину, чтобы наладить связь и узнать по радио точное время. У него были причины опасаться, что до берега намного ближе, чем показали его вчерашние расчеты без хронометра, и что нас несет прямо на мыс Юби.

К ночи ветер усилился почти до штормового, завывая в вантах, и «Ра» совсем разболталась под яростными ударами волн, которые трепали лодку сильнее прежнего. Ночью мы несли вахту по двое, чтобы не прозевать песчаные отмели у мыса Юби, и придирчиво следили за веревками. Ни один строп не лопнул. Ни один стебель папируса не отвязался. А вот деревянный мостик так сильно терся об угол бамбуковой каюты, что внутри все было засыпано опилками. Сантьяго с самого начала страдал бессонницей, а в эту ночь и другие составили ему компанию. Поди усни, когда ящики под тобой подпрыгивают, а каюта, мостик и мачта, качаясь не в лад, устраивают такой концерт, будто тысяче кошек защемило хвосты веревками. Каюта так сильно кренилась вправо, что на боку не улежать. Слева от входа помещались четверо, справа, где было отведено место для радиостанции и штурманского столика, – трое. Абдулла без конца скатывался на Жоржа, Жорж на Сантьяго, а Юрию, который лежал внизу у самой стенки, некуда было катиться, и ему оставалось

только выставлять против них руки и коленки. Я подложил под правый край своего матраса валиком лишнюю одежду, и то же самое сделал Карло, чтобы не съезжать в радиорубку к Норману.

Буря не унималась всю ночь, волны вздымались на высоту до 4-5 метров, и ветер срывал гребни, осыпая лодку мелким соленым дождем. А утром шестого дня оказалось, что «Ра», как ни странно, словно бы окрепла, связки уже не так вихлялись, веревочные крепления стали туже. Гребень высокой волны неожиданно накрыл корму, и Норман очутился по пояс в воде, которая надолго застоялась на папирусе. Очевидно, непрерывно смачиваемые сверху и снизу стебли набухли и закрыли все щели и просветы. Оттого и лодка стала крепче и прочнее, вот только этот правый крен нас огорчал. Зато поражала великолепная устойчивость «Ра» на штормовой волне, и, когда Норман заявил, что надо выбирать: либо мы попытаемся поставить парус и использовать сильный норд, либо нас выбросит на берег, – мы единогласно решили сделать еще одну попытку поднять парус на новой укрепленной рее, взяв один риф. Даже Сантьяго выбрался из каюты, и с полным экипажем мы дружно поставили парус и спустили в воду отремонтированное рулевое весло. И понеслись, словно летучая рыба, по гребням, уходя от суши. Увы, вскоре опять раздался треск – толстое веретено починенного весла сломалось, как спичка, а лопасть пришлось вытащить.

Но сухопутные крабы уже начали превращаться в моряков. Прыжок – Абдулла очутился на носу и поймал угол хлопающего паруса. Рядом с ним взялся за парус Сантьяго. Карло и Юрий без слов исчезли за каютой и потравили правые шкоты. Жорж, в одних трусах, схватил весло и привел корму к ветру, а мы с Норманом отрегулировали вертикальные весла, и вот уже «Ра» без рулевого тяжелой рыбиной скользит вперед через гребни. Весь день нам удавалось держать курс, и ни один стебель папируса не пострадал от бури. Все наши проблемы были связаны с толстыми бревнами, а не с тонким папирусом.

На следующую ночь ветер пошел на убыль, – ветер, но не волны, которые достигали шести метров. Каюта утратила симметрию и стала похожа на шляпу, надетую набекрень, с наклоном к ветру. Задолго до начала моей ночной вахты я выбрался на палубу, чтобы проверить лодку. И когда я пролез под парусом на нос, у меня чуть сердце не остановилось. Впереди справа, в окружении мерцающих окон возвышался маяк с цветными огнями. А нос нашей «Ра» смотрел левее, следовательно, на сушу. Так далеко в море – маяк, это мог быть только мыс Юби.

Мы с лихорадочной быстротой изменили курс, насколько было можно без весел. Мало. Не обойдем. И тут мы вдруг заметили, что маяк и дома как-то странно колышутся. Где это видано, чтобы песчаная коса так качалась! Проходя мимо, левее, мы увидели, что это буровая вышка в море, обозначенная огнями до верху, чтобы самолет не задел. Долго мы стояли и глядели. Потом я прикрикнул на Жоржа, чтобы он либо немедленно полезал в спальный мешок, либо одевался, пока не сгубил свое здоровье.

Седьмой день, зарифленный парус на месте, и мы идем как будто наперегонки с могучим валом, который спешит в одну сторону с нами. Справа и слева ползли навстречу друг другу тяжелые тучи, но прямо по носу между двумя фронтами голубел узкий просвет. Похоже было, что Канарские острова и африканский материк кутаются в облака, а просвет открылся как раз над морем между ними. И «Ра» послушно шла туда.

Врачебное искусство Юрия подняло на ноги Нормана и Сантьяго. Жоржа пришлось уложить, он жаловался на сильную боль в спине, застудил мышцы, сражаясь ночью полуголый с веслом на ледяном ветру.

В полдень я стоял на мостике, а Карло тянул какие-то веревки, пытаюсь хоть немного выправить нашу каюту, и вдруг я обомлел от ужаса. Каждый раз, как «Ра» поднималась вверх на высоком гребне, в бинокле мелькало что-то зеленое, как будто луга. В следующую минуту Карло уже был на верхушке мачты, и Норман лез за ним следом. Они крикнули, что параллельно нашему курсу, милях в шести, тянется безлюдный берег. Мы сделали все от нас зависящее, чтобы идти мористее, и вскоре луга скрылись. Ясно это была низина около мыса

Юби. Дальше берег поворачивает на юг, значит, мы видели последний клочок Африки.

Абдулла обезглавил на кормовой поперечине трех кур, чтобы Карло мог приготовить наш первый праздничный обед. Настойка Юрия уже была готова. А поводов у нас хватало. Во-первых, надо справить поминки по ироко. Не годится оно для рулевых весел, слишком хлипкое. Затем – поднять задравную чару в честь папируса. Феноменальный строительный материал! 31 мая, пятнадцать суток папирус провел в воде и даже не думает гнить. Напротив, он стал только еще эластичнее и прочнее. Мы не потеряли ни одного стебля. За неделю мы прошли от Сафи до мыса Юби, а это больше, чем от дельты Нила до Вибла финикийцев. И столько же, сколько от Египта до Турции. Значит, уже доказано, что египтяне могли доставлять свой папирус в любую точку побережья Малой Азии без помощи чужих деревянных судов.

Скол, Норман, будь здоров. Скол, Юрий. Скол, ребята. Выпьем за Нептуна и за бегемотов Абдуллы. Сафи сидела между нами на ящике с курами и пила из только что открытого кокосового ореха.

Чей-то голос, произнесший слова «белые дома», заставил меня вскочить на ноги. Жорж, лежа на животе в дверях каюты, показывал рукой в ту сторону, где мы недавно видели зеленую низину. Опять она, и на ней ряды белых домиков, типичная для Северной Африки арабская деревушка. Правее домиков расположился живописный старинный форт. Вот он наконец, мыс Юби. Вот когда мы проходим мимо коварной косы, мысль о которой держала нас в напряжении целую неделю, – косы, погубившей за столетия столько судов. Семь дней мы всячески старались уйти подальше от берега, и вот течение само несет нас мимо мыса Юби на расстоянии ружейного выстрела.

Белые домики канули в море так же быстро, как появились. Прощай, Африка. Прощай, Старый Свет. Мы идем без руля. Руль в нашем рейсе не нужен.

Огромная чайка догнала лодку и села на торчащую вверх папирусную связку на носу. Утка, выпущенная на прогулку из курятника, решила прогнать гостью. Чайка взмыла в воздух и улетела. Не прошло и нескольких минут, как нас окружила целая стая крикливых морских птиц, а в клетке, которая служила нам обеденным столом, исступленно кудахтали куры.

– А я знаю, что первая чайка сказала, когда прилетела к своим, – заявил Карло. – Она сказала, что около мыса Юби в море плавают гнезда.

Глава 9

Во власти океана.

Мы разрушаем мосты

Канарские острова остались позади. За восемь суток мы прошли путь, равный расстоянию от Норвегии до Англии через Северное море. Судно, которое успешно выдерживает поединок с волнами в таком длительном рейсе, обычно относят к разряду морских. Несмотря на сломанные рулевые весла и рею, несмотря на неумелое обращение и промахи неопытных сухопутных крабов, несмотря на крепкий ветер и сильную волну, «Ра» по-прежнему отлично держалась на воде. Груз лежал надежно, никакие гребни не могли до него дотянуться. И мы шли дальше в условиях, весьма далеких от тихого течения Нила.

Канарские острова были пройдены в ненастную погоду, мы не увидели земли. Теперь над нами изогнулся голубой небосвод, низкая пелена туч слева обозначала африканский континент, а вздымающийся на три тысячи метров конус вулкана Тейде на Тенерифе позволял нам безошибочно определить положение Канарских островов справа. Сам оставаясь незримым, он рождал вереницу мелких облачков, и ветер нес их над морем, будто дым из паровой трубы.

Абдулла, который знал только плавающие папирусные острова на озере Чад, был потрясен, когда услышал, что здесь, далеко в океане, есть суша и на ней живут люди. Какие они – черные, как он, или белые, как мы? И Сантьяго, антрополог по профессии, к тому же сам одно время живший на Канарских островах, рассказал ему про загадочных гуанчей, населявших уединенный архипелаг, когда их «открыли» европейцы, чьи внуки в свой черед «открыли» Америку. Одни гуанчи были темнокожие, низкого роста, другие – высокие, светлокожие, с голубыми глазами, русыми волосами и орлиным носом. На постели, выполненной в 1590 году, видно группу коренных жителей Канарских островов, у них золотистая борода, светлая кожа, мягкими волнами спадают на плечи длинные желтые волосы. И еще Сантьяго рассказал про чистокровного русоволосого гуанча, с которым он познакомился, учась в Кембридже. Это была мумия, привезенная с Канарских островов. Подобно древним египтянам и перуанцам, коренные жители архипелага умели бальзамировать трупы и делать трепанацию черепа. Но так как светлокожие гуанчи больше смахивали на викингов, чем на племена, которые нам обычно рисуются при слове «Африка», родились догадки о древних северных колонистах на Канарских островах и даже гипотезы, будто архипелаг есть не что иное, как остаток затонувшей Атлантиды. Но на севере Европы не бальзамировали тела и крайне редко делали операции на черепе, и ведь это лишь две из ряда черт, связывающих гуанчей с древними культурами североафриканского приморья. Исконные жители Марокко, обычно именуемые берберами, многих из которых арабы больше тысячи лет назад вытеснили на юг, в Атласские горы, представляли такую же смешанную расу, как гуанчи: одни были малорослые, с темной кожей, другие – высокие голубоглазые блондины. Потомков этих древнейших марокканских типов по сей день можно

увидеть в глухих селениях Марокко.

Мы смотрели на шлейф над могучим вулканом на острове Тенерифе. В ясную погоду его видно с берега Марокко. Чтобы найти родину гуанчей, вовсе не надо отправляться в Скандинавию или погружаться на дно Атлантического океана. Возможно, они попросту потомки коренных жителей ближайшего материка, которые сумели в древности преодолеть морской барьер, как это сделали мы на самодельной лодке из папируса.

В общем, загадка канарских гуанчей заключается не столько в том, кто они, сколько в том, как они попали на острова. Когда сюда, задолго до плаваний Колумба, пришли европейцы, у гуанчей не было никаких лодок, даже долбленок или плотов. И дело не в нехватке древесины, потому что на Канарских островах росли могучие деревья. Гуанчи, и темные, и светлые, были типичные сухопутные крабы, они занимались только земледелием и овцеводством. Им удалось привезти овец с континента. Но выйти в море с женщинами на борту, везя с собой скот, могли только рыбаки или представители морского народа. Пастушескому племени такое не по плечу. Почему же гуанчи забыли морские суда своих предков? Может быть, потому, что предки не знали никаких лодок, кроме парусной *мадиа* из папируса, вроде тех, что до наших времен применяли на северном побережье Марокко? Лодочный мастер, который умеет лишь вязать лодки-плоты из папируса и никогда не видел, как сшивают из досок водонепроницаемый корпус, будет беспомощно сидеть на берегу, оказавшись на острове, где нет ни папируса, ни камыша.

Вдруг нас начало раскачивать так сильно, и папирус застонал так жалобно, что пришлось расстаться с гуанчами и поспешить к заполоскавшему парусу. Ветер не изменился, а вот волны стали круче – все более глубокие ложбины, в которые мы скатывались, все более высокие гребни, которые бросались на нас сверху, но никак не могли нас накрыть, потому что наш золотистый бумажный лебедь всякий раз приподнимал высокий хвост и спокойно пропускал волну под собой.

У Абдуллы началась головная боль и рвота. До сих пор он не страдал от морской болезни, но тут Юрию пришлось отправить Абдуллу в постель, ограничив его стол сухими, как мумия, египетскими галетами, зато Сантьяго смог подняться с постели и пообедать вместе со всеми, после того как врач нашел способ залечить его болячки. Норман отлично чувствовал себя, и мы дружно наслаждались горячим рисотто с миндалем и сухофруктами, приготовленным Карло, вдруг кто-то крикнул: «Смотрите!» Мы посмотрели и с испугом увидели изогнувшийся над «Ра» высоченный гребень могучего вала. Мы рванулись было к каюте, но гребень уже превратился в маленький гребешок, он проскользнул, булькая, под папирусом, а на его месте разверзлась глубокая ложбина. За первым валом последовали другие такие же. Обычно море так колышется около устья большой реки, где сильное течение рождает высокую волну. А мы, видимо, попали в такое место, где идущее с севера мощное океанское течение, протискиваясь через узкие проходы между островами, как бы сжимается и становится еще мощнее. Для нас это означало прибавку скорости в нужном нам направлении. Нас несло Канарское течение – то самое, которое доходит до Мексиканского залива.

Вверх, все выше и выше, – а теперь вниз, вниз... Абдулла уснул и не увидел пятерку могучих кашалотов, которые всплыли совсем рядом с лодкой и ушли под воду раньше, чем Карло успел приготовить свою кинокамеру. Снова вверх, потом вниз, вниз в бездонную яму... В эту минуту опять раздался треск ломающегося дерева. Еще одно из наших малых весел превратилось в дрова для растопки, лишь кусок веретена остался висеть на бортовой связке. Так, теперь уже и гребные весла становятся дефицитными... Может быть, стоит попробовать зайти на острова Зеленого Мыса и раздобыть там материал покрепче? Единогласное «нет». Правда, у нас еще оставалась в запасе толстая прямоугольная мачта из египетского сенебара. Мачты пока не ломались, даже в крепкий ветер устояли. И мы решили укрепить резервное рулевое весло из ироко запасной мачтой, прикрутив ее к толстому круглому веретену. После этого весло стало таким тяжелым, что, когда мы поздно вечером управились с работой, пришлось мобилизовать весь экипаж, чтобы спустить его в воду.

Светила полная луна, ярко сияли звезды. Волны упорно гнались за нами – высокие, блестящие, черные и неистовые, – но мы их не боялись, зная, что им не одолеть папирус. Они только дерево ненавидели до такой степени, что сокрушали его в тот же миг, как оно погружалось в воду. Пока весла праздно лежали на палубе вместе с полутора сотнями хрупких кувшинов и прочим грузом, им ничего не грозило. Что ж, поглядим, чем кончится поединок весла-великана с океаном...

Мы с Сантьяго поднялись на мостик и взялись за тонкий конец восьмиметрового веретена, которое надо было привязать к поручням, а все остальные стояли на палубе и держали тяжеленную лопасть. Ее надо было спустить в воду с кормы, потом прикрутить нижнюю часть веретена к лежащему на папирусе толстому поперечному брусу.

Волны и папирус лихо скакали вверх-вниз, и едва последовала команда погрузить рулевое весло, как могучий вал тотчас вырвал лопасть из рук пятерки, тщетно напрягавшей все силы, чтобы закрепить весло канатами. Лишь с великим трудом нам с Сантьяго удалось удержать верхнюю часть веретена. А волна уже ушла вперед, корма «Ра» повисла над глубокой ложбиной, и весло, лишившись опоры, с маху, будто гигантская кувалда по наковальне, ударило по концу поперечного бруса. Следующая волна снова взметнула лопасть вверх, и пока пятерка внизу силилась поймать взбесившуюся кувалду веревками и руками, Сантьяго и меня сверху бросало, как марионеток. Только уловим миг, когда гребень поднимет весло, и подвинем веретено на место, как лопасть опять повисает над ложбиной, тяжесть становится непосильной, и нас подбрасывает кверху, а пятерка на корме по-прежнему силится притянуть лопасть веревками к поперечине и укротить ее раньше, чем новая волна вырвет у них из рук весло, и лопасть взметнется вверх, а мы на другом конце рычага ухнем вниз. Причем вниз нас кидало с такой силой, что того и гляди расплющит руки и ноги веретеном о поручни, ведь и ногами тоже приходилось цепляться, чтобы нас вместе с веслом не утянуло за борт.

Это рулевое весло было таким тяжелым, и оно так бесновалось, что мы уже спрашивали себя, не лучше ли его отпустить, пока не разлетелась вдребезги кормовая поперечина, а с ней и веревки, скрепляющие папирус. Но мысль о том, что без руля мы превратимся в беспомощно дрейфующий боком стог соломы, придала нам сверхчеловеческие силы, а тут вдруг и весло легло удачно, и все семеро одновременно смогли притянуть чудовище на место и прикрутить его с обоих концов к «Ра» такими толстыми веревками, что океан уже был бессилен что-либо с ними сделать.

Итак, одно из двух древнеегипетских весел снова стоит на месте. Правда, веретено было очень уж неуклюжее и ворочалось еле-еле, ведь мы связали его с квадратным брусом. Зато оно было такое прочное, что, когда волны попробовали его сломать, лодка развернулась, а весло не поддалось.

По словам Сантьяго, ему еще никогда в жизни не доводилось делать такую тяжелую работу. Юрию пришлось заняться ушибленными пальцами, зато могучее рулевое весло обеспечило нам устойчивый курс, позволив усталому экипажу забраться в спальные мешки и разбить ночь на легкие вахты. Вахтенному надо было лишь следить за пароходами, чтобы нас никто не потопил. Луна, созвездия и даже постоянное направление идущих правильным строем, бурлящих волн – все подтверждало, что курс стабилен. Знай, посиживай без забот у входа в каюту с подветренной стороны. Только при смене мы поднимались на мостик, чтобы взглянуть на маленький рукотворный компас. Да и то очень скоро все усвоили, что звездное небо над нами – тот же компас с обращенной вниз светящейся картушкой. Мы дрейфовали прямо на запад. А где находимся, не так уж и важно, главное – не к берегу несет, а от берега.

Трое суток шли мы без каких-либо происшествий, за это время нам удалось починить второе рулевое весло, составив его из обломков двух веретен. Ни гвоздей, ни костылей, только веревки, а иначе наша конструкция и минуты не выдержала бы. Волны были такие же высокие, и они бросали наветренный борт «Ра» так, что папирус с этой стороны все больше намокал и все сильнее погружался в воду. Из-за волн мы не решались ставить второе отремонтированное рулевое весло, а держали его наготове на тот случай, если первое

сломается: уж очень угрожающе оно гнулось, когда океан нажимал особенно сильно. Зато мы рискнули поднять парус без рифов – обошлось. Дул северный ветер, и хотя мы еще различали низкую пелену тучу берегов Испанской Сахары, стоял зверский холод. Мы перенесли все, что можно, к левому, подветренному борту, который нисколько не погрузился после старта. Теперь наш широкий и грузный воз с сеном двигался на запад со скоростью два с половиной узла, проходя в сутки больше ста километров; за кормой тянулась отчетливая кильватерная струя. В одиннадцать дней было пройдено, считая по прямой, 557 миль, то есть более тысячи километров, и пришла пора передвинуть стрелку на час назад.

Вторые сутки мы то в одной, то в другой стороне видели суда, раз наблюдали одновременно три больших океанских парохода. Очевидно, «Ра» очутилась на главной магистрали судов, идущих вокруг Африки. Чтобы уберечься от ночных столкновений, мы держали на топе наш самый сильный фонарь. Но вот опять океан опустел, и только стаи дельфинов резвились вокруг, порой так близко, что мы могли бы их погладить. Иногда встречалась нам ленивая луна-рыба; перед носом лодки начали взлетать первые летучие рыбы. И небо стало пустынным. Редко-редко принесет ветром заблудившихся насекомых, да две-три морские ласточки промелькнут в ложбинах между валами. Эти маленькие птицы спят на воде, ведь они не хуже папируса скользят через самые большие волны.

Из дырочек в папирусе вдруг полезли полчища коричневых жучков. Хоть бы морская вода убила все яички и личинки, чтобы они не съели лодку изнутри! Скептики, которые видели, как верблюды пробовали грызть борта строящейся «Ра», предсказывали, что папирус может прийтись по вкусу голодным морским тварям. Ни киты, ни рыбы пока что не покушались на наш плавучий сноп, но букашки заставили нас встревожиться.

Солнце и луна поочередно указывали нам путь на запад. Одинокая ночная вахта позволяла в полной мере ощутить знакомый еще по «Кон-Тики» трепет перед необъятной вечностью. Звезды, ночной океан. В небе сверкали незыблемые созвездия, в воде так же ярко светились ноктилюки, живой планктон, словно рассыпали фосфорные блески по мягкому черному ложу, на котором покоилась «Ра». Иногда казалось, что мы идем под ночным небом по волнистому зеркалу. А может быть, это океан такой прозрачный, и мы видим рои звезд с другой стороны земного шара? Небосвод – тут, небосвод – там, и все – зыбкое, все чужое, кроме золотистых снопов папируса, которые нас несли, да огромного четырехугольного паруса, вверху пошире, внизу поуже, черной заплатой на звездной пыли. Уже этот древнеегипетский рисунок, эта трапедия в ночи располагала к тому, чтобы перелистать календарь на тысячи лет назад, такого контура сегодня не увидишь. Впечатление дополняли непривычные скрипы и кряхтение папируса, бамбука, древесины и веревок. Это был уже не атомный и ракетный век – мы жили в ту далекую нору, когда земля еще была плоской и огромной, сплошь неведомые океаны и материки, когда время было всеобщим достоянием и никто не знал в нем недостатка.

Усталые, все мышцы ноют от напряженной работы, в тусклом свете керосиновых фонарей мы по очереди несли вахту на извивающейся гибкой палубе. Нет слов, чтобы сказать, как хорошо отдохнуть в уютном спальном мешке. Проснешься – аппетит зверский, и во всем теле невыразимое блаженство. Право, не стоит говорить презрительно про образ жизни людей каменного века. Нет причин считать, что те, которые жили до нас и работали в поте лица, только маялись и не знали никаких радостей.

Сто с лишним километров в день курсом на запад даже на карте мира заметны, хотя горизонт оставался неизменным. Из дня в день, круглые сутки один и тот же, он двигался вместе с нами и всегда держал нас в фокусе. Но и вода тоже двигалась вместе с нами. Канарское течение – будто быстрая соленая река, в обществе своего вечного спутника, пассата, она устремляется на запад, всегда на запад, воздух и вода, и с ними все, что плывет по воде и летит по воздуху. На запад, как и солнце, и луна.

Мы с Норманом поднялись на мостик, он с настоящим секстантом, я с носометром – это слово принесло Юрию победу в конкурсе на лучшее название самодельного прибора для измерения широты, который я выстрогал из двух дощечек. Дощечки были посажены на

общий деревянный шип с кривым вырезом, чтобы можно было приставить к носу, – отсюда и название. И так, прижал прибор к носу, шип чуть ниже глаз, и смотри левым глазом вдоль одной дощечки, нацеленной на горизонт. Вторую дощечку, прикрепленную кусочком кожи к тому же шипу, поворачиваешь у правого глаза, наводя ее на Полярную Звезду. Угол между двумя дощечками читается на третьей, помещенной вертикально между ними, он и обозначает широту. Примитивный носометр давал повод членам экипажа поострить; он был на диво прост и удобен в обращении, а ошибка редко превышала один градус. Курс, наносимый на карту по этим данным, до удивительного совпадал с верным, который наносил на другую карту Норман.

Самое интересное в папирусной лодке, после поразительной прочности и грузоподъемности папируса, – древнеегипетский такелаж. Конечно, и рулевое устройство о многом говорило, по нему видно, как в древности постепенно из поставленного косо весла получился вертикальный руль. Но в такелаже заключалась гораздо более важная информация. Мы точно скопировали его с древнеегипетских фресок. Толстая веревка соединяла верхушку двойной мачты с форштевнем. А вот к ахтерштевню такой веревки не протянули, хотя два штага – все, что нужно, чтобы держать прямо двуногую мачту на лодке на тихой реке. И однако древнеегипетские корабельщики почему-то не тянули веревок с мачты на корму. Вместо этого от каждого из двух колен на разной высоте к бортам позади средней линии шло наискось пять или шесть параллельных вант. А корма была свободна от них и качалась вверх-вниз на волнах.

Мы поняли всю важность такого устройства, как только «Ра» начала извиваться на волнах океана. Ахтерштевень вел себя, как прицеп, который сам по себе мотается на всех ухабах. Будь он притянут к топу фордуном, мачта сломалась бы на первой же хорошей волне. Когда «Ра» переваливала через высокие гребни, средняя часть лодки ритмично поднималась вверх, между тем как нос и корма под собственной тяжестью опускались в ложбины. Подвесь мы корму к мачте, и та не выдержала бы нагрузки, а так она поддерживала загнутый вверх форштевень и не давала корчиться средней части мягкой палубы. Корма послушно повторяла извивы волн.

Не проходило дня, чтобы члены экипажа не восхищались гением тех, кто так искусно расставил снасти и определил их функцию. Сведущий в морском деле Норман сразу сообразил, в чем тут суть. Смысл конструкции был слишком очевиден. Уже на третий день я записал в дневнике: «Этот такелаж – плод долгого морского опыта, он родился не на тихом Ниле».

Но одна структурная особенность египетской лодки далеко не сразу была нами понята, за что мы потом и поплатились. Каждый день мы с недоумением смотрели на загнутый внутрь завиток высокого ахтерштевня. Для чего он? Египтологи довольствовались выводом, что завиток призван всего лишь украшать речное судно, но мы тут с ними никак не могли согласиться. И однако шли дни, а нам все не удавалось определить, какая же в нем польза. Тем не менее мы постоянно проверяли, не выпрямляется ли завиток. Нет, держится превосходно, видно, наши чадские друзья были правы, говоря, что все сделали, как надо, крючок не разогнется, и не надо притягивать его к палубе никакими веревками. Одну ошибку мы допустили, это верно, когда поначалу разместили груз, как на обычных парусных судах. И некому было наставить нас на ум, только собственный опыт плавания в пассатном поясе мог научить нас, что на папирусной лодке груз должен быть сосредоточен на подветренном борту. Теперь папирус с наветренной стороны намок уже настолько, что край фальшборта почти сравнялся с поверхностью воды. Особенно на корме справа, там мы вполне могли умыться, но виса вниз головой и ногами вверх. Очень даже удобно, решили все, и отныне вся стирка-мойка происходила на корме.

Четвертого июня волнение заметно умирилось, и на следующее утро мы проснулись в совсем другом мире. Тепло так, славно, мерно катятся блестящие пологие валы... Опять нас навестила пятерка китов, возможно, те же самые, что в первый раз. Царственный кортеж. Такие добродушные и красивые в своей родной стихии, даже страшно подумать, что скоро

человек прикончит своими гарпунами последних теплокровных исполинов морей, и только холодные стальные чудища – подводные лодки – будут резвиться в морской пучине, где творец, да и не он один, предпочел бы видеть, как китихи кормят молоком своих детенышей.

Пользуясь теплой погодой, Жорж разделся и прыгнул за борт с маской и страховочным концом вокруг пояса. Он нырнул под «Ра», а когда вынырнул, то издал такой ликующий крик, что Юрий и Сантьяго прыгнули следом; остальные несли вахту и ждали своей очереди. Только Абдулла сидел в дверях каюты, повесив нос. Если ветер не вернется, мы так и застрянем здесь, никогда не попадем в Америку. Норман успокоил его, рассказав про незримое океанское течение. Пусть мы не будем проходить сто километров в сутки, как до сих пор, но уж пятьдесят-то сделаем.

Вскоре все, кроме Абдуллы, побывали под брюхом «Ра». Он умылся в брезентовом ведре и преклонил колени лицом к Мекке. Молитва затянулась надолго – может быть, он просил аллаха послать ветер?

После освежающего морского купания мы словно родились заново. А какое удовольствие мы получили, осматривая днище «Ра»! Чувствуешь себя, будто рыбка-лоцман под брюхом огромного золотого кита. Отраженные солнечные лучи снизу освещали папирус над нами, как прожектором. Океан и безоблачное небо окружили лучезарного золотистого великана неопишуемой синевой. Он плыл так быстро, что надо было самим плыть изо всех сил в ту же сторону, если мы не хотели, чтобы нас тащили вперед страховочные концы.

Только теперь мы обнаружили, что перед носом лодки идут веером полосатые рыбки-лоцманы, образуя такую же верную свиту, какая сопровождала бревенчатый плот «Кон-Тики». Здоровенная коряга тяжело качалась на волнах. Из-под нее выглянула маленькая толстушка-пампано и поспешила, виляя хвостиком, к «Ра», где около широкой рулевой лопасти уже носилось несколько ее родичей. Кокетливые рыбки подходили к Юрию и игриво пощипывали его белую кожу.

На папирусном днище тут и там прилепились длинношеие морские уточки – темно-синяя раковина и колышущиеся оранжевые жабры, как будто страусовые перья. А вот водорослей нигде не было видно. В песках Сахары стебли папируса были морщинистые, шероховатые, серо-желтого цвета, в воде они набухли, стали гладкие, блестящие, точно золотое литье. И на ощупь уже не хрупкие и ломкие, а тугие и крепкие, как крышка. Ни один стебель не отошел и не сломался. Папирус три недели находился в воде. И вместо того чтобы через две недели сгнить и развалиться, стал крепче прежнего.

Мы выбрались из воды на лодку безмерно довольные тем, что увидели, и вот опять за кормой поплыли куриные перья: Карло готовил праздничный обед.

Подводная экскурсия нас так воодушевила, что мы решили и второе починенное рулевое весло водрузить на место. Тише этого погода все равно не будет. Но здоровенное весло с двойным веретеном было до того тяжелое и длинное, что, пока мы, путаясь в вантах, переправляли его через каюту на наветренную сторону, успело стемнеть. Как ни мирно настроилось море, волны были достаточно высокими, и нам предстояло немало повозиться с пляшущей лопастью, раньше чем удастся поставить весло правильно и закрепить его. Наученные горьким опытом, мы решили отложить это дело на утро, а пока тяжеленную махину привязали покрепче стоймя у наветренного борта, уперев лопасть в кормовую палубу.

Следующий день порадовал нас такой же великолепной погодой. Проснувшись, я полез через кувшины на корму, чтобы искупаться, и застал там утреннего вахтенного – Юрия. Он сидел, очень довольный, и стирал белье прямо на палубе, обходясь без ведра. В том месте, где рулевое весло всей своей тяжестью опиралось на папирус и борт осел сильнее всего, на корме получился маленький прудик, непрерывно пополняемый волнами, захлестывающими палубу.

– Наша яхта становится все более комфортабельной, – радостно отметил Юрий. – Вот уже умывальник с водопроводом появился.

Мы поскорей погрузили в воду увесистое весло, чтобы море приняло на себя основную

тяжесть, однако через притопленный угол все равно текли струйки на палубу, и, пока все сводилось к импровизированному умывальнику, мы в общем-то были только рады. Проверили кормовой завиток – такой же, как прежде, не выпрямляется. На всякий случай Жорж нырнул под «Ра». И впервые обнаружил, что сразу за каютой днище как будто слегка надломилось. Но связки выглядели крепкими и невредимыми; надавишь на стебель – из него вырываются пузырьки воздуха. Папирус ничуть не утратил плавучести.

Решив, что у нас просто перегружена корма, мы перенесли весь груз с кормовой палубы, оставив лишь тяжелую поперечину, на которую опирались рулевые весла, мостик на стойках и под ним – ящик со спасательным плотом.

Но гребни продолжали захлестывать корму справа. Мы снова все тщательно осмотрели над водой и под водой. И убедились, что «Ра» полностью сохраняет начальную форму от носа до того места, где закреплена задняя пара вант. Здесь проходила линия излома, дальше корма наклонилась косо вниз.

Пришла пора поразмыслить опять. Вниз прогнулась та часть лодки, которая как бы свободно болталась на прицепе, а все подвешенное к мачте держалось нормально. Нос все так же вздымался вверх. Наш золотой лебедь гордо нес свою шею, только хвост повесил. Если бы мачта могла выдержать натяжение фордуном, такого бы не случилось. А попробуй протяни фордун к ахтерштевню, и на первом же гребне мачта переломится. Корме положено колыхаться, нельзя лишь позволять ей сохранять излом.

Мы попробовали поднять корму, притягивая ее веревками к каюте. Попробовали скрепить ахтерштевень толстыми канатами, переброшенными через мостик и каюту, со стояками на носовой палубе. Так египтяне придавали жесткость конструкции своих деревянных кораблей; правда, на изображениях папирусных лодок ничего похожего не видно, и сколько мы ни натягивали канаты, корма не хотела подниматься. Карло вязал хитрые узлы и усерднее всех тянул мокрые веревки, пока у него ладони не вздулись, словно белые макароны.

Шли дни. С каждым днем корму захлестывало все сильнее. И хотя опора кормового завитка постепенно уходила под воду, сам он выглядел так же лихо, как прежде, и не думал разгибаться. Да только пользы от него никакой, он начал превращаться в балласт для ослабевшей кормы. Могучие валы без конца таранили торчащую вверх корму, и она впитала уйму воды выше ватерлинии. И ведь ахтерштевень был толстый, широкий, а высотой превосходил каюту, так что вместе с водой он, наверное, весил больше тонны. Может быть, обрезать завиток? И тогда вся корма всплывет? Но это все равно, что отрубить лебедю хвост... Рука не поднималась так обойтись с нашим гордым корабликом.

Но как же, как?.. Как, черт возьми, создатели этой удивительной хитроумной лодки добивались того, что она без растяжек не поджимала свой пышный хвост? И это несмотря на то, что у них стояла веревка, пригибающая завиток к палубе, та самая, которую наши чадские мастера, слава богу, убрали. И мы о ней пока не жалели. Или? Или?! Я отбросил кокосовый орех и принялся лихорадочно чертить. Разрази меня гром! Я позвал Нормана, Сантьяго, Юрия, Карло – весь экипаж. Ошибка найдена. Мы не разобрались в назначении кормового завитка. Еще одна вещь, которую мы могли постичь только на собственном горьком опыте, ведь те, кого сами изобретатели завитка обучали, зачем он и для чего, не одну тысячу лет лежат в могиле. Так вот, корму загнули внутрь над палубой не для красоты. И веревка несла особую службу, а не только держала этот изгиб, как мы все думали. Завиток и без нее хорошо держался, задачей веревки было не его тянуть вниз, а кормовую палубу вверх подтягивать. Высокий ахтерштевень в форме арфы играл роль пружины с мощной струной, которая держала свободно качающуюся корму точно так же, как ванты и штаги держали остальную часть лодки. Чтобы папирусный корабль мог выходить в открытое море, не рискуя переломиться, гениальный конструктор составил его как бы из двух сочлененных частей. Передней части придавала жесткость двойная мачта с параллельными вантами, а задняя свободно колебалась, всегда возвращаясь на место благодаря тетиве, привязанной к пружинящему завитку над кормой.

Мы восстановили тетиву, но было уже поздно, за три недели корма надломилась, и завитушка опустилась так сильно, что поднять ее можно было только краном. Теперь нас никакая веревка не могла выручить. Мы были наказаны, так как, подобно другим, считали завиток ахтерштевня самоцелью, а он на самом деле был гениальным средством древних египтян.

Стоя в луже на корме и глядя на уходящий под воду золотистый хвост, Юрий и Норман запели по-английски:

— А зачем нам желтая подлодка, желтая подлодка, желтая подлодка...

Мы вполне разделяли их мнение, и вот уже вся семерка хором исполняет песенку битлов. Никто не принимал случившееся всерьез, ведь большая часть лодки держалась на воде, как пробка. Юрий и Норман сели стирать носки и подбирать новую рифму к слову «подлодка».

Меня больше всего тревожило не столько то, как папирус будет ладить с океаном, сколько то, как мы, семеро пассажиров, будем ладить друг с другом. В каюте-корзине площадью 2,8 на 4 метра нельзя было как следует повернуться, если все семеро одновременно ложились спать, а палуба была так загромождена кувшинами и корзинами, что негде ступить, поэтому мы обычно проводили время на узкой связке папируса перед стенкой каюты с подветренной стороны да на мостике, где развел руки в стороны – вот тебе и ширина, и длина.

День и ночь любой мог услышать голос и ощутить плечо любого. Мы срослись в семиглавого сиамского близнеца с семью ртами, говорящего на семи языках. На лодке вместе шли не только белый и черный, не только представители коммунистической и капиталистической страны, – мы представляли также крайние противоположности в образовании и уровне жизни. Когда я в Форт-Лами пришел в гости к одному из наших двух африканцев, он сидел на циновке, брошенной на земляной пол, и всю обстановку хижины составляла стоящая на той же циновке керосиновая лампа, а его паспорт и билеты лежали на земле в углу. У второго африканца, в Каире, кланяющиеся слуги проводили меня между колоннами роскошного особняка в восточном стиле в покои с тяжелой французской мебелью, гобеленами и всякой стариной. Один член экипажа не умел ни писать, ни читать, другой был профессор университета. Один был убежденный противник войны, другой – морской офицер. Любимым развлечением Абдуллы было слушать свое карманное радио и потчевать нас новостями о войне у Суэца, эпизод которой он сам успел увидеть. Его правительство в Форт-Лами было за Израиль. Рьяный мусульманин Абдулла был за арабов. Норман – еврей. Жорж – египтянин. Их сородичи стреляли друг в друга через Суэцкий канал, а сами они лежали чуть не бок о бок.

В плетеной каюте посреди Атлантического океана новости о войне во Вьетнаме тоже занимали Абдуллу.

Словом, на борту было предостаточно горючего материала для серьезного пожара. Наш «бумажный кораблик» был нагружен духовным бензином, и только вездесущие волны могли остудить пыл, развивающийся от трения в тесной корзине.

В любой экспедиции, где людям много недель просто некуда деться друг от друга, коварнейшая опасность – душевный недуг, который можно назвать «острым экспедиционитом». Это психологическое состояние, при котором самый покладистый человек брюзжит, сердится, злится, наконец приходит в ярость, потому что его поле зрения постепенно сужается настолько, что он видит лишь недостатки своих товарищей, а их достоинства уже не воспринимаются. Первый долг руководителя экспедиции – повсечасно быть на чеку против этой злой болезни. И перед стартом я провел тщательную профилактику.

Вот почему мне стало не по себе, когда я уже на третий день плавания услышал, как миролюбивый Карло кричит по-итальянски Жоржу, что хоть он и чемпион дзю-до, это не мешает ему быть закоренелым неряхой, который привык, что за ним няньки убирают. Жорж огрызнулся в ответ, но словесная перепалка не затянулась, и вот уже только папирус кричит и скрипит. Однако на другой день эта двойка опять схлестнулась. Карло стоял и подтягивал

ванты, а Жорж в сердцах отбросил свою удочку и демонстративно полез в спальный мешок. На мостике Карло тихо сказал мне, что этот шалопай начинает действовать ему на нервы. Сам Карло с детства привык трудиться, в двенадцать лет уже таскал тяжелые мешки с рисом. Никакого образования не получил, всего добивался своим горбом. А этот папенькин сынок из Каира – избалованный лоботряс, бросает свои вещи, где попало, и ждет, чтобы мы за ним убрали.

Я обещал поговорить с Жоржем. Карло прав: он в самом деле еще не понял, что такое экспедиция. Для него это новая игра, состязание в силе. Но и Карло должен все-таки понять, что Жорж просто привык так – где ни брось какую-либо вещь, все равно она окажется на месте, об этом позаботятся слуги, жена или мать. Карло прошел школу жизни, Жорж – нет. Мы должны его научить.

Вскоре я оказался на мостике с Жоржем с глазу на глаз. Он очень переживал, что грубо ответил Карло, но тот все время сует свой нос в его сугубо личные дела. Впрочем, Жорж был достаточно умен, и мне не стоило большого труда втолковать ему, что на борту «Ра» нет места для «сугубо личных дел», разве что в личном ящике каждого. Никто не обязан убирать за другими, и никто не вправе разбрасывать гарпуны, ласты, книжки, мокрые полотенца, мыло и зубную щетку. На борту все равны, и каждый сам убирает за собой.

Через минуту рыболовные снасти, магнитофон и грязное белье Жоржа исчезли с крыши каюты и с палубы, и он уже тянул какую-то снасть вместе с Карло.

Следующая серьезная угроза миру на «Ра» возникла, когда мы освоились настолько, что ввели дежурство на камбузе. Карло вызвался быть постоянным коком и выиграл на этом. Остальным надлежало по очереди чистить кастрюли, сковороды и ящики. Мы составили расписание дежурств по дням и написали его мелом на черной доске, висевшей на мостике, причем все забыли, что Абдулла не умеет читать. И когда Сантьяго показал ему на кастрюли и щетку, Абдулла, который не заметил, что перед ним уже отдежурили двое, пожаловался на головную боль и ушел в каюту, сердито ворча:

– Думаешь, я не знаю, в чем дело. Ты, Сантьяго, белый, а я черный. Вот ты и хочешь, чтобы я был у вас слугой.

Сантьяго – убежденный миротворец, но слова Абдуллы укололи его хуже ножа, и он вспылil.

– И это ты говоришь мне, Абдулла, – рявкнул он в священном гневе. – Мне, который шесть лет борется за равноправие негров. Да для меня во всем этом плаваннии самое важное как раз то...

Дальше Абдулла не слышал, потому что залез с головой в спальный мешок. А когда он выглянул снова, то увидел, как я пробираюсь с грязными кастрюлями на корму. Он вытаращил глаза.

– Просто мы с тобой поменялись дежурством, – объяснил я ему.

На другой день Абдулла драил кастрюли на корме, весело распевая звонкие африканские песни.

А еще через день нас ожидал сюрприз. Жорж подошел ко мне и попросил возложить на него ответственность за порядок на кухне до конца плавания, а то ведь несподручно чередоваться, к тому же у других есть дела поважнее.

Жорж, да-да, Жорж стал постоянным дежурным, и с того дня на камбузе все блестело, больше никому не надо было думать о кастрюлях.

Помню также, как Норман и Карло взъелись на Юрия и Жоржа, дескать, те делают что-нибудь лишь тогда, когда им скажут, а Норман и Карло помимо своих основных обязанностей постоянно сами находили себе какое-нибудь дело. Когда Абдулла не проявляет инициативы, это еще можно понять, но ведь эти двое получили высшее образование, – что же они ждут приказов? Со своей стороны Юрий, Жорж и с ними Абдулла начали злиться на Нормана и Карло: уж очень они любят командовать и распоряжаться, нет сказать товарищески, если что надо, а когда можно, то и посидеть спокойно, просто наслаждаясь жизнью. Или взять Сантьяго, этого хитрого интеллигента. Если надо перенести что-то

тяжелое, нагнется, возьмется и зовет других на помощь. Смотришь, он уже выпрямился и показывает, улыбаясь, куда тащить кувшин или ящик, а силачи Юрий, Жорж и Абдулла стараются, несут. Кому-то было досадно, что я, руководитель, не выгоняю лентяя из спального мешка, и он знай себе спит, тогда как другие трудятся по своему почину. А кто-то считал, что я должен одернуть любителей командирского тона, у нас не военный корабль и не горнострелковая рота, мы семь равноправных товарищей, можно сказать по-хорошему.

И однако – назовите это чудом – все эти мелкие трения не перешли в «острый экспедиционит», напротив, каждый старался понять реакции и поведение других, и тут всем нам сослужили службу научные занятия Сантьяго, изучавшего вопросы мира и агрессии. Юрий и Жорж научились ценить Нормана и Карло, потому что их инициатива и настойчивый труд всем шли на пользу, а Норман и Карло изменили свой взгляд на Юрия и Жоржа, которые брали на себя самый тяжелый труд и охотно приходили на помощь любому, не дожидаясь просьбы, если видели, что это в самом деле нужно. Дипломат и психолог Сантьяго помогал Юрию пользоваться незримые раны; Юрий показал себя толковым и заботливым врачом; Абдулла все уважали за его светлый ум и способности, а также за умение приспособиться к совершенно непривычному образу жизни. Абдулле все пришлось по душе, так как он видел, что мы, хоть и белые, считаем его своим. Он упрасивал Юрия дать ему какое-нибудь лекарство, чтобы у него выросла борода, как у нас, и никак не мог понять этого щеголя, который каждое утро брился, между тем как мы, остальные, отпустили себе усы и бороду, кто рыжую, кто черную. Если раньше голова Абдуллы сверкала, как лаковая, то теперь он перестал ее брить, и вскоре у него хоть на черепе отросли густые курчавые волосы, в которые он втыкал толстый плотницкий карандаш вместо броши.

У Жоржа были свои причуды. Днем он засыпал легко, а ночью ему требовалась подушка на грудь и музыка в ухо, для чего он запасся магнитофоном с набором любимых песенок. Тем, кто лежал от него подальше, скрип веревок и папируса заглушал музыку, но этот же скрип вынуждал самого Жоржа и Сантьяго просить у Юрия снотворного. День и ночь магнитофон Жоржа играл его излюбленные мелодии. В один прекрасный день магнитофон пропал. Только что я видел его, он лежал и играл на краю мостика, у ног Абдуллы; сам Абдулла ворочал руль, стоя к нему спиной. Норман укреплял весло, свесившись через борт. Карло, Сантьяго и я перекладывали груз на корме, Юрий и Жорж работали за каютой. Вдруг музыка смолкла. Прошло несколько минут, прежде чем Жорж полез через кувшины на корму, чтобы снова пустить магнитофон. Но магнитофона не было. Жорж искал всюду. На корме, на носу, под матрасами, на крыше каюты. Исчез. Бесповоротно исчез. Кто это сделал? Первый дзюдоист Африки рассвирепел. Кто, кто посмел выбросить за борт его магнитофон? Конец путешествию, все, он не уснет без своих мелодий, кто-о-о это сделал!!! Атмосфера накалилась. Крошка Сафи поднялась на мачту, сколько позволяла веревка: еще обвинят, чего доброго...

Абдулла мог столкнуть ногой магнитофон за борт, но он слишком любил музыку, чтобы сделать это. Норман не дотянулся бы, Юрий все время был рядом с Жоржем. Оставалась только наша тройка, которая работала на корме. Карло невозмутимо продолжал перетаскивать кувшины. Карло! Для меня все стало ясно. Он все еще злится на Жоржа, вот и отомстил. Но где была его голова! Вот уж от кого не ожидал. Теперь мы все равно что на бочке с порохом, и фитиль уже зажжен.

– Жорж, – сказал я. – Ты молодец, научился следить за порядком, как же ты мог положить свой магнитофон на самом краю, так что он свалился в море!?

– Может, он и правда лежал на краю, – согласился Жорж, – но с мостика он мог свалиться только на палубу, а не за борт.

Он был абсолютно прав, но как-то надо было выручать Карло.

– Магнитофон лежал на правом углу, – решительно сказал я. – Если его задела, когда мы сильно накренились вправо, он должен был упасть за борт.

Жорж продолжал искать в самых невероятных местах, потом залез в свой спальный мешок и мгновенно уснул. Мы не будили его до самого утра, когда Карло свистом вызвал

нас завтракать и предложил яичницу с корейкой. Долго сердиться на такого кока было невозможно, и больше никто не заговаривал о магнитофоне. И только после конца плавания Сантьяго однажды положил руку на широкое плечо Жоржа и спокойно спросил:

– Жорж, сколько я тебе должен за магнитофон?

Мы все так и опешили. Жорж медленно, очень медленно развернулся фронтом к маленькому улыбающемуся мексиканцу, сам широко улыбнулся и сказал:

– Какой еще магнитофон?

«И как только ты на это решился», – спросили мы потом Сантьяго. Он признался, что был далеко не уверен, правильно ли делает, сбрасывая в воду музыкальную машину, но в одном он ни капли не сомневался: если позволить ей и впредь играть одни и те же мелодии, кто-нибудь не выдержит и стукнет ею хозяина по голове.

Шли недели, мы жались всемером в тесной каюте, словно на круглосуточных посиделках, и «Ра» все качалась в центре одного и того же круга, и горизонт сопровождал нас, как заколдованный. С 4 по 9 июня волны были совсем ленивые, ветер скис, кое-кого из ребят круглые сутки клонило в сон. И папирус уже не скрипел и не рычал, а мурлыкал, словно кот на солнце.

Норман поделился со мной своими тревогами. Мы медленно дрейфуем на юго-запад, и, если не подует хороший ветер, нас может захватить круговое течение у берегов Мавритании и Сенегала. Судя по тому как много судов проходило вдали и вблизи, мы снова очутились на каком-то маршруте, а в ночь на 6 июня мы увидели идущий прямо на нас большой, ярко освещенный океанский пароход. Курс его красноречиво свидетельствовал о том, что вахтенный офицер не заметил наш маленький топовый фонарь, и мы принялись отчаянно размахивать карманными фонариками. Тихий ветер лишил нас всяких надежд свернуть в сторону за счет рулевых весел. Рокоча машиной, светящийся гигант грозно наступал на нас. Вдруг он отвернул направо и заглушил свою механическую гроыхалку. С мостика нам просемафорили яростный выговор так быстро, что мы успели только разобрать слово «прошу», пока великан с разгона бесшумно скользил мимо в каких-нибудь трехстах метрах от наших папирусных связок. И вот уже опять забурлила вода у винта, ослепительный стальной гигант понесся дальше к Европе.

На следующий день мы при легком ветре снова вошли в область, где весь поверхностный слой воды был полон асфальта. А еще через три дня, проснувшись утром, нашли море настолько загрязненным, что некуда окунуть зубную щетку, а Абдулле для омовения пришлось выдать дополнительный паек пресной воды. Из голубого Атлантического океан стал серо-зеленым и мутным, и всюду плавали комки мазута величиной от булавочной головки до ломтя хлеба. В этой каше болтались пластиковые бутылки, как будто мы попали в грязную гавань. Ничего подобного я не видел, когда сто одни сутки сидел в океане на бревнах «Кон-Тики». Мы воочию убедились, что люди отравляют важнейший источник жизни, могучий фильтр земного шара – Мировой океан. И нам стало ясно, какая угроза нависла над нами и будущими поколениями. Судовладельцы, заводчики, государственные деятели привыкли видеть море с палубы быстроходного лайнера, им никогда не приходилось, как нам, изо дня в день окунать в него зубную щетку и собственный нос. Вот о чем мы должны кричать всем, кто захочет нас слушать. Много ли толку в том, что Восток и Запад состязаются в решении социальных проблем на суше, если все страны позволяют нашей общей жизненной артерии, Мировому океану, превращаться в совместную клоаку, сборник мазута и химических отходов? Или мы еще находимся в плену средневековых представлений, считаем океан беспредельным?

Как ни странно, когда качаешься на волнах на связках папируса и видишь скользящие мимо материи, отчетливо понимаешь, что океан отнюдь не беспредель, и струи, идущие в мае вдоль берегов Африки, через несколько недель достигают берега Америки, принося с собой всю ту дрянь, которая не тонет и не поедается обитателями моря.

Десятого июня ветер снова посвежел. В тот же день Абдулла зарезал последнюю курицу, в клетке осталась только утка. Клетку отправили за борт – намокнет и затонет, – но

обезглавить утку ни у кого рука не поднялась. Ее помиловали и, окрестив именем Симбад, позволили – с веревочкой на ноге – разгуливать по палубе, к великой досаде Сафи. Корзина заменила Симбаду особняк, и он стал заправлять на носовой палубе, а Сафи обычно держалась вблизи, и, если кто-то из них по рассеянности забредал на чужую территорию, это кончалось тем, что либо Симбад немилосердно щипал сзади Сафи, заставляя ее визжать от негодования, либо Сафи торжествующе скакала в свой уголок с утиным пером в руке.

Ночью волна заметно прибавила, и море разбушевалось. Порой становилось жутко стоять на шатком, скрипучем мостике, не видя в ночи ничего, кроме пятнышка света на парусе да топового фонаря, который болтался, словно обезумевшая луна, среди звезд, мелькающих между гонимыми бурей тучами. Вдруг за спиной будто злобная змея зашипит – бурлящий гребень вровень с твоей головой гонится за лодкой, а самой волны не видно, кажется, только белая пена летит по воздуху и что-то шепчет про себя. А черный вал уже подкатился под связки папируса и толкает их вверх своими чудовищными бицепсами, и тут же отпускает нас, и мы падаем вниз – падаем так глубоко, что следующий белый призрак реет в воздухе еще выше, чем предыдущий. Двухчасовая рулевая вахта совершенно изматывала нас, хотя мы обычно работали только одним веслом, наглухо закрепив второе.

За ночь море расшатало «Ра» сильнее, чем когда-либо. На рассвете амплитуда качания мачты на уровне крыши достигла 60 сантиметров, а макушку на высоте 9 метров мотало так, что сам Карло с трудом удерживался на ней. По примеру древних египтян каждое колено двуногой мачты мы утопили внизу в ямку на плоской деревянной пяте, установленной прямо на папирусе. Толстый деревянный угольник жестко соединял мачту с пятой, но теперь скреплявшие их веревки настолько ослабли, что оба колена лихо плясали, грозя выскочить из ямок. Да и ванты, похожие на параллельные струны, то провисали, вместо того чтобы притягивать колена к бортам, то вдруг натягивались так, что даже страшно: сейчас либо мачта сломается, либо лопнут папирусные связки, – ведь ванты были закреплены за толстый канат, обрамляющий весь фальшборт.

Мы вбили под пяту деревянные клинья и принялись за разгулявшиеся ванты – подтянешь одну, гляди, как бы не лопнула, пока остальные еще провисают. И вот мачта снова укрощена.

В этот день мы не могли пожаловаться на одиночество. На палубу градом сыпались летучие рыбки. Мы прошли мимо большой луны-рыбы, безжизненно лежавшей на воде. Какая-то тварь заглотала крючок и размотала всю леску на спиннинге Жоржа. Не успел он ее вытащить, как другая рыбина перехватила улов, и Жоржу досталась лишь голова. «Ра» мчалась по горам и долам с рекордной скоростью, и мы были изрядно обескуражены, когда Норман, определив в полдень наше место, сказал, что мы не так уж много прошли. Нас снесло течением на юг.

За одни сутки правый угол нашей кормы осел настолько, что конец рулевого бруса то и дело зарывался в волну и тормозил. На кормовой палубе вода стояла по щиколотку, а иные гребни докатывались до ящика со спасательным плотом, уложенного под мостиком. Всякий раз ящик ерзал и тер веревки.

На следующий день море продолжало бушевать, а с крепнущим нордом вернулся и холод. Регулируя крепление рулевого бруса, который все время врезался в воду, Юрий увидел на нем какой-то голубой пузырь и схватил его руками, чтобы сбросить. Юрий в жизни не встречался с «португальским военным корабликом» и даже не понял, что происходит, когда его руки вдруг оказались опутанными длинными жгучими нитями физалии – одной из самых опасных, несмотря на малые размеры, тварей Атлантического океана. Этот каверзный пузырь не единичная особь, а целая колония мельчайших организмов, объединенных сложными взаимоотношениями, и у каждого свои особенности и функции. Единственная задача самой крупной особи, пузыря – поддерживать эту удивительную артель на плаву. За ним волочится пучок многометровых арканчиков, составленных из маленьких граждан сообщества. Кто-то добывает пищу для всей колонии, кто-то отвечает за размножение, есть и солдаты, они буквально стреляют едкой кислотой в

добычу и врагов. Самые крупные «португальские военные кораблики» могут даже парализовать и убить человека, такие случаи известны.

Жгучая боль через кожу распространилась по нервам, сковала мышцы правой руки нашего судового врача и подобралась к сердцу. Бедняга полез в аптечку и перебрал все: от мазей до сердечных и нервных таблеток. Четыре часа понадобилось ему, чтобы укротить боль и восстановить подвижность руки.

Тринадцатого июня в щелях и вантах свистел ледящий норд-норд-ост, и море ярилось пуще прежнего. Лодка извивалась, рыча, визжа и скрипя всеми суставами, волны беспорядочно громоздились друг на друга и накрывали корму «Ра». Иные гребни обрушивали на папирус по несколько тонн воды, и мы видели, как корма все больше поникает под натиском самых тяжелых каскадов. И ничего нельзя поделать, стой и смотри, когда лишняя вода скатится через оба борта, и останется наш популярный бассейн, где теперь было по колено. Абдулла только смеялся и уверял, что все это ерунда. Пока веревки целы, мы не потонем. Продрогший от холода, но веселый, он бродил в штормовке по палубе, прижимая к уху свой карманный приемник. Какая-то арабская станция рассказывала на французском языке о событиях в Чаде: там пока что верх взяли мусульмане.

Почти весь день вокруг лодки резвилась великолепная сине-зеленая корифена, она оборвала леску и уж после этого не клевала, и гарпуном ее взять не удалось. Карло затеял готовить обед из вяленой рыбы, в это время что-то шлепнуло его по загривку и забарабанило по каюте. Одиннадцать летучих рыб корчились на палубе – собирай и клади на сковороду.

С 14 по 17 июня море неистовствовало, с разных сторон наперерез друг другу шли волны, высота которых никак не соответствовала ветру. Очевидно, здесь сталкивались течения, отраженные невидимыми берегами. Жорж жаловался на боли в спине, его уложили в постель. Абдулла тошнило, но он сам себя исцелил снадобьем из двенадцати головок чеснока. Начал кряхтеть и шататься мостик, пришлось срочно укреплять его новыми узлами и растяжками. Юрий догадался переселить Симбада на корму, и тот принялся радостно плавать в нашем бассейне. У Сафи от досады расстроился желудок, и она поминутно бегала на край палубы. Просто поразительно, какой чистоплотной стала наша обезьянка. Вдруг из воды выскочил косяк огромных, чуть не двухметровых тунцов, Сафи дико перетрусилась и забилась в корзину, откуда ее так и не удалось выманить, пока Жорж с наступлением темноты не пересадил трусишку в ее персональный чемодан-спальню в каюте.

«Ра» судорожно корчилась и выписывала немыслимые кренделя, прилаживаясь к хаотической пляске волн, и колена мачты снова запрыгали в своих плоских деревянных башмаках. Лодка скрипела не так, как прежде, – казалось, что дует могучий ветер, когда сотни тысяч связанных веревками стеблей раскачивались на волнах. Пол, стены и крыша каюты тоже скрипели на новые голоса. Ящики под нами перекошились, крышки заклинивались; где ни ляжешь, ни сядешь, ни станешь, под тобой все корежится. Ванты нещадно дергали мачту, и при таком волнении мы не решались даже взяться за них, чтобы ослабить или подтянуть. Как ни холодно было, Жорж, Юрий и Норман прыгнули в воду, чтобы проверить днище. Стуча зубами, они доложили, что папирус в отличном состоянии, только корма висит, играя роль огромного тормоза. Надо было что-то предпринимать.

Неожиданно правое рулевое весло сорвалось с поперечины вниз и бешено задергалось, силясь оборвать и верхнее крепление, на мостике. Нам пришлось изрядно повозиться, стоя по пояс в бурлящей воде, прежде чем удалось поймать весло и закрепить его тросами. Причем рыбы кругом было столько, что Жорж ухитрился, не сходя с лодки, пронзить гарпуном корифену.

Надо что-то предпринимать, как-то обуздать ярость могучих каскадов, обрушивающихся на корму. Сколько еще она выдержит эту чудовищную нагрузку? Деревянная лодка давно переломилась бы.

Попробуем воздвигнуть барьер на пути волн... Мы собрали все обрезки папируса, и Абдулла с помощью Сантьяго и Карло, стоя по колено в воде, принялись сооружать из связок преграду. Могучий гребень захлестнул их по грудь, Абдулла несколько раз смывало

за борт, но страховочный конец крепко держал его, и он, смеясь, вылезал на палубу. Талисман не подкачает! Закончив работу, он поблагодарил аллаха.

Случилось то, чего я боялся. Чем выше мы делали барьер, тем больше воды застаивалось на корме, ведь разбухший папирус ее не пропускал. Придавленный огромной тяжестью, ахтерштевень все сильнее оседал. Тогда мы убрали барьер, воздвигнутый Абдуллой, но фальшборт уже успел прогнуться настолько, что на корму врывались целые горы воды, подмывая ящик со спасательным плотом. Пришлось поспешно восстанавливать преграду. Мы обрезали ножом веревки, крепившие две аварийных лодочки из папируса, и нарастили борт этим материалом, пошли в ход и папирусные спасательные круги, сделанные по фрескам в древних погребениях. Словом, мы использовали все растения до последнего стебля и подняли борта еще выше, а пруд на корме стал еще глубже. Теперь он занимал всю кормовую палубу, зато нас уже захлестывало не так сильно, середина лодки и нос по-прежнему оставались сухими.

Семнадцатого июня непогода прошла свой пик, ветер сместился к западу, и высокие волны выстроились вереницей. Всюду на лодке лежали летучие рыбы, одна даже угодила в кофейник. Видно, нас опять подхватила главная струя течения, потому что Норман, использовав минутный просвет в густой пелене туч, смог доложить, что за последние сутки пройдено 80 морских миль, то есть 148 километров, и это несмотря на тормоз, каким стала наша корма, похожая теперь на крабий хвост. 148 километров не так уж плохо, даже в масштабах карты мира.

В разгар бури мы находились примерно в 500 морских милях от берегов Западной Африки, и прямо по курсу у нас были острова Зеленого Мыса, лежащие к западу от Дакара. Течение и северный ветер несли нас на архипелаг, и в любую минуту, с любой стороны могла показаться земля – не очень-то приятная мысль, когда сражаешься со стихиями, обремененный неподатливой кормой, которой вздумалось изображать желтую подводную лодку.

Темным вечером, когда нам всюду чудились острова, Норман взял американскую лощину для этого района и стал читать вслух. Под извивающимся потолком качался керосиновый фонарь, заставляя наши искаженные тени плясать и корчиться под жуткие звуки оркестра «Ра».

Мы слышали, что для гористых островов Зеленого Мыса характерны туманы и густая облачность, и хотя самые большие вершины достигают 2 тысяч метров, часто прибой показывается раньше, чем они. К тому же архипелаг омывают сильные и коварные течения, причина гибели множества кораблей. В полнолуние и новолуние могучие волны здесь особенно буйствуют. «Поэтому при плавании вблизи этих островов надо соблюдать большую осторожность», – заключил Норман чтение.

– Слышали, ребята? Будьте поосторожнее, – прокомментировал Юрий, забираясь в спальный мешок с головой.

Было как раз новолуние. Днем туман непроглядный, ночью – тьма беспросветная. Нас уже четверо суток несло на острова, значит, осталось совсем немного. Подхватит какая-нибудь сильная южная струя, и свидимся мы с ними в эту же ночь или наутро. Низкие тучи поливали нас дождем, и ни секстант, ни носометр не могли нам сказать, где именно мы находимся.

Восемнадцатое июня, драматический день... Где-то прямо по курсу или слева от нас, скрытые тучами и туманом, притаились острова Зеленого Мыса. Две недели назад мы прошли Канарские острова, не видя их из-за туч. Но сегодня опасности подстерегали нас не только извне. Вот уже двадцать пять дней мы живем в дружбе и согласии на папирусных связках, и больше месяца, как они лежат на воде. Несмотря на всякие помехи, «Ра» прошла больше 2 тысяч километров, обогнула северо-западное побережье Африки и вот теперь по-настоящему начинается пересечение Атлантического океана от одного материка до другого. Если бы египтяне прошли от устья Нила столько же, сколько мы от Сафи, они очутились бы на Дону или за Гибралтаром. Доказано, что Средиземное море не исчерпывает радиус

действия папирусной лодки.

Вот только эта окаянная корма. Ну что бы древним мудрецам оставить нам какую-нибудь инструкцию, мы загодя разобрались бы во всех особенностях папирусной лодки и спокойно приступили бы к траверсу океана. А то ведь волны, вместо того чтобы подкатываться под лодку и поднимать ее вверх на гребне, теперь наваливаются на корму и подминают ее под себя. Ночью волна дотянулась до самой каюты, и я проснулся от того, что мне вылили на голову ведро холодной воды. Даже вкладыш спального мешка намок.

– Мы стартуем с гирями на ногах, ребята, – повинулся я.

И тут Сантьяго бросил спичку в пороховой погреб.

– Давайте распилим спасательный плот, – вдруг объявил он.

– Вот именно, – сказал я. – С папирусными лодочками расправились, теперь и пенопластовый плот туда же.

– Да нет, я серьезно, – настаивал Сантьяго. – Мы должны как-то поднять ахтерштевень. Папируса больше нет, а пенопласт можно распилить на куски и использовать так же, как древние египтяне использовали запасной папирус.

– Он рехнулся, – произнесло сразу несколько голосов на разных языках.

Но Сантьяго не сдавался.

– Ты взял спасательный плот на шесть человек, а нас семеро, – вызывающе обратился он ко мне. – И не раз говорил, что сам никогда не перейдешь на спасательный плот.

– Следующий размер был на двенадцать человек, – объяснил я. – Это слишком. Но я могу еще раз сказать, что лично я останусь на нашем папирусном венике, если вы вдруг вздумаете перейти на эту пенопластовую козявку.

– Я тоже, – подхватил Абдулла. – Давайте распилим плот, ящик только трет наши веревки.

– Нет, – возразил я. – Плот все-таки помогает экипажу чувствовать себя надежнее. Ведь мы проводим научный эксперимент. А без плота уже никто не сможет оставить папирус.

– Да брось ты, давай пилу, зачем нам плот, которым все равно никто не воспользуется, – продолжал заводить нас Сантьяго.

И ребята завелись. Однако все пошли посмотреть на тяжелый упаковочный ящик, который Абдулла хотел убрать.

За каютой и мостиком от лодки словно ничего не осталось, лишь кривой хвост в гордом одиночестве торчал из воды, отделенный от нас бурлящими гребнями, которые захлестывали корму с одной стороны и скатывались с другой. Ящик с плотом подмывало, и он качался между стояками, расшатывая весь мостик.

Абдулла взялся за висевший по соседству топор, но тут Юрий восстал. Это безрассудство. Мы должны подумать о наших близких. Норман поддержал его: родные в ужас придут, если мы останемся без спасательного плота. Жорж отобрал топор у Абдуллы. Карло колебался. Он считал, что решать должен я. Впервые на «Ра» назревал серьезный раскол. В жизненно важном вопросе мнения разделились, и обе стороны одинаково яростно отстаивали свой взгляд.

Когда мы расселись на бурдюках, мешках и кувшинах вокруг обеденного стола, на который Карло поставил солонину, омлет и марокканское селло, царила предгрозовая тишина. Сухой папирус у нас под ногами то сжимался, то растягивался в лад высокой и частой волне. Всего прочнее папирус был в подводной части, где он намок. «Ра» сама шла по ветру с закрепленными наглухо после ремонта рулевыми веслами и тормозящим ход крабьим хвостом. Юрий, Норман и Жорж хмуро смотрели на нависшие со всех сторон мрачные грозовые тучи и энергично давили пальцами миндаль, готовясь отстаивать свою позицию. Надо осторожно проколоть нарыв...

– Мало ли что может случиться, – я старался говорить бодро и весело. – Давайте разберем все случаи, когда нам может понадобиться спасательный плот. Лично я больше всего боюсь, чтобы кто-нибудь не упал за борт.

– А я больше всего, как бы нас не потопил какой-нибудь пароход, – сказал Норман. –

Еще боюсь пожара на борту.

– Нос хорошо держится на воде, – слышался голос Юрия, – зато корма... А что будет через месяц?

– Все верно, – согласился я. – И ведь теоретически еще возможно, что скептики правы, папирус со временем распадется в морской воде.

– А я, – тихо произнес Жорж, который не знал, что такое страх, – я боюсь урагана.

Шесть доводов за то, чтобы держать в запасе спасательный плот. Больше никто ничего не мог придумать. Но и шести доводов хватит. Ладно, попробуем представить себе эти шесть случаев, и что каждый станет делать. Мы загибали пальцы один за другим.

Случай первый: человек за бортом. Это никого не страшило, ведь мы страховались веревкой, как в горах. К тому же за лодкой на длинном конце тащился спасательный пояс. Если кто-то, выйдя ночью на палубу прогуляться, споткнется о кувшин и ухнет за борт, спускать на воду плот нет смысла. Квадратный, низкий, с двумя палатками: одной – наверху, другой – внизу, смотря по тому, как ляжет плот, он не рассчитан на быстрый ход и отстанет от «Ра», даже если убрать парус.

Никто не спорил.

Случай второй: столкновение. Все были согласны, что мы просто не успеем спустить на воду плот, если «Ра» разрежет пополам. И даже если он окажется на воде, все предпочтут спастись на уцелевшей части «Ра».

Случай третий: пожар. В Сахаре «Ра» вспыхнула бы, как папиросная бумага, но здесь ее поджечь не так-то просто. К тому же у нас есть огнетушитель. Курить разрешалось только с подветренной стороны, где искры уносило за борт, а наветренная сторона так пропиталась водой, что ей никакой пожар не страшен. Кто же предпочтет тесный плотик неподвластной огню половине «Ра»?

Случай четвертый: папирус начнет тонуть. За месяц мы убедились, что папирус, хоть и впитывает воду, погружается так медленно, что мы вполне сумеем передать «СОС». Но «СОС» передавать придется все равно, если мы перейдем на плотик. Каждый предпочитал лежать в относительно просторной каюте, чем сидеть впритирку и ждать помощи в палаточке на плоту.

Случай пятый: папирус сгниет и распадется. Мы уже удостоверились, что эксперты по папирусу тут сплеховали. Они проводили свои опыты в стоячей воде. Все члены экипажа могли подтвердить, что папирус и веревки стали прочнее прежнего, и мы единодушно сняли с повестки дня пятую угрозу.

Случай шестой: ураган. Вероятность урагана становилась вполне реальной с приближением к Вест-Индии. Может быть, могучий ветер снесет за борт мачты, весла, мостик, даже оторвет обвисшую корму. Но стихии уже и раз, и два испытывали нашу ладью, и мы не сомневались, что наша гибкая каюта устоит на главных, средних связках «Ра», а значит, у нас будет плот, где места для провианта и для нас самих останется больше, чем на пенопластовом пятатке.

Совет еще не кончился, а все уже повеселели. Какой бы случай мы ни рассмотрели, никто не предпочел спасательный плот папирусным связкам «Ра». У Юрия явно отлегло от сердца, он посмеивался и озадаченно качал головой. Карло хохотал. Норман глубоко вздохнул и первым поднялся с места:

– Ладно. Пошли за пилой!

Все рвались на корму, но волны с такой силой наваливались на нашу притопленную палубу, что не стоило слишком перегружать ее, достаточно и трех человек. Пошли Норман, Абдулла и я. Орудуя топором, ножом и пилой, мы разломали тяжелый упаковочный ящик и отправили за борт доски и пластиковую обертку. Они казались неуместными на «Ра». Появился зеленый пенопластовый плот. К ужасу Абдуллы выяснилось, что многие веревки, скрепляющие основу лодки, перетерты ящиком, который ерзал под напором волн. Словно когти мертвеца, из папируса торчали обрывки веревок. Если бы папирус не разбух, они бы вовсе выскочили, и развалилась бы вся корма.

Абдулла живо завязал новые узлы. Мы работали по колено в бурлящих волнах, и он показал, что кожа у него на ногах за последние дни так размокла от морской воды, что сходит большими лоскутами. Вдруг я почувствовал, как могучий вал, подкатившись под «Ра», поднимает лодку вверх и разворачивает боком. Я качнулся, стараясь удержать равновесие, в эту минуту раздался оглушительный рев воды и треск ломающегося дерева. Волна сзади захлестнула меня до пояса и поволокла к левому борту, я нагнулся, хотел ухватиться за веревку, чтобы не очутиться за бортом, и тут какой-то обломок с маху огрел меня по спине. Я услышал отчаянный крик Нормана: «Тур, берегись!» – и решил, что страшный треск исходит от мостика, это он не выдержал и рухнул на нас. Палуба ходила ходуном, сверху на меня давили обломки. Сейчас корма и мостик поплывут у нас в кильватере, и сами мы будем болтаться в воде на страховочных концах... Но волна схлынула, и мы по-прежнему стояли по колено в воде, только загадочный обломок не давал мне выпрямиться.

– Это рулевое весло! – объяснил Норман и помог мне высвободиться.

Над нами прыгали зазубренные концы двух бревен. Толстенное веретено весла и привязанный к нему для прочности брус – запасная мачта – сломались, и широченная лопасть опять волочилась на веревках за кормой, болтаясь, будто хвост сердитого кита, но Карло, Сантьяго и Норман тотчас бросились ее вытаскивать, Абдулла в это время в одиночку воевал с всплывшим на воде плотиком, а я возился с стокилограммовой бочкой, которая сорвалась с своего места под мостиком и грозила натворить бед, если не оттащить ее подальше от бушующих на корме каскадов.

Ночью, когда я вышел на вахту, Абдулла доложил, что теперь нас окружают добрые волны-исполины без маленьких злых волн на спине. «Ра» переваливала через гребни размеренно и спокойно; сломанное левое рулевое весло заменили два малых гребных весла. Посветив на волну карманным фонариком, можно было разглядеть кальмаров в толще воды, как за стеклом музейной витрины. Египетский парус отчетливо вырисовывался на фоне мерцающих просветов в облачной пелене, но горизонт оставался незримым во мраке, а то, что казалось звездочками на краю неба, на самом деле было всего только светящимся планктоном, могучий вал поднимал его вровень с нашими глазами.

Плот единогласно постановили распилить

Со странным чувством принялись мы на другой день распиливать наш новенький плот... Норман посмотрел на меня, я – на него, и я невольно помешкал секунду, прежде чем пропороть пилой брезент и пенопласт. И вот уже мы, стоя по колено в воде, втроем сокрушаем наше единственное спасательное средство.

– Люди подумают, что мы спятили, – усмехнулся Юрий. – Нас никто не поймет.

Но мы основательно взвесили наше решение и приняли его единогласно. Плотик распилили на полосы шириной с папирусную связку, укрепили их под водой на затопленной палубе, и случилось чудо. Корма приподнялась так, что управлять лодкой стало легче, и волны опять прокатывались под нами, вместо того чтобы врываться в нашу ванну.

Это событие заслуживало того, чтобы его отметить. Ведь мы не знали, что море все-

таким образом, проберется на палубу и кусок за куском смочит пенопласт с папируса. Как будто Нептун хотел нам сказать: «Бросьте эти штучки. У людей фараона пенопласта не было». Радость наша недолго продлилась. Ладно, зато мы освободили кормовую палубу от опасной нагрузки.

Девятнадцатого июня мы оказались в таком месте, где основное течение сталкивалось с отраженными от береговых утесов струями, и беспорядочная волна превратила поверхность океана в нечто несусветное. Палуба «Ра» колыхалась, как одеяло, и кое-где сухой папирус вспучивался буграми. Между мачтой и каютой, где обычно двое могли пройти бок о бок, теперь и одному-то человеку надо было глядеть в оба, чтобы прошмыгнуть, а щель между мостиком и каютой смыкалась, словно челюсти щелкунчика. Сядешь в каюте на два ящика – они так и норовят тебя ущипнуть. Лопнул один кувшин, и из него, на радость Сафи, высыпались орехи. А из другого кувшина, который долго терся о соседа, через дыру в боку вытекла вся вода.

Мы починили левое рулевое весло и спустили его за борт, стоя по пояс в бурлящей воде, но оно вскоре сломалось, так что лопасть болталась на веревках за кормой, а развернувшийся парус застиг врасплох Карло и Сантьяго, которые набирали воду из бурдюка, и бросил их на фальшборт. Быть бы им за бортом, если бы не страховочные концы. Здоровенная летучая рыба приземлилась на палубе и долго плавала в пруду на корме, ловко уходя из рук Абдуллы, пытавшегося ее поймать.

Возясь с веслами и парусом, я сильно ушиб руку, и она еще болела, когда я ночью поднялся на мостик, чтобы сменить Сантьяго. Он молча показал на огонь с левого борта. Крепко держась за перила и расставив ноги для устойчивости, мы вместе всматривались в мрак. Острова Зеленого Мыса? Нет, судно. Оно шло прямо на нас. Замигали сигналы. Слишком быстро, чтобы мы могли их прочесть, но было ясно, что нас о чем-то запрашивают.

– «Ра» порядок, «Ра» порядок, – просемафорили мы карманным фонариком.

Судно подошло совсем близко. Видимо, это был патрульный катер с Зеленого Мыса. Его здорово трепала бортовая качка, нас больше кидало вверх-вниз.

– «Ра», бон вояж.

Это пожелание было передано помедленнее, так что мы успели его прочесть.

Счастливого плавания... Катер развернулся, и вот уже согревающие душу огни исчезли во мраке.

– Счастливого плавания, – сказал я Сантьяго, который отправился спать.

Через два часа я посвистел в щель: пора Юрию на вахту, остальные пусть спят. Вдруг словно сам Нептун ухватился за широкую лопасть рулевого весла, купающуюся в черных волнах. Могучая сила вырвала весло у меня из рук, лодка накренилась, из тьмы с ревом ринулись вперед белопенные каскады, и вся палуба внизу скрылась под водой. Мостик дрожал, отвратительно трещало ломающееся дерево. Кажется, мостику пришел конец? Нет, это второе рулевое весло не устояло. Теперь нам нечем править. Пришлось криком поднимать всю команду. Парус полоскался. На палубе гуляли волны. Скрипели веревки и дерево, заглушая команды. Пошел дождь. Мы отдали оба наших плавучих якоря. И лодка выровнялась.

– Пожелали нам счастливого плавания, – произнес Сантьяго, глядя в ночную тьму. Там больше не было видно огней. Все берега остались позади, а впереди простирался Атлантический океан.

– Счастливой вахты, Юрий. Править тебе нечем.

Глава 10

В американские воды.

Пять тысяч километров на морской тяге с грузом океанских волн

На борту «Ра» был праздник. Море и небо улыбались. Сухую носовую палубу пекло тропическое солнце, на кормовой палубе мирно плескался Атлантический океан.

В бамбуковой каюте прохладная тень, на желтой стенке висит на веревочках голубая карта Атлантики с вереницей карандашных кружочков. Последний, только что нарисованный кружочек свидетельствует, что сегодня мы перевалили сороковой меридиан и вошли, так сказать, в американскую область Атлантического океана. Вот уже несколько дней ближайшая к нам земля – Бразилия, да-да, мы теперь гораздо ближе к Южной Америке, чем к Африке, но мы пересекаем океан в самой широкой части, идя почти прямо на запад, и по курсу ближайшая суша – Вест-Индия.

Событие, заслуживающее того, чтобы его отметить. Нашему итальянскому коку-чародею ассистировал гурман Жорж, он приготовил изысканные египетские блюда. После закуски (марокканские маслины, бутерброды с соленой колбасой и вяленая египетская икра) каждый получил по огромному омлету с артишоками, луком, помидорами, кусочками копченой баранины и острым овечьим сыром и со всевозможными приправами от египетского камона до красного перца и редкостных трав. На третье был подан изюм, чернослив, миндаль и – самое замечательное – тройная порция медового марокканского селло мадам Айши.

Холодильник? Консервный нож? Представители семи стран на фараоновом пиру отлично обходились без них и уписывали за обе щеки, а папирусный кораблик сам шел на всех парусах нужным курсом, без вахтенного на мостике.

У нас была на борту целая плавающая бакалея. Заведовал ею Сантьяго, наш мексиканский квартирмейстер, единственным легальным клиентом был Карло, а единственным воришкой – Сафи. Она не умела читать номера, проставленные завхозом, однако ухитрялась откупоривать именно те кувшины, в которых лежали орехи.

Из книжечки Сантьяго следовало, в частности, что в кувшинах 1-6 лежат яйца в известковой воде, кувшины 15-17 наполнены вареными томатами в оливковом масле, в амфорах 33-34 под слоем перца хранится домашний овечий сыр, нарезанный кубиками и залитый оливковым маслом. В кувшины 51-53 Айша положила масло, топленое и посоленное по берберскому рецепту. В амфорах 70-160 – чистая вода, набранная в колодце под Сафи. Чтобы не зацвела вода в бурдюках, мы по примеру жителей пустыни положили в нее комочки смолы. Кроме того, в кувшинах, корзинах и мешках хранились мед, соль, горох, фасоль, рис, зерно и мука, сушеные овощи, каркаде, кокосовые орехи, цареградский стручок карубу, орехи, финики, миндаль, инжир, чернослив и изюм. Запаса свежих овощей, корнеплодов и фруктов хватило лишь на две-три недели. Под бамбуковым навесом впереди висели соленое и копченое мясо и колбасы, связки лука, сушеная рыба, прессованная египетская икра в сетках. Под этими продуктами стояли ящики с сухарями и лепешками – русскими, норвежскими и древнеегипетскими. Конечно, дело было не в том, можем ли мы прожить на чисто древнеегипетском меню, а в том, годится ли папирусная лодка в море. Но нам хотелось также выяснить, могли ли выдержать такое плавание корзины и кувшины, и можно ли прожить без консервов и замороженных продуктов, если рыба не клюет. Пока что нам это удавалось без труда.

Но когда Жорж по случаю пересечения сорокового меридиана нарушил правила игры и откупорил одну из двух бутылок шампанского из наших запасов, а Юрий налил в русские деревянные чашки свою зверскую настойку, Абдулла забил отбой. Похлопав себя по туго набитому животу, он полез через кувшины в наш корабельный бассейн, чтобы совершить омовение перед благодарственной молитвой аллаху.

Вернувшись после молитвы к своим земным товарищам, он попросил объяснить ему, что это за карандашная пометка на карте, которой он обязан таким превосходным обедом. Он уже усвоил, что мы время от времени переставляем часы, потому что земля круглая, и солнце не может освещать шар сразу со всех сторон. Разобрался он и в том, почему часы Карло вот уже больше месяца идут без завода, лежа в своей коробочке: каюта «Ра» колышется и обеспечивает автоматический завод. Но он не мог уразуметь, почему мы каждый день отмечаем наш путь на карте, расчерченной вдоль и поперек прямыми линиями. Вот сегодня мы прошли уже сороковой меридиан, а он еще ни одного не видел. Норман растолковал ему, что земля и моря разбиты на воображаемые клетки с номерами, чтобы люди могли объяснить при помощи цифр, где они находятся.

– А-а, – смекнул Абдулла. – На суше клетки лежат неподвижно, а на море они плывут с течением на запад, даже если нет ветра.

– Нет, клетки как бы нанесены на морском дне, – перебил его Норман.

И объяснил, что мы вышли в путь из Сафи, это на девятом градусе западной долготы, а сегодня пересекли сороковой градус. Но в это же время нас снесло на юг от тридцать второго градуса северной широты до пятнадцатого, и теперь мы находимся на той же широте, что родина Абдуллы.

После этого Абдулла уже сам определил, что крайняя западная точка Африки, Дакар, лежит на восемнадцатом градусе западной долготы, а крайняя восточная точка бразильского побережья, Ресифе, – на тридцать шестом, значит, пройдя сороковой меридиан, мы и впрямь имеем полное право отметить переход в американскую область Атлантического океана.

На палубе тем временем продолжалось гуляние. Взявшись за кухонный ящик, Юрий, насколько позволяла качка, плясал и пел русские народные песни. Когда дошла очередь до «Стеньки Разина», мы дружно подтянули. Затем на «эстраду» вышел Норман, он играл на губной гармонике «Там в долине» и другие ковбойские песни, а остальные подпевали. Италия представила на суд публики бравурные альпийские марши, Мексика – зажигательные революционные мелодии, Норвегия – мирные матросские песенки, Египет – причудливые горловые звуки и танец живота. Но первое место занял Чад; во-первых, Абдулла выступал с искренним увлечением, во-вторых, получился очень уж странный контраст между вечным плеском моря и барабанной дробью, которую выбивал на кастрюле африканец, напевая свои зажигательные родные мотивы.

Время от времени вахтенный поднимался на мостик, чтобы взглянуть на компас. Мы шли с попутным ветром прямо на запад, средняя скорость 50-60 морских миль, или около 100 километров в сутки. Первые шесть суток после островов Зеленого Мыса мы основательно помучились с затопленной кормой, пытаюсь хоть как-то править составленными из обломков неуклюжими веслами. Здесь же, посередине океана, волны стали куда покладистее, и нам удалось наладить своего рода модус вивенди с окружающей нас стихией. Мы разрешали волнам бесплатно кататься на нашем прицепе, а течение с приличной скоростью несло и волны, и людей на запад.

Не один Карло тихо страдал, глядя на то, как хвост «Ра» одиноко торчит из моря за лодкой. В самом деле, обидно: была такая гордая золотая птица, а теперь – спереди лебедь, сзади лягушка. Ладно, сегодня праздник, будем держаться лебедя и пореже вспоминать о лягушке.

На закате мы составили шумовой оркестр из кухонной утвари Карло. «Ра» поскрипывала так деликатно, что наши изысканные инструменты легко заглушили кошачий концерт папирусных стеблей. Временно оставшись без посуды, Карло подал на ужин одни лишь русские черные сухари с медом. Они показались нам вкуснее любого торта, вот только

очень уж твердые, прямо кокс. Я лихо управлялся с ними, вдруг что-то хрустнуло, и моя единственная коронка выскочила на папирусную палубу. Я мрачно потрогал кончиком языка противную дырочку.

– Плохой коммунистический хлеб! – поддел Норман нашего русского судового врача.

Юрий нагнулся, поднял обломившуюся коронку и внимательно ее рассмотрел.

– Плохой капиталистический зубной врач! – отпарировал он.

Под песни, музыку и смех наш праздник продолжался, пока бог Солнца не погрузился в море прямо по ходу своего морского тезки. Казалось, лучезарный шар зовет лебединую шею нашей «Ра» на запад, на запад! Великолепные лучи, краше всякого королевского венца, распластались диадемой в небе над горизонтом. Тропическое море пыталось имитировать северное сияние. Ослепительное золото, потом кровавый багрец, потом оранжевый, зеленый, фиолетовый цвета. Медленно небо стало чернеть, и так же медленно в пустоте, где исчезло царь-солнце, возникли мерцающие звезды. Его величество удалилось, и тотчас высыпали простолюдины, спеша последовать за ним на запад.

Удобно философствовать, лежа на открытой палубе, на пустых и полных бурдюках. Взгляд ни во что не упирается, ничто не нарушает и не тормозит ток мыслей. Позади чудесный день, мы плотно поели, посмеялись, повеселились, теперь хочется только любоваться созвездиями, пусть мысли отдыхают, текут непринужденно.

– Ты славный парень, Юрий, – сказал Норман. – В России много таких, как ты?

– Таких, как я, еще два наберется, – ответил Юрий. – Остальные будут получше. А у тебя в Америке остался хоть один приличный капиталист после того, как ты ушел с нами в рейс?

– Спасибо за комплимент, – сказал Норман. – Если я для тебя гожусь, то сколько приятных встреч у тебя будет, когда мы придем в Америку!

Завязалась мирная дискуссия о коммунизме и капитализме, антикоммунизме и антикапитализме, самодержавии и диктатуре масс, о том, какие материальные блага и свободы важнее и почему руководители не могут договориться, хотя рядовые граждане всех стран отлично ладят, когда им представляется случай ближе узнать друг друга. Кто породил движение хиппи в разных концах света – молодежь или родители, умрет оно или будет шириться вместе с развитием цивилизации, не следует ли считать это движение своего рода сигналом, что цивилизация, которую мы и наши отцы день и ночь лихорадочно воздвигаем, твердо веря в нее, будет забракowana грядущими поколениями. Египтяне и шумеры, майя и инки сооружали пирамиды, бальзамировали мумии и считали, что идут по верному пути. Они отстаивали свои идеи пращой и луком со стрелами. Мы считаем, что они неверно понимали смысл жизни. Поэтому мы производим атомные ракеты и стремимся на Луну. Отстаиваем свою политику атомными бомбами и антиантиракетами. Теперь наши дети устраивают сидячие демонстрации протеста, навешивают на себя индейские броши, отращивают волосы и бренчат на гитаре. С помощью искусственных средств уходят от действительности, уходят в себя, а глубины собственной души больше глубин космоса.

Как не настроиться на философский лад, когда планктон и звезды те же, и мир тот же, каким он был задолго до того, как его увидел глаз человека, и миллиарды хлопотливых пальцев принялись его преобразжать. Когда вместе сидишь под звездами и знаешь, что вместе пойдешь ко дну или поплывешь дальше, терпимое отношение к взглядам другого дается куда легче, чем когда сидишь по разные стороны границы и, уткнув нос в газету или телеэкран, заглатываешь тщательно причесанные фразы.

На борту «Ра» ни разу не доходило до политических или религиозных перепалок. У каждого свои взгляды. Экипаж составлялся так, чтобы представлять крайние противоположности, да так оно и вышло, однако общее наименьшее кратное было не так уж мало. Найти его ничего не стоило. Может быть, это потому, что наша семерка мыслила себя как некое единство в противовес нашим соседям здесь, в океане, которые дышали жабрами и жили совсем другими интересами и чаяниями. Что ни говори, люди чертовски схожи между собой, пусть у одного нос с горбинкой, а у другого плоский.

В темноте раздался плеск, тяжелая рыба забилась о папирус и бамбук. Ликующий голос Жоржа возвестил, что он пронзил гарпуном полуметровую корифену. В свете его фонаря мы разглядели кальмаров, которые плыли за нами задом наперед, вытянув щупальца над головой. Они двигались энергичными рывками, прокачивая через себя воду. Вот именно, реактивное движение. Они его освоили, чтобы спастись от преследователей. Освоили раньше нас.

Кашалоты, которые нас навешали, погружаются на тысячу метров, где давление достигает ста атмосфер, и там, в вечном мраке, они не бодают дно головой, потому что у них есть свой радар. Они освоили его раньше нас.

– Юрий, скажи, как атеист, может ли быть какой-нибудь смысл во всем том, что мерцает там, наверху, если там еще не побывали люди?

– При чем тут атеист? Просто я не верю во все эти церковные штучки.

– Во всяком случае у Дарвина нет расхождения с церковью в том, что солнце и луна, рыбы, птицы и обезьяны появились раньше нас. И когда наконец на сцену вышел человек, все уже было готово, нам теперь остается только ломать себе голову, как же все-таки устроена Вселенная и мы сами.

Какое блаженство расслабиться и лежать в дружеском лоне притихшего океана, созерцая те самые картины, какие созерцали мореплаватели и землепроходцы тысячи лет до нас. Люди современного большого города ослеплены уличным освещением, они лишились звездного неба. Космонавты пытаются вновь обрести его.

Меня клонило в сон. Мы решили, что не мешает всем поспать, кроме вахтенного. На нашу долю выпало немало тяжелых дней, и неизвестно, что нас ждет. Новая буря грозит нам большими неприятностями. Ахтерштевень совсем ушел под воду, а задний торец и правую стенку каюты-корзины мы обтянули брезентом, потому что каскады с кормы поливали водой тех, кто спал головой назад. Без особого удовольствия вспоминал я последние дни перед тем, как пошла более ровная зыбь.

После того как мы у островов Зеленого Мыса остались без обоих рулевых весел, Юрий и Жорж придумали временное решение: ночью на вахту заступали двое, и они кое-как правили лодкой, потравливая и выбирая шкоты паруса. В конце концов все сводилось к тому, чтобы держать корму к ветру и парус был наполнен, а не полоскался и не бил о мачту. В первые ночи после островов Зеленого Мыса нас преследовали могучие валы, они с грохотом разбивались о задний торец каюты выше брезента и скатывались через борта. От непрерывной бомбардировки в изголовье было трудно уснуть, а только заснешь – тебя уже поднимают, выходи на палубу, в ночной мрак, сражаться с огромным восьмиметровым парусом, который опять вывернулся. Бушуют волны, хлещет парусина. Нас бросало, как марионеток, на кувшины, мы шатались между каютой и фальшбортом, словно боксер после второго нокаута. Спина и лицо в струях соленой воды.

Что, не успел вернуться в спальный мешок, снова выходить?.. На палубе лежит завтрак – четырнадцать летучих рыб. Семь корифен за час наловил! Куда столько, Жорж! Абдулла

всего не съест. Пусть плывут с нами, будет свежая рыба, когда захотим. Две ушли в пруд на корме, одна плавала под мостиком, третья забила под кормовую поперечину. Долго длился поединок между рыбами и людьми, которые ловили их в воде руками. Что ни рыба, то скользкий, тугой комок мышц. Одной рукой за тонкий хвост, другой за жабры – теперь уже не уйдет с волной за борт. Вдруг сорвался поперечный брус, на который опирались стояки мостика. Раздался треск, и весь мостик перекосялся. Веревок, веревок! Вода захлестывает с головой. Молодцы, ребята! Теперь уже не лопнут. Ну как, доволен, Карло? Это же совсем как в Альпах. Эй, Жорж, да ты спишь сидя. Давай-ка, мы отнесем тебя в постель. Черт, до чего руки ноют.

Что это – я сплю? Нет, только дремлю. Мы еще на «Ра»? Конечно, я слышу скрип папируса. Но небо звездное, кругом океанский простор.

Вспоминая эти первые дни после архипелага Зеленого Мыса, трудно было даже их разделить, они сливались в одно. Но в дневнике я читаю про 20 июня, что это самый тяжелый день с начала рейса. 21 июня записано, что за все плавание не было худшей ночи. А следующий день был ничуть не лучше. И однако без руля и паруса, с основательно тормозящим ход плавающим якорем мы все же прошли за день в сторону Америки 31 морскую милю, или 57 километров; правда, это была самая маленькая цифра за весь рейс. 22 июня кормовая поперечина, зарываясь в воду, так упорно сбивала нас с курса, что пришлось Жоржу, надев маску для ныряния, отпилить под водой конец бревна.

Мы работали втроем, в это время к лодке подошло около десятка черно-белых дельфинов, они затеяли игру так близко, что хоть рукой погладь. Резвясь около самых связок папируса, они кувыркались так бесшумно, так легко, словно это были мыльные пузыри, а не стокилограммовые крепыши. Жорж весь висел за бортом, мы с Абдуллой сидели на притопленном борту, и нас время от времени захлестывало до подмышек. Мы встретились с дельфинами в их родной стихии, они нас не трогали, и мы не мешали им играть в нашей общей большой ванне.

В этот день мы впервые обнаружили, что разбивающиеся о каюту волны проникают в щели, и по полу текут струи воды. На дне радиоящика стояла лужица. Пол каюты так сильно кренился вправо, что ребята стали разворачивать матрасы поперек.

Странная погода выдалась 25 июня. То похолодает, то опять откуда-то несет жаркий тропический воздух. Раза два волна горячего воздуха приносила явственный запах сухого песка, такой знакомый мне по Сахаре. Если бы я не полагался на наше счислимое место, можно было подумать, что нас несет мимо какого-то засушливого побережья. В ту ночь море разбушевалось, как никогда. Пришлось переносить все, что поддавалось переноске, еще ближе к носу. Наши спальные ящики подмывало водой, хотя «Ра» элегантнее, чем когда-либо, переваливала через беспорядочные волны, как будто мы летели на ковче-самолете.

И вот мы наконец вошли в область более тихой погоды: свежий ветер, солнце, мертвая зыбь, ровный Восточный и северо-восточный пассат – словом, стихии вели себя так, как и подобает в этих широтах. С переменной погоды появилась и первая акула. Она подошла встречным курсом и проскользнула так близко от свешенных в воду ног Жоржа, что он их очень быстро подобрал, но акула спокойно проследовала дальше и исчезла за кормой.

Двадцать восьмого июня выдался один из лучших дней за все плавание. Каждый был занят своим делом. Жорж сидел в дверях каюты и обучал Абдуллу арабской грамоте. Кто ловил рыбу, кто заполнял свой дневник. Вдруг раздался ужасный вопль. Кричал наш невозмутимый Норман. Он пошел на нос спустить в воду злополучное заземление, и вот теперь сам, с искаженным лицом, за бортом, как парализованный, не в силах вытащить ноги на палубу. У всех в голове мелькнула одна мысль: акула! Мы подняли его на борт. Ноги целы, зато сплошь опутаны розовыми арканчиками большого «португальского военного кораблика». Норман был без сознания, когда мы внесли его в каюту, и мы дали ему лекарство для сердца.

– Аммиак, – всполошился Юрий. – Нужен аммиак, чтобы нейтрализовать кислоту, которая разъедает ему кожу. В моче есть аммиак, ребята, вы уж постарайтесь!

Два часа Юрий смазывал кожу Нормана мочой из скорлупы кокосового ореха. Бедняга корчился от дикой боли, наконец забылся. Казалось, вся нижняя часть его тела и ноги нещадно истлестаны плеткой. Очнувшись, Норман посмотрел сперва на свои ноги, потом на пузыри пены на пологих лоснящихся волнах и закричал, словно пьяный:

– Глядите, что делается, кругом сплошь «португальские военные кораблики»!

Миска горячего фруктового супа помогла ему прийти в себя. На следующий день Норман все еще был не в форме и ни с того ни с сего напустился на Жоржа. Впрочем, еще до вечера они помирились и сели вместе петь ковбойские песенки.

Тридцатого июня мы опять вошли в загрязненную область океана, целый день обгоняли черные комья мазута. А вечером далеко позади нас вынырнула из воды великолепная круглая луна. Лунные блики на желтом папирусе и бордовом парусе... Незабываемая ночь! Да только очень быстро поблекли звезды на востоке. Давно минул май, вот и июню конец, а мы не тонем, сами плывем и везем несколько тонн полезного груза.

Первого июля мы увидели на северо-западе пароход, весь в мачтах и лебедках. Следуя курсом на юго-восток, он прошел совсем близко от нас. Где-то здесь пролежала магистраль между США и Южной Африкой. Стоя на мостике, на каюте, на перекладинах мачты, весь экипаж «Ра» жадно впитывал взглядом эту приметку нашего, двадцатого века. Вот последняя мачта скрылась за горизонтом, мы опять остались один на один с океаном. Жорж что-то грустно напевал на мостике. Вдруг он закричал:

– Они возвращаются!

В самом деле. Пароход показался снова там, где только что исчез, и теперь он шел прямо на нас. Видно, они недоумевали, что за чудо им повстречалось, и капитан решил вернуться, чтобы рассмотреть нас получше. И вот уже судно поравнялось с «Ра», видна на носу надпись: «Африканский Нептун. Нью-Йорк», а на палубы высыпала тьма людей, все машут нам руками.

– Вы нуждаетесь в помощи? – крикнул своим соотечественникам взывавший духом Норман.

– Нет, спасибо, – ответил мегафон с мостика. – А может, вам что-нибудь нужно?

– Фрукты, – закричал наш экипаж на разных языках.

А «Ра» тем временем продолжала идти своим курсом, еще немного, и уткнулась бы папирусным носом в железный бок парохода, но тут мы закричали и замахали руками, капитан океанского лайнера поспешил пустить машину и в последнюю минуту отошел в сторону. Вот и передай что-нибудь на такое неуправляемое суденышко. Нептунов тезка описал широкую дугу вокруг маленького тезки солнечного бога и сбросил прямо по нашему курсу мешок, прикрепленный к оранжевому спасательному поясу. Жорж успел надеть гидрокостюм для защиты от «португальских военных корабликов», обвязался длинным страховочным концом и прыгнул в воду. И вот уже мы подтягиваем к лодке его вместе с дивной добычей: тридцать девять апельсинов, тридцать семь яблок, три лимона, четыре грейпфрута и кипа намокших американских журналов. Над волнами разнеслось наше дружное «спасибо», а палуба «Ра» неожиданно стала похожа на красочный рождественский стол. Кругом сплошное царство соленой воды, а у нас свежие фрукты, фруктовый салат. Даже зернышки и огрызки не пропали, первые достались Симбаду, вторые – Сафи.

Эти дни вспоминаются как одни из лучших за все плавание. Сооруженные Абдуллой папирусные баррикады и сеть растяжек, которыми Карло укрепил каюту и ахтерштевень, благотворно действовали на наш кораблик, и он, наверное, казался вполне представительным тем, кто смотрел на нас с лайнера.

Что до нашего экипажа, то мы единодушно восхищались удивительной прочностью и грузоподъемностью папируса. Бумажный кораблик? Пусть так. Но почему-то только дерево ломалось. Папирус показал себя превосходным материалом. Теоретики, будь то этнографы или папирусоведы, совсем неверно оценивали его сопротивляемость морской воде. Ошибались и мы, полагая, что древние папирусные лодки на фресках египетских гробниц были примитивными судами. Лишь в одном египетская папирусная лодка сходна с плотом –

они не тонут от пробоины в днище. И «Ра», и «Кон-Тики» можно назвать плотами в том смысле, что мы тут не имеем полого корпуса. Но дальше сравнивать папирусную ладью «Ра» с бревенчатым плотом «Кон-Тики» все равно что ставить автомобиль в ряд с телегой. Чтобы поехала телега, и лошади довольны, а водить автомашину может только человек, обученный инструктором и получивший права. У нас инструктора не было. Мы вышли в путь на мудреном египетском судне, не подозревая, что речь идет об очень сложной конструкции и надо знать приемы управления, если не хочешь попасть впросак. Лодка была сделана из первоклассного материала, но, не ведая всех ее секретов, ничего не стоило испортить какую-нибудь важную часть, пока доищешься на опыте, для чего они все служат и как ими оперировать. Мы все время учились на собственных удачах и неудачах.

Четвертого июля меня разбудил встревоженный Жорж, ему показалось, что на горизонте вокруг нас ходят смерчи. В лучах восходящего солнца черные полосы между небом и морем и впрямь выглядели грозно, но это были просто дождевые завесы. И вот уже по палубе и крыше хлещет ливень. Непривычный дробный звук разбудил ребят, и в этот ранний час весь экипаж выскочил на палубу, чтобы отмыть от соли волосы и тело. Собирать дождевую воду не было необходимости, у нас еще хватало воды в кувшинах. Кратковременные дожди шли весь этот день, и на второй, и на третий тоже. Они сгладили волны, и гребни стали совсем пологими, зато папирус весь намок и отяжелел. Пассат выдохся и лениво перебирал складки дождевых завес. Папирус так тихо скрипел, что, казалось, «Ра» крадется на цыпочках. Что это – затишье перед бурей?

А пока – купайся, сколько влезет, и чувствуй себя, как рыба в воде, любуясь тугими, набухшими связками папируса. Правда, радость наша омрачалась тем, что мы опять двое суток подряд шли в окружении сотен тысяч черных комков, которые, как и мы, направлялись в Америку. Нас подгонял ветер, их только течение, поэтому мы их опережали. Посередине океана, открытого для Европы Колумбом, нельзя сунуть руку в воду, чтобы не вымазаться в грязи... Некоторые комки успели обрасти ракушками.

На брюхе «Ра» поселились сотни длинношеих морских уток и один робкий крабик. Иногда мы видели впереди ладьи целые косяки летучих рыб, будто сельдь идет. Они нас остерегались, а вот полосатые рыбки-лоцманы и пятнистые пампано до того осмелели, что щипали нас и даже прогрызли дыры в мешке с вяленой рыбой, которую Карло опустил за борт, чтобы вымочить.

Пятого июля египтянин Жорж впервые в жизни увидел радугу. Да и закат в тот день был на редкость многоцветный. Там, куда мы плыли, незримая кисть расписала небосвод красками, которых хватило бы на сотни радуг. В каюте Норман, согнувшись в три погибели над подвешенным к стене столиком, колдовал линейкой и картой, а мы лежали на сухих тюфяках и ждали, что у него получится. Сквозь щели в передней стене видно было, как гаснет симфония закатных красок. Карло зажег керосиновый фонарь, и тусклый огонек пополз вверх по перекладам мачты.

– Итого мы прошли 3870 километров, – сообщил наконец Норман. – Сверх половины пути еще 1500 километров. Теперь нам до Вест-Индии осталось идти на 1530 километров меньше, чем пройдено от Сафи.

– Хвост тормозит, а то мы шли бы еще быстрее, – заметил Юрий. – Вчера всего 77 километров одолели.

– Верно, хвост тормозит, но еще хуже, что из-за него мы петляем. Сегодня на тридцать градусов отклонялись от курса к северу и к югу, а ведь все работали рулевыми веслами. Полный зигзаг – шестьдесят градусов, это будет немало лишних миль. Я беру в расчет только кратчайшее расстояние между полуденными позициями. Не петляй мы так из-за хвоста, уже дошли бы до цели.

– Да уж, знать бы, как управляться с папирусной лодкой, давно пересекли бы океан, – подхватил Жорж.

Тихо поскрипывал папирус, за стенкой слышался плеск воды, как будто кто-то мылся в ванне за ширмой.

– Я думал, в океане, чем дальше от берега, тем хуже, а выходит наоборот, – усмехнулся Сантьяго. – Ведь мы, этнографы, как привыкли рассуждать: дескать, первые мореплаватели шли вдоль самого берега и попадали в то или другое место. А на самом-то деле у берега всего опаснее!

– У побережья и между островами течения и волны образуют всевозможные водовороты и завихрения. Море куда сильнее ярится около берега, чем вдали от суши, где ничто не нарушает плавный бег волны. И шторм опаснее около суши.

– Вот и получается, что этнографы и другие ученые без конца спорят, мог ли плот или камышовая лодка пересечь океан, и никак не приходят к согласию, а стоит кому-то попробовать выяснить это на деле, как они все начинают возмущаться, – дескать это не научный подход!

Ох как хорошо мы с Сантьяго испытали это на своей шкуре. Но я мог с улыбкой говорить об этом, потому что ни от кого не зависел, а Сантьяго стоило немалого труда добиться у себя в университете отпуска за свой счет, чтобы участвовать в столь ненаучной затее, как дрейф на папирусной лодке. Папирус можно испытать и в ванне. Ученому положено работать в библиотеках, лабораториях, музейных закутках. А не изображать дикаря в Атлантическом океане.

Ну а если мы, такие вот бородатые, с обожженными солнцем носами, сидя посреди океана, получаем совсем другой ответ, чем в учебниках? Если у нас выходит совсем не то, что у эксперта, который мочил стебли папируса в корыте с водой? В лаборатории кусок бальсы тонет через неделю-другую. Но если сделать, как индейцы, – срубить деревья в лесу и выйти в море на бревнах, полных природного сока, вдруг оказывается, что на бальсе можно плыть сто одни сутки и дойти до Полинезии.

Папирусоведы клали стебли порознь в стоячую воду, и мало того, что папирус быстро терял плавучесть, клетчатка начинала гнить. Ответ: от силы две недели. А здесь то же самое растение уже восьмью неделю держится на воде само и держит нас вместе с тоннами груза. В чем же дело? Да в том, что эксперты проводили эксперименты в ванной, а древние мореплаватели выходили на готовых лодках в соленый океан. От Египта до Перу строители таких лодок убедились на опыте, что вода впитывается не через плотный наружный покров, а через поры на обрезанном конце стебля. Вот почему они применяли особый прием, делая свои лодки, – связывали стебли вместе так туго, что их концы плотно сжимались и не пропускали воду внутрь. И выходит, что одно дело папирус, и совсем другое – папирусная лодка. Точно так же, как одно дело железо, и совсем другое – железный корабль.

– Пока веревки крепкие, – каждый день говорил Абдулла, – мы будем держаться на воде. Если веревки ослабнут, папирус начнет впитывать воду. А если они лопнут, связки распадутся, и мы провалимся.

Мы еще и двух месяцев не провели в этой среде, а уже так с ней сжились, что чувствовали себя как бы современниками тех, кто создал папирусную лодку и задолго до нас грузил на нее кувшины и корзины, веревки и кожи, орехи и мед, и всякую сушеную и соленую провизию. Все, что мы переживали, было пережито другими мореплавателями в древние и средние века, ничто не казалось нам чуждым и новым. Те же заботы, те же радости, то же море и небо. Подхваченные круговоротом вечности, мы сидели на связках папируса и чувствовали себя уже не учеными, а статистами научного эксперимента, который сам по себе завязался и сам по себе протекал. Кольцо времени замкнулось, предки все ближе придвигались к нам, разделяющие нас века сжимались, и вот уже нам кажется, что где-то за северным горизонтом пересекают Атлантику ладьи викингов, а следом за ними идет Колумб. И Жорж уже воспринимал строителей пирамид как близких родственников; во всяком случае, он все больше гордился своими египетскими предками, которые до сих пор были для него чем-то очень далеким и нереальным из школьного курса истории.

– Если корма не отвалится, возьму да пойду дальше через Панамский канал и Тихий океан, – фантазировал он. – Не выйдет на этот раз, построю новую лодку и повторю попытку. Это же ясно, что мои предки первыми пересекли Атлантику, по крайней мере, в

один конец.

– Не так уж это ясно, – возражали мы с Сантьяго неожиданно для Жоржа. – Ясно только одно: они могли бы это сделать, если бы попытались. Мореходные возможности папирусной лодки превосходят все, что представляли себе ученые до сих пор. Но ведь такие лодки были не только в Египте; в древности ими пользовались по всему Средиземноморью – от Месопотамии до атлантического берега Марокко.

– А зачем же мы делали лодку по египетским фрескам, если не египтянам подражаем?

– Затем, что только в Египте сохранились древние изображения, на которых видны все подробности. Благодаря религии фараонов и климату пустыни мы знаем так много о том, как жили люди в Египте 4-5 тысяч лет назад.

Один из шестнадцати ящиков в каюте, на которых мы спали, был наполнен книгами о древнейших цивилизациях мира, и в труде о древней Месопотамии можно было увидеть снимок каменной стелы из Ниневии, с замечательным рельефным изображением камышовых лодок в море.

Развалины Ниневии лежат в глубине страны, в более чем 800 километрах от устья Тигра, примерно в 600 километрах от финикийского порта Библ на Средиземном море. Каменотесы, воины и торговцы Месопотамии поддерживали связь и со Средиземным морем, и с Персидским заливом. Ниневийская стела, хранимая ныне в Британском музее, свидетельствует, что месопотамские моряки знали камышовые лодки двух видов. Семь из высеченных на стеле лодок связаны на египетский лад, корма и нос загнуты вверх. На них много людей, и волны кругом явно изображают море, ведь в центре рельефа выделяется очень реалистический краб, возле которого плавают рыбы. На две ладьи покрупнее ворвался противник, кто-то из экипажа прыгает в воду, другие уже спасаются вплавь, а несколько ладей поспешно покидают место схватки, и их бородастая команда молитвенно обратилась к Солнцу.

Всю эту сцену обрамляет изображение ровного берега и двух островков с высоким камышом, где укрылись еще три лодки. На лодке у дальнего острова, опустившись на колени, изготовились к бою лучники, тогда как у материка и ближнего острова мы видим вполне мирную картину: мужчины и женщины сидят на камышовых лодках и о чем-то дружески беседуют.

Ниневийская стела о многом нам говорила. В частности, мы отметили разницу между тремя ладьями в открытом море и тремя лодками в прибрежных камышах. У первых и нос, и корма загнуты вверх, как у древних ладей Египта и Перу, у вторых корма обрезана, это не давало защиты от морской волны, зато было очень удобно, вытащив лодку на берег, поставить ее вертикально для сушки, как это было заведено и в Старом и в Новом Свете.

В Месопотамии до сих пор вяжут маленькие камышовые лодки, в Египте же папирусная лодка исчезла вместе с папирусом, и если бы не древние фрески, вряд ли кто-нибудь знал бы, что у египтян тоже были такие лодки. А вот в Перу до наших дней сохранились оба вида лодок, изображенных на ниневийской стеле. Испанцы встречали их по всему побережью империи инков, кое-где их можно увидеть и сейчас, и, сравнивая с изображениями на тканях, сосудах и рельефах древнейшей доинкской поры, убеждаешься, что оба типа ничуть не изменились с тех времен, когда строители пирамид пришли в приморье и запечатлели вышедшие на рыбный промысел камышовые лодки.

Благодаря реалистичному рельефу из древнего Ниневийского храма и благодаря искусству в древних гробницах Египта и Перу, мы знаем, что большие лодки из камыша и папируса, одинаково сконструированные, а также маленькие лодочки, похожие на бивень, некогда были общим фактором, важным для древнейших культур Малой Азии, Северной Африки и Южной Америки. Когда могучие цивилизации пришли в упадок, эти лодки совсем исчезли из долины Нила, но небольшие варианты двух типов, изображенных на ниневийском рельефе, дожили до нашего столетия по обе стороны Атлантики: в Месопотамии, Эфиопии, Центральной Африке, на островах Корфу и Сардинии, в Марокко, с одной стороны, в Мексике и Перу, вплоть до острова Пасхи, – с другой.

Две четко ограниченных географических области – область древней Средиземноморской культуры и область древних американских культур. Находясь с обезьяной и уткой в американской области океана на папирусе, выросшем и связанном в пучки в Африке, мы спрашивали себя: где же кончается Старый Свет и где начинается Новый? Где проходит рубеж между двумя областями распространения лодок из камыша и папируса? Океан разделяет сухопутные экипажи, но он же соединяет плавучие средства. Можно провести грань по неподвижному морскому дну, но нельзя ее провести по вечно движущейся поверхности океана, по которой ходят лодки. Ведь за какие-нибудь недели африканские воды становятся американскими, так же как африканское солнце через несколько часов становится американским. За тысячи лет, что человек развивает мореходство, неужели мы первые потеряли контроль над первобытным суденышком, оказавшись во власти извечного течения к югу от Гибралтара?

Египтянин Жорж, до сих пор увлекавшийся только дзю-до и аквалангом, теперь вдруг горячо заинтересовался удивительным миром древности. Разве нет никаких письменных данных о том, что древние египтяне учредили колонии за пределами Гибралтара?

Нет, таких данных нет. Но финикийцы, – а они тысячи лет были ближайшими соседями египтян во внутреннем Средиземноморье – регулярно ходили через Гибралтар и вдоль океанского побережья Марокко, далеко за Сафи и мыс Юби. Черепки с финикийскими надписями и другие следы длительного обитания финикийцев находят в новых и новых участках северо-западного побережья Африки намного южнее тех мест, где прошли мы.

Еще совсем недавно наука не знала, что эти древнейшие мореплаватели из внутреннего Средиземноморья основали важную торговую колонию на низменном острове у Могадора, к югу от Сафи. Теперь и здесь, и на берегах Рио-де-Оро, южнее Марокко, обнаружены следы пребывания финикийцев, включая фактории для производства краски из пурпурного моллюска. Современные археологи установили, что у них был форпост и в краю гуанчей, на Канарских островах, служивших промежуточным пунктом для тех, кто следовал в далекие колонии мимо коварных мысов Юби и Бахадор, которые мы сами с таким трудом обогнули на нашей папирусной лодке.

Древний историк Геродот, посетив Египет, записал, что во времена фараона Неко, правившего около шестого века до нашей эры, египтяне послали финикийские суда в плавание вокруг Африки. Естественно предположить, что на борту находились люди фараона, хотя в источниках подчеркивалось, что финикийскими судами управляли финикийцы. Флотилия вышла в Красное море и вернулась через Гибралтар три года спустя; в пути мореплаватели дважды собирали на берегу урожай. Они сообщили, что солнце было к северу от них, когда они огибали Африку.

Через сто с лишним лет финикийцы снарядили огромную экспедицию во главе с Ханно, чтобы учредить колонии для торговли за Гибралтаром. Шестьдесят парусных судов, оснащенных пятьюдесятью веслами каждое, везли тридцать тысяч переселенцев, представителей всяких профессий. Они вышли в Атлантику, миновали древнюю колонию Ликсус – Вечный город Солнца – и шесть раз становились на якорь у Марокканского побережья, высаживая на берег колонистов. Они проследовали на юг дальше нашего, обогнули мыс Юби, миновали острова Зеленого Мыса у Сенегала и достигли лесных рек тропической части Западной Африки.

Известно, что финикийцы и по суше вели торговлю с лесными племенами Западной Африки. Пользуясь нумидийскими караванами, они получали слоновую кость и золото, а также львов и других диких животных для многочисленных цирков в крупных городах от Сирии и Египта до островов Средиземноморья и атлантического побережья Марокко. За сотни лет до нашей эры вся Северная Африка была опутана, можно сказать, целой паутиной дорог, по которым шли исследователи и купцы. Важную роль здесь играли бесстрашные финикийцы. Но кто они были, эти финикийцы, о которых нам так мало известно? От кого они произошли, кто научил их мореплаванию? Через древних римлян мы унаследовали всего лишь слово «финикийцы» – своего рода удобный мешок, куда мы складываем всех, кто до

расцвета Рима выходил в плавания из внутреннего Средиземноморья...

В глухом уголке чуть южнее места нашего старта сохранился древний мол, десятки тысяч мегалитических глыб выложены углом, образуя превосходную гавань. Опытные строители свалили в море несметное количество камней и воздвигли в песчаном заливе надежный барьер, который волны Атлантики не смогли размывать и за тысячи лет. Кому понадобилась здесь такая большая гавань задолго до того, как арабы и португальцы начали ходить на юг вдоль атлантического побережья Африки?

На северо-западном побережье Марокко, там, где впадает в океан широкая река Лукус, на круглом холме в дельте лежат грандиозные развалины одного из самых могущественных городов древности, чья история теряется во тьме веков. Огромные, многотонные глыбы втащили на возвышенность и сложили такие стены, что их видно с моря. Тщательно вытесанные и отполированные блоки пригнаны друг к другу с точностью до миллиметра; это образец той же специфической техники, которая присуща мегалитической кладке в Египте, на Сардинии, в Мексике, Перу и на острове Пасхи, то есть там, где были в ходу лодки из камыша и папируса. Кстати, именно здесь, и только здесь, по соседству с морем до наших дней сохранились марокканские *мадиа*.

Древнейшее известное название мегалитического города на холме – Маком Семес, град Солнца. Когда его нашли римляне, холм был островком в окружении песчаных кос. Они записали, что с возникновением города связаны фантастические легенды, дали ему новое имя – Ликсус, Вечный град, и воздвигли поверх старинных развалин свои храмы. Но какими ничтожными кажутся римские постройки и колонны перед исполинскими блоками, которые служат им основанием. На этом островке римские историки помещали могилу великого Геракла, а на одной из стен был исполнен огромный портрет морского бога Нептуна с крабьими клешнями в волосах и бороде. Потом римляне ушли, а пришедшие впоследствии арабы, которые смешались с коренными жителями края, называют древний город Шимиш – «Солнце» и рассказывают, что имя его последней царицы было Шимиса – Маленькое Солнце.

Археологи только-только начали тут выборочные раскопки и пришли к выводу, что до римлян Солнечный град очень долго служил финикийцам. Кто его заложил? Может быть, те же финикийцы. Если так, то финикийские каменотесы не уступали лучшим мастерам по обе стороны Атлантики. Родина финикийцев – Внутреннее Средиземноморье. Здесь же порт не средиземноморский, а атлантический, причем сооруженный как раз там, где берет начало мощное течение, которое уходит на запад мимо Канарских островов и заканчивается у берегов Мексики. Никто не знает точного возраста стен. Они покрыты пятиметровым слоем мусора, оставленного финикийцами, римлянами, берберами и арабами. Римляне поклонялись Гераклу и Нептуну, но не поклонялись богу Солнца, и храмы, выстроенные ими здесь, не были ориентированы по Солнцу. Зато нижние, мегалитические блоки, которые ко времени прихода римлян уже исчезли под обломками и потому не были ими разрушены для своих нужд, служили – как показывают шурфы, пробитые до самого материка, – фундаментом грандиозных построек, и их положение было строго согласовано с Солнцем. А финикийцы поклонялись дневному светилу.

Солнечный город. Вечный град, место упокоения Геракла, атлантический порт, который, по словам римлян, был древнее Карфагена, – почему он находился за Геркулесовыми Столпами? Основателей Вечного града отделяло от финикийцев в Малой Азии столько же морских миль, сколько от индейцев в Америке. Они должны были быть подлинными мастерами морского дела, чтобы поддерживать связь с Малой Азией, проходя вдоль опасных берегов Северной Африки, где не было постоянных течений и ветров, которые могли бы им помочь. А чтобы пересечь океан (и научить индейцев своим приемам каменной кладки), жителям этого атлантического порта, как и нам, достаточно было вытащить из воды весла и идти с течением и ветром. Если город Солнца заложил финикийцы, то их мореплаватели привезли из Средиземноморья жрецов, зодчих и других представителей высших слоев своего общества. Известна роль финикийцев как переносчиков

культурных достижений древности. Если жителями Солнечного града на берегу Атлантики были финикийцы, то ведь они знали все разновидности пирамид Старого Света, как ступенчатые, так и гладкие, построенные как из каменных плит, так и из сырцового кирпича. Но особенно хорошо финикийцы должны были знать террасные пирамиды Малой Азии, отличавшиеся от египетских тем, что их венчал небольшой каменный храм, к которому вела одна или несколько узких наружных лестниц или контрфорсы. И точно так же строились первые пирамиды на американской стороне Атлантического океана. Ладьи, погребенные вокруг египетских пирамид, сделаны из финикийского леса, книги финикийцев сделаны из египетского папируса, и по велению фараона Рамсеса Второго его подписной портрет был трижды высечен на скалах финикийского приморья. В войне и мире между этими двумя странами был тесный контакт. Больше того, современные ученые, не верящие в мореходные качества египетских папирусных судов, полагают, что египтяне использовали финикийские суда даже для сбора дани на островах Средиземноморья и на сирийском побережье.

– Но египтяне тоже выходили в море, – возражал Жорж и как добрый христианин цитировал Библию, а именно рассказ Исаяи (глава восемнадцатая, стих второй) о том, как из-за моря приходили в его страну египетские посланники на лодках из папируса. А Моисей (Вторая книга Моисея, глава вторая, стих третий), которого мать пустила по Нилу в папирусном ковчеге, промазанном битумом?

В Египте, в Нильской долине, Жорж показывал мне стены храма царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, с фресками, из которых видно, что царица отправила большую экспедицию, много деревянных кораблей, через Красное море в Сомали, за всякими товарами, в том числе за редкостными деревьями для ее сада.

Но Жорж не знал, что скромные папирусные лодки ходили дальше знаменитых кораблей царицы Хатшепсут. Эратосфен, старший хранитель Александрийской библиотеки папирусов в устье Нила, где скопились десятки тысяч ценнейших манускриптов, уничтоженные впоследствии пожаром, рассказывал, что «папирусные суда с такими же парусами и такелажем, как на Ниле», достигали Цейлона и устья реки Ганг в Индии. Римский историк Плиний (книга шестая, глава двадцать третья), приводя эти слова ученого библиотекаря в своем географическом описании Цейлона, говорит, что папирусные ладьи шли от Ганга до Цейлона целых двадцать суток, а «нынешние» римские корабли проходят тот же путь всего за семь дней. Другими словами, мы узнаем от Эратосфена, что папирусные ладьи вроде нашей, с египетским такелажем, покрывали за сутки около 75 морских миль, или почти 140 километров; значит, они развивали скорость больше трех узлов.

Но Индийский океан не Атлантика. Может быть, египтяне выходили и за Гибралтар, однако до нас не дошло никаких записей об этом. Финикийцы посылали многочисленные корабли через Гибралтар в свои колонии на атлантическом побережье Испании и Африки и на Канарских островах. Они знали как свои пять пальцев фарватер у берегов, где начался наш рейс. Загадки древнейших плаваний в этом океане, который забирался на нашу корму, засылал к нам на палубу летучих рыб и без усталости подталкивал нас вперед, дразнили наше воображение еще сильнее, когда мы перелистывали ученые труды и читали о древних морепроходцах с таким чувством, словно речь шла о нас и нашем времени. Оторвешь глаза от книги и видишь, как мексиканец переливает из бурдюка воду в амфору, как вдоль борта идет египтянин со спасательным поясом из папируса через плечо. А вот обезьяна просунула голову в дверь каюты и, цокая языком, стащила носометр, которым я измеряю высоту Полярной звезды.

– Бородатые люди идут через Атлантику на запад, – радировал я директору археологического института Мексики, шутливо намекая на бороды ольмеков, заложивших основу древнейшей культуры Мексики.

Лишь когда Норман вытаскивал из своего рундука портативную радиостанцию, древность исчезала, как будто по мановению волшебного жезла, и мы на несколько минут переносились в современный мир. Вскоре после того как нарушилась наша связь с Марокко, из приемника вдруг послышался голос: «LI2B, LI2B, здесь LA5KG – Крис Боккели, Осло».

Отныне Крис сопровождал нас всю дорогу через океан, а рядом с ним в волшебном ящичке поместились еще Юст – LA7RF из Олесюнда, Фрэнк – I1KFB из Генуи, Герб – WB2BEE из Нью-Йорка, Алексей – UA1KBW из Ленинграда, сам конструктор нашей радиостанции Дик Эрхорн – W4ETO из Флориды и многие другие, чьи голоса были бы для древних все равно что духи из лампы Аладдина, которые летали над океаном и приземлялись в маленькой коробке среди кувшинов и бурдюков. Родные и друзья могли удостовериться, что мы живы-здоровы. У них тоже висела на стене карта Атлантики, на которой они отмечали наше движение. Пройдя половину пути, мы передали приветствия У Тану и главам государств, представленных в экипаже. В один и тот же день были получены дружеские пожелания руководителей двух сверхдержав на востоке и западе.

Но вот Норман захлопнул свой «ящик Пандоры», и мы так же быстро возвращаемся в древность, как перенеслись в современность, когда он открыл его и наполнил каюту нестройным хором металлических голосов, принадлежащих радиолюбителям из самых разных стран, готовых помочь нам со связью. Приемник выключен, и опять слышны только плеск воды да сиротливый скрип веревок. И опять весь наш мир – океан, да летучие рыбы, да иногда чья-то зеленая спина, скользящая в пучине.

Бородатые люди. Это была одна из наших последних юмористических радиোগрам. Мы зависели от прихоти судьбы. Как прибой набегает на пляж, так волны по обвисшему хвосту свободно доходили до задней стенки нашей каюты. На кормовой палубе водилась мелкая рыбешка.

При хорошей погоде можно было рассчитывать, что недели через две нас прибьет к суше, с добрым запасом провианта и прочим грузом на носу и в каюте. Но если мы попадем еще хоть в одну переделку, «Ра» превратится в развалину. После нашего выхода из Марокко только «Африканский Нептун» сумел сфотографировать нас в океане под парусами. Хочешь посмотреть на лодку со стороны, отплыви, сколько позволит страховочный конец. И надо сказать, картина была страшно интересная для нас, ведь мы неделями видели только друг друга да ближайшую часть ладьи. Жорж отплыл от лодки с камерой для подводной съемки и, поднявшись на гребне волны, запечатлел «Ра», какой она представилась бы встречным мореплавателям.

Седьмого июля папирусный корабль все еще выглядел великолепно – высокий золотистый форштевень, наполненный восточным ветром бордовый парус. Да, пока что ветер был попутный, но если разразится шторм, у «Ра» уже не будет такого вида, и фильм об экспедиции останется без кадров, показывающих папирусную ладью в открытом море. Хуже того, вода может испортить пленку, отснятую Карло. Вот почему я при очередном радиосеансе с Италией попросил Ивон найти кинооператора, который мог бы встретить нас в море, не доходя Вест-Индии. Я смотрел на это еще и как на меру предосторожности, хотя своим товарищам об этом не сказал. В конце концов я отвечал за жизнь всех членов экспедиции.

Что должен захватить с собой кинооператор? Всем хотелось немного фруктов, Сантьяго заказал коробку шоколадных конфет. Больше заказов не было. Провианта на борту оставалось столько, что нам всего не съесть. Солонина, ветчина, колбаса, полные корзины и кувшины яиц, меда, масла, сухофруктов, орехов, египетских лепешек. Носовая палуба и левый борт были так заставлены, что трудно даже пройти.

Бородатые люди. Только Юрий регулярно брился, стоя в воде на корме. Рыжие и черные бороды. Абдулла отрастил волосы на голове. Черные и белые руки вместе тянули одну веревку. Совсем как в древности. Ничего нового. На древнеегипетских фресках люди с темными и с русыми волосами сообща вяжут папирусные лодки. Там, где мы строили «Ра», по велению фараона Хафра у подножия его пирамиды была погребена его супруга. На портрете, увековечившем ее черты, видно, что у царицы были золотисто-желтые волосы и голубые глаза. У самого Рамсеса Второго, который лежит среди черноволосых бальзамированных родичей под стеклом в Каирском музее, орлиный нос и шелковистые желтые волосы. Северную Европу никак нельзя тут считать монополистом. Этот расовый

тип был представлен в Средиземноморье, включая Малую Азию и Северную Африку, когда на севере еще и в помине не было викингов. И если вообще можно говорить о каком-то родстве, то блондины должны были прийти в Северную Европу с юга, ведь эпоха викингов начинается через три тысячи лет после того, как в Египте Хафр похоронил свою голубоглазую блондинку рядом с деревянным кораблем своего отца – Хеопса.

Светловолосые бородачи. В Атласских горах среди коренных жителей их было не меньше, чем среди берберов на берегу Атлантики, вокруг Солнечного города, где их потомков можно встретить по сей день. А с берегов Африки они вместе с женами и своим скотом вышли в Атлантический океан и поселились на Канарских островах, где мы их знаем под именем гуанчей.

Светловолосые бородачи, строители пирамид и солнцепоклонники, не имеющие никакого отношения к викингам, присутствуют во всех легендах древних американских культур от Мексики до Перу. По всей тропической Америке, где сохранились старинные пирамиды и огромные статуи, испанцам говорили, что они не первые белые бородачи, пришедшие сюда из-за океана. В легендах подробно описаны люди, с виду похожие на испанцев, которые научили кочующие индейские племена строить дома из кирпича-сырца и жить в городах, воздвигать пирамиды и писать на бумаге и камне. Повсюду о белых бородастых странниках рассказывали, что они смешались с коренными жителями и вместе с ними закладывали основу местной культуры. Сами индейцы были безбородыми.

Испанцы сумели использовать легенды, чтобы завоевать Мексику и Перу, но не они их сочинили. За тысячу лет до прихода испанцев ваятели Нового Света от Мексики до Перу делали керамические и каменные скульптуры бородастых людей. Викинги еще не выходили в Атлантику, когда майя уже изобразили морской бой на атлантическом побережье Мексики с участием белых русоволосых людей. Вскрыв несколько десятилетий назад украшенную колоннами и яркой росписью камеру в одной из самых больших пирамид Чичен-Ицы, американские археологи тщательно скопировали фрески, прежде чем туристы и влажный тропический воздух все погубили. Мы видим расправу воинов с обнаженными белыми людьми в желтых лодках с загнутыми вверх носом и кормой. Видим в воде, как и на древнем ниневийском рельефе, огромного краба и рыб – знак того, что белые либо пришли с моря, либо хотят уйти в море. На берегу мореплавателей перехватывают темнокожие воины с перьями в волосах, кому-то вяжут руки, с кого-то снимают русский скальп, а кого-то уже положили на жертвенный алтарь. Белые люди прыгают в воду с опрокинутой лодки, и длинные светлые волосы их полощутся в волнах рядом с рыбами и скатами. Рядом нескольких белых победители волокут за их желтые волосы, и другие в это же время спокойно уходят вдоль берега, с большими котомками на спине.

Какую легенду или какой исторический эпизод хотели майя увековечить на этой фреске в одной из своих главных пирамид за сотни лет до прихода испанцев? Этого никто не знает. Три американских археолога, скопировавшие росписи, просто заключили, что изображения светлокожих людей с желтыми волосами «дают повод для весьма интересных догадок относительно происхождения» этих пришельцев.

Мало кто ломал над всем этим голову столько, сколько мы на борту «Ра», которую природный конвейер вез без передышки к Мексиканскому заливу, и не надо ни табанить, ни грести. Мы отнюдь не воображали, будто можем хоть сколько-нибудь сравниться в мореходном искусстве с древними профессионалами. Из всей нашей семерки только Норман был моряк, но он никогда не видел папирусной лодки в отличие от Абдуллы, который зато не видел прежде моря. Мы ни за что не сумели бы провести папирусную ладью с египетским такелажом через коварные воды вокруг Цейлона. И не смогли бы пройти на финикийской ладье от Малой Азии до Рио-де-Оро; кстати, этот маршрут намного больше пути от Африки до Южной Америки. Другое дело – имитировать древних, которые, перенеся шторм у берегов Африки, продолжали плавание на неуправляемой лодке.

Горизонт обложили тучи, время от времени нас и палубу поливал дождь, папирус все больше намокал, тяжелел, и вода с кормы медленно, но приметно ползла вперед вдоль

наветренного борта, с которого мы уже давно убрали весь груз. Вода стояла и вокруг пята под правым коленом двойной мачты, где образовалась ямка в папирусной палубе. Вот насколько увеличилась осадка промокшего насквозь правого борта. Но с подветренной стороны мы только лежа на животе могли дотянуться рукой до гребня проходящей волны.

Берега Южной Америки были уже так близко, что нас навестили первые пернатые гости с той стороны. Над самой мачтой пролетали красавцы фазаны с длинным шлейфом. Какая-то акула подошла к нам сзади и яростно набросилась на спасательный пояс, который плыл у нас на буксире. Услышав, как Карло кричит, что кто-то сражается с нашим спасательным средством, те из ребят, которые еще никогда не видели акул, почувствовали себя не совсем уютно. А вот и она сама идет, важная такая, рассекая воду высоким спинным плавником и качаясь вверх-вниз с волной. Подойдя к «Ра», двухметровая хищница снова расвирипела, перевернулась и с разинутой пастью, колотя хвостом и сверкая белым брюхом, ринулась в атаку на папирусные связки. Может быть, ей пришлось по вкусу морские уточки на днище «Ра»? Но что бы ее ни привлекло, акулы челюсти представляли серьезную угрозу для веревок. Вспомнив про «Кон-Тики», я перегнулся через борт и попробовал поймать шершавый, будто наждак, хвостовой плавник; при этом я заметил на спине хищницы открытую рану, над которой вились две крупные рыбы-лоцман. Дважды мне удавалось ухватить акулу за хвост, но это был все-таки не низкий бальсовый плот, связки подветренной стороны еще лежали на воде так высоко, что без надежной опоры я мог сам очутиться за бортом. Тут богатырь Жорж вонзил в акулу гарпун. Вода вспенилась под ударами акульего хвоста, хищница включила все свои стальные мускулы, миг – и в руках Жоржа остался только обрывок линя, а его последний гарпун исчез в пучине.

И снова мы предаемся мирному раздумью о нерешенных загадках древности. Норман был воспитан в убеждении, что Америка представляла собой совершенно обособленный мир, пока его предки не пришли из Европы со своими знаниями и культурой. Так считают политики, да и большинство учебников написано изоляционистами, по мнению которых, предками ацтеков, майя и инков были только примитивные дикари из Аляски и Сибири. Европа получила свою культуру из Малой Азии и Африки через Крит и другие острова узкого Средиземного моря, но Америка ничего не получила через широкий Атлантический океан. Ведь примитивные лодки могут ходить только вдоль берегов, открытый океан не для них.

Теперь Норману захотелось услышать аргументы диффузионистов. Разве не верно, что индейские цивилизации Мексики и Перу совершенно отличаются от культур внутреннего Средиземноморья, положивших начало цивилизации Европы?

Нет, несходство не так уж велико, отвечали мы с Сантьяго. Конечно, специалист, разбирая детали, найдет достаточно различий. Но обыкновенный человек, который захотел бы провести общее сопоставление, не вдаваясь в такие тонкости, как узоры на тканях или толщина глиняных черепков, наверное, был бы изрядно удивлен.

Развиваясь с быстротой, какой никогда не знал Старый Свет, некоторые племена лесных и засушливых областей Центральной Америки сумели догнать его за несколько столетий до нашей эры, тогда как другие аборигены Америки, занимая более благоприятные климатические зоны к северу и югу от тропического пояса, жили первобытнообщинным строем вплоть до прихода европейцев. Ученые сейчас не знают, когда именно племена тропиков от Мексики по Перу обрели поразительную энергию и порыв для великого прыжка от примитивного бытия до развитой цивилизации, но точно известно, что древнейшие цивилизации Америки достигли расцвета задолго до нашей эры, однако после того, как народы Малой Азии уже давно достигли вершины своего развития и выходили за Гибралтар, чтобы основать важные колонии на атлантическом побережье Африки.

В чем же состоял переворот, начавшийся в лесной чаще приатлантической области Мексики и среди песчаных дюн на тихоокеанском берегу Перу? Внезапно возникает культ Солнца. Природа разная, в одном месте глухой девственный лес, сырость, в другом солнце без помех накаляет сухой песок, тем не менее индейцы и тут, и там почти одновременно

принимаются сооружать одинаковые в принципе ступенчатые пирамиды в честь Солнца, повинувшись диктатуре верховных правителей и жрецов, называющих себя божественными потомками Солнца. Чтобы сохранить в чистоте божественную кровь, правители практикуют браки между братьями и сестрами, как это было принято в Египте. По приказу повелителя пляски индейских родов вокруг тотемного столба прекращаются, отменены жертвоприношения невидимым духам и сверхъестественным чудовищам, отныне надлежит поклоняться солнечному диску и постигать его. На берегах Мексиканского залива и в приморье Перу индейцы перестают строить родовые хижины из сучьев и камыша. И тут, и там начинают делать сырцовый кирпич, точно по тому же способу, какой несколько тысяч лет был в ходу в Средиземноморье от Месопотамии до Марокко. Определенного рода глину замешивают с водой и соломой, этой смесью плотно набивают прямоугольные деревянные ящички, потом заготовки извлекают и сушат на солнце, получая, как мы бы сказали, стандартные блоки. Кругом индейцы продолжают жить в вигвамах, шалашах и дощатых домиках отцов, а солнцепоклонники от Мексики до Перу вселяются в построенные так же, как в Старом Свете, кирпичные дома, подчас в несколько этажей, с террасами, водостоком; возникают правильные городские комплексы с улицами, акведуками, канализацией.

Но хотя изобретение сырцового кирпича позволяло избранным племенам воздвигать исполинские солнечные храмы, развалины которых по сей день высятся в лесах и пустынях, словно горы, им этого было мало. Они врубаются в скалы, высекают и складывают вместе огромные каменные блоки с поразительным искусством, подобного которому мы не найдем нигде, кроме все той же области от Месопотамии и Египта до Солнечного града в Марокко.

Ольмеки у Мексиканского залива не знали недостатка ни в глине, ни в древесине, и однако они упорно искали в заболоченном краю места, где можно было добывать камень. Почти за тысячу лет до нашей эры они тащили за сто километров через леса и болота каменные глыбы весом до двадцати пяти тонн к святилищу вблизи залива, где уже было заготовлено так много сырцового кирпича, что его хватило на ориентированную по Солнцу ступенчатую пирамиду высотой 30 метров.

Кому в Европе три тысячи лет назад приходило в голову возводить сооружения, равные десятиэтажному дому? В Египте строительство в честь Солнца ступенчатых пирамид из кирпича-сырца давно прекратилось, когда ольмеки затеяли то же самое. Но в Малой Азии, где жили финикийцы, люди продолжали воздавать божественные почести Солнцу в храмах, венчавших пирамиды зиккурат, и ведь именно эти, а не египетские пирамиды Гизы во всем основном сходны с ольмекскими и доинкскими храмовыми пирамидами в Америке.

В рекордный срок те же индейцы мексиканских лесов до нашей эры познали тайны календаря и накопили астрономические сведения, которые в Старом Свете собирались тысячелетиями. Египтяне, вавилоняне и ассирийцы, обитатели обширных низменностей, наблюдали большинство ночей в году вращающееся над их головой звездное небо. Используя древнее культурное наследие, финикийцы ходили по морям за пределами видимости берегов.

Как же лесные индейцы сумели всех их догнать и перегнать, живя под влажной сенью могучих деревьев, где вся видимость подчас ограничивалась тем, что расчистил топор? И однако у этих индейцев астрономический календарный год был вычислен точнее, чем у испанцев, которые их «открыли». Даже наш современный григорианский календарь точностью уступает тому, которым пользовались майя на берегу Мексиканского залива до прихода Колумба. По их подсчетам, длина астрономического года составляла 365,2420 суток, что дает отставание на одни сутки за пять тысяч лет. Наш календарь определяет длину года в 365,2425 суток, ошибка за пять тысяч лет достигает плюс полутора суток. Вычислить все это было не так-то легко. Тем не менее майя в своих подсчетах были на 8,64 секунды ближе к истине, чем наш календарь. Их соседи и предшественники, захоронившие своего солнечного короля в осмотренной нами пирамиде в Паленке, выбили на камне надпись о том, что 81 месяц составит 2392 дня, получается месяц длиной в 29,53086 дней, ошибка всего в 24 секунды.

Майя восприняли основы астрономических знаний от приморских ольмеков, которые еще до нашей эры высекали точные даты на своих замечательных каменных сооружениях. Европа тогда совсем не имела летосчисления. Наш календарь ведет счет от 1 января года, к которому отнесено рождение Христа. Мусульманский календарь начинается с года, когда Мухаммед бежал из Мекки в Медину – это будет 622 год нашей эры. Летосчисление буддистов начинается с рождения Будды, то есть с 563 года до нашей эры. Отправная точка древнего календаря майя приходится на 12 августа 3113 года до нашей эры. Чем знаменательна эта дата? Этого никто не знает. Одни считают, что она взята случайно, лишь бы с чего-то начать, другие полагают, что индейцы связывали ее с определенным расположением небесных светил, наблюдавшимся задолго до расцвета культуры в Америке.

В Египте между 3200 и 3100 годами до нашей эры – время, которым начинается календарь майя, – возникла первая династия фараонов, но, насколько мы знаем, на американской стороне океана тогда еще не было никаких цивилизаций. Если индейцы пришли в Мексику не меньше 15 тысяч лет назад, но только за несколько столетий до нашей эры создали удивительную ольмекскую цивилизацию, почему их календарь начинается с даты, которая совпадает с временем возникновения древнейших известных цивилизаций земного шара в Месопотамии, Египте, на Крите?

Как могло получиться, что майя унаследовали точнейший календарь, если отправная дата взята наугад, да притом относится к поре, когда их предки еще были варварами и даже ольмеки, насколько нам известно, не вели астрономических наблюдений? Мы этого не знаем, знаем только, что летосчисление майя начинается 4 Ахау 2 Кумху, а это и есть 12 августа 3113 года до нашей эры. Еще мы знаем, что у равнинных майя и их сородичей – ацтеков мексиканского нагорья, были устные и письменные предания о том, что цивилизация пришла в Мексику после того, как на берегу Мексиканского залива высадился белый бородатый человек, потомок Солнца, которого сопровождала свита из ученых, астрономов, зодчих, жрецов и музыкантов. Майя называли его Кукулькан, ацтеки – Кецалькоатль, и то и другое означает «Крылатый Змей».

Мы не знаем, кто придумал это диковинное имя. Крылатый змей, подчас огромных размеров, изображен в гробницах некоторых фараонов и в египетских папирусах. Помесь птицы и змеи – божественный символ по обе стороны Атлантики. Хищная птица, змея и кошка были символами солнечного короля в Месопотамии, Египте, Мексике и Перу. Именно в этих странах венец и царские регалии украшались частичными (голова) или полными изображениями названных животных. Не менее важную роль в Месопотамии и Египте играли птичеловеки, которыми окружены символические фигуры солнечного короля и бога Солнца, и этих же птичеловеков мы видим в Мексике, не говоря уже о Перу, где, как и в Египте, в свите царя, выходящего в плавание на серповидной камышовой лодке, сплошь и рядом показаны люди с птичьей головой. Из Перу птичеловеки добрались до острова Пасхи, где их тоже изображали вместе с камышовыми лодками.

Однако не эти фантастические фигуры принесли культуру в тропическую Америку; майя, ацтеки и инки приписывают эту честь обыкновенным людям, которых только усы, борода и белая кожа отличали от большинства индейцев. Они не летали, а шли в плащах и сандалиях через дебри с посохом в руке и учили коренных жителей писать, строить, ткать и поклоняться Солнцу. Древнейшие историки Америки рассказывают, как эти люди высадились на берегу Мексиканского залива, как поднялись на нагорье ацтеков и спустились на лесистый полуостров майя, как двигались дальше на юг через тропические леса Средней Америки. И то же рассказывают индейцы по всей империи инков – от Эквадора до Перу и Боливии: культуру сюда принесли белые бородатые люди, прибывшие на камышовых лодках. Предводительствуемые королем Кон-Тики-Виракоча, они сперва обосновались на острове Солнца, на озере Титикака, потом оттуда подошли на лодках к южному берегу, где воздвигли солнечную пирамиду, мегалитические стены и антропоморфные монолиты, которые по сей день можно увидеть среди развалин Тиауанако. Напор воинственных племен вынудил в конце концов пришельцев отступить на север – через Куско до порта Манта,

расположенного там, где линия экватора сечет Эквадор, после чего они ушли на запад, в Тихий океан, исчезли, как «морская пена» – «виракоча»; это слово потом стало прозвищем испанских мореплавателей и других белых.

Разумеется, не обязательно считать эти легенды достоверными, но тогда еще более удивительно, что безбородым черноволосым индейцам вдруг пришло в голову ваять, рисовать и описывать бородатых людей с белой кожей и светлыми волосами – их мы видим изображенными в египетских гробницах и в трудах по истории Марокко и Канарских островов. Мы признаем непревзойденное каменотесное искусство индейцев и глубину их астрономических познаний, ибо от фактов никуда не уйдешь, но отвергаем их устные предания, во-первых, потому, что в них есть чуждая нам религия, во-вторых, потому, что верим только писаному слову. Мы забываем, что у народов древних мексиканских культур было свое письмо, они писали на бумаге, дереве, глине и камне и иллюстрировали свои иероглифические тексты реалистичными картинками.

Ольмеки, которые до нашей эры воздвигли памятники с высеченными на них датами, приложили буквально нечеловеческие усилия, чтобы оставить потомству исполинские каменные изображения людей двух совершенно различных типов. Несмотря на предельную реалистичность этих мастерских портретов, вы не узнаете в них ни один из ныне существующих индейских типов. Один – явный негроид: круглое лицо, толстые-претолстые губы и широкий, приплюснутый короткий нос. Этот тип принято называть «бэбифэйс» (младенческое лицо). Для второго типа характерен чеканный профиль, нос изогнутый с высокой спинкой, рот маленький, губы тонкие, часто показаны усы и борода или длинная борода. Его археологи шутя окрестили «дядя Сэм». У «дяди Сэма» обычно богатый головной убор, длинный плащ, пояс и сандалии. Семитское лицо, в руках посох странника – таким изображали всюду (начиная с области ольмеков на севере), где отмечены легенды о белых людях, этот тип, на который иные современные религиозные секты охотно ссылаются, толкуя о «пропавших коленах Израиля» и «священной» «Книге Мормона».

К северу от озера Титикака в Перу испанцы приняли статую Кон-Тики-Виракоча с 20-сантиметровой бородой за Святого Варфоломея и учредили монашеский орден в его честь, но потом ошибка выяснилась и изваяние было разбито вдребезги.

«Дядя Сэм» изображался как миролюбивый странник.

Негроидному типу ольмеки придавали воинственные и примитивные черты, часто изображали его скорченным горбуном, исполняющим гротескный танец. Известны также огромные, весом до двадцати пяти тонн, шарообразные каменные головы, которые лежали прямо на земле.

Так кто же они, «дядя Сэм» и его спутник «бэбифэйс»? Кого из них можно считать ольмеком? Никого. Ольмек – название, придуманное в наше время как раз потому, что мы ровным счетом ничего не знаем о том, кем они были.

Ольмеки умели писать. У них научились письму ацтеки и майя, правда, они употребляли совсем другие иероглифы, так что один мексиканский народ не понимал письмо другого. Научиться писать легко, изобрести письменность трудно. Трудно додуматься до того, что слово можно выразить немой символ и закрепить во времени. А уж потом несложно изобретать новые знаки – буквы, руны, клинопись или иероглифы.

В Средиземноморье народы перенимали друг у друга изобретение письма. Может быть, ольмеки на берегу Мексиканского залива сами, без чьей-либо помощи придумали письмо?

Так полагают ученые, подчеркивая что ольмекские знаки не похожи на египетские и шумерские. Но вправе ли мы требовать, чтобы в Мексике сохранились неизменными письмена Старого Света, если те же египтяне и финикийцы, чья культура была так тесно связана, пользовались письменами, совершенно непонятными для другой стороны? Или взять Шумер. Его клинопись в корне отлична от египетской иероглифики, однако же нам известно, что эти две культуры тысячи лет были связаны между собой.

Вряд ли можно утверждать, что изобретение бумаги непременно следует за изобретением письменности. Тем не менее древние жители Мексики делали бумагу для

письма. Не из измельченной древесной массы, как мы, а так же, как древние египтяне и финикийцы изготавливали папирус. Они молотили, вымачивали и очищали от клетчатки камыш и другие волокнистые растения, затем уложенные крест-накрест в несколько слоев влажные волокна отбивали особыми колотушками, так что они спрессовывались. Изготовить таким способом бумагу – дело настолько сложное, что в наше время Институт папируса в Каире экспериментировал много лет, и только недавно Гасану Раджабу удалось воспроизвести древний производственный процесс. А индейцы Мексики в совершенстве овладели этим искусством до прихода испанцев и делали книги, подобно древним финикийцам. Эти книги – испанцы называли их кодексами – состояли не из разрезных, как в Европе, а из складных листов, и вся книга растягивалась в сплошную широкую ленту, как папирусы Египта. И как в Египте, текст был написан иероглифами и щедро иллюстрирован раскрытыми рисунками. В книгах речь шла, в частности, о бородастых людях.

Тысячи племен на севере и на юге жили в каменном веке вплоть до прихода европейцев; в отличие от них индейцы лесов и пустынь от Мексики до Перу принялись с целеустремленностью людей, знающих металлы, искать месторождения золота, серебра, меди и олова. Они сплавляли олово и медь и ковали бронзовые орудия, в точности как народы древних культур по другую сторону Атлантики. От Мексики на юг вплоть до Перу ювелиры делали филигранные изделия из золота и серебра, часто с драгоценными камнями: броши, булавки, кольца, бубенчики, не уступая самым лучшим мастерам Старого Света. Это искусство их и погубило, ведь несметные сокровища Мексики, Месоамерики и Перу притягивали последовавших за Колумбом конкистадоров куда сильнее, чем нехитрые каменные и костяные изделия индейских племен остальной Америки, интересные только для современных этнографов.

Те самые индейцы, которые неожиданно принялись обтесывать камень, делать сырцовый кирпич, добывать металлы, изготавливать бумагу, проникать в тайны календаря и записывать родовые предания, – они же придумали в Мексике и Перу скрестить два диких вида хлопчатника и вывели искусственную разновидность с таким длинным волокном, что ее стоило выращивать на плантациях. Наладив производство хлопчатника, они начали сучить и прясть волокно, как это делалось в Старом Свете, а изготовив достаточное количество нити и окрасив ее прочной краской, собрали горизонтальные и вертикальные ткацкие станки тех самых типов, какие в древности применялись во внутреннем Средиземноморье, и принялись ткать узорные ткани, тонкостью петель и изяществом превосходящие подчас все, что знал остальной мир.

До того как в Старом Свете изобрели гончарство, будущие творцы древних культур Северной Африки выращивали бутылочные тыквы, которые они вычищали изнутри и сушили над огнем, так что получались сосуды для воды. Это растение приобрело такую роль, что его по сей день используют точно так же строители папирусных лодок от Эфиопии до Чада. Каким-то образом африканское растение стало достоянием Мексики и Перу, где нашло такое же применение и к приходу испанцев стало одной из основных сельскохозяйственных культур. А ведь, казалось бы, тыкву должны были по дороге прикончить акулы и черви, если она сама плыла по течению через Атлантику, или во всяком случае она сгнила бы раньше, чем индейцы подобрали бы ее на берегу и смекнули, что из нее можно сделать. Так что скорее всего ее привезли на лодках.

Но хлопководы Америки не только обзавелись этим важным растением, они развили гончарство по образцу древнего Средиземноморья. Находили нужную глину, смешивали ее с песком в необходимой пропорции, месили, а затем формовали, окрашивали и обжигали сосуды. Делали кувшины, горшки, блюда, вазы с подставкой и без нее, чайники, пряслица, свистульки и фигурки, которые и в целом, и в частностях сходны с изделиями древних гончаров Месопотамии и Египта. Даже такие своеобразные вещи, как тонкостенный кувшин в виде четвероногого животного с носиком на спине, для которого нужно изготовить разборную форму, делались по обе стороны океана. А также плоские и цилиндрические матрицы для набивки и украшения тканей. Но всего удивительнее, пожалуй, то, что

керамические собачки на колесиках вроде современных игрушек находят как в ольмекских погребениях первого тысячелетия до нашей эры, так и в древних месопотамских могилах. Это тем более примечательно, что до того, как была открыта эта параллель, одним из главных аргументов изоляционизма было отсутствие колеса в Америке до Колумба. Но теперь мы знаем, что колесо было известно во всяком случае основателям древнейшей из мексиканских культур. Не будь игрушки с колесами сделаны из долговечной керамики, мы бы и этого не знали. В лесах Мексики обнаружены мощные дороги доколумбовой эпохи, пригодные для колесного транспорта. Железа здесь не использовали, из глины прочного колеса не сделаешь, поэтому ольмеки могли пользоваться для повозок только деревянными колесами. А от ольмекской эпохи до наших дней вообще не дошло никаких изделий из дерева, оно слишком быстро разрушается.

Допустив, что колесо все-таки применялось в Америке, можно спросить, почему же оно потом исчезло. Скажем, потому, что мексиканские леса с их влажной почвой, при полном отсутствии коней и ослов, не благоприятствовали колесному транспорту, и он постепенно сошел на нет.

Понятно, на лодках из папируса вряд ли можно было доставить в Америку лошадей. Другое дело – собаки. Собака исстари была спутником человека в Средиземноморье, она сопровождала его почти во всех странствиях. У ольмеков были собаки, это видно по глиняным игрушкам. Майя, ацтеки и инки держали собак, об этом говорит их искусство, это же засвидетельствовано в записках испанских путешественников. В доинкском Перу собак мумифицировали и клали в могилы вместе с их владельцами. В этих областях имелись по меньшей мере две породы. Ни одна из них не может быть привязана к какому-либо дикому американскому предку, и обе они совсем не похожи на эскимосскую собаку, пришедшую с индейцами из Сибири. Зато мы видим несомненное сходство с собаками древнего Египта, где обычай делать мумии собак и птиц был не менее распространен, чем в Перу.

Влажного лесного климата никакая мумия не выдержит, но мы знаем, что народы древних культур Америки бальзамировали останки знатных лиц для вечной жизни, ведь сотни тщательно препарированных мумий сохранились в могилах пустынной зоны Перу. Погребальный инвентарь говорит о высоком ранге покойников. У одних перуанских мумий волосы жесткие и черные, у других – рыжие, даже белокурые, мягкие и волнистые, причем они не только волосами, но и ростом разительно отличаются от современных индейцев Перу – одного из самых малорослых народов в мире. Способ изготовления доинкских мумий – внутренности удалены, полости набиты хлопком и зашиты, кожа натерта особыми составами, тело обмотано бинтами, лицо закрыто маской – отвечает традиционному рецепту, в основных чертах известному по Египту.

У долговязого правителя, покоящегося со своими украшениями под пятитонной крышкой каменного саркофага в пирамиде Паленке, тоже была маска на лице, а тело обмотано красными бинтами. Истлевшие остатки бинтов лежали на костях, когда вскрыли саркофаг, но в климате дождевого леса никакое бальзамирование не могло спасти брешьную плоть.

Нет ничего неожиданного в том, что мексиканского священного правителя запеленали в красную ткань и саркофаг изнутри выкрасили красной краской. Красный цвет был в Мексике символическим и священным. А в Перу специальные экспедиции на бальсовых плотках и камышовых лодках ходили вдоль побережья на север за красными ракушками, подобно тому, как финикийцы снаряжали экспедиции и даже основали колонии на атлантическом побережье Африки, чтобы удовлетворить свое фанатическое пристрастие к красной краске, добываемой из морской пурпурной улитки.

Жители Мексики и Перу завели множество обычаев, неизвестных другим индейцам, в том числе очень своеобразные. Они придумали делать мальчикам обрезание, как этого требовала религия некоторых древних народов Малой Азии. Они решили, что солнечные жрецы, не имеющие своей бороды, должны носить накладную, как это было принято в Египте. Сколько на небе звезд, однако они ждали, когда над горизонтом появится созвездие

Плеяд, чтобы приступить к ежегодным сельскохозяйственным работам. Врачи в Мексике, особенно в Перу, делали операции на черепе, как для лечения переломов, так и в связи с религиозными ритуалами. Ко времени прихода в Америку испанцев это сложнейшее искусство за пределами Нового Света было распространено лишь в ограниченной области от Месопотамии до Марокко и Канарских островов.

Не так уж резко отличался и их повседневный быт, несмотря на расстояние, отделяющее Средиземное море от Мексиканского залива. Семейная жизнь и общественный строй государств жреческой диктатуры были в основе сходны, предметы обихода различались главным образом в деталях. В Мексике и Перу развивалось террасное земледелие средиземноморского типа с применением акведуков, искусственного орошения и животных удобрений, и даже изоляционисты отмечают удивительное сходство мотыг, корзин, серпов и топоров. Тут и там рыбаки вязали одинаковые сети с грузилами и поплавками, плели такие же верши, делали похожие лески и крючки, пользовались одинаковыми лодками. Тут и там у музыкантов, были барабаны, обтянутые кожей с обеих сторон, трубы с мундштуком, флейты, в том числе флейта Пана, кларнеты и всевозможные бубенчики. Сами изоляционисты подчеркивали такие параллели, как состав и организация войска, употребление матерчатых палаток в походе, обычай изображать на щитах узор, указывающий на принадлежность к тому или иному отряду, писали и про тот факт, что праща, неизвестная индейцам, пересекшим Берингов пролив, но характерная для древних воинов Малой Азии, вдруг появляется как один из главных видов оружия во всей области доинкской культуры.

Как диффузионисты, так и изоляционисты говорят о явном сходстве набедренных повязок, мужских плащей, женских тог с поясом и застежкой на плече, сандалий, из кожи и веревки. Похожи броши, металлические зеркала, пинцеты, гребни, способы татуировки; опахала, зонты и паланкины для знатных лиц; деревянные подголовники; безмены и равноплечие весы; игральные кости и шашки; ходули и юла. Бездна параллелей в узорах и мотивах искусства...

Словом, не так велико отличие между тем, что создали народы Малой Азии и Египта, когда в Европе еще царил варварство, и тем, что застали испанцы, когда через несколько тысяч лет пришли в Америку. Пришли под знаком креста, чтобы принести новую религию из Малой Азии индейцам, которые жили на другом конце океанского течения и поклонялись Солнцу.

Обо всем этом мы размышляли и беседовали в океане, пока наша собственная папирусная лодка все ближе подходила к тропической Америке, влекомая как раз тем же течением. Лодка, которая, быть может, являла собой одну из самых примечательных параллелей.

Корма оседала все глубже и глубже – наша ахиллесова пята. Ребята из Центральной Африки поначалу вовсе не хотели делать ахтерштевня в отличие от древних жителей Египта и Месопотамии. Они не привыкли так строить, их никто этому не учил. А индейцы Перу привыкли, там приемы вязки лодок переходили от отца к сыну в неизменном виде с той далекой поры, когда древнейшие гончары страны запечатлевали на своих изделиях первые серповидные камышовые лодки. Озеро Титикака в Южной Америке – единственное место в мире, где камышовые лодки по-прежнему оснащают парусом, и ведь что удивительно: в этой части Южной Америки парус ставили на такой же двойной мачте, какую мы видим в Древнем Египте. И только на озере Титикака по сей день вяжут большие и крепкие камышовые лодки так, что нос и корма загнуты вверх, причем вязка сплошная, веревки охватывают весь корпус, как это показано на древних фресках в египетских гробницах.

Наши чадские друзья связали вместе снопы папируса в несколько слоев, цепляя множество коротких веревок одна за другую, и хотя нам под конец удалось все-таки убедить их надставить высокий ахтерштевень, соответствие египетским фрескам было лишь внешним. Великие цивилизации древности распространились морским путем вдоль берега Средиземного моря до Марокко, а вот проникнуть в глубь материка, до Чада, оказалось

труднее. И теперь я впервые задумался, не сбила ли меня с толку карта мира. Я вывез лодочных мастеров из Чада, потому что в Старом Свете лучше их не нашлось. Но если культуры по обе стороны Атлантики восходят к общему корню? Тогда индейцы озера Титикака, где находился самый древний и важный доинкский культурный центр, могли унаследовать искусство строительства лодок от жителей Средиземноморья по более прямой линии, чем жители глухих дебрей Африки – будума. Вспомнилось утверждение изоляционистов, что внутреннее Средиземноморье отделено от Перу неодолимым расстоянием. Кажется, и мне заморочило голову это утверждение? Кажется, мы все забыли, что испанец Франсиско Писарро без крыльев, без дорог, без рельсов прошел с отрядом обыкновенных людей от Средиземного моря до Перу так же быстро, как Эрнандо Кортес достиг мексиканского нагорья? На глазах одного поколения испанцы покорили огромную область от Мексики до Перу. Есть ли у нас причины отвергать возможность того, что и прежде пришельцы могли так же легко пересечь Панамский перешеек и дойти до Перу? Испанцы сперва открыли острова, окаймляющие Мексиканский залив, однако главные поселения они начали учреждать только после того, как проникли в Мексику и Перу.

Семь представителей семи наций собрались на одной папирусной лодке – для чего? Чтобы показать, как сходны люди, независимо от того, где они родились. Так почему мы не хотим уразуметь, что это сходство существовало во все времена, еще и тогда, когда древние египтяне сочиняли свои любовные песни, ассирийцы совершенствовали свои боевые колесницы, финикийцы создавали основы нашего письма и сражались с парусами и веслами на просторах соленых морей.

Когда завершилась первая неделя июля, я начал потихоньку тревожиться. Хоть бы судно с кинооператором вышло вовремя, пока эти дождевые тучи, которые много дней нас преследуют, не собрались вместе и не задали нам настоящую трепку. В области, куда мы вошли, надвигался сезон ураганов. Ребята относились к этому совершенно спокойно.

Восьмого июля ветер усилился, и море разгулялось так, словно где-то за горизонтом бушевал изрядный шторм. Могучие волны обрушивались на нашу жалкую корму, они теперь захлестывали даже мостик, который стоял на высоких столбах за каютой. В ту ночь нам крепко досталось. Тьма кромешная, ветер воет, всюду булькает, плещется, бурлит, ревет, рокочет вода. Наши рундуки колыхались вверх-вниз вместе с нами. Тем из нас, кто лежал у правого борта, пришлось вынимать свои вещи из ящиков, наполовину залитых водой, и класть их в рундуки соседей: у них было все-таки меньше воды.

Каждые несколько секунд волна ударяла в заднюю стенку каюты, которую мы закрыли брезентом, она содрогалась, и вода сочилась из всех щелей, а то и целая струя голову окатит. Большинство из нас привыкло к этим нескончаемым залпам, один Сантьяго пользовался снотворным, но иногда особенно резкий и зловеющий звук заставлял всех нас выскакивать из спальных мешков. Это парус вывернулся и затеял потасовку с мачтой, и вот уже мы опять сообщаемся с еле видимым в тусклом свете фонаря великаном, спотыкаясь и разбивая пальцы ног о кувшины Сантьяго и все более густую сеть растяжек Карло.

На другой день около шести утра, когда я стоял на мостике и двумя рулевыми веслами, одно из которых было наглухо закреплено, держал лодку так, чтобы принимать ветер с правого угла кормы, море вдруг вздыбилось. Поверхность океана медленно поднялась мне до пояса, и каюта передо мной тихо, без единого всплеска, скрылась под водой. В следующую минуту всю лодку ударило в дрожь, и она накренилась к ветру, да так сильно, что я обеими руками ухватился за весло, чтобы не скатиться вместе с водой за борт. Сейчас... сейчас тяжеленная мачта раздергает папирус на клочки и рухнет в море. Но «Ра» только сбросила воду с палубы и сразу выровнялась, правда, не до конца, и с того дня вахтенный стоял на покривившемся мостике, наполовину согнув левое колено.

Теперь нам во время купания в нашей ванне приходилось страховаться веревкой, чтобы нас не смыло с покатою, будто пляж, кормы. Волны прорывались вперед с обеих сторон каюты, поэтому на подветренном борту мы не доходя двери поставили поперек плотину из пустых корзин и канатов, накрыв их запасным парусом, в котором пока не нуждались. Всюду

лежали мертвые летучие рыбы. Хотя корма сильно тормозила и плохо управляемая «Ра» все время шла зигзагами, сильный ветер за день приблизил нас к Америке еще на 63 морских мили, то есть на 116 километров. Это всего на 30-40 километров меньше средней скорости древних папирусных судов, о которых говорил хранитель папирусов Эратосфен. Опять нас навестили белохвостые фаэтоны; на юге и юго-западе от нас лежали за горизонтом Бразилия и Гайана. Настроение у ребят было отменное. Норман связался с Крисом в Осло, и тот подтвердил, что помогает Ивон подыскать в Нью-Йорке кинооператора, который мог бы выйти нам навстречу из Вест-Индии.

Девятого июля, не успели мы обнаружить, что волна, которая накрыла каюту, кроме того, наполнила водой бочку, где лежало почти 100 килограммов солонины (мясо после этого сгнило), как пришел потрясенный, весь бледный Жорж и сообщил новость похуже: веревки, крепившие крайнюю связку папируса с наветренной стороны, перетерло ерзающим взад-вперед под ударами волн полом каюты. Одним прыжком мы с Абдуллой очутились на правом борту. И увидели такое, чего мне никогда не забыть. За каютой вся лодка разошлась вдоль. Правая бортовая связка, на которую опиралось одно колено мачты, то отходила, то опять прижималась к корпусу, уцелели только веревки на носу и на корме. Вот опять волна отвела ее в сторону, и мы глядим прямо в прозрачную синеву у наших ног. Никогда Атлантический океан не казался мне таким прозрачным и глубоким, как в этой щели, рассекшей наш папирусный мирок. Если черная кожа бледнеет, то Абдулла побледнел. Ровным голосом стойка он бесстрастно сказал, что это конец. Веревки перетерлись. Цепь разомкнута. Теперь вся вязка постепенно разойдется, через два-три часа стебли расплывутся в разные стороны.

Абдулла. Абдулла сдался. Да и мы с Жоржем стояли, как оглушенные, переводя взгляд с мерно открывающейся и закрывающейся щели на связанную вверху мачту. Если бы ее колена не прижимали друг к другу отставшую связку и корпус, давно бы перетерлись веревки на носу и на корме. Вдруг я увидел, что рядом со мной стоит Норман, взгляд его выражал внутреннюю решимость.

– Не сдаваться, ребята, – глухо произнес он. В следующую минуту закипела работа. Карло и Сантьяго притащили самые толстые веревки и принялись нарезать концы. Жорж прыгнул с тросом в воду и проплыл под «Ра» от одного борта до другого. Мы с Норманом ползали по палубе и осматривали лопнувшие найтовы, чтобы установить, далеко ли распустилось наше вязание. За кормой пучками и поодиночке плавали стебли папируса. Вооружившись молотом, Абдулла бил по нашей могучей швейной игле, роль которой играл тонкий железный лом с ушком внизу для восьмимиллиметрового линия. Мы задумали сшить этой иглой наш бумажный кораблик. Юрий час за часом нес один тяжелую рулевую вахту.

Сперва Жорж четыре раза проплыл под лодкой от борта до борта с самым нашим толстым тросом; концы троса мы связали на палубе, скрепив им корпус лодки, словно бочку обручами, чтобы мачта не разошлась вверху. Потом Жорж стал нырять под связки туда, где Абдулла просовывал иглу с веревкой. Он выдергивал веревку из ушка и вдевал ее снова, как только Абдулла протыкал лодку, иглой в другом месте. Нам удалось кое-как зашить злополучную прореху, но мы успели потерять немало папируса и больше прежнего кренились в наветренную сторону. Двойная мачта перекосилась, и все же «Ра» шла так быстро, что Жорж не отставал только благодаря страховочному концу. Страшно было подумать, что лом может попасть ему в голову, и мы были счастливы, когда наконец вытащили его на палубу в последний раз.

Карло просил не корить его за скверный обед, но что поделаешь, если в кухонный ящик все время залетают брызги и гасят плиту. На закате кто-то увидел за кормой прыгающую на гребнях корзину из нашего груза. Пока не стемнело, мы еще раз проверили пришитую связку, которая составляла почти всю палубу с наветренной стороны каюты. Она отвратительно болталась, дергая тонкий линь, к тому же так размокла и отошала, что по правому борту мы проходили мимо каюты по пояс в воде.

И вот снова ночь. Засыпая, я различил во мраке белки глаз, качающиеся вверх-вниз у

выхода. Это Абдулла молился аллаху под скрип и треск лодки и плеск вездесущей воды. Норману передали по радио, что судно, с которым Ивон ведет переговоры, возможно, встретит нас через четыре-пять дней.

Десятого июля мы встретили восход совсем не выпавшиеся: всю ночь рундуки, на которых мы лежали, лихо раскачивались вразнобой. Норман не поладил со своими строптивыми ящиками и лег в ногах товарищей. Первым делом мы решили потуже затянуть четыре троса, которыми накануне схватили поперек все связки, потом добавили пятый найтов там, где стояли мачты, чтобы им не вздумалось выполнить шпагат. И весь день продолжали сшивать лодку длинной иглой, протыкая папирус насквозь сверху вниз.

В этот день Норман принял сообщение, что на острове Мартиника ожидают прибытия двух американских кинооператоров, и туда за ними идет небольшая моторная яхта «Шенандоа». А итальянское телевидение передало, что мы потерпели аварию и перешли на спасательный плот. Мы вспомнили с мрачным юмором, как распилили наш плот на куски. Никто не сокрушался о нем. Никто не стал бы переходить на него. У нас еще было вдоволь папируса. Высокие волны обрушивались на палубу, Карло возгласом отчаяния проводил свои лучшие кастрюли, смытые за борт, и тут Жорж вынырнул из каскадов с каким-то красным предметом, который он успел поймать в последнюю минуту.

– Он еще нужен или можно его выбросить в море?

Маленький огнетушитель. А ведь в самом деле, было время, когда на правом борту курить воспрещалось. Под дружный смех огнетушитель полетел за борт, даже Сафи, висая на вантах, оскалила зубы и издала какие-то горловые звуки, – мол, и у меня есть чувство юмора.

Одиннадцатого июля складки на море немного разгладились, но и самые миролюбивые волны подминали под себя корму и правый борт. Во время моей вечерней вахты впервые за много дней выглянули звезды, в том числе Полярная, и я быстро определил носометром, что мы находимся на 15° северной широты.

Среди ночи мощные волны с правого борта с такой силой ударили в плетеную стену каюты, что она не смогла сдержать их натиск и один из ящиков Нормана разлетелся в щенки. Его давно опорожнили, остались только доски, обломки которых теперь закружило водоворотом в каюте. Правый борт с пришитой нами связкой скрипел как-то особенно жутко, и за всем шумом никто не услышал тревожных криков Сафи, когда очередная волна сорвала со стены чемодан, в котором она спала. Несколько минут она плавала в нем, обгоняя щепки, потом каким-то чудом ухитрилась сама открыть крышку. Сантьяго проснулся оттого, что насквозь мокрая Сафи визжала ему в ухо, просясь в спальный мешок.

Двенадцатого июля к нам опять явился пернатый гость с материка. По радио сообщили, что яхта задерживается, так как два члена команды сбежали, как только «Шенандоа» пришла на Мартинику.

Полным сюрпризом было для нас появление какой-то старой калоши, которая вынырнула из-за горизонта на юге и пошла зигзагами к нам. Сперва мы подумали, что это какие-нибудь авантюристы на самодельной посудине, но сблизившись, увидели латаную-перелатаную, старую рыбацкую шхуну с китайскими иероглифами на бортах. На всех снастях сушилась рыба, а команда, облепив фальшборт, безмолвно разглядывала нас. «Нои Юнь Ю» проползала мимо нас метрах в двухстах, и мы смотрели друг на друга с взаимным содроганием и состраданием, щелкая фотоаппаратами. Китайцы помахали нам как-то снисходительно, без особого восторга. Было очевидно, что они принимают «Ра» за какую-нибудь жангаду или бальсовый плот, вышедший на рыбный промысел с берегов Бразилии, и потрясены тем, как это люди в наши дни плавают на таких рыдванах. Поднятая шхунной волна перекатилась через корму «Ра», «Нои Юнь Ю» не спеша прошлепала дальше, и мы снова остались одни в океане. Опять пошел дождь. Ветер прибавил, волны тоже, всюду плескалась вода.

Когда из-за выцветших мокрых туч начала расползаться по небу ночь, мы заметили на восточном горизонте грозовые облака, похожие на головы взбешенных черных быков. Рокоча громовыми раскатами, они ринулись вдогонку за нами. Мы приготовились встретить

шторм, он уже давал о себе знать вспышками молний и все более сильными порывами ветра. Рискую потерять парус, мы решили все-таки не убирать его. Остались какие-то дни, лучше уж идти быстрее. «Ра» вздрагивала от могучих порывов ветра. Море встало на дыбы. Египетский парус наполнился до предела, и мы неслись через гребни, точно верхом на диком звере. Нас окружала буйная, варварская красота. Черные валы покрылись белыми пятнами, потом полосами, они кипели и бурлили, поливая нас сильнее, чем дождь с неба. Ветер сплющивал гребни, и «Ра» развила такой ход, что настигающие нас сзади волны частенько промахивались. Зато те, которые все-таки накрывали нас, делали это так основательно, что от удара до удара мы успевали вздремнуть всего на несколько секунд.

Опасности подстерегали нас на каждом шагу, так что надо было надежно крепить страховочный конец за стену или папирус. Тяжелые каскады с ревом разбивались о плетеную крышу, и она все сильнее прогибалась, становясь похожей на седло. Сантьяго смыло за борт вместе со страховочным концом, но он успел ухватиться за угол паруса. Иногда «Ра» кренилась так сильно, что мы бросались к вантам вздыбившегося борта и повисали на них, чтобы не дать ей опрокинуться. Один из кухонных ящиков разбило волной, и Карло побежал по колено в воде спасать второй, качающийся на воде под мачтой. Антенну сорвало ветром, и радио потеряло дар речи. Утку то и дело смывало за борт, кончилось тем, что она сломала ногу, и Юрию пришлось заняться хирургией. Сафи отсиживалась в каюте и чувствовала себя превосходно. В широченных ложбинах между волнами носились туда и обратно самые большие стаи летучих рыб, какие я когда-либо видел. Собираясь заступить на вахту, я услышал голос Абдуллы, он что-то напевал, стоя на мостике в ночи. Сзади на крышу обрушилась могучая волна. Пора выходить. Я посмотрел на Абдуллу снизу: стоит, надежно застраховавшись веревкой, в свете фонаря поблескивают мокрые волосы.

– Как погодка, Абдулла? – шутливо справился я.

– А ничего, – невозмутимо ответил он.

Трое долгих суток штормило, то сильнее, то слабее. Идти под парусом становилось все опаснее, но первые двое суток мы держались, и «Ра» лихо мчалась по штормовой волне. Правое колено мачты приплясывало на наскоро отремонтированном борту, который качался сам по себе, к тому же мы потеряли так много папируса из этой связки, что она поминутно исчезала под водой, и мачта все больше наклонялась к ветру. Это помогало нам лучше принимать шквалы, вот только пята под правым коленом уходила все глубже в кое-как связанный папирус. Жорж и Абдулла без устали ремонтировали этот клочок палубы, чтобы мачта не пропорола связку насквозь. Оба колена подпрыгивали на деревянных пятах, и после каждого прыжка только сила тяжести да веревки возвращали их на место. К тому же из-за ослабленного крепления правой бортовой связки стебли впитали много воды, и связка так раскисла, что и не поймешь, до какой степени можно натягивать ванты. Качнется мачта назад, и сразу ванты по обе стороны каюты провисают, будто детские прыгалки, но тут же следует рывок вперед, и они натянуты, как тетива; только обрамляющий весь борт могучий канат, этот древнеегипетский фальшборт, спасал папирус от ярости мачты.

Сами по себе стебли оставались такими же тугими и крепкими, как после первого дня в море, и отставший от лодки папирус продолжал держаться на воде. Но под тяжестью мачты, которая наваливалась на покалеченный борт, слабо схваченные веревкой, поредевшие и намокшие связки все глубже уходили под воду, и гибкий плетеный пол нашей каюты изогнулся дугой. Мы решили чем-нибудь заполнить пространство, освободившееся после того, как разбился ящик Нормана. Не успели мы это сделать, через щели в бамбуковой стене снова прорвалась волна и разбила второй ящик.

Ящик за ящиком разлетался в щепки под нами. И с каждым погибшим ящиком все труднее было справиться с уцелевшими, которые плавали по двое, словно лодки в тесной гавани, заставляя корчиться постеленные сверху сенные тюфяки. Носки и трусы исчезали в водовороте в одном месте, а выныривали совсем в другом. Норман и Карло перебрались из каюты под навес у передней стенки, на корзины с провиантом. Юрий не успел опорожнить свои рундуки, как их тоже разбило, а из медикаментов получилось какое-то жуткое,

зловонное месиво: битое стекло, раздавленные коробки и тюбики. Чтобы не падать с оставшихся ящиков, мы бросали в образовавшиеся пустоты матрасы, спальные мешки и всякое барахло, которое нам не было нужно. Юрий ушел из каюты.

Потолок посередине оседал все ниже и ниже, пришлось перенести пляшущий керосиновый фонарь в самый высокий угол. Шутки и хохот тройки, которая переселилась под навес, говорили о том, что по обе стороны бамбуковой стенки настроение отличное.

Шторм бесновался, сверкали молнии, но мы почти не слышали грома, его заглушали волны, которые с ревом врывались в каюту с правого борта и, поплескавшись вокруг нас, уходили обратно через правую стену. Вахтенному на мостике приходилось так тяжело, что мы старались почаще сменяться. Правые стояки мостика осели вместе с папирусом, и площадка рулевого больше напоминала скат крыши. Дотянуться до рукоятки правого весла стало невозможно, так как мы жались в левый, более высокий угол мостика, поэтому было изобретено хитрое – и громоздкое – устройство, с которым мы мучились, когда не удавалось держать курс одним только левым рулевым веслом: в таких случаях мы поворачивали правое весло двумя веревками, действуя и рукой, и ногой. Чтобы совсем не выбиться из сил, мы время от времени ненадолго крепили наглухо оба весла. Задача состояла в том, чтобы парус был наполнен ветром, и оба шкота крепились за перила мостика, это позволяло вахтенному маневрировать реей, если на нее ложилась чрезмерная нагрузка и весла не могли помочь. Весь мостик был опутан веревками, а затопленный ахтерштевень превратился в огромный капризный руль, который безумно усложнял управление лодкой. Нельзя было допускать, чтобы нас развернуло кругом штормовым ветром, слишком велик риск, что мачта либо полетит, либо проткнет папирус насквозь; ладья-то вряд ли опрокинется: слишком отяжелела от воды.

Четырнадцатого июля мы связались по радио с «Шенандоа», она уже вышла на восток с острова Барбадос. С яхты сообщили, что шторм и до них добрался, мостик захлестывают шести-семиметровые волны. Радист передал в эфир, что судно в опасности, и капитан подумывал о том, чтобы повернуть назад, так как яхта не рассчитана на сильный шторм. Только сознание, что нам еще хуже, заставляло их продолжать идти против ветра на восток. По словам капитана, «Шенандоа» могла сейчас развивать максимум восемь узлов, это было в три-четыре раза больше скорости «Ра», но встречный ветер тормозил яхту, так что в лучшем случае, идя вдоль одной и той же широты, мы могли встретиться дня через два.

Какой-то радиолобитель перехватил сообщение, что в тридцати милях от нас находится торговый пароход, который может прийти к нам на помощь. Но ребята на «Ра», все, как один, были за то, чтобы самостоятельно идти дальше на запад.

В час ночи Юрий услышал громкий треск и крикнул, что сломалась рея. Мы выскочили на палубу и растерялись: парус на месте, рея исправно служит. Только почему-то править стало труднее прежнего, «Ра» наотрез отказывалась слушаться руля. Сменяясь ночью на мостике, рулевые единодушно отмечали, что не помнят более тяжелой вахты. И лишь с восходом солнца мы поняли, в чем дело. Карло обнаружил, что правит одним веретеном без лопасти. Здоровенное двойное весло снова переломилось, как от удара исполинской кувалды, а лопасть навсегда исчезла в волнах. Так вот что за треск слышал Юрий! Выходит, мы понапрасну выбивались из сил, руля круглыми обломками, «Ра» сама держала курс затопленной кормой.

Пятнадцатого июля шторм достиг предельной силы, и парус не выдержал. Нас накренило шквалом так резко, что обычное судно было бы опрокинуто, и он с грохотом лопнул. Сверкали молнии, лил дождь. Осиротевшая мачта с перекладинами качалась, будто скелет, в свете молний. Без паруса на лодке сразу стало как-то пусто и мертво. И волны словно разом осмелели, как только мы замедлили ход. Вот уже смыло остатки камбуза. Вокруг ног Карло расплылся гоголь-моголь с известкой: не выдержал один кувшин. Но на носу и на левом борту стояло еще множество надежно закупоренных кувшинов с провиантом. Под мачтой висели колбасы и окорока. Что гоголь-моголь – откуда ни возмись, на палубе вдруг появились «португальские военные кораблики», которые все опутали

своими длинными жгучими арканчиками. Я наступил на пузырь, но не обжегся. А Жорж и Абдулла трудились по пояс в воде, заменяя перетершиеся веревки, и арканчики обмотались у них вокруг ног. Обоих тут же обработали природным средством по рецепту Юрия. Абдулла уверял, что ему вовсе не больно. Но ведь у него на руках были метки от сигарет, которые он тушил о собственную кожу, чтобы показать, что настоящему чадцу боль нипочем.

Вне каюты было только одно относительно сухое и безопасное место, где мы могли, потеснившись, посидеть вместе, когда бушевал шторм, – палуба у самого входа. Здесь амфоры образовали как бы скамейку. Тут же хранились наши киноленты и самое ценное снаряжение. Утка и обезьяна ютились каждая в своей корзине, водруженных поверх нашего личного имущества. А в каюте продолжали буяннить волны. Ящик за ящиком превращался в щепки. К вечеру только мы с Абдуллой еще удерживали позиции, все остальные покинули каюту и спали кто на кухонных корзинах, кто на мачте, кто на крыше, которая прогнулась уже настолько, что насилу выдерживала вес двоих-троих человек.

Из шестнадцати ящиков, служивших нам кроватями, оставалось всего три. Два принадлежали Абдулле, один мне. Они уцелели потому, что стояли у левой стены, но теперь пришел и их черед. Ящик, на котором лежали мои ноги, уже развалился, и книги плавали в каюте попеременно с одеждой, словно кто-то задумал приготовить бумажную массу. Я положил ноги на крышку от ящика, поставленную ребром, а руками держался за крышу и стены, чтобы не дать опрокинуться ящику под моей спиной, когда мокрое месиво скатывалось в нашу сторону. Чистый гротеск. Стоя на коленях у двери, Абдулла прочел молитву, потом забрался в свой спальный мешок и уснул.

Кругом бурлит и булькает, как у черта в горле. Моя подушка шлепнулась прямо в водоворот и поплыла от стены к стене, я словно попал в чрево кита, а бамбуковая плетенка играла роль китового уса, отцеживающего добычу и пропускающего только воду. Пытаясь поймать подушку, я схватил что-то мягкое. Рука. То ли резиновая рука, то ли наполненная водой перчатка из хирургического набора Юрия. Это просто невыносимо. Я приподнялся и погасил фонарь, тотчас меня окатила дождевая вода с брезента на крыше, одновременно доска под ногами упала и исчезла. Я выбрался на волю к остальным. Лучше уж спать под дождем на подветренном борту. Один Абдулла остался в нашей обители, где когда-то было так уютно. Он спал как убитый.

Задолго до рассвета 16 июля мы опять связались по радио с «Шенандоа», долго и терпеливо крутили генератор и прослушивали эфир, наконец услышали металлический голос радиста. Он передал нам просьбу капитана пускать ракеты, когда стемнеет. Ветер унялся. Шторм прошел дальше на запад и достиг островов. Мы все были целы-невредимы, не считая сломанной ноги Симбада. Норман отыскал ракеты с плота, который мы распилили. Они так размокли, что порох не хотел гореть. На клочке этикетки мы прочли: «Хранить в сухом месте». И передали на «Шенандоа», что вся надежда на их ракеты. Ни мы, ни они после шторма не знали точно своих координат, но стилились по возможности идти встречным курсом по одной широте.

Радист яхты попросил нас не жалеть сил, непрерывно крутить ручной генератор и передавать свой позывной, чтобы они могли идти по нашему пеленгу. Правда, ветер совсем стих, а ливень укротил волны, но оба суденышка были слишком малы – не разглядеть друг друга издалека. Длина яхты была 22 метра, водоизмещение – 80 тонн.

И мы прилежно крутили, а одновременно обратили внимание, что в океане опять полно плавающих комков мазута. Да и вчера их было немало. Вода, захлестывающая лодку, уходила сквозь папирус, а мазут оставался на палубе. Я собрал несколько проб, чтобы передать их вместе с коротким докладом норвежскому представительству в ООН. Эта грязь преследовала нас и на востоке, и на западе, и посередине океана.

Пока мы по очереди крутили электрическую машину, а Норман, не расставаясь с наушниками, вертел ручки, Карло улучил несколько минут и приготовил отличную холодную закуску. Он попросил его извинить, дескать, камбуз не тот, что прежде: во-первых, все кастрюли отстали от лодки, во-вторых, примус никак не разжечь, потому что он лежит на

дне морском. Но если мы не откажемся от грудинки и египетской икры, то у него найдется нож. И мы могли есть сколько угодно «лепешек-мумий», которые были одинаково вкусными как с берберским маслом и медом, так и с наперченным овечьим сыром. Буря милостиво обошлась с кувшинами, защищенными мягким папирусом. Больше всего досталось деревянным ящикам. Папирус и веревки, кувшины и бурдюки, корзины и бамбук хорошо поладили между собой. А вот жесткие деревянные конструкции неизменно проигрывали поединок с волнами.

Под вечер 16 июля установилась тихая погода, и мы повели наблюдение за горизонтом с каюты и мачты. Юрий крутил генератор, Норман монотонно кричал в микрофон наш позывной, и тут произошла неожиданная вещь. Представьте себе Нормана, который сидит в дверях каюты и настойчиво вертит ручки радиостанции, и вдруг он говорит странным голосом, глядя куда-то в пустоту:

– Я вас вижу, я вас вижу, вы нас не видите?

Мы остолбенели, прошла секунда, прежде чем до нас дошло, что он обращается не к нам, а к радисту «Шенандоа». «Шенандоа!» Мы обернулись – и Жорж, который лежал на крыше, пристально глядя в другую сторону, и Карло, который с кинокамерой на животе болтался на покосившейся мачте, и все остальные.

Вот она! На гребнях далеких валов время от времени поднималась белая крупинка. Когда шхуна приблизилась, мы увидели, что ее страшно мотает бортовая качка. Наша потрепанная «Ра» куда спокойнее вела себя на волне. Для нас и поныне остается непостижимой загадкой, как мы сумели найти друг друга, но так или иначе пробил час, и вот мы вместе качаемся вверх-вниз, словно затеяли перепляс в море у островов Вест-Индии. Вокруг «Ра» летала большая черная птица. Воду вспороли плавники акул. Должно быть, они шли за яхтой от самых островов.

На яхте и на ладье стрекотали кинокамеры и щелкали фотоаппараты. Что бы нам встретиться на сутки раньше! Гордый парус «Ра» был накануне спущен навсегда, теперь на мачте можно было поднимать только маленький клочок парусины, не то правое колено могло насквозь проткнуть отощавший правый борт.

С яхты спустили на воду надувную лодку, и Абдулла страшно обрадовался, увидев на веслах человека с таким же цветом кожи, как у него. Он крикнул что-то гребцу на своем арабском наречии, потом по-французски и совсем растерялся, когда ему ответили по-английски. В Америке Абдулла встретил Африку, но Африку, которая успела стать совершенно американской.

Прежде всего мы погрузили на пляшущую лодчонку все отснятые пленки. После этого в несколько заходов сами переправились на яхту и познакомились с ее экипажем. Простые, славные ребята.

Изящное суденышко с высоким мостиком и узким килем качало так сильно, что после двух месяцев на «Ра» мы с трудом удерживали равновесие на чисто выдраенной палубе. А кинооператоры Карло и Джим, обменявшись мнениями, согласились, что гораздо легче снимать яхту с ладьи, чем наоборот.

Капитан и его команда были молодые ребята, большинство наняты только на этот рейс, и все уговаривали нас поскорее переходить с вещами к ним на борт, чтобы можно было, не мешкая, отправляться в обратный путь. Но контракт об аренде «Шенандоа» не включал такого условия, а мы не торопились покидать «Ра». Яхта доставила нам апельсины, по четыре на брата, и коробку шоколадных конфет для Сантьяго. Однако наскоро набранная команда вышла в море, не заметив впопыхах, что провиант состоит преимущественно из пива и минеральной воды, поэтому капитан настаивал на скорейшем возвращении, пока мы все не остались без еды. И пока не нагрянул новый шторм, мы попросили одолжить нам надувную лодку и привезли с «Ра» окорока, бараньи ноги, колбасы и кувшины с провизией и водой. наших запасов хватило бы всему экипажу папирусной лодки по меньшей мере еще на месяц.

И яхта осталась. «Ра» еще держалась на воде, левый борт был в полном порядке, но

правый так потрепало, что мы не могли больше полагаться на тяжеленную девятиметровую мачту и решили срубить ее. Норман поставил легкую двойную мачту из двух связанных сверху пятиметровых весел и поднял на ней маленький прямой парус. «Ра» продолжала плавание.

17 и 18 июля мы переправили на «Шенандоа» весь лишний груз и сшивали связки, укрепляя лодку. Карло поплыл к яхте, толкая перед собой срубленную мачту, Жорж трудился под днищем «Ра», Юрий поддерживал сообщение с «Шенандоа» на хлипкой резиновой лодке, остальные бродили по затопленной палубе, таская веревки и свои промокшие вещи, и тут мы все чаще стали примечать на поверхности моря плавники акул, словно этикие игрушечные паруса. Под водой были видны могучие туши, медленно скользившие в прозрачной синей толще. Ребята на «Шенандоа» занялись рыбной ловлей, вытащили на палубу двухметровую акулу с белыми плавниками, потом другую, поменьше, и угостили нас нашим рисом с вкусной акульей печенью. Но четырехметровую синюю акулу рыболовам не удалось перехитрить, и она продолжала неумоимо патрулировать около нас.

Всем было строго-настрого наказано соблюдать предельную осторожность, и все же мы с ужасом увидели, как Жорж выскакивает на притопленный борт «Ра», преследуемый по пятам крупной акулой. Одну ногу Жоржа уже давно украшали следы акульих зубов. Я запретил ему нырять, пока кругом ходят акулы, тогда он ответил, что нам придется долго ждать, ведь в глубине под лодкой кружит не меньше двадцати пяти – тридцати акул... Было бы глупо рисковать людьми, и мы прекратили ремонт связок. Пусть уплывают стебли и пучки папируса, лишь бы средняя часть лодки и левый борт оставались целыми.

Прогнозы погоды, принимаемое радистом «Шенандоа», внушали тревогу, и у капитана были уважительные причины настаивать на возвращении в гавань. Экипаж «Ра» единодушно считал, что в случае шторма вернее всего оставаться на борту нашей потрепанной посудины. Правда, управлять лодкой было невозможно: рулевые весла сломаны, на мостике не устоишь, но папирус держался на воде, на нем вполне можно плыть на запад, как на огромном спасательном буре, пока нас не выбросит на берег.

«Шенандоа» поддавалась управлению, хотя в шторм вышли из строя помпы и один из двух моторов. Однако капитан и его команда не сомневались, что при первом намеке на ураган яхта даст течь или опрокинется, а тогда полый корпус сразу пойдет ко дну.

Впервые с тех пор, как мы распилили спасательный плот у берегов Африки, я устроил, как говорится, военный совет. И объявил ребятам, что, по-моему, пора прекращать эксперимент. Мы провели на папирусе два месяца, связки еще держатся на воде, и пройдено, не считая всех зигзагов, 6 тысяч километров, то есть столько же, сколько отделяет Африку от Канады. Значит, доказано, что папирусная лодка мореходна. Ответ получен. Рисковать жизнью людей ни к чему.

Бородатые, обветренные, с мозолистыми руками, ребята внимательно выслушали меня. Я попросил каждого высказаться.

– По-моему, надо идти дальше на «Ра», – сказал Норман. – Провианта и воды у нас достаточно. Можно сделать для сна площадку из корзин и сломанных досок. Конечно, нелегко придется, но через неделю мы подойдем к островам даже с тем клочком паруса, который у нас сейчас стоит.

– Я согласен с Норманом, – подхватил Сантьяго. – Если мы сейчас сдадимся, никого не убедишь, что опытные водители папирусных лодок могли дойти до Америки. Даже среди этнологов найдется немало таких, которые скажут, что главное не пройденные нами тысячи километров, а оставшийся маленький отрезок. Пусть останется всего один дневной переход, и то за это будут цепляться. Мы должны полностью пройти весь путь от берега до берега.

– Сантьяго, – возразил я, – тех немногих ученых, которые не способны уразуметь, что создатели папирусной ладьи управлялись с ней лучше нас, все равно не убедишь, даже если мы дойдем до самых верховий Амазонки.

– Надо продолжить плавание, – сказал Жорж. – Даже если вы сдадитесь, мы с Абдуллой пойдем дальше. Верно, Абдулла?

Абдулла молча кивнул.

– Это египетская лодка, – продолжал Жорж. – Я представляю Египет. Я должен плыть дальше, пока есть хоть одна связка папируса, на которой можно удержаться.

Карло вопросительно посмотрел на меня.

– Если ты считаешь, что надо идти дальше, я тоже дойду, – он погладил свою бороду. – Решай сам по обстановке.

Юрий все это время молча смотрел перед собой, теперь и он взял слово:

– Нас семеро товарищей, мы делили все радости и невзгоды. Либо вместе идем дальше, либо вместе кончаем путь здесь. Я против того, чтобы мы расставались.

Нелегко мне было решать. Ребята были готовы идти дальше. Может быть, все обойдется благополучно, но может быть и так, что кого-то смоем за борт ураганом. Эксперимент того не стоит. Я затеял его, чтобы получить ответ. Ответ уже есть. Папирусная лодка с экипажем из сухопутных крабов, которым не у кого было учиться, которые все делали наугад: наугад строили, наугад грузили, наугад управляли ладьей, – выдержала двухмесячное плавание в океане, выдержала шторм, люди и звери на борту живы-здоровы, весь главный груз цел. Если, взяв за радиус пройденный нами путь, провести окружность с центром в древнем финикийском порту Сафи, где мы стартовали, она захватит и Москву и северную оконечность Норвегии, рассечет пополам Гренландию, пройдет через Ньюфаундленд, Квебек и Новую Шотландию в Северной Америке, коснется крайней восточной точки Бразилии в Южной Америке. Выйди мы не из Сафи, а из Сенегала в Западной Африке, наш маршрут пересек бы весь океан по прямой и еще протянулся бы больше чем на 2 тысячи километров вверх по Амазонке, почти до ее истоков. Ведь в самой узкой части Атлантики ширина океана около 3 тысяч километров.

Лучше вовремя выйти из игры. Два суденышка, у каждого свои слабые места, бок о бок дрейфуют на запад, туда, где рождаются ураганы... Мы и не подозревали, что первый ураган года, «Анна», уже родился в океане там, где мы только что прошли, и, наращивая силу, мчится к крайним северным островам группы, лежащей прямо по нашему курсу. Нас несло на Барбадос в южной части Вест-Индии. Не знали мы и того, что американские самолеты Группы океанографических и метеорологических исследований в Барбадосском районе, которые наблюдали рождение урагана, кроме того, нашли, что воздух над Барбадосом на большой высоте насыщен песчинками из Сахары. На влажные леса Центральной Америки сыпался сахарский песок. А волны впереди и позади нас несли к побережью Месоамерики комки мазута от берегов Африки. Пусть «Ра» одна продолжает путь вместе со стихиями к тропическому краю. Я решил сам.

Глава 11

«Ра II».

Шесть тысяч километров на папирусной лодке от Африки до Америки

Что такое? Не может быть. Я просыпаюсь в тревоге. Хватаюсь за постель. Она качается. Качка, тряска, плеск воды. Ночь... Может, мне это снится? Разве плавание «Ра» не кончилось? Может, все это был дурной сон – затонувшая корма, срубленная мачта? Или я сейчас сплю и вижу в кошмаре, что мы еще не покинули потрепанную ладью? На минуту я совсем запутался, силясь отделить сон от яви. Но ведь плавание «Ра» позади. Я поклялся себе, что больше никогда не стану затевать ничего подобного. И вот опять. Та же плетеная каюта. Тот же широкий лаз в пустынный мир ветра и рвущихся к ночному небу буйных черно-белых волн. Впереди тот же огромный египетский парус расправил свои широкие плечи на двойной мачте, той самой, которую мы срубили, сзади изящной дугой изогнулся вверх стройный папирусный ахтерштевень, тот самый, который у нас на глазах сник и погрузился в бурлящее море. Все тело разбито усталостью. Руки ноют. Я сел.

Норман, настоящий живой Норман влез в каюту и навел фонарик сперва на меня, потом на торчащую из спального мешка возле меня косматую голову с рыжей бородой:

– Тур и Карло, на вахту, подъем.

Я взял свой фонарик и посветил кругом. Вот и остальные ребята лежат впритирку, еще теснее прежнего. Норман как раз пытался втиснуться на свое место в углу напротив, и все повернулись, как по команде. Сантьяго, Юрий, Жорж, Карло... Но что это за незнакомая голова, жесткие черные волосы, азиатское лицо? Да ведь это Кей. Кей Охара из Японии. Как он очутился на «Ра»?

Ну конечно. Я откинулся на спину и стал натягивать штаны. Плетеный потолок такой низкий, что не встанешь в рост, только-только сидеть можно. Ниже, чем на «Ра I». Вот именно. Теперь все ясно. Это же «Ра II». Я начал все сызнова. Мы опять у берегов Африки, даже мыс Юби не прошли. И не Абдулла ждет смены в темноте на мостике, а другой темнокожий африканец, я еще не успел его узнать как следует, чистокровный бербер по имени Мадани Аит Уханни.

– Подвинься, Карло, ты занял половину моего матраса. А теперь сидишь на моем рукаве.

На мостике – собачий холод, а вообще-то спокойно. Сдернув капюшон, Мадани показал мне, насколько можно отворачивать рулевым веслом от берега, не опасаясь, что ветер с моря обстенит огромный парус. Карло занял пост на крыше каюты и высматривал судовые и береговые огни. Ситуация повторялась: пока мы не отойдем от коварных берегов Сахары и не пересечем маршрут пароходов, следующих нескончаемой чередой вокруг Африки, надо остерегаться опасности со всех сторон.

Но ведь все это мы уже один раз проделали. Так сказать, повторение пройденного, хотя и без полной надежды на успех. Один раз мыс Юби пропустил нас живьем, и вот мы снова дрейфуем в этих водах, и ветер с моря грозит нам все испортить. Почему мы теперь не стартовали южнее мыса Юби? Почему понадобилось снаряжать «Ра II»? Почему я начинаю толстый дневник с первой страницы?

Да, почему?

– Мы должны справиться на этот раз, – пробормотал Карло. – Должны одолеть

последние мили до Барбадоса, которые не прошли в том году.

Может быть, это он и другие ребята уговорили меня снова пустить в ход машину? Потому что не хватило каких-то миль, чтобы удовлетворить скептиков? Или виновато любопытство? Желание проверить, а не сумеем ли мы пересечь океан на более прочной папирусной лодке, ведь все-таки есть уже опыт, сделана первая, пробная попытка построить и провести по морю ладью, одни лишь очертания которой были известны по тысячелетним фрескам? Пожалуй, сыграло роль и то, и другое. Меньше года прошло между спуском на воду «Ра I» и «Ра II», а сколько событий произошло за это время. Я познакомился с другими камышовыми лодками. Они сохранились до наших дней там, где на пути из внутреннего Средиземноморья в Атлантику оставили след представители древних культур.

В богатом археологическими памятниками районе обширных Ористанских болот на западе Сардинии мы с Карло Маури ходили вместе с рыбаками на больших камышовых лодках и били рыбу острогой, а на высотах кругом четко выделялись контуры пятитысячелетних нурагги. Древнейшие из этих великолепных башен археологи связывают с влиянием, которое дошло сюда из внутреннего Средиземноморья почти за три тысячи лет до нашей эры. Но и потом на Сардинии тысячи лет сооружали такие постройки.

Рыбаки сводили нас в наиболее сохранившуюся башню – исполинский цилиндр из поросших мхом огромных блоков, устоявших против всех войн и землетрясений. Стоило мне войти внутрь через низкую дверь и включить карманный фонарик, и у меня возникло чувство, что я здесь уже бывал. Эта замысловатая архитектоника, высокие потолки – ложный свод из тяжелых плит над двойным кольцом узких коридоров, соединенных между собой низкими ходами, которые ведут в центр, к спиральной лестнице, поднимающейся вверх, на смотровую площадку, – все это я уже видел.

Поразительно! Ведь точно по этому принципу майя задолго до прибытия испанцев соорудили свою астрономическую обсерваторию, знаменитую караколе в Чичен-Ице на полуострове Юкатан. Такая же башня стоит рядом с майяской пирамидой, на стенах которой был изображен бой между светлокожими мореплавателями и темнокожими людьми на берегу. Может быть, стоит поискать недостающее звено? Может быть, неведомые наставники майя, ольмеки, тоже так строили?

Поднявшись на смотровую площадку, я увидел ту же картину, какая открывалась глазам сардинских строителей тысячи лет назад: белые гребни прибоя в заливе, а на берегу – золотистые лодки, расставленные для сушки на средиземноморском солнце. Средиземное море – родина древнейших морских экспедиций человека, родина далеких плаваний. И Геркулесовы Столпы – вечно открытые ворота во внешний мир... Эти воды помогли распространению культуры. Мы знаем, что она распространилась по морю из того угла, где встречаются Малая Азия и Египет, на остров Крит. С Крита в Грецию. Из Греции в Италию. Из родины финикийских мореплавателей в Ликсус и другие колонии за Гибралтаром, за тысячи лет до нашей эры.

Лодки из папируса и камыша – древнейшие суда, какими пользовались жители области, где зародилась средиземноморская культура. Лодки, подобные изображенным в искусстве древней Ниневии, до недавнего времени применялись греческими рыбаками на острове Корфу. Их вязали не из папируса, а из стеблей гигантского фенхеля. А назывались они *папирелла*, хотя ни растения, ни даже слова «папирус» теперь на Корфу не знают. И такие же лодки, правда из другого материала, мы застали у итальянских рыбаков на Сардинии.

Забытые цивилизации... Забытые суда... Египет, Месопотамия, Корфу, Сардиния, Марокко. Да, и Марокко тоже. Как только я увидел, что древние камышовые лодки Сардинии живы и в наше время, мои мысли тотчас обратились к Марокко. Во время моего первого визита тамошний деятель очень уж категорически заявил, что жители поречья знают только деревянные и пластмассовые лодки. Поэтому, приехав в Сафи строить «Ра II», я обратился к моему доброму другу – паше. Он предоставил нам машину и переводчика. В порту Лараш, лежащем в устье Лукуса, мы разговорились с двумя старыми рыбаками, занятыми починкой сети.

Камышовые лодки? Может быть, мы подразумеваем *мадуа*? Как же, как же! Старый бербер согласился быть нашим проводником, и мы тотчас, что называется, пошли по следу. Два дня мы пытались пробиться на машине через редкий пробковый лес в деревню йолотов, укрывшуюся в глухом уголке побережья. В конце концов мы дошли до нее пешком. Живописные хижины из сучьев, аистовые гнезда на камышовых крышах, козы. Дети и старики: одни семьи – сплошь голубоглазые блондины, другие – негроиды. Ни одного араба. Таким было смешанное коренное население Марокко. По чести, следовало бы определить его как «неопознанное». На деле же светловолосых и черноволосых удобства ради смешали в одно и сунули, как говорится, в один мешок с надписью «берберы».

Маленькое солнечное королевство отгородилось от моря и реки, от скудных пастбищ и скрюченных стволов пробкового дерева мощными заборами из кактуса. Нас провели внутрь. *Мадуа*? Как же, как же. Все люди старшего поколения, согбенные старцы и беззубые старухи, помнили и *шафат*, и *мадуа*, оба вида лодок, которыми пользовались вокруг устья реки Лукус еще несколько десятилетий назад. Два старика тут же изготовили каждый по модели – *шафат* с обрезанной прямо кормой (на таких лодках переправляли груз через реку) и *мадуа*, нос и хвост крючком, как в Древнем Египте. *Мадуа* и с морским прибором справлялись, размер – какой тебе угодно, и камыш, из которого делали лодки, – кхаб – месяцами сохранял плавучесть. Старики связали небольшую лодку с загнутым вверх носом и обрезанным хвостом, и пять человек вышли на ней в залив, чтобы я мог убедиться в ее поразительной грузоподъемности.

В устье Лукуса, как и на Сардинии, над водами, где уцелели камышовые лодки, возвышаются могучие руины мегалитических сооружений. Ликсус... Откровенно говоря, если бы не охота за камышовыми лодками, я бы ничего не знал о Ликсусе. Древний город так же мало известен моим коллегам-археологам, как и рядовым марокканцам. Специалисты по Египту или Шумеру, тем более по древней Мексике, мало что знают об атлантическом побережье Африки и вовсе не слыхали о памятниках на реке Лукус. У горстки знатоков Марокко пока что хватило времени и средств только на то, чтобы заложить несколько разведочных шурфов и обнажить огромные камни, из которых сложены древнейшие стены Ликсуса. Я забрел сюда, потому что холм с развалинами возвышается над рекой у самой дороги, ведущей из Лараша к пробковому лесу, в котором йолоты вяжут лодки из камыша. От леса до Ликсуса считанные километры, и как раз на одном из рукавов Лукуса, огибающем холм с могучими руинами, камышовые лодки широко употреблялись еще в нынешнем столетии. У подножия холма стояли римские склады, напоминая, что некогда Ликсус был важнейшим атлантическим портом для мореплавателей из Средиземноморья.

Ликсус. Поразительная картина. Впереди – Атлантический океан, сзади – африканский материк, сплошная суша, вплоть до египетского и финикийского приморья, а там и Месопотамия рядом. Оттуда, из далекой Малой Азии через Средиземное море, через Гибралтар, вдоль западного побережья Африки на юг, с женщинами и детьми, с астрономами и зодчими, с гончарами и ткачами, пришли в незапамятные времена колонисты, которых здесь застали римляне, выйдя через тот же Гибралтар. Что говорить, историческая земля.

Здесь, на берегу Атлантики, раскинулся город, такой древний, что римляне называли его Вечным, связывая его с именем Геракла – сына их верховных богов Геры и Зевса, героя греческой и римской мифологии. Самые древние стены, теперь совсем или частично погребенные под мусором, оставленным арабами, берберами, римлянами и финикийцами, настолько внушительны, что могут разжечь любое воображение. На вершину холма подняли огромное количество исполинских плит разной формы и величины, и все они тщательно обтесаны и пригнаны друг к другу, словно в гигантской мозаике, так что все швы прямоугольные, даже если у камня десять или двенадцать граней. Это была та самая специфическая, неповторимая техника, которая уже стала для меня как бы условным знаком, выбитым в камне там, и только там, где некогда были в ходу камышовые лодки, – от острова Пасхи, Перу и Мексики до более древних великих цивилизаций внутреннего

Средиземноморья. Ольмеки и доинкские племена владели этой техникой так же безупречно, как древние египтяне и финикийцы, а вот викинги и китайцы, бедуины и индейцы прерий растерялись бы не меньше, чем группа современных ученых, если бы их подвели к скале и предложили соорудить стену по этому принципу, будь они даже вооружены стальным инструментом и знакомы с готовой кладкой.

Ходишь среди опрокинутых и наполовину погребенных мегалитических блоков Солнечного града, видишь знакомую хитроумнейшую своеобразную технику и чувствуешь, как Америка и внутреннее Средиземноморье словно сближаются друг с другом. Ликсус стал как бы связующим звеном и наполовину сократил разделяющий их путь. За много столетий до нашей эры сюда добрались выходцы с дальних берегов Средиземного моря. С добротным снаряжением, отлично подготовленные, на безопасном расстоянии от грозных скал Африки ходили колонисты и торговцы до этого порта и дальше мимо опасного мыса Юби в те далекие времена, когда на противоположной стороне Атлантики появились бородатые ольмеки и начали расчищать площадки в девственном лесу. В ту самую пору, когда средиземноморские каменотесы выходили на запад через Гибралтар, неведомые ольмеки развивали каменотесное искусство и насаждали цивилизацию среди бродячих индейских родов. В устье реки сохранилась классическая камышовая лодка (хотя кругом сколько угодно леса), а невдалеке тогда, как и теперь, проходило мощное океанское течение, то самое, во власти которого мы оказались во второй раз за год.

Я повернул тяжелое рулевое весло еще немного, чтобы у нас был максимум шансов обойти утесы вокруг мыса Юби. Кто нам скажет, сколько судов точно так же сражались с морем в древнейшую пору Ликсуса, стараясь миновать коварные отмели там, где берег Африки поворачивал на юг, к самым дальним колониям финикийцев, лежавшим за мысом Бахадор?

— Во всяком случае на этот-то раз весла выдержат, — усмехнулся я, обращаясь к Карло, и погладил мощный брус левого рулевого весла.

Правое весло было закреплено наглухо толстым тросом.

В прошлый раз тонкие веретена сломались при первой же встрече с океанской волной, и все плавание «Ра I» было, по сути деда, чистым дрейфом.

Папирусный корпус на этот раз тоже был несравненно прочнее. Папирус опять пришлось заготавливать в верховьях Нила, слишком мало его растет в Марокко, где строилась «Ра II».

Добраться до Бола у озера Чад, чтобы привезти оттуда Умара и Муссу, было невозможно. В пустыне опять стало беспокойно. К тому же техника вязки жителей африканских дебрей не оправдала себя в долгом океанском плаваньи. Через два месяца мы начали терять папирус из связок правого борта, потому что кое-как приделанный ахтерштевень вскоре обвис, и под ударами волн бамбуковая каюта ерзала и пилила веревки, пока не перетерла их, после чего найтовы начали распускаться, словно вязание.

И я решил испытать других лодочных мастеров, которые по сей день вяжут крепкие лодки на древний лад, с загнутым вверх ахтерштевнем такой же высоты, как нос. Таковы камышовые лодки индейцев аймара и кечуа в Боливии и Перу. Кстати, они еще в одном напоминают суда древней Ниневии и Египта. Веревки сплошным кольцом охватывают палубу и днище, в профиль лодка кажется состоящей из одной сплошной связки, тогда как чадские лодки, не имеющие высокого ахтерштевня, набраны из многих связок, соединенных между собой петлями из коротких концов.

Удивительно, что индейцы Южной Америки пользуются приемами, которые гораздо больше отвечают древней технике в странах Средиземноморья, чем способы вязки лодок, сохранившихся в сердце Африки. Может быть, дело в том, что у будума на берегах Чада не было тесной связи с древнейшими цивилизациями. Не то что у индейцев аймара и кечуа на берегах озера Титикака. Предки аймара участвовали в постройке пирамиды Акапана и других мегалитических сооружений Тиуанако — важнейшего доинкского культового центра Америки, возникшего на берегу Титикаки. Это они перевозили тяжеленные плиты на

камышовых лодках через озеро. Это они рассказали испанцам, что руководили их строительством белые бородатые люди и что именно исчезнувшие потом творцы древней культуры первыми ходили на лодках такого типа. Самостоятельно работать по камню аймара не научились. Зато они по сей день точно воспроизводят камышовые лодки для рыболовного промысла на озере.

Все участники экспедиции «Ра I» готовы были продолжать эксперимент, и Сантьяго снова оставил свою работу в университете Мехико, чтобы отправиться на Титикаку за лодочными мастерами. Итальянца Марио Буши я негласно попросил отправить своих эфиопских помощников на озеро Тана и еще раз заготовить там двенадцать тонн папируса. Осоку из Эфиопии и строителей из Боливии надо было незаметно доставить в Марокко и работы вести в полной тайне, чтобы я мог без помех написать главы о «Ра I» для книги, которая должна была покрыть растущие расходы на мой эксперимент. Под маркой «бамбук» 12 тонн эфиопского папируса были сгружены в порту Сафи и исчезли. Четверо чистокровных индейцев аймара и боливийский переводчик сошли с самолета в аэропорту Касабланки вместе с Сантьяго и исчезли. Парусина из Египта, готовая плетеная каюта из Италии, древесина для мачт и весел, всевозможные веревки и тросы неприметно прибывали с разных концов в Марокко. И исчезали.

Шестого мая кусок высокой стены, окружающей Сафийский городской питомник, рухнул на землю, и между клумбами и пальмами зарокотал могучий бульдозер, за которым следовала легкая ладья из цветочных стеблей, словно выросшая сама среди пышной зелени.

Так родилась на свет «Ра II». Медленно и чинно она вышла из пролома в стене, как будто огромная бумажная птица вылупилась из яйца. И с величавой степенностью покатила на колесах по тесным городским улочкам, забитым зрителями – арабами и берберами в кафтанах, халатах, под чадрой. Важно выступали полицейские, бежали вприпрыжку босоногие мальчуганы, на деревьях, столбах, в люльке красной технической машины торчали озабоченные садовники и электромонтеры, следя за тем, чтобы ветви и провода не потрепали и не воспламенили сухие папирусные закорючки на носу и на корме нарядной золотистой ладьи, и местное начальство облегченно вздохнуло, когда диковинная конструкция перевалила через железную дорогу и остановилась среди сверкающих свежей краской рыбацких шхун, которые ждали спуска на воду и выхода на весенний промысел сардин.

– Нарекаю тебя «Ра II», – сказала Айша, супруга паши Тайеба Амары, во второй раз за один год брызгая козьим молоком на сухой папирус перед тем, как лодка заскользила вниз.

– Ур-а-а! – грянула толпа на пристани, и по людскому морю прокатилась волна аплодисментов, когда необычное суденышко легло на воду и закружилось, будто и впрямь игрушечный кораблик из бумаги. Многие зрители не сомневались, что оно опрокинется или во всяком случае даст сильный крен, ведь работа-то была кустарная. Мы, кому предстояло плыть на ладье, с великим облегчением смотрели, как ровно она лежит на воде. Команда буксирного судна стояла недвижимо, не веря своим глазам. А в толпе продолжалось ликование.

Но что это? Стой! Помогите! Ай-яй-яй! Паника в толпе, смятение на буксире! Неожиданно с гор налетел сильный шквал, он подхватил бумажный кораблик и погнал его со страшной скоростью от буксирного судна прямо на каменный мол четырехметровой высоты. Звучали вопли и стоны, команды на французском и арабском языках, кто-то закрыл лицо руками, газетчики попрыгали в воду, благо мелко, кто фотографировать, кто спасти лодку, и новокрещенная ладья, совершив полный оборот, со всего маху боднула стенку загнутым вверх ахтерштевнем. Лихая закорючка из папируса приняла удар на себя и сжалась, как пружина. Мне словно вонзили кинжал в сердце. Корма! Которую мы на этот раз так старались сделать крепкой и неуязвимой. Лодка прыгала на волнах. А ведь там каменистое дно. Поди удержи ее, когда такие шквалы. Эксперимент явно кончился, не успев начаться. А впрочем? Кривой ахтерштевень сработал, как стальная пружина, и лодка резиновым мячом отскочила от стенки. Раз. Другой. Деревянная ладья разбилась бы и пошла ко дну. А «Ра»

хоть бы что. Только серая ссадина на золотистой коже нескольких стеблей. А ребята на буксире уже поймали конец. И ничего не надо ремонтировать. Дергаясь на ветру влево и вправо, словно бумажный змей на взлете, «Ра II» весело и бодро пошла на буксире к причалу, где нам предстояло устанавливать на ней двойную мачту.

С содроганием вспоминал я, стоя на руле, этот спуск на воду. И в то же время говорил себе, что, если нас выбросит на притаившиеся в ночной мгле Камни и рифы, есть надежда спастись раньше, чем наша копна сена пойдет ко дну. Лодка вышла такая тугая и крепкая, что совсем не прогибалась на волне. «Ра I» извивалась, как угорь. «Ра II» – жесткая, как бейсбольный мяч. Мы все единодушно восхищались гениальной конструкцией индейцев. Безупречные обводы и тонкое решение технических задач как-то не вязались с простым бытом аймара. Похоже, что ни эрудиты, ни профаны, видевшие камышовые лодки, не задумывались о тонкостях древнеиндейской техники, между тем наши опыты показали, что это единственный способ связать лодку так, как показано на рельефах древних средиземноморских культур. При любом другом способе конструкция постепенно расшатывается, а это для веревок гибель.

Четверо молчаливых индейцев – Деметрио, Хосе, Хуан и Паулино – вместе с таким же немногословным боливийским переводчиком, сотрудником Ла-Пасского музея, сеньором Себальосом, прекрасно организовали строительство «Ра II». Им помогало несколько марокканцев, и однако на строительной площадке было так тихо, что я то и дело откладывал в сторону рукопись и выглядывал из палатки. Работа под пальмами кипела, и члены бригады обходились жестами да редкими возгласами на языках аймара, испанском и арабском.

Сначала индейцы сделали из отдельных стеблей папируса две огромных сигары, уложенных в тонкую папирусную циновку, которую сплели так, что концы стеблей были обращены внутрь и сплющены. До того, как их начали стягивать веревками, десятиметровые цилиндры были такие толстые, что без подставки до верху не дотянешься. В проходе между ними сделали в ту же длину третью, гораздо более тонкую сигару, к которой они должны были крепиться. Эта операция проходила так. Длинными – в несколько сот метров – веревками связали тонкое папирусное веретено с толстыми, сперва с одним, потом с другим, спиральной вязкой так, что веревки не соприкасались. Когда индейцы все вместе стали натягивать обе веревки, толстые сигары, все ближе подтягиваясь к тонкой, в конце концов сомкнулись, и она совсем скрылась, образовав как бы незримую сердцевину.

Получился нерасчленимый, словно литой, корпус без узлов и перекрещивающихся веревок, оставалось только удлинить веретено с обоих концов, чтобы нос и корма изящно загнулись вверх. Затем добавили по бокам еще по толстой папирусной колбасе – для перехвата волн и увеличения ширины лодки. После этого мы сами установили десять поперечных брусьев под легкую плетеную каюту, стояки для мостика и две пяты для тяжелой двойной мачты.

И вот готова «Ра II» – 12 метров в длину, 5 в ширину, 2 в толщину. Каютка – длина 4 метра, ширина 2,8 метра; в обтяжку на восемь человек, лежащих по четыре в ряд, ногами друг к другу. «Ра II» оказалась на три метра короче «Ра I», да и в разрезе круглее и тоньше. Меня тревожило, что чуть ли не треть папируса осталась в излишке. Но ни уговоры, ни посулы не могли заставить наших аймарских друзей добавить в конструкцию хотя бы один стебель, поработать над лодкой еще день. Они исчерпали свои возможности и рвались домой, к своим женам на озере Титикака.

– Счастливого плавания и добро пожаловать на остров Сурики, – приветливо сказал Деметрио, сняв вязаную шапочку, когда их творение исчезло через пролом в стене.

– Остров Сурики?

– Ну если не на наш именно островок, то во всяком случае на озеро Титикака.

Аймара явно не очень разбирались в географии. Им было невдомек, что они связали «Ра II» на другой стороне Атлантики и что их родное озеро лежит на высоте 4 тысячи метров над уровнем моря. Но вязать камышовые лодки они умели, ничего не скажешь; ни один инженер, ни один конструктор, ни один археолог нашего современного мира не смог бы с

ними потягаться.

– Твердая, словно из дерева вырезана, – сказал Карло.

Только что мимо нас, совсем рядом, пронесся сверкающий огнями пароход, и мы облегченно вздохнули: пронесло.

– Твердая, как деревянный чурбан, но мы все глубже погружаемся, – добавил он.

– Все образуется, просто у нас много груза по отношению к подводной части папируса.

– Норман говорит, что надо было весь папирус обмазать битумом, как в Библии написано.

– Зачем, ведь воду впитывают только обрезанные концы. А мы на этот раз обмакнули большинство стеблей на два сантиметра в битум.

Но, по чести говоря, я и сам уже склонялся к тому, что, пожалуй, лучше было всю лодку обмазать густым слоем битума. Тогда мы не погрузились бы ни на один сантиметр. Может быть, древние египтяне конопатили папирус под верхней оплеткой, поэтому на фресках лодки не черные, а желтые и зеленые.

После плаванья «Ра I» несколько священников прислали мне письма, подчеркивая, что, по библии, Ноев ковчег был проконопачен битумом. И что мать Моисея обмазала битумом папирусный ковчег, в который поместила сына и который дочь фараона потом нашла в зарослях папируса на берегу Нила. Наверное, тут есть доля истины. Битум несложно добыть, он был обиходным товаром в Древнем Египте и Малой Азии. Правда, на «Ра I» мы убедились, что папирус и без битума держится на воде, пока веревки целы.

Веревки. На «Ра I» они у нас были много толще, к тому же Мусса и Умар связали сотни отдельных коротких концов: одни перетрутса, другие держат. Вязка индейцев, на первый взгляд, казалась нелепой. От носа до кормы идет по спирали одна длинная веревка. Длинная и тонкая. Они наотрез отказались применить веревку толще 14 миллиметров. Дескать, тонкую ровнее натянешь, а если она и лопнет, вязка все равно не распустится, мокрый папирус плотно зажмет ее.

Можно ли положиться на них? А на кого же еще тут положиться? Все члены экипажа понимали, что речь идет о новом эксперименте. Мы могли еще раз испытать чадский способ, внося те поправки, которые нам подсказала практика, тогда не было бы опять этой неизвестности. Злополучная тетива, соединяющая кормовой завиток с палубой, на месте, и груз сосредоточен на левом борту, в остальном же новая «Ра» была для нас сплошным ребусом. Больше всего мы боялись, как бы тонкая веревка, на которой все держалось, не порвалась, когда нас начнут трепать неистовые волны. К тому же в отличие от «Ра I», которая лежала на воде, как матрас, «Ра II» так сильно качало, что нельзя ни стоять, ни сидеть, не цепляясь за что-нибудь.

В первый же день пришлось натянуть бортовые леера, а то упадешь – и сразу в воду. Пока осадка была небольшой, мы неслись по гребням так, что только брызги летели, в первые сутки прошли 95 морских миль, то есть 177 километров. Мы еле-еле управлялись с огромным парусом. Один раз ветер вырвал шкоты у нас из рук, потом и вовсе их растрепал, и парус длиной 8 метров, шириной 7 метров вверх и 5 вниз, обвис на рее, будто громадный флаг, причем бился и хлопал так, что, казалось, сейчас вся ладья развалится.

Уже в первую ночь мы промчались мимо островка у Могадора, где древние финикийцы добывали пурпур, да так близко, что отчетливо видели все огни в окнах на материке.

На второй день буйные шквалы у берегов Сахары вынудили нас убрать парус, хотя мы и рисковали при этом сломать стройный высокий форштень. На третий день ветер угомонился. Установился полный штиль, парус совсем перестал работать, и лодка беспомощно дрейфовала зигзагами. Густой туман поглотил берег, и мы, не жалея сил, вертели и крутили тяжеленные рулевые весла и дергали шкоты грузного паруса, ведь стоило потянуть ветерку с моря, и через час-другой нас могло выбросить на прибрежные скалы. Правда, иногда, больше ночью, слабый бриз относил нас подальше от берега.

Но в общем держался штиль. На четвертый день море было как зеркало.

– Мы тонем, – один за другим докладывали ребята.

На тихой воде это сразу бросалось в глаза. Лодка погружалась минимум на десять сантиметров в сутки. Это что-то новое. Ничего подобного не было на «Ра I». Может быть, спиральная вязка индейцев недостаточно крепко сдавила папирус?

Сантьяго взял блокнот и ручку и провел анонимный опрос членов экипажа: пересечем мы Атлантику, или нам не дойти живыми? Двое верили, что пересечем, шестеро считали, что, дело кончится плохо. Не знаю, кто был второй оптимист. Может быть, Норман, он все время твердил, что главное – благополучно миновать мыс Юби, а дальше можно опять предоставить лодке идти по собственному разумению, по Америке не промахнется. А может, Карло, страдающий неизлечимой любовью к «Ра I»; «Ра II», считал он, слишком уж напоминает настоящий парусник.

Мы погружались с пугающей быстротой, и если бы не течение, наверное, совсем не двигались бы с места. Уже на четвертый день Жорж подошел ко мне с непривычно серьезным лицом и сказал, что, по мнению квартирмейстера Сантьяго и шеф-кока Карло, у нас чересчур много провианта и воды, все лишнее надо выбросить за борт. С этими словами он взялся за бурдюк и стал развязывать его, чтобы опорожнить.

– Эй, ты что, это же питьевая вода!

– Лучше ограничить потребление воды, чем затонуть, не доходя Канарских островов. На этот раз мы должны добраться до цели!

– Вали груз за борт, вот потеха будет, – попробовал пошутить Сантьяго, только голос его звучал как-то вяло.

– Долой все продукты, которые надо долго варить, – почти весело предложил Карло. – А то примусы на этот раз совсем дрянные. Один распаялся, другой не хочет гореть как следует.

Из каюты выглянул хмурый Юрий, из-за него на меня смотрели тревожно вопрошающие глаза молчаливого Мадани. Кей стоял на мостике с непроницаемым видом, точно фарфоровая фигурка, ничем не выдавая своих чувств. Норман определял наши координаты.

– Мы погружаемся, – отдельно произнес Юрий. – А в прошлый раз мы уже убедились, что вода взятого не отдает. Надо выбросить все, что можно, сейчас же.

Норман молча слушал с озабоченным видом. Чувствовалось, еще немного, и дойдет до взрыва. Безветрие, папирус тонет. Но ведь в прошлый раз ничего подобного не было. Как бы на этот раз не оказались правы эксперты-домоседы, которые твердили, что мы продержимся на воде от силы две недели. А мы-то нарочно простояли десять дней у плавучей пристани в гавани Сафи, чтобы папирус вобрал побольше воды и этот балласт прибавил остойчивости нашему легкому суденышку с огромным парусом. Сегодня как раз истекли две недели. И папирус уже наполовину ушел под воду.

– Давайте выбросим эти лодки из папируса, которые лежат на носу, – предложил Норман. – Спасаться мы на них все равно не будем, а для съежек у нас есть трехместный надувной плот.

Мы едва успели привязать бутылку с письмом к первой лодке, прежде чем нетерпеливые руки столкнули ее за борт. Вторая, поменьше, отправилась следом так скоро, что к ней уже ничего не удалось привязать. Счастливого пути. Они лежали на воде, словно воздушные шары, и их сразу понесло боком к берегу. Думали ли мы, что нашу бутылочную почту найдут через несколько дней на пустынном берегу Сахары. «Ра II» с ее глубокой осадкой шла с течением параллельно суше.

Шлепнулся в воду мешок с картофелем: картошка долго варится. За ним последовали два кувшина с рисом. Мука. Кукуруза. Два мешка неведомо с чем. Корзина из дранок. Лучше голодать, чем тонуть. Отправилась за борт большая часть припасенного для кур зерна. А также большой деревянный брус и доски – материал для ремонта. Еще кувшины. На лице Мадани было написано отчаяние. Кей глядел на парус, оскалив зубы. Море приняло бухту каната. Точильный камень. Молот. Железное копье Жоржа, чтобы сшивать лодку. Поплыли книги и журналы.

Обложки от книг. Каждый грамм важен.

С одной стороны, я был за. С другой стороны, решительно против. Впереди тысячи километров, мы только что начали рейс, при нашей скорости нам нужен провиант не на один месяц, и не только провиант. Но они правы. Мы погружаемся. Почему? Сколько это продлится? Я попробовал внушить сначала себе самому, потом остальным, что лодка перестанет тонуть, как только осадка придет в соответствие с горами груза, который мы второпях нагромодили на палубе в последний день перед стартом, 17 мая. Сегодня 20 мая. Папирус все глубже уходит в воду.

Юрий решительно принялся разрушать палубу из досок, которые мы привязали к папирусу перед мачтой. Такая славная была палуба. Вчера Сантьяго и Жорж превратили ее в эстраду, исполнили комические пляски и диалоги, и над ровной гладью океана звучал наш громкий смех. Я уговорил Юрия оставить несколько досок, чтобы можно было ходить, не боясь провалиться в желоб между двумя толстыми сигарами из папируса, когда нас снова начнет качать на океанской волне.

Тем временем кто-то, зайдя за каюту, бросил в море наш чудесный египетский чай каркаде – чай, что он весит-то? И керамическая печка с древесным углем отправилась туда же. Туалетная бумага, пакетики с приправами. Все меньше груза.

У меня сжалось горло. Кто-то безрадостно смеялся. Кто-то виновато и огорченно смотрел на меня. Ладно, пусть покурюлесь в меру, – хуже, если кому-то будет отравлять душу недобрая мысль о том, что мы не все меры приняли, оттого-де и лодка тонет. Самое опасное – когда у человека душа не на месте.

Гляди, и до кур очередь дошла. Двое ребят вооружились ножом и топором, чтобы обрубить найтовы и отправить за борт курятник целиком. Все равно, мол, без примуса курицу не сваришь. Пришла пора остановить этот погром.

С курами мы расстались, но одну утку Жорж отстоял, и ей было позволено разгуливать по палубе, к великому недовольству Сафи, которой то и дело доставался щипок в зад, как от Симбада I в прошлом году. Обезьянка подросла на несколько дюймов, но осталась все такой же беспечной проказницей, какой была, когда нам подарили ее как талисман перед первым плаванием. Из опустошенного курятника я сделал обеденный столик. Кое-кто был готов и его, и скамейки выбросить в море, дескать, можно держать миски и кружки в руках, но тут решительно восстали два члена экипажа, считавшие, что добрая трапеза – один из главных пунктов распорядка дня.

– И вообще, если мы будем жить по-свински, это подорвет мораль всего экипажа, – заключил опытный военный моряк Норман.

Страсти улеглись. Атмосферу на борту словно разрядил громоотвод, да и места прибавилось, наконец-то можно было по-человечески ходить по палубе, а не карабкаться через вещи. Вот только ветра все нет и нет.

Назавтра – опять штиль, и на другой, и на третий день то же самое. Мы замерли на месте. Погружаться вроде бы перестали, но и плыть никуда не плывем.

– По статистике в этом районе один процент штилей в мае месяце, – сказал Норман, показывая на морскую карту. – Нам за неделю досталось сто процентов.

Попробовали галанить тяжеленными рулевыми веслами – без толку. Но пока опасность миновала. Можно было купаться и наслаждаться жизнью. Канарские острова справа и Африка слева кутались во мглу, но над нами жарило солнце. А вода была такая свежая и прохладная. Вместе с Норманом на привязи плавала утка. Сафи, повиснув на ногах, пыталась дотянуться до водного зеркала.

Да, вода прелесть. Но что такое, черт возьми, – опять эти комки мазута. Ну да, ведь Мадани с первого дня вылавливает сачком образцы. На этот раз мы решили вести систематическое наблюдение, не пропуская ни одного дня. В прошлом году мы замечали грязь только тогда, когда ее было столько, что это бросалось в глаза. Тем не менее доклад с пробами, переданный норвежской делегации в ООН, привлек такое внимание, что был полный смысл провести более тщательное исследование, ведь на «Ра II» до воды было в

прямом смысле слова рукой подать. Море с утра до вечера служило нам умывальником, биде, ванной, стаканом для полоскания рта. Хорошо еще, что комки здесь плавали не слишком густо.

Мы ныряли под папирус. Видимость превосходная. Бездна рыбы. Полосатые лоцманы и пятнистые пампано то сновали туда и обратно в тени «Ра», то сбивались в кучу под самым днищем. Папирус – тугой, лоснящийся. Днище новой «Ра» еще сильнее напоминало брюхо кита. Гляди-ка, какой здоровенный группер, не меньше полуметра, и толстяк. Видно, Канарские острова недалеко, такие тяжеловесы обычно держатся вблизи суши. Группер подошел к нам и обнюхал маску Жоржа. А к моей руке маленьким полосатым цеппелином скользнула рыба-лоцман сантиметров на двадцать. Сантьяго прав; рыба только на поверхности плавает. А в своей родной стихии она порхает, как птица. Два диковинных создания, смахивающих на чулки, извиваясь, прошли мимо моего носа. Потом что-то круглое вроде медузы. Мы слишком хорошо помнили «португальские военные кораблики» и остерегались всех незнакомых беспозвоночных.

– Акула, здоровенная акула!

Точно, вдали появилась акула. И впрямь крупная, судя по расстоянию между рассекающими водную гладь спинным и хвостовым плавниками. Но «Ра» ее не заинтересовала, и она проследовала дальше, перерезав нам курс.

Убедившись, как великолепно выглядит подводная часть «Ра II», все воспрянули духом. И корма крепкая. И никакого намека на крен в наветренную сторону. Ни один стебель не отделился. Юрий и Жорж считали даже, что в носовой части осадка чуть уменьшилась; может быть, тропическое солнце выпарило влагу, которую папирус впитал во время качки в первый день. Еще вчера они говорили, что лучше не собираться на баке больше двух-трех человек за раз, не перегружать форштевень, теперь же были не против того, чтобы мы сколотили из уцелевшего материала скамейки и устроили на баке уютную столовую.

Целую неделю плелись мы так зигзагами на юго-запад при тихом ветре то с востока, то с запада, который был не в силах оторвать рею и парус от мачты. Океан, медленно перемещаясь, увлекал нас за собой. Океан не стоял на месте. На глаз незаметно, ведь ладья шла с ним вместе тем же ходом. Наконец и воздух к нам присоединился, сперва как бы нехотя, но у нас появилась надежда, что «Ра» скоро начнет слушаться руля. Прыгая в воду, чтобы искупаться или позабавиться с ручными рыбами, мы обвязывали себя вокруг пояса длинной веревкой: если ветер вдруг прибавит лодке ходу, нас потянет за ней, и мы не отстанем.

В последний день штиля, когда Норман, Сантьяго и Симбад плескались в воде каждый на своем страховочном конце, я тоже нырнул, проплыл под лодкой и лег на спину позагорать на морщинистой поверхности моря. Чистый курорт. Я повернулся на живот. Чудно, как поглядишь на плывущую утку снизу. Я перевел взгляд на идущее рядом со мной диковинное суденышко. Прямо Ноев ковчег. Солома и желтый бамбук. Обезьяна на вантах, голубь на крыше, из каюты торчат голые пятки. Как это все необычно. Парус чуть округлился. От рулевых весел побежала назад легкая рябь. Странно, почему страховочный конец не тянет? Неужели он такой уж длинный? Страховочный конец! Где он? Нету. Пропал. Я и не заметил, как выскользнул из петли. Лежу сам по себе в Атлантическом океане и загораю! «Ра» медленно удалялась, как бы не ушла от меня! Спокойно, «Ра» совсем рядом, правда, я не такой спринтер, как Жорж или Норман, но этот кусок как-нибудь одолею. Одолею. Зацепился пальцами за облегающие скользкий папирус тонкие веревки, подтянулся и влез на борт. Удивительно надежно чувствуешь себя на этих прочных папирусных связках. Никому ничего не сказал, но на всякий случай расстелил на корме слева мешок из сети, который мы изобрели, чтобы и на ходу можно было искупаться за бортом. Кто его знает, не разъест ли мыло папирус, если мы станем мыться на палубе, ведь у нас нет дощатого настила, который можно драить, как на обычных судах, так и останется мыло на стеблях.

Наконец ветер нагрузил парус. Принимая справа северо-восточный пассат, мы до отказа повернули рулевые весла и помчались вперед; земли нигде не было видно. 26 мая

Норман, вооруженный секстантом, бумагой и карандашом, спустился с крыши и облегченно вздохнул. По всем данным, мы прошли мыс Юби. Ура! Позади остались береговые скалы – самый опасный противник «Ра». Снова впереди простерся открытый вольный океан, но на этот раз «Ра» держит хвост крючком и толстые, как телеграфный столб, рулевые весла целы и невредимы. На старте все смеялись, глядя на эти здоровенные бревна, дескать, можно было обойтись чем-нибудь потоньше и полегче, ведь папирус сто раз лопнет, прежде чем переломится такая машина.

Никогда нам не было так хорошо на папирусе, как в эти дни. Идя между незримыми берегами, мы обзавелись пестрой коллекцией пернатых, которые обессилено опускались на ладью с неба. Птицы одна за другой приземлялись на рее, на крыше, на рукоятке весла, на папирусных закорючках впереди и сзади. Шутка Карло о том, что мы идем на плавучем гнезде, стала реальностью. Тут были старые знакомые – синицы, ласточки, воробьи домовые и полевые, была одна южанка покрупнее, красавица с изумительным сине-зеленым оперением. Почтовый голубь с кольцом на ноге тихо описал над лодкой несколько кругов, совершил промежуточную посадку на мачте, потом опустился на мостик, где под сенью голубого флага ООН стоял вахтенный. «Голубь мира», – подумали мы все. Уж очень хорошо он сочетался с ооновским флагом. На медном кольце мы прочли: «27773-684-Эспана».

«Ра» превратилась в плавучий зверинец. Под водой нас сопровождала немая верная свита юрких рыб, на палубе и на снастях сидели яркие щебечущие птицы, пили воду из чашек и клевали зерно, предназначавшееся для кур. Но по мере того, как мы начали удаляться от Канарских островов, отдохнувшие гости один за другим расставались с нами. Лишь королева красоты продолжала чахнуть, пока не скончалась. Она была насекомоядная, а у нас для нее даже мухи не нашлось. Зато голубю корм Симбада так пришелся по вкусу, что он располнел, стал совсем ручным и явно настроился идти с нами до Америки.

С рождением ветра «Ра II» как будто еще немного всплыла; казалось, наш огромный парус тянет вверх носовую палубу. Свежий ветер подействовал на ладью, как живая вода, и она принялась наверстывать упущенное.

В открытом океане мы шли со скоростью 60, 70, 80 миль, то есть 110, 130, 150 километров в сутки.

Мало-помалу быт наш вошел в ровную колею. У всех было хорошее настроение, звучали песни и смех. Ничто не требует ремонта. Легкие рулевые вахты. Вкусная пища в глиняных кувшинах. Никаких ограничений, ешь вволю. Четыре превосходных кока. Любой фараон был бы счастлив отведать пряных египетских блюд Жоржа; ни одна гейша не могла бы превзойти в кулинарном искусстве Кея. Пикантный рецепт Мадани – солонина по-берберски, с луком и оливковым маслом, и наконец потрясающая способность Карло придумать что-нибудь вкусненькое, когда не находилось других добровольцев, – не даром нам казалось, что мы бороздим океан, как говорится, с билетом первого папирусного класса.

Когда от паруса на лодку ложилась вечерняя тень, семь веселых загорелых бородачей занимали места за обеденным столом, а восьмой стоял на мостике и крутил толстое весло направляя лодку вслед за заходящим солнцем. Компас указывал на запад. Последние лучи солнца павлиньим хвостом расплывались над горизонтом перед головой нашего золотистого бумажного лебедя, настойчиво следующего по стопам бессмертного Ра былых и нынешних дней. На смену солнцу на траверзе справа появлялись в небе Большая Медведица и Полярная звезда. Старые добрые друзья. Частица нашего маленького мира. Все, как в прошлом году.

Свежий ночной ветер. Пора надевать брюки и свитер. Темный силуэт на фоне тропического неба, словно монах из средневековья, – это Мадани в толстом марокканском халате с капюшоном отбивает поклоны на крыше каюты, молясь аллаху. Трудно представить себе более кроткого и добродушного спутника. Он пошел с нами представителем темнокожей Африки вместо Абдуллы. Правда, не такой черный, но настоящий бербер, из самых темных. Абдулла – единственный член экипажа «Ра I», который, к сожалению, вышел из игры, и решил это за три дня до старта. Он целый год провел как бы в добровольной

эмиграции, ведь у него на родине продолжались распри между его единоверцами-мусульманами на севере и христианскими властями, поддержанными иностранным легионом. Душу Абдуллы раздирала тревога: одна жена тут, другая там, и не дает география наладить семейную жизнь. В одной руке – фотография трех славных ребяташек в Чаде, в другой – телеграмма о том, что любимая жена в Каире только что родила дочь. Кто распутает все эти узлы, если Абдулла опять уйдет в море на папирусе? Счастливо, Абдулла, нам всем будет не доставать тебя.

Не успел он, что называется, выйти за дверь, как из-за стойки администратора нашего отеля с мягкой улыбкой вышел Мадани Аит Уханни. А можно ему пойти с нами? Ему только что предложили выгодную должность в крупной химической фирме в Сафи, к которой перешла гостиница. Его умыкнули из гостиницы семеро постояльцев, семь мореплавателей, которым нужен был африканец взамен Абдуллы.

Мы знали Мадани три дня. Кея никто из нас не видел раньше. Один мой шведский друг отправился в Токио налаживать обмен телевизионными программами. Я попросил его подыскать японского кинооператора, да чтобы нрав был добродушный и здоровье крепкое. И вот в отеле в Сафи появился Кей Охара весь обвешанный кинокамерами жизнерадостный крепыш, великий любитель музыки и дзю-до. Морской опыт? Катался разок на катере в Токийской бухте. И снимал на озере Титикака индейцев на камышовых лодках.

– Ну а ты, Мадани? – озабоченно спросил Норман.

– Ходил один раз на рыбалку, когда только-только переехал в Сафи из Марракеша, но меня укачало за молом, и я сразу вернулся.

– Опять одни сухопутные крабы. – Норман поглядел на меня с легким отчаянием.

– Зато они не уложат груз на папирусной лодке так, как моряки на обыкновенном паруснике, – ответил я. – Лучше иметь дело с людьми, которые сознают свое невежество. Возьми человека, который прыгает с лыжного трамплина, из него трудно сделать хорошего парашютиста, гибкости не хватает.

Оба дебютанта жутко страдали от морской болезни первые два дня, когда буйные волны бросали изящную папирусную лодку, как пустую бутылку. Наконец Аллах и Будда как будто услышали их молитвы, и вопреки всем прогнозам и статистикам установился штиль. А когда снова подул ветер, представители Японии и Марокко уже успели прижиться.

Как и на «Ра I», мы делили поровну все радости и невзгоды, бледнолицые загорали и становились смуглыми, смуглые делались еще смуглее, и никого не интересовали родословные, метрики, членские билеты, паспорта. На носу тесновато, на корме еще теснее, и всего метровый проход по бокам просвечивающей каюты. В каюте так низко, что в рост не встанешь, и так тесно, что ночью надо осторожно поворачиваться, не то угодишь соседу коленкой в живот или локтем по голове. Мы досконально знали, как кто бранится, храпит, ест, острит, правда, мачта и мостик так скрипели и ныли, что в темноте не всегда разберешь, кто повинен в том или ином диковинном звуке.

Мы жили словно в общежитии – никаких тайн, круглые сутки друг у друга под боком и на виду.

Если обычно американцу и русскому редко выпадает случай поближе познакомиться, то на «Ра» двое из них основательно изучили друг друга. Если бы арабы и евреи были естественными врагами, один из членов экипажа исчез бы за бортом. Если бы всевышний допускал только одну веру, у нас на борту разразилась бы религиозная война. Мы представляли вавилонскую смесь речений – восемь языков, но наяву обычно говорили по-английски, по-итальянски и по-французски. В свободные минуты – чаще всего после ужина – мы дискутировали, рассказывали анекдоты и пели хором. Два-три человека пристраивались на нижних перекаладинах мачты, остальные сидели вокруг стола, ведь в каюте всегда кто-нибудь спал. Мы обсуждали политику с открытым забралом. Восток и Запад говорили начистоту, и никто не держал наготове заряженный пистолет. Гарпун, топор, рыболовные крючки – вот и все наше оружие. А они применялись для общего блага, ведь мы сидели в одной лодке. Как и большинство людей на земле, мы вместе размышляли о палестинской

проблеме, племенных раздорах в Африке, вмешательстве американцев в политическую жизнь Азии, о помощи русских Чехословакии. Никто не раздражался, никто не обижался, никто не повышал голос.

Мы обсуждали религию, и никто не испытывал священного гнева. Копт и католик, протестант и мусульманин, атеист и буддист, вольнодумец и крещеный еврей – для большего разнообразия просто не было места на нашем маленьком ковчеге, где роль Ноя играла обезьяна, а мы, так сказать, олицетворяли зверей. И однако мы обходились без религиозных распрей.

Случалось нам крепко поспорить из-за зубной щетки, чья она, и тогда на разных языках звучали яростные возгласы и брань. В глубине души все люди схожи, какие бы расстояния нас не разделяли. Легко обнаружить, что отличает тебя от меня, еще легче определить общий знаменатель человечества. Мы жили так скученно на борту нашего папирусного ковчеге, что хочешь, не хочешь воспринимали один другого как ломти одной ковриги. Мы вместе радовались, вместе досадовали и во всем выручали друг друга, ведь тем самым каждый выручал сам себя. Один рулит, чтобы другой мог спать, стряпает, чтобы остальные могли есть, чинить парус и выбирать шкоты, чтобы все мы быстрее дошли до цели. Каждый был заинтересован в полном благополучии остальных, чтобы у нас хватило сил сообща отражать все угрозы извне.

Шли дни и ночи. Шли недели. Прошел месяц.

– Так и заскучать недолго, – весело пожаловался Карло, берясь за удочку. – Дерево не ломается, веревки не рвутся, совсем нечего чинить, не то что на «Ра I».

Он сел на носу, свесил ноги за борт и наживил крючок летучей рыбкой. Они частенько залетали на палубу. Под лодкой вместе с лоцманами ходили вкусные пампано, и клевали они почти безотказно. Но самая верная и желанная добыча плотоводца – корифена, она же золотая макрель, на этот раз редко нас навещала, а тунцы только весело резвились поодаль, их никакая приманка не соблазняла. Жорж, купаясь, однажды попал в целый косяк серебристых сигар – бонит. Вблизи Африки нас удостоили коротким визитом киты – возможно, та же семья, что в прошлом году. Огромный скат, величиной с мостик «Ра», в могучем прыжке взлетел над волнами и с оглушительным звуком шлепнулся обратно в море, точно блин. Как и в прошлый раз, вокруг лодки носились вперед и назад лихие крепыши – дельфины; лениво извиваясь, проплыл за кормой какой-то сонный жирный угорь длиной с человека и толщиной с бревнышко. А однажды вечером из-под днища «Ра» показался розовый кальмар и, перехватываясь двенадцатью руками, пополз по папирусу к рулевому веслу, потом собрал все свои щупальца в гроздь над головой, включил реактивную тягу и исчез в пучине.

Словом, кое-какая живность в океане еще осталась, хотя мы насчитывали куда больше комков мазута, чем рыб. За первый месяц набралось всего три дня, когда Мадани не видел черных горошин, но в эти дни море слишком бушевало, чтобы можно было наблюдать как следует. 16 июня, через месяц после старта, нас окружала такая грязь, что неприятно умываться. На поверхности воды сплошная пелена больших и маленьких комков величиной от горошины или рисового зернышка до картофелины. Хуже этого было только в водах между Марокко и Канарскими островами; правда, там мы шли с течением в штиль, когда все плавающее на поверхности выделяется особенно четко. 21 мая я записал в дневнике: «Загрязнение ужасающее. Мадани вылавливает темные комки со сливу величиной, обросшие морскими уточками. На некоторых поселились крабики и многоногие рачки. Под вечер гладкое море кругом было сплошь покрыто коричневыми и черными комками асфальта, окруженными чем-то вроде мыльной пены, а местами поверхность воды отливала всеми цветами радуги, как от бензина».

В этом же районе мы видели несколько кишечнополостных, смахивающих не то на чулок, не то на длинный оранжево-зеленый воздушный шар, а тысячи их сородичей – плоские, опавшие, словно их прокололи булавкой, – плавали мертвые среди мазута. Двое суток шли мы по этой мерзости, которая плыла одним курсом с нами, только медленнее, в

сторону Америки.

Потом были случаи, когда разбушевавшиеся волны забрасывали к нам на борт комья с кулак величиной; вода уходила через папирус, как сквозь китовый ус, а грязь оставалась лежать на палубе. Мазут не единственный дар океану от современного человека. Редкий день мы не обнаруживали рядом с нашей «Ра» либо какой-нибудь пластиковый сосуд, либо канистру, либо бутылку, были и менее долговечные изделия – дощечки, пробки и прочий мусор.

Мы прошли 1725 морских миль, и до суши прямо по курсу оставалось 1525 миль, когда «Ра II» вторично очутилась в полосе сплошной грязи. На другой день подул сильный ветер. А еще через день, 18 июня, океан выдал самые большие волны, какие мы видели за оба плавания. Дул крепкий ветер с штормовыми порывами, но параллельные гряды, вздымавшиеся к небу вокруг «Ра», были выше, чем можно ожидать даже при таком ветре. Возможно, на северо-востоке, откуда они шли, разыгрался жестокий шторм.

Поначалу это было только интересно, потом кое-кто из нас встревожился в глубине души, но тревога сменилась удивлением и растущим чувством облегчения, когда мы увидели, как гладко все идет. В конечном счете все вылилось в беспредельное восхищение нашей скорлупкой, которая так ловко переваливала через водяные горы. Стоя на мостике, весь внимание, я непрерывно работал левым рулевым веслом, чтобы принимать волну с кормы. Правое весло было наглухо закреплено и играло роль кия. Я только дивился, как здорово у нас получается. В открытом море курчавые гряды волн ведут себя совсем иначе, чем прибой на мелководье. Вот нас настигает сзади могучий вал, он подкатывается под изогнутый серпом ахтерштевень и поднимает лодку высоко вверх, мы балансируем на самом гребне, тут он обрушивается и бросает нас вперед, и вместе с водой и ветром мы лихо несемся прямо в глубокую сине-зеленую ложбину. Вот когда надо следить, чтобы ладья не развернулась боком.

– Шесть метров. Восемь метров.

Восторг и жуть звучали в голосах ребят, когда они определяли высоту очередной волны.

– Десять метров – выше мачты поднялась!

Десять метров. Мадани изводит морская болезнь. Со всех сторон зловещие тучи и дождевые завесы. Все идет, как положено, все хорошо. Поразительно, как легко «Ра II» перемахивает через беснующиеся волны. Разве что какая-нибудь струйка попадет на палубу, но это ерунда. К счастью, валы катили стройными рядами и с хорошим интервалом, в самый раз по длине и обводам «Ра», строго выдерживая равнение и курс, шеренга за шеренгой. Назад лучше не оглядываться. Кажется, что вдогонку за ладьей несется стеклянная стена, она хочет нас накрыть, а мы спасаемся бегством. Остальные ребята один за другим забрались в каюту. Там ничего не видно, кроме потолка, только слышен оглушительный рев расвирепевшего океана. Лишь альпинист Карло продолжал сидеть, свесив ноги, на высоком форштевне, как на седле. Его любимое место.

Снова нас взметнуло вверх, ух ты, выше прежнего... И опять покатались вперед, вниз. И вот уже блестящий гребень в белых полосах вырос впереди, обогнал нас и помчался дальше.

– Опять выше мачты! – восторженно крикнул рыжебородый Карло, обнажая белые зубы.

А через несколько минут он отцепил от форштевня свой страховочный конец и побрел, борясь с качкой, в каюту к товарищам. Позже он нам рассказал, что пошли уже не ложбины, а форменные ущелья, и когда «Ра», перевалив через гребень, скатывалась вниз, казалось, что мы сейчас ухнем в бездонную мокрую могилу. Лучше не глядеть.

Кажется, мне скоро сменяться? Я не смел даже на секунду оторвать взгляд от компаса, чтобы лодка не развернулась боком к волнам, но чувствовал, что дело уже идет к четверем. В эту минуту сзади послышалось шипение высоченного гребня. Теперь – держать весло изо всех сил, чтобы лопасть не повернулась. Чудовищный вал взялся за ахтерштевень и начал

его поднимать... выше... выше... глядеть на компас, держать курс, лодка должна лежать точно поперек волны, но когда же это кончится, сколько еще этот шипящий исполин будет нас поднимать, когда он уйдет вперед? Наконец бурлящий гребень пошел вдоль бортов... кажется, пронесет... кипящие сугробы пены... Лодка качнулась, сейчас мы пулей ринемся вниз и вперед, словно на оснащенной парусом доске для серфинга... И тут случилось то, чего я больше всего боялся. Что-то грохнуло, раздался жуткий треск ломающегося дерева. Весло дернулось, вся лодка рванулась, и «Ра II», потеряв управление, покатила левым бортом вперед в ложбину.

Меня словно ударили дубинкой по голове. Секунду я цеплялся за безвестность, потом заставил себя повернуть голову и посмотреть в глаза горькой истине. Рулевое весло! Могучее веретено переломилось пополам, и широкая лопасть болталась за кормой на страховочном конце. Я успел лишь мельком ее разглядеть, как с правого борта на нас обрушились каскады воды, ведь ахтерштевень уже не прикрывал нас.

– Все навехр! Левое рулевое весло сломано! Отдать плавучий якорь, Юрий!

Вся ладья и мостик вместе с ней круто накренились под тяжестью воды, и я скатился боком к закрепленному наглухо правому веслу, чтобы отвязать его. Рев штурмующих каюту волн и громоподобные хлопки обстеноженного паруса, который стегал мачту, сказали ребятам больше, чем крики с мостика, и вся семерка, без особых слов готовая к бою, высыпала на палубу с обвязанными вокруг пояса страховочными концами.

– Который из якорей?

– Большой.

Я раскрепил правое весло, но твердые уключины сверху и внизу перекошились и не давали его повернуть. На нас обрушился новый вал, за ним еще один. Волны и ветер тянули каждый в свою сторону, и мачта угрожающе трещала.

– Убрать главный парус!

Чтобы ускорить наш ход, Норман недавно поднял на бамбуковой жерди маленький топсель, жердь уже сломалась, и обмякший топсель хлестал по гроту.

– Убрать большой парус, пока не лопнул!

Норман принял на себя командование на носу, сам влез на мачту и обрезал фал топселя. Затем пять человек ухватились за толстый гордень, и семиметровая рея отделилась от верхушки мачты. Но вместо того чтобы идти вниз, тяжелое бревно, увлекаемое огромным парусом, рванулось вперед и вверх, и ребята в десять рук повисли на фале, чтобы грот не уподобился распростертому над волнами воздушному змею. Лодку снова накрыл ревущий каскад.

– Отдать плавучий якорь, черт возьми!

– Волны запутали веревки!

– Отдайте малый якорь пока, не то нас расколошматит вдребезги!

Опять нас накрыло волной. И еще раз, сильнее прежнего. Наше счастье, что лодку развернуло к волне правым бортом, а не левым, где вход в каюту; всю правую стену мы накрыли снаружи брезентом, и море теперь таранило его.

– Малый отдан, – раздался торжествующий голос Карло.

Но малый плавучий якорь слишком слабо тормозил и не мог оттянуть назад корму отяжелевшей ладьи. Юрий и Карло, стоя по пояс в воде, – а время от времени их накрывало с головой, – лихорадочно распутывали запутанный волнами конец от большого парусинового мешка.

– Проверить страховочные концы, всем как следует страховаться!

Наконец заклиненное рулевое весло повернулось на несколько дюймов. Еще немного, еще. А толку чуть. Штормовые порывы били нижней шкаториной грота по верхушке высокого форштевня. Бешеные боксерские удары слева, справа, вот парус зацепился за тонкий крюк, весь форштевень перекошился влево. Голоса тонули в грохоте волн и реве ветра, так что все советы и предложения переводились и передавались по цепочке с мостика на нос и обратно.

– Да спустите вы парус, пока лодку не разорвало в клочья! – кричал я.

Наконец грот рывками пошел вниз.

– Стой! Скорей поднимите парус, пока его волной не подхватило! – закричал Норман.

– Упустим его за борт, потом ни за что не вытащим! – поддержал его Жорж.

Что верно, то верно. Внизу египетский парус был равен ширине палубы – пяти метрам, зато верхняя шкаторина и тяжелая рея достигали в ширину семи метров, и при таком волнении и ветре парус неизбежно будет пойман волнами с двух сторон.

Решение напрашивалось само собой. Мы стали помаленьку спускать парус, но до палубы он не доходил, пять человек, надежно застраховавшись, стояли плечом к плечу и скатывали его на руках. А ведь им еще надо было устоять на ногах в борьбе с ветром, качкой и беснующимися каскадами воды. Колотя и дергая румпель правого весла, я заставлял его дюйм за дюймом поворачиваться, но на курсе это никак не отражалось. Мало-помалу ребята свернули парус на одну треть и закрепили рулон вшитыми в парусину завязками. Теперь надо было спасти лопасть левого весла, которая по-прежнему бешено скакала на привязи, то и дело обрушиваясь всей тяжестью на ахтерштевень. Страховочный конец, удерживающий лопасть, как это показано на египетских фресках, помог нам извлечь ее из воды. Веретено переломилось как раз у нижней уключины. Шестнадцатисантиметровое бревно, настоящий телеграфный столб из крепчайшей сосны, без единого сучка. Мы считали его несокрушимым, а оно переломилось, как спичка. Весь папирус был цел и невредим, ни один стебель не сломался и не отстал. Папирусная связка спружинила лучше, чем бревно, сила Голиафа еще раз проиграла ловкости Давида. Эта осечка показала нам, что мы укрепили рулевое весло вверху и внизу слишком толстой веревкой. Будь веревка потоньше, она лопнула бы первой, сыграв роль предохранителя.

Тяжеленную лопасть, облепленную морскими уточками, вытащил на борт Жорж. Он сорвал с нее подушку из обрезков папируса, которую Норман укрепил на лопасти для лучшей обтекаемости в месте соединения с веретеном, бросил искореженные стебли в воду и стал с интересом наблюдать, что будет. Они утонули. Он никому об этом не сказал и до сих пор не подозревает, что с мостика за его экспериментом следил еще один человек, который опешил не меньше него, и ощутил под ложечкой неприятное сосание. Что случилось с этим папирусом? Может быть, из него выдавило весь воздух? Юрий и Карло стояли спиной к Жоржу, возясь с концом от большого плавучего якоря. Вот и большой пошел за борт, а малый вернулся на палубу, корма начала медленно разворачиваться назад. Но не до конца. Лодка шла с небольшим перекосом, и огромные волны захлестывали нас справа сзади, совсем как это было на «Ра I».

Шторм продолжал бушевать. Выло без десяти девять, надвигалась ночь, когда ребятам удалось частично свернуть парус и осталась ровно половина оранжевого солнечного символа – так выглядел бы закат, если бы тучи его не закрыли. Кстати, не будь туч, мы бы увидели заходящее солнце не прямо по курсу, а немного левее перекошенного форштевня, ведь мы дрейфовали почти боком.

Худо. Совсем худо. Запасных бревен достаточной длины для весла нет. Все лучшие материалы мы выбросили за борт у Канарских островов. Если простоим здесь достаточно долго на плавучем якорю, может быть, бревна нас догонят. Черный юмор. Положение безнадежное. Решения не видно. Спокойной ночи, ребята. Утро вечера мудренее. Стоять на руле незачем: одно весло заклинено, от второго осталось веретено без лопасти. Пусть волны врываются на палубу и скатываются за борт, они не хлынут через дверь в каюту, плавучий якорь будет рулить за нас. А чтобы нас не утопило какое-нибудь судно, поделим ночь на двухчасовые вахты.

В эту ночь было невозможно уснуть. Мы словно опять очутились на «Ра I» и заново переживали те дни, когда море начало брать верх над нами. Многотонные массы воды разбивались о задний правый угол каюты, кругом все бурлило, кипело, булькало, клокотало, будто целая река перекатывалась под плетеным полом, в широкой ложбине между двумя связками папируса, на которых мы шли через океан. Вода металась вперед и назад,

лихорадочно отыскивая щели в папирусе, чтобы через них вырваться на волю, но набухшие стебли сомкнулись так плотно, что вода не успевала уйти, как новые каскады врывались на палубу и наполняли ванну до краев.

Я глаз не сомкнул, пока не подошла моя вахта, зато стоило мне сесть на бамбуковую скамеечку у двери и закрепить страховочный конец, как я в ту же секунду уснул. Вдруг что-то меня разбудило, я открыл глаза и увидел летучую мышь, нет, сову, которая металась в воздухе вокруг «Ра», потом устремилась между вантами прямо ко мне, как будто задумала напасть на меня. Но эта ночная гостья скверно летала, она зацепила крылом ванту и упала на скамейку рядом со мной, не успев выставить ноги вперед. Бедняжка. Да ведь это голубь! Наш собственный окольцованный спутник! Адский гул беснующихся волн и хлопающего паруса спугнул его, он решил поискать себе другое убежище, не нашел, вернулся, увидел безлюдный мостик и, боясь одиночества в своей корзине на крыше, спустился к спящему вахтенному. До самого рассвета голубь сидел на вахте рядом с нами, и всю ночь ревущий океан беспрепятственно вторглся на палубу, бил в задний угол каюты и, обогнув ее, скатывался через борт впереди и сзади, так что на подветренный борт доходили только маленькие ручейки, они встречались у наших ног и тоже вливались в море.

Удивительное судно. Одно плохо: корпус его становился герметичным, как у обычной лодки, и вода не успевала уходить через щели в днище.

На другой день ад продолжался. Смертельно усталые, мы бродили по колено в бурлящей воде, переносили кувшины с наветренной стороны, выбрасывали за борт разбитые амфоры, крепили расшатавшийся груз, натягивали ванты потуже, чинили парусину и ломали голову над тем, как снова сделать ладью управляемой. Она настолько отяжелела от воды и так сильно кренилась к ветру, что полная победа океана была вопросом времени, ведь дерево и папирус скрепляли только тонкие веревки, которые в любую минуту могли лопнуть от такой нагрузки. Толщина веревки, державшей папирус спиральными витками, составляла 14 миллиметров; каюту, мачту и мостик крепила к палубе сплетенная втрое, словно коса, 8-миллиметровая веревка. Индейцы отказались применить толстый трос. Не будь все суставы гибкими и упругими, океан разнес бы нас в клочья так же легко, как он ломает бревна и сгибает сталь.

В первый день шторма волны ничего не могли сделать с плавучей копной, она играючи уходила от всех ударов. Тогда океан пустил в ход другой прием. Он навалился на палубу всем своим весом и давил вниз. Наша осадка начала расти с угрожающей быстротой; во-первых, в длинном углублении между двумя главными связками залегли бесполезным грузом тонны булькающей морской воды, во-вторых, верхняя половина связок, которая до сих пор оставалась сухой и легкой, теперь тоже стала намокать. Скоро весь папирус сплошь пропитается водой и совсем отяжелеет. Каждому было очевидно, что мы тонем. Но никто не выказывал страха, все были полны решимости справиться с этой проблемой. У каждого были свои предложения, они обсуждались, потом единогласно отвергались. Мадани, который не ходил на «Ра I», отвел меня в сторонку и осторожно спросил, угрожает ли нам опасность. Услышав, что пока опасности нет, он снова расплылся в улыбке. Кей, стряхивая морскую воду со своей блестящей черной шевелюры, широко осклабился: он никогда в жизни не представлял себе, что бывают такие волны.

Благодаря плавучему якорю корма во всяком случае развернулась под острым углом к волнам. Убери его – и нас опять повернет так, что мы будем принимать волну всем бортом. Но зато плавучий якорь сковал нас по рукам и ногам, мы почти не трогались с места. Стоим посреди Атлантического океана и тонем, в 1900 морских милях от старта и 1300 милях от финиша.

Двое суток все наши действия сводились к борьбе за свою жизнь и спасение груза. Починить весло оказалось невозможно по ряду причин. По-прежнему нас штормовали шести-, семиметровые волны, к тому же попадались и десятиметровые исполины. Сидя в каюте, я разрезал обложку одного блокнота и сделал из картона модель, изображающую лопасть, обе части сломанного веретена и мостик, показал две деревянные уключины,

удерживающие установленное наискось весло вверх и вниз. Получалось, что, если прикрепить к лопасти верхний, более длинный обломок веретена, рукоятка дотянется до мостика. Мы так и сделали, придумав сообща хитрое устройство, которое позволяло рулевому, стоя в правой части мостика, крутить правое весло рукой, а левое весло поворачивать в одну сторону ногой при помощи веревки, в другую – рукой с помощью длинной бамбуковой палки. Чистая акробатика, причем дело осложнялось тем, что вахтенный должен был еще маневрировать шкотами паруса, закрепленными за перила мостика, потому что рулевые весла не всегда могли справиться с ладьей, так глубоко она осела. И когда «Ра II» не слушалась весел, а ветер и волны грозили развернуть нас боком, всю надежду мы возлагали на парус.

Новое устройство было готово к испытанию вечером второго дня. К этому времени лодка погрузилась так сильно, что страшно смотреть. Всем было очевидно, что нам предстоит основательно потрудиться, чтобы одолеть вторую половину пути. Как только легло на место увечное весло, дела сразу пошли немного лучше. Нам удалось привести корму к волне, после чего мы выбрали плавучий якорь и пошли на запад под зарифленным парусом. На другой день мы отважились поставить полный грот. И снова огромный парус словно приподнял лодку из воды, и мы пошли со скоростью почти три узла, что составляло больше 100 километров в сутки. Правда, палуба была чуть не вровень с водой. По-прежнему через корму переваливали волны, да и на носу, если мы пробовали сесть к столу, как прежде, на скамейках, нас регулярно окатывало водой, и приходилось всем жаться на нижних перекладах мачты. Сидим и едим, точно птицы на ветке.

– Надо как-то защититься от больших волн, чтобы вода успевала стекать с палубы, а не то мы потонем, – сказал Юрий.

И он принялся натягивать кусок парусины вдоль правого борта от вант вперед, закрепляя его вверх и вниз толстой бечевкой. Остальные рассмеялись.

– Брось, Юрий. Первая же волна разорвет твою тряпку.

Но Юрий твердо настроился довести дело до конца. Очередная волна, захлестнув корму, покатила вдоль правой стенки вперед, слегка прогнула парусиновую ширму Юрия и ушла за борт. На носовую палубу просочилось лишь несколько струек, все остальное отразила парусина. Юрий торжествующе сел к столу и взялся за вилку. После того, как и вторая, и третья волна отступили перед ширмой, мы, смотря большими глазами на это чудо, спустились со своими тарелками с перекладин и расселись вокруг стола. Вот так Юрий, вот так волшебник, обыкновенной тряпкой остановил океан. Конечно, папирусный хвост принимал главный удар на себя, он рассекал волну надвое, так что парусиновому экрану оставалось только отражать катившие вдоль борта фланги могучего вала.

– Еще парусины!

Мы убрали кусок парусины, которым была накрыта передняя стенка каюты, и сразу изнутри сквозь щели в плетенке стало видно стол, двойную мачту и океан. Потом мы распоролли запасной грот. Юрий развесил все лоскуты, и мы очутились как бы за огромным бордово-оранжево-зелено-желтым занавесом. Волны незлобиво подталкивали его, и он колыхался на вантах, словно белье на ветру, пропуская минимальное количество воды.

– Хиппи! Цыгане! – расхохотались Карло и Жорж, спустив на воду трехместный надувной плот, чтобы поснимать нас со стороны.

Над пестрой ширмой торчали наши головы, мы следили за двумя смельчаками, которые то и дело исчезали за гребнями высоких волн.

– Назад! – крикнул я. – Ну-ка, живей переходите на приличную посудину, пока вашу скорлупку не опрокинуло.

Мы и раньше надували наш плот и выходили на съемку, но то было в штиль или при легком волнении, а теперь настолько свыклись с волнами и соленым ветром, что кое-кто начал забывать про осторожность.

Дни и недели бежали взапуски с волнами. За год с небольшим шесть членов экипажа провели вместе в общей сложности почти четыре месяца на папирусных связках. После

катастрофы пришлось ограничить потребление воды – пол-литра в день на человека, не считая девяти литров в день на камбуз для общих нужд. Одни кувшины разбились, в другие попала морская вода. И ведь мы сами во время злополучного шторма опорожнили за борт большинство бурдюков, но об этом сейчас лучше было не вспоминать. Да, поспешили, черт возьми.

У Карло соленая вода разъела кожу в паху, и Юрий прописал ему два раза в день мыться пресной водой. Бедняга Карло ухитрялся обходиться одной чашкой. Утка, голубь и обезьяна вместе выпивали в день столько, сколько один человек; Жорж яростно возражал против того, чтобы ни в чем не повинных животных сажали на паек, как людей. Сантьяго тоже был не в блестящей форме, ему перед плаванием делали операцию – камни в почке – и велели избегать соленого, орехов, сушеных овощей, яиц и прочих блюд, преобладавших в нашем меню. Он здорово устал, однако безропотно выполнял свою работу, правда, в свободную минуту предпочитал полежать в каюте, в самой глубине, под наблюдением Юрия.

Однажды вечером он вышел из каюты хмурый и сел за стол рядом с нами. Посмотрел на Карло, на Жоржа и сказал:

– Я слышал сквозь стену гнусные обвинения!

Карло обозлился.

– Брось изображать профессора.

– Повкалывал бы лучше с наше, – подхватил Жорж. – А то ведь если и вызовешься подменить уставшего рулевого, так не раньше, чем за десять минут до смены.

И посыпались обвинения. В первом плавании трудяга Карло и беспечный Жорж не очень-то ладили, теперь же они стали закадычными друзьями и вот почему-то оба взъелись на нашего тихого профессора антропологии. Мол, он лежит в углу и психоанализирует других, которые работают. И это его дурацкая идея, чтобы мы опять взяли провиант и воду в кувшинах, вместо консервов и легких канистр с водой. Мы уже доказали, еще на «Ра I», что можно прожить без современной пищи, за каким чертом доказывать это второй раз. И уж если настоял на своем, уговорил нас снова взять больше ста тяжелых кувшинов, то мог бы хоть, как квартирмейстер, получше их привязать, чтобы они не побились, и не пришлось бы нам теперь отмерять воду.

– Кувшины не тяжелее канистр, и если на то пошло – кто вылил в море всю воду из бурдюков?

Разгорелась жаркая словесная перепалка, злые бранные слова давали выход накопившемуся раздражению и отбивали всем нам аппетит. Сидя на перекладине мачты, Сантьяго оборонялся, как мог, но в конце концов сник под сыпавшимися на него со всех сторон ударами.

– Карло, – сказал я. – Ты профессиональный альпинист, у тебя большой экспедиционный опыт. Как ты можешь требовать, чтобы профессор, преподаватель университета, не хуже тебя разбирался в узлах и выполнял тяжелую работу. Ты все равно что безгрешный священник, который требует от других, чтобы они все делали, как он.

Кажется, я не мог придумать худшего оскорбления. Карло медленно встал, весь побагровел и схватился рукой за голову.

– Я – священник?

На секунду он онемел и только глотал воздух. Потом повернулся от меня к Сантьяго и вдруг протянул ему мозолистую ладонь.

– Ладно, ребята, что было – забудем!

Все обменялись рукопожатиями через стол. Норман сбегал за губными гармониками для себя и Кея, Мадани принес свой марокканский барабан, и, когда я через два часа побрел в каюту, чтобы вздремнуть, на носу еще звучала разудалая музыка и песни всех частей света.

Прошлогоднее плавание на «Ра I» превратилось в чистый дрейф уже с первого дня, когда у нас сломались оба рулевых весла. Эксперимент был прекращен недалеко от крайнего в вест-индской цепочке острова Барбадос. На этот раз лодка не утратила своих мореходных

качеств, и мы решили идти на тот самый остров, к которому природа собиралась привести нас годом раньше. Поэтому расстояние до финиша мы измеряли числом миль, отделяющих нас от Барбадоса. И с точки зрения попутного ветра и течения это был самый подходящий курс. Правда, рулевым доставалось тяжело, погрузившая от воды ладья так и норовила развернуться боком.

Отстоишь ночную вахту, и до того измотан, что пальцы не разогнуть. А если лодка все-таки разворачивалась, так что парус обстенивало и волны врывались на борт, Юрина парусина не выдерживала, и тогда на голову злосчастного рулевого сыпалась брань семи голых мореплавателей, которым приходилось, обвязавшись страховочной веревкой, выскакивать во тьму и по пояс в воде тянуть и дергать парус, шкоты, весла, спасать груз. Кое-кому стало невмогуту в одиночку нести ответственность ночной вахты, и мы удвоили число вахтенных, продлив ночное дежурство до трех часов.

Надо что-то придумать, чтобы не маяться так с этим громоздким рулевым устройством.

— Эх, если бы можно было подать вперед мачту, — начал я фантазировать однажды ночью, когда мы с Норманом вместе несли вахту на мостике. — Если парус вынести на самый нос, лодка будет сама собой управлять.

— А что, это мы можем, — радостно сказал Норман. И прямо с утра мы приступили к сложнейшей операции. Нам предстояло наклонить тяжеленную двуногую мачту вперед — тогда и парус переместится к носу.

Норман стесал наискось топором опорную плоскость обоих колен. Затем мы осторожно развязали все двенадцать вант, которые крепили мачту к бортам ладьи. Теперь можно было наклонять 300-килограммовую махину, высотой десять метров. Мы подтянули к носу макушку мачты, а с ней и рею, и, когда опять закрепили ванты, парус, наполнившись ветром, изогнулся дугой впереди высокого форштенья. Рулить сразу стало легче.

С отличной скоростью «Ра II» продолжала идти на запад. И как только подводная часть папируса уравнивала дополнительный груз в виде морской воды на палубе, мы перестали погружаться. Это было в начале шестой недели нашего плавания. Правда, осадка уже увеличилась настолько, что даже в тихую погоду палуба была почти вровень с водой, а папирус вдоль задней стенки каюты начал обрастать морскими уточками.

И каждый день Мадани вылавливал из моря комки мазута.

В один дождливый и шквалистый день парус зацепился за форштень и перекошил его еще больше, к тому же лопнул шов нижней шкаторины. После днища ладьи парус был для нас всего важнее, и, посоветовавшись, мы решили пожертвовать высоким форштеньем. Карло оседлал нос и, не жалея сил, принялся пилить наше гордое судно. На всякий случай мы схватили нос тросом, чтобы вся лодка не рассыпалась, когда вместе с форштеньем будут обрезаны обе веревки, которыми связан корпус. Но индейцы верно говорили: веревку так плотно зажал в витках вокруг малой связки в середине, что мы при всем желании не могли ее вытащить.

Когда верхушка форштенья поддалась пиле вандалов, мы увидели что-то похожее на разрезанную луковицу, настолько сильно были сплющены разбухшие стебли папируса. «Ра II» сразу обрела более современный, строгий вид, и теперь через щели в передней стенке из каюты было видно ниже паруса всю линию горизонта. Ковчег приоткрыл ставни, чтобы легче было высматривать землю.

Через несколько дней мы решили, что крюк ахтерштенья тоже надо спилить. Все равно он, после того как укоротили нос, только мешал держать курс, выступая в роли косога паруса, и к тому же нам надо было избавиться от лишнего веса. Правда, мы не без тревоги перенесли конец тетивы с завитка вниз, на куцый и плоский, как у курицы, хвост, который остался после операции. Но никакие хирургические вмешательства не могли повлиять на поразительную прочность этого суденышка.

Один за другим члены экипажа, обвязавшись страховочным концом, ныряли под лодку и радостно докладывали тем, кто ждал своей очереди, что днище «Ра II» цело и невредимо, связки такие же крепкие и тугие, как прежде, ни один стебель, ни один виток не сместился,

единственное изменение – все облепили, словно черно-белые грибочки, моллюски с колышущейся желтой бахромой жабр.

Нашу маленькую радиостанцию мы на этот раз вынимали из ящика гораздо реже, чем в первом плавании. Ведь родные теперь уже не должны так сильно беспокоиться, и не надо их дергать без нужды, достаточно короткого «все в порядке». Но под конец второго месяца, идя с хорошей скоростью, мы уже продвинулись так далеко, что смогли сообщить приблизительно время и место финиша. Ивон тотчас уложила чемодан и вылетела с детьми на Барбадос. Вскоре после этого Норман связался с одним барбадосским радиолюбителем, и мы услышали ее голос. Она задала мне шесть сугубо специальных вопросов о морских организмах, сопровождающих папирусную лодку, а когда я удивился, объяснила, что вопросы составлены руководителем морской биологической экспедиции ООН, базирующейся на Барбадосе.

Мы рассказали про нашу верную подводную свиту, про корифен, которые гонялись за летучими рыбками, про тучи морских птиц из Южной Америки, которые кружили на горизонте на юге и на западе, где над голубым океаном серебристыми ракетами взмывали тунцы. На другой день барбадосский радиолюбитель передал, что нас собирается провести одно из исследовательских судов ООН.

Двадцать пятого июня к нам на борт залетела коричневая стрекоза. Неужели суша так близко? Или ее подвезло какое-нибудь судно, которое прошло за горизонтом? После того как нас раза два чуть не протаранили у берегов Африки, мы почти не видели пароходов.

«Ра II» полным ходом приближалась к тому району, где мы после заключительных драматических дней прошлого года рейса покинули «Ра I». Ребята невольно поежились, когда вахтенный обратил наше внимание на акулу, злобно атаковавшую красный буй, который мы тащили на буксире за кормой на случай, если кто-нибудь упадет за борт. Именно здесь встретили нас акулы в прошлом году. Впрочем, одинокая странница скоро оставила буй в покое и ушла на север. Можно было подумать, что судно, не требующее подводного ремонта, акулы не интересуют.

Двадцать шестого июня море снова начало бесноваться, и волны гнались за нами, шипя белыми гребнями, как будто нас преследовали снегоочистители, вспарывающие плугом снежную пелену. Сверху нас поливали дождем низкие тучи. Мы смыли с себя соль и слизывали с рук пресную воду. Можно было собрать дождевую воду, но при таком ходе мы рассчитывали обойтись своими запасами.

Утка ковыляла под дождем по крыше и пила из лужиц, а Сафи рвалась в каюту. Правое весло заклинило в уключинах, мы боялись, что оно переломится, но Кей, стоя в воде, раскачал его.

На другой день исчез наш голубь. Последние дни он вел себя беспокойно, описывал все более широкие круги в воздухе над «Ра», но каждый раз возвращался на крышу к блюдечку с зерном. А 27 июня взлетел и уже не вернулся. Потоп пошел на убыль, и ковчег остался без голубя. Без него стало как-то пусто. Уж не почуял ли он землю? Ближайшей сушей была Французская Гвиана на юге. Пернатый путешественник улетел с двумя кольцами, на одном был испанский номер, на другом метка «Ра II».

Двадцать восьмого июня температура воды вдруг поднялась на два градуса, и с того дня мы больше не видели мазута. Может быть, нас подхватила другая ветвь течения? Странно, ведь когда мы годом раньше оставили «Ра I», нас со всех сторон окружали черные комки, а океан совершает непрерывный круговорот между материками.

Двадцать девятого июня мы увидели, что цепочка Сафи свисает в воду, а обезьяны нет. Тревога, аврал! А Сафи, чувствуя себя вольной птицей, сидела на вантах и с чрезвычайно довольным видом глядела на нас свысока. Ни кокосовый орех, ни мед не могли заменить ее вниз, тогда Юрий принес ей любимую резиновую лягушку, зеленое чудовище с огромными красными глазами. Миг – Сафи уже на палубе и схватила игрушку, а Юрий схватил ее. Почти одновременно раздался громкий крик в каюте. Норман установил прямую связь с радистом ооновского исследовательского судна «Каламар» – оно находилось где-то совсем

рядом – и нас попросили ночью пускать сигнальные ракеты, чтобы можно было разыскать «Ра II» в беспокойном океане.

В ту ночь нам довелось пережить сильный испуг. 30 июня в 0.30 Норман поднял меня на вахту, я сел в спальном мешке и начал натягивать носки, так как на мостике было сыро и холодно. Вдруг снова послышался голос Нормана, и теперь в нем звучал ужас:

– Иди сюда, скорей! Смотри!

Я нырнул в дверь, сопровождаемый по пятам Сантьяго, вскарабкался на мостик, и через крышу каюты мы уставились в ту сторону, куда показывал Норман.

Чисто конец света. Над горизонтом с левого борта, на северо-западе восходил бледный диск, похожий на призрачную алюминиевую луну. Не отрываясь от воды, он медленно увеличивался в размерах. Правильно расширяющийся полукруг напоминал то ли очень плотную туманность, ярче Млечного пути, то ли шляпку от гриба, которая неотвратно наступала на нас, все шире захватывая небо. Луна сияла в противоположной стороне, было безоблачно, сверкали звезды. Сперва я подумал, что это световое пятно на фоне влажного ночного воздуха от какого-нибудь мощного прожектора за горизонтом. А может, это атомный гриб, плод чудовищной оплошности людей? Или северное сияние? В конце концов я склонился к тому, что это светящийся дождь космических тел, вторгшихся в земную атмосферу. Тут диск, который уже занял около тридцати градусов черного небосвода, вдруг перестал расти, как-то незаметно растаял и пропал. Так мы и не поняли, что это было.

А затем мы сами устроили фейерверк – жгли красные фальшфейеры и пускали сигнальные ракеты, чтобы обозначить свою позицию «Каламару». Странная ночь, необычная атмосфера. Мы снова услышали по радио голос «Каламара», но там не заметили наших ракет, а когда показывался световой диск, на палубе никого не было.

Утром мы узнали от барбадосского радиолюбителя, что это же явление, но на северо-востоке, наблюдали с многих островов Вест-Индии. Может быть, это взорвалась и сгорела, войдя в атмосферу, какая-нибудь ракетная ступень с мыса Кеннеди? Мы не узнали ответа. Но «уфоисты», охотящиеся за доказательствами существования летающих тарелочек, смешали этот феномен с двумя другими, которые мы наблюдали две ночи подряд несколько раньше, когда на горизонте на северо-западе появлялся оранжевый огонек. В первую ночь это была просто короткая вспышка, а во вторую ночь мы видели каплевидное световое пятно, которое под острым углом нырнуло в море. Мы тотчас оповестили радиолюбителей на континенте, ведь это могли быть сигналы бедствия, но «СОС» никто не передавал, так что скорее всего это сигналили военные суда на маневрах, может быть, всплывшая подводная лодка обозначала свою позицию.

Мы шли на всех парусах прямо на запад, а «Каламар» кружил, разыскивая нас. Ракеты приходилось беречь, но мы непрерывно вели наблюдение с мачты. И вот опять взойшло солнце, проходит час за часом, и Норман, хлопоча то с секстантом, то с таблицами, то с аварийной радиостанцией, раз за разом докладывает, что «Каламар» совсем рядом... на севере... а теперь на юге... но высокие волны не давали нам возможности обнаружить его. Мы пообедали. Поужинали. И потеряли надежду, что нас найдут. Еще немного, и тропическое солнце уйдет за горизонт 6 часов вечера по местному времени, а на наших часах уже 9, потому что мы только один раз переводили стрелки после старта. И тут впередсмотрящие на обоих судах одновременно произнесли долгожданные слова. С «Каламара» нам передали, что видят парус, а мы разглядели на горизонте за кормой чуть заметное серое пятнышко. Уже смеркалось, когда нас догнал маленький гордый корабль. Вот она, великая минута.

Быстроходный траулер подошел вплотную и приветствовал нас, приспустив развевающийся на мачте голубой флаг ООН. Норман поспешил к двойной мачте и ответил нашим ооновским флагом, от которого осталось две трети, остальное унес шторм. Радость переполняла нас. Взобравшись на мостик, на каюту, на мачту, мы махали руками, кричали, пронзительно дудели в охотничий рог. Команда «Каламара» – черные, коричневые, белые – выстроилась вдоль борта и кричала и махала нам в ответ. На мостике стоял капитан – китаец.

А его сосед крикнул в мегафон по-шведски:

– Добро пожаловать на эту сторону океана!

Увидев китайца на мостике, Кей не смог сдержать своих чувств, забрался ко мне на крышу и протянул руку для рукопожатия:

– Спасибо, что взяли меня.

Во всем этом было что-то нереальное. Надо же случиться так, чтобы на этой стороне нас первым встретило ооновское судно! До сих пор я вообще не видел судов под флагом ООН, не считая нашей «Ра».

Тьма поглотила океан, ярко освещенный траулер описал несколько кругов, потом застопорил машину и лег в дрейф на ночь. И вот уже его огни остались где-то позади, мы опять наедине с волнами и нашим тусклым керосиновым фонарем. Уютно, да одиноко.

А затем стихии решили напомнить нам, что плавание еще не окончено. Неожиданно с севера налетел сильный шквал и развернул парус поперек, застигнув вахтенных врасплох. Давление ветра на парус было настолько сильным, что «Ра» накренилась на левый борт и палуба погрузилась в воду. Как-то непривычно было, выскочив из каюты на подветренный борт, сразу же очутиться в воде выше колена, причем это была не просто волна, которая пришла и ушла, – сам океан вторгся к нам и явно не собирался уходить. Впервые за все мои плаванья я почувствовал, что опора под моими ногами идет ко дну.

Шум, крики, мелькание карманных фонариков. Мадани по пояс в воде без страховочной веревки. Ширма Юрия с подветренной стороны разорвана в клочья. Но вот ветер вернулся на более привычный для нас румб, подул с востока на запад, и восемь искусственных мореплавателей на папирусе сумели наконец развернуть парус, как положено. «Ра II» спокойно выпрямилась, вода скатилась за борт, и палуба всплыла на поверхность. Правда, три кувшина из тех, что были привязаны с подветренной, защищенной стороны, разбились, и я порезал босые ноги о черепки, пришлось Юрию перевязывать меня. К тому же левый борт опутали блестящие жгучие нити двух «португальских военных корабликов», и Жорж, отправившись по нужде, обжегся так, что понадобилось лечение аммиаком.

Настало утро, но «Каламар» не сразу нас догнал. Никто на траулере не думал, что примитивная лодка из папируса может развить такой ход. Несмотря на все осложнения, мы прошли за сутки 75 морских миль, то есть 140 километров.

С «Каламара» на «Ра» передали почту, мазь для Карло, чудесные барбадосские фрукты и добрую порцию мороженого, которое превратилось в ванильный соус, пока его переправляли к нам на резиновой лодчонке. Двое суток «Каламар» сопровождал нас, потом прибавил ходу и ушел вперед, везя на Барбадос наши приветствия.

Мы снова вошли в тот район, где рождаются атлантические ураганы. Начало июля, погода ненадежная. Куда ни глянешь, всюду темные ливневые завесы, и чуть не каждый день порывистые ветры, доходящие до штормовых шквалов, напускали их на нас. Только успевай отдавать плавучий якорь и спасать парус. Но в целом ветер и течение благоприятствовали нам, и в последние дни мы достигли самой высокой среднесуточной скорости за все плавание, проходя до 81 мили, то есть до 151 километра. То и дело нам попадались суда, плавающие между Северной и Южной Америкой.

Восьмого июля до Барбадоса оставалось всего 200 морских миль, и островные власти выслали навстречу быстроходное судно «Калпеппер», чтобы передать нам свое «добро пожаловать» в эту маленькую независимую часть Британского содружества. В качестве пассажиров на «Калпеппере» находились Ивон и моя старшая дочь Аннет, и встреча должна была состояться ночью, ведь наши координаты были известны.

Но миновала ночь, миновал день, а «Калпеппер» никак не мог нас отыскать среди волн. Погода была далеко не идеальная, и мы слышали, как с судна передают на берег, что волна нештучная и супруга плотоводца страдает морской болезнью, но храбро настаивает на продолжении поиска. И поиск продолжался. Еще ночь. Еще день. Заканчивались вторые сутки, дело шло к вечеру, до острова оставалось миль 100, и мы уже решили, что дойдем до берега раньше «Калпеппера», когда он вдруг появился на горизонте, правда, не с той

стороны, откуда мы его ждали, а позади нас. Широкий, плоский, остойчивый, типично мужской корабль поравнялся с нами, и мы увидели вцепившихся в поручни двух белых женщин, окруженных приветствующей нас чернокожей командой. Если женщины явно старались опознать каждого из косматых загорелых бородачей, неистово махавших им руками с каюты «Ра», то внимание команды «Калпеппера» сосредоточилось на Мадани, которого они приняли за моряка с Барбадоса. И сухопутный краб из Марракеша не ударил лицом в грязь, он забросил удочку, наживив крючок соленой колбасой, и вытащил одну за другой пять пампано да еще какую-то серебристо-зеленую рыбу. Солнце заходило, однако аквалангист Жорж отправился вплавь на «Калпеппер», чтобы совершить вполне позволительный обмен, и получил за свежую рыбу, египетские лепешки и никогда не теряющее своей прелести марокканское селло не столь уж необходимые, но такие желанные апельсины. Он уже приготовился прыгать с кормы в волны, чтобы плыть обратно на «Ра II» по серебристой тропке, которую прочертил на воде прожектор «Калпеппера», когда один из членов команды остановил его и спросил, неужели люди на «Ра» совсем не боятся акул?

– Нет, – бестрепетно ответил Жорж, однако тут же взял свои слова обратно, когда моряк спокойно показал рукой на здоровенную хищницу, которая медленно выплыла из-под судна на световую дорожку.

Наш надувной плот столько терся о кувшины на палубе, что мы не решались спускать его на воду, и пришлось Жоржу ночевать на «Калпеппере», а утром его переправили к нам на металлической лодочке без весел, которую потом подтянули тросом обратно.

Весь следующий день «Калпеппер» шел за нами слева. 12 июля к нам с запада потянулись такие большие стаи морских птиц, что стало очевидно – суша где-то сразу за горизонтом. Было воскресенье, мы с Норманом стояли на мостике – нам досталась вахта с пяти до восьми утра – и предвкушали смену. Скоро поднимутся Кей и Карло и достанут из известковой кашицы последние яйца, чтобы экипаж мог отметить этот день доброй яичницей. А вообще-то у нас было еще вдоволь провианта, больше всего – уложенных в рундуки египетских лепешек, висящих под бамбуковым навесом соленых колбас и окороков, а также кувшинов с селло, этой смесью из муки, миндаля и меда, в которой есть все, что необходимо страннику в пустыне. Мы ни разу не жаловались на голод, и все чувствовали себя превосходно. Но что это? Я схватил Нормана за руку.

– Чувствуешь? – Я втянул носом соленый морской воздух. – Невероятно, я отчетливо слышу запах свежего сена!

Мы продолжали принимать. Пятьдесят семь дней в море... Сантьяго, Карло и остальные присоединились к нам, но только мы, некурящие, явственно ощущали запах. Постой, даже навозом потянуло, чтоб мне провалиться! Типичный деревенский запах. В крошечном мраке мы ничего не видели, но и волны уже вели себя иначе, их ритм изменился, словно им что-то преграждало путь. Мы повернули рулевые весла, приводясь к дующему справа ветру, и старались держать возможно более северный курс. Несмотря на глубокую осадку, наша ладья удивительно хорошо шла бейдевинд.

Все утро Норман, Карло и Сантьяго по очереди лазили на мачту, и в 12.15 мы услышали неистовое «ура»! Норман увидел землю. Сафи визжала, утка бегала по каюте, хлопая крыльями. Весь экипаж, словно мухи, облепил перекладыны двуногой мачты, не боясь опрокинуть «Ра II», которая стала остойчивее после того, как большая часть папируса погрузилась в воду. Загудела сирена «Калпеппера». Да, вот она, земля – низкий, плоский берег на северо-западном горизонте. Накануне мы чересчур далеко отклонились на юг. Сделали поправку на течение, которое перед самым островом уходит к северу, и перестарались. Пришлось поворачивать весла и парус в другую сторону, чтобы нас не пронесло мимо Барбадоса. Правда, дальше сплошной цепочкой тянутся другие острова, но на Барбадосе нас ждали родные и друзья. «Ра II» слушалась руля, словно килевое судно. Возможно, продольная ложбина между двумя основными связками играла роль негативного килля. Мы шли почти в полветра, и конец от красного спасательного буя, который мы тащили на буксире, вытянулся совершенно прямо, подтверждая, что нас не сносит, мы идем туда,

куда показывает нос, прямо к низкому берегу впереди.

Рассаживаясь вокруг стола, мы знали, что это будет наш последний обед на борту «Ра II». Во второй половине дня в небе послышался гул мотора. Чей-то частный самолет кружил над нами, приветственно качая крыльями. Вслед за ним с острова прилетел самолет побольше, двухмоторный, с премьер-министром Барбадоса на борту. И вот уже четыре легчика кружат над мачтой «Ра», а один из них спикировал так низко, что воздушная волна чуть не обстенила наш парус. Земля поднималась все выше из воды, замелькали солнечные блики в окнах. Уже видно дома, еще и еще. Из окутывающей берег мглы вышли суда, большие и малые, в огромном количестве. Лихо прыгая по гребням, примчался быстроходный катер, в котором сидели жена Нормана, Мери-Энн, и мои младшие дочери – Мариан и Беттина. Суда всевозможных типов. Лица – удивленные, радостные, искаженные морской болезнью. Кое-кто, давась от смеха, допытывался, неужели мы и вправду пришли из Марокко на «этой штуке». Ведь со стороны было в общем-то видно только плетеную каюту и величественный египетский парус, да еще впереди и сзади торчали из воды куцые пучки папируса. Лоскутная ширма Юрия отнюдь не делала нашу лодку похожей на океанский крейсер.

Мы взяли курс на Бриджтаун – столицу Барбадоса. На финишной прямой «Ра II» эскортировало больше полусотни судов. Кругом сновали парусные яхты, глиссеры, рыбацкие шхуны, всякие увеселительные яхты, один катамаран, один тримаран, полицейский катер, зеленый парусник голливудского вида, оформленный под пиратское судно и битком набитый туристами, не отставал и наш старый знакомый, «Калпеппер», и при виде всего этого бедлама миролюбивый Карло вдруг затосковал по океанскому уединению. Зато Жорж чувствовал себя, как рыба в воде, он зажег наш последний красный фальшфейер и встал с ним на каюте в позе статуи Свободы.

Так закончились плавания на «Ра». У входа в бриджтаунскую гавань нам подали с «Калпеппера» буксирный конец, и мы в последний раз спустили выцветший парус с солнечным диском и свернули его.

В гавани было как в муравейнике. Все улицы битком набиты людьми. Наши часы показывали без пяти семь, но нам пришлось переводить их на барбадосское время, ибо день еще далеко не кончился, как-никак мы прошли 3270 морских миль, или больше 6100 километров от берегов Африки.

Перед тем как пришвартоваться к пристани, восемь членов экипажа улучили минуту и обменялись рукопожатиями. Все мы понимали, что только мирное сотрудничество помогло нам благополучно пересечь океан.

Последний взгляд на покоренную стихию. Океан, с виду такой же безбрежный, как в дни Колумба, как в пору величия финикийцев и ольмеков. Долго ли еще будут в нем резвиться рыбы и киты? Научатся ли люди, пока не поздно, зарывать свой мусор – свой боевой топор, которым они замахнулись на природу? Научатся ли завтрашние поколения снова ценить океан и землю, которые инки называли Мама-Коча и Мама-Альпа – «Мать-Океан» и «Мать-Земля»? А не научатся, так не спасут нас ни мирное сожительство, ни тем более потасовки на борту нашей общей маленькой лодки.

Мы спрыгнули босиком на берег.

Течение продолжало свой путь без нас. Пятьдесят семь дней. 5700 лет. Изменился ли человек? Природа не изменилась. А человек неотделим от природы.

Эпилог

Ноги сухие. Голова сухая. Все сухое. Окна закрыты. Высокие деревья качаются от ветра. Ветер сильный. За окном. А бумаги на моем столе никуда не улетают. Даже не шевелятся. Мое кресло стоит неподвижно. Все стоит на своих местах, ничто не качается и не колышется. Я в полной безопасности в своем рабочем кабинете. Между качающимися ветвями могучих деревьев проглядывает голубая вода. Средиземное море. Магистраль

древних культур. Звено, соединяющее три континента, которые окружают его сплошным кольцом, оставляя только проход у Гибралтара.

На голубых волнах белеют барашки, но голоса моря не слышно. Чтобы услышать рокот прибоя, я должен открыть окно. Но я этого не делаю, иначе ветер учинит разгром на моем столе. До чего же хорошо снова очутиться в уютном, тихом кабинете. Кругом книги. Книги и закрытые окна. Не завидую тем, кто сейчас идет под парусами при таком ветре. Развертываю рулон большой карты перед окном, обращенным к морю. Вот он, могучий Атлантический океан, каким его видят картографы. Плоский, безжизненный – преграда, делящая на две части прямоугольный мир. Справа Африка, слева Америка. Вверху север, внизу юг. Потрясающе неверное понятие о самом динамичном, деятельном, неутомимом эскалаторе, когда-либо созданном природой. Вечно движущийся конвейер, остановленный на фотографии, как антилопа в прыжке. Неподвижный, как Сахара. Окаменелый, как Альпы. Только цветом от них отличается. Он изображен синей краской, а суша – желтой, зеленой, белой. Какое великолепное игровое поле. Бросай кубик и передвигай фигурки. Можно продвигаться по полю любого цвета, пока не дойдешь до синего. Если попытаешься пересечь синее поле, значит, ты жульничаешь. А диффузионистам наплевать. Они жульничают. Передвигают фигурки по синему полю во всех направлениях. Вот бы удивились участники игры, если бы голубое поле вдруг пришло в движение. Подобно океану. Как покатаются широкие полосы, разбрасывая фигурки, перенося их из Африки в тропическую Америку. Из тропической Америки в Азию, а оттуда назад, в Северную Америку. Если бы карты делали подвижными, пришлось бы изобретать для игры новые правила. Белые и черные фигурки, дойдя до кружочка у берегов Марокко, получают право продвинуться до Америки по голубой ленте Канарского течения. Желтые фигурки у берегов Индонезии попадают на вращающееся кольцо, которое начинается у Полинезии и в два хода доставляет их туда же, по течению Куро-Сиво и через Северо-Западную Америку. Синий цвет всегда будет означать длинный прыжок в одну сторону, пропуск хода – в другую. В этой реалистичной игре препятствиями станут зеленые болота, желтые пустыни, белые льды.

Я дернул шнур, и нелепая карта свернулась в трубку со скоростью ракеты. И опять передо мной между деревьями колыхается Средиземное море, словно луг под порывами ветра. Я отворил окно, чтобы послушать живой прибой. Пусть ветер учиняет разгром на моем столе, пусть летят во все стороны мои бумаги и домыслы. К черту бумагу. К черту «измы», как диффузионизм, так и изоляционизм. Окна настезь. Свежий воздух. Дождь и гром, и живая жизнь. Если бы рокошующее море вдруг заговорило. Одно несомненно: оно могло бы порассказать о никем не описанных древних плаваниях, которые вполне могли бы померяться с тщательно документированными плаваниями средневековья. Средние века были шагом вниз, а не вверх. Люди древности не были фигурками в игре. Их поразительные творения говорят о том, что они были динамичными, изобретательными, любознательными, умными, отважными. Были сильнее, чем человек кнопочной эры, и больше него верили в свои идеалы, хотя им тоже были присущи честолюбие, любовь, ненависть, желания и страсти, заложенные в мозгу и сердце человека во все века, со времен Адама. Мореплаватели Древнего Египта выходили из Красного моря и посещали не только Месопотамию, но и более далекие азиатские страны. Выходя из устья Нила, они бороздили восточное Средиземноморье, собирали дань для фараона на далеких островах.

Народы Египта и народы Месопотамии, близкие друг к другу, хотя и говорили на разных языках и пользовались разными письменами, взрастили мореплавателей, которые своим искусством не уступали их зодчим. И на далеких островах, служивших трамплинами в их движении на север и на запад, рождались морские цивилизации, тоже со своим языком и своей письменностью. Мы не знаем, когда на эти острова впервые проникло египетское влияние, знаем лишь, что постепенно место египтян заняли финикийцы. Нам мало что известно о происхождении финикийцев и о том, какие суда они строили первоначально. Их ближайшие соседи на востоке и на юге искони пользовались лодками из папируса и камыша. И на западе тоже: на древнем критском кольце выгравировано изображение серповидной

камышовой лодки с поперечной вязкой, мачтой и каютой. Из финикийских вод культура распространилась за Гибралтар. До Ликсуса, где еще долго жили лодки из камыша. Никто не сможет восстановить пути всех этих судов и реконструировать взаимосвязи этих разнохарактерных цивилизаций, таких своеобразных, несмотря на тесную связь, частично основанных на более древней местной культуре и развивавшихся в различной географической среде, при господстве разных династий. Кто сумеет установить, какие именно моряки доставили кувшин с золотыми и медными средиземноморскими монетами IV века до нашей эры на остров Корво в Азорском архипелаге, откуда до Северной Америки ближе, чем до Гибралтара? В поисках богатства или нового пристанища тысячи кораблей выходили в древности из родных портов, и никто на борту не вел судового журнала.

Придворные художники увековечили великую морскую экспедицию царицы Хатшепсут через Красное море в Пунт, но только случайно древний географ Эратосфен записал расстояние между далеким Цейлоном и рекой Ганг, выразив его в количестве дневных переходов на обыкновенных папирусных ладьях с египетской оснасткой. Никто не воздвигал храмов в честь этих мореплавателей. Лишь когда правитель Ханно лично вышел через Гибралтар в V веке до нашей эры на шестидесяти кораблях с добрым запасом провианта и с тысячами финикийских переселенцев обоего пола, это событие было запечатлено на стеле, воздвигнутой в его честь в Карфагене. И однако из надписи явствует, что Ханно не был первопроходцем, ведь на четвертый день после прохождения Гибралтара его флот подошел к мегалитическому городу Ликсус, где он взял на борт местных лоцманов, которые знали берега и названия всех мысов на расстоянии 28 дней пути дальше на юг. Забрав провизию еще на два месяца, Ханно повернул назад лишь после того, как его многонациональная экспедиция прошла далеко вниз вдоль изобилующего реками лесистого побережья Экваториальной Западной Африки.

На стеле Ханно, как записали потом греки, о жителях Ликсуса говорилось как об иностранцах, и экспедиция задержалась здесь достаточно долго, чтобы наладить дружбу и получить совет. Эти древние мореплаватели великолепно умели устанавливать плодотворные контакты даже с враждебными первобытными народами. По их собственным свидетельствам, они всегда помещали на берегу какой-нибудь заманчивый дар для местных племен, залог дружбы, и лишь после этого отваживались покинуть корабли. Древние превосходно понимали пользу международного сотрудничества при путешествии в чужие страны, и это в полной мере относится к египтянам и финикийцам. И нет ничего удивительного в том, что египтяне и финикийцы сообща совершили первое исторически зафиксированное плавание вокруг Африки, лет за 200 до того, как тщательно подготовленная Ханно экспедиция переселенцев отправилась вдоль уже изведенного западного побережья. Как известно, организованная по велению фараона Неко около 600 года до нашей эры экспедиция вокруг Африки была египетской затеей, но с использованием финикийских кораблей и моряков. В этом трехлетнем плавании не участвовали никакие правители, поэтому его история не запечатлена ни на стелах, ни в гробницах. Это чистый случай, что Геродот, странствуя в V веке до нашей эры у финикийских берегов, в Месопотамии и Египте перед написанием своей знаменитой всемирной истории, сделал запись и об этом событии.

Какая культура могла развиваться среди первобытных лесных охотников по ту сторону Атлантики, если бы туда прибило такую смешанную экспедицию из исследователей и переселенцев? Что-нибудь совершенно новое и в то же время очень похожее, с местным колоритом?

Эта нелепая карта с мертвой синью отодвигает Мексику от Марокко на века и тысячелетия, а ведь на самом деле их разделяет всего несколько недель пути. Даже не успеешь выспаться как следует, будь ты обезьяна, утка или какой-нибудь другой пассажир. Секунды в масштабе истории. Конечно, народы Америки не видели дощатых кораблей до прихода Колумба. Но народы Марокко, всего Средиземноморья и Месопотамии видели лодки из папируса и камыша, подобные тем, что сохранились в Америке. Я произвел лишь робкий эксперимент, построил две лодки с помощью горстки озерных жителей и за четыре

месяца прошел 6 тысяч миль, причем при второй попытке достиг Америки. А построй мы сотню «Ра», мы могли бы, подобно Ханно, научиться спокойно ходить в оба конца мимо грозного мыса Юби. Но до тех пор сколько раз мы рисковали остаться со сломанными веслами и благодаря им очутиться в Америке? И одно небо знает, какую культуру стал бы насаждать смешанный экипаж «Ра»! Я закрыл окно. Взял карандаш и записал:

Я по-прежнему не знаю. У меня нет никакой гипотезы сверх того, что лодки из камыша и папируса вполне мореходны, а Атлантический океан работает как эскалатор. Но отныне я буду считать почти чудом, если из множества древних мореплавателей, которые тысячелетиями ходили в этих водах, никто не ломал руля в районе Ликсуса и не сбивался с курса, стараясь избежать крушения на опасных банках у мыса Юби. Что помогло нам совершить дрейф в Америку – беспрецедентное неумение обращаться с рангоутом или беспрецедентное умение сидеть на папирусе?

Вот моя гипотеза на этот счет: может быть, мы преуспели потому, что плыли в океане, а не на карте.

Классика путешествий и открытий

Среди современных нам ученых-первооткрывателей и путешественников вряд ли можно назвать человека, имя которого было бы более известно миллионам читателей, нежели имя Тура Хейердала.

Это объясняется и его личными человеческими качествами, и его особым талантом доступно, увлекательно и искренне довести до широкого читателя сущность своих научных идей и ход своих смелых экспедиций и полевых исследований, призванных подтвердить его гипотезы.

С чего же все началось? Как пришел Тур Хейердал к убеждению о связи древних обитателей Перу с Полинезией и затем посвятил десятилетия изучению и доказательствам трансокеанских миграций и культурных контактов?

В предисловии к русскому изданию своей первой книги, «В поисках рая», Хейердал писал:

«Я провел год на полинезийском острове, пытаюсь жить, как жили первобытные люди, и не подозревал, что мои наблюдения и опыт заставят меня переключиться на совсем другую область науки и десять лет спустя я снова попаду в Полинезию уже на бальсовом плоту из Южной Америки»⁷.

Но хотя в увлекательной повести о бегстве двух молодых людей – Хейердала и его жены – из современной цивилизации к первобытности почти нет и намек на связь далекой Америки с Маркизскими островами, именно здесь впервые им овладела эта мысль.

Древние сказания стариков острова Фату-Хива о прошлом своего народа невольно перекликались с преданиями Перу, а найденные Хейердалами изваяния напоминали древние американские скульптуры.

Но само свадебное путешествие в первобытность никак не было вызвано подобными размышлениями. Как, впрочем, и зоологические изыскания 23-летнего студента были лишь официальным обоснованием поездки. На маленький остров Фату-Хива Хейердала привела романтическая мечта «расстаться с современностью, с цивилизацией, с культурой. Сделать прыжок на тысячи лет назад. Познать жизнь первобытного человека. Познать истинную жизнь во всей ее простоте и полноте.

Нелегко определить все причины, вызвавшие у Хейердала желание бежать от цивилизации.

⁷ Тур Хейердал. В поисках рая. Аку-Аку. М., 1970, стр. 7.

Арнольд Якоби, друг и биограф Хейердала, отмечает критическое отношение молодого Тура к современному обществу, убежденность, что мир болен и болезнь неизбежно приведет к нарыву, который лопнет, к новой войне, которая будет страшней всех предыдущих. Тур был убежден, что люди совершенствуют только технику, а сами при этом не становятся лучше.

Эта мысль после первой мировой войны значительно распространилась. Протест против «машинного прогресса» принимал различные формы. Одни трактовали его как антисоциальное явление, другие теологически противопоставляли христианско-духовные ценности убивающему их техническому прогрессу. Некоторые, глядя на мир, где господствуют магнаты монополистической индустрии, мечтали о возврате к мелкому производству⁸. Так различные социальные группы психологически воспринимали кризис системы, не видя и не понимая выхода из создавшегося положения революционным путем.

Однако для Хейердала, как нам кажется, бегство к девственной природе и первобытности было подготовлено его представлением об отношении человека к природе, глубокой любовью к ней большим интересом к дальним странам и народам, населяющим «дикие» районы, то есть качествами, которые складывались у него с раннего детства. Еще маленьким мальчиком он мечтал: «Когда я вырасту, буду сам себе хозяин, буду делать все, что захочу, и уеду к пальмам и негритятам». Сохранился рисунок семилетнего Тура его будущего дома-хижины на сваях среди экзотической тропической природы.

Тур Хейердал родился 6 октября 1914 года в маленьком городке Ларвик у входа в Осло-фиорд. Он был единственным ребенком богатой и уже немолодой четы. Его мать до этого была дважды замужем и имела одного ребенка от первого брака и трех от второго. Отец также был уже один раз женат и имел троих детей. Однако дома Тур рос в обществе взрослых, под влиянием своей матери, образованной женщины, убежденной дарвинистки, решительно порвавшей с религией. Она развивала и укрепляла его любовь к природе и окружающему миру. Ему дарили игрушечных зверей, изображения доисторических животных, книги о путешествиях и народах.

Туру было пять лет, когда мать впервые повела его в зоологический музей. А в семь лет собственные коллекции Хейердала уже не помещались в его комнате, и он устраивает свой «зоомузей», а затем аквариум и террариум. Он читал и запоминал все, что его интересовало из жизни природы и человека, не признавая стихов и беллетристики. Во время болезни в постели он изучал «человеческие расы». В школе застенчивый ученик-середняк поражал учителей естествознания своими глубокими знаниями. Будущую профессию, зоологию, он выбрал в раннем детстве.

Любовь к природе, длительные экспедиции в горы, лыжи закалили неловкого и избалованного мальчика, панически боявшегося плавать после двух случаев, когда он в детстве тонул. Упорно и целеустремленно Хейердал воспитывал в себе «настоящего мужчину», сильного, выносливого, не боящегося трудностей.

Уже в старшем классе школы он начинает размышлять о неустойчивости современного мира, его тянет к простой первобытной жизни, которую можно было испытать лишь на отдаленном, почти необитаемом острове, где нет европейцев.

На зоологическом факультете, куда он поступил, его разочаровало кабинетное обучение, оторванное от природной среды. Признавая важность научной методики, необходимость микроскопии и анатомии, он считал, что «надо больше заниматься географическим распространением и повадками животных». Он мечтал изучать живое единство природы, связи между живыми организмами и средой. Это тоже толкало его на бегство в первобытность, к природе.

Эксперимент на Фату-Хиве показал Хейердалу невозможность осуществления его

⁸ Арнольд Якоби. Сеньор Кон-Тики. М., 1970, стр. 37. См., например, Leslie Sklair. The revolt against the machine. – «Cahiers d'Histoire Mondiale», 1970, v. XII, № 3.

романтической мечты. Но впечатления от местного фольклора, древних изваяний, возникшие аналогии определили решительный перелом в его жизни и интересах. Вернувшись на родину, он со страстью и целеустремленностью приступает к изучению всех доступных материалов по Полинезии и древним американским культурам.

При первой же возможности Тур с женой отправляется в Северную Америку. Но здесь его застает вторая мировая война. Тяжелые испытания и почти нищета на чужбине в первые годы войны, участие в военных действиях добровольцем в последние ее годы – все это прервало его сосредоточенные исследования. Но после войны он с удвоенным рвением возвращается к ним. Огромный материал, прочитанный и изученный на месте, приводит его к убеждению о существовавших в древности связях между Южной Америкой и Полинезией, мысли о которых родились на Фату-Хиве. Так возникла идея экспедиции на плоту из Перу в Полинезию.

С затаенным дыханием повсюду следили за движением бальсового плота со смельчаками по бурным просторам Тихого океана. В 1948 году появилась книга «Экспедиция “Кон-Тики”». Она была опубликована на Западе более чем на 50 языках в количестве 2,5 миллиона экземпляров. В нашей стране на ряде языков «Кон-Тики» выдержала свыше 20 изданий общим тиражом более одного миллиона.

После «Кон-Тики» советский читатель познакомился с первой книгой Хейердала «В поисках рая»⁹ и повестью о научной экспедиции на остров Пасхи – «Аку-Аку»¹⁰. Наконец, русский перевод сборника научных статей Тура Хейердала «Приключения одной теории»¹¹ сделал доступной для широкого читателя теоретическую основу его положений.

И вот сейчас вместе с «Кон-Тики» появляется в русском переводе новая и пока последняя повесть – об экспедиции через Атлантику на папирусной лодке «Ра». Повесть не менее увлекательная, чем «Кон-Тики».

Читателя «Кон-Тики» пленял не только подвиг смельчаков. Он невольно подпадал под обаяние личности автора – замечательного человека с огромным кругом интересов и знаний. Страстная убежденность Тура Хейердала заставляла верить в его научные идеи, для подтверждения которых была предпринята экспедиция. Верить, несмотря на то, что в книге его гипотеза была изложена схематично, кратко и не подкреплялась даже теми солидными аргументами, которые уже были собраны им в то время. Первое научное обоснование своей гипотезы Хейердал изложил в рукописи «Полинезия и Америка» еще до своей экспедиции на «Кон-Тики».

Тем не менее специалисты обрушились на «Кон-Тики», вовсе не претендовавшую на изложение и обоснование миграционной теории Хейердала. Это заставило автора снабдить последующее издание книги «Экспедиция “Кон-Тики”» послесловием, где он подчеркивал: «Успешный результат экспедиции на “Кон-Тики” не доказал правильности моей миграционной теории, как таковой. Мы доказали лишь, что южноамериканский бальсовый плот обладает качествами, о которых современные ученые раньше не знали, и что Тихоокеанские острова расположены в пределах досягаемости для доисторических судов, отплывавших из Перу»¹².

Нельзя было отрицать факт, что бальсовый плот достиг Полинезии, хотя Хейердал и его спутники не владели древней техникой управления плотами при помощи выдвижных

⁹ Тур Хейердал. В поисках рая. М., 1964.

¹⁰ Тур Хейердал. Аку-Аку. Тайна острова Пасхи. М., 1959. Последнее издание – «В поисках рая. Аку-Аку». М., 1970

¹¹ Тур Хейердал. Приключения одной теории. Л., 1969

¹² Тур Хейердал. Путешествие на «Кон-Тики». М., 1957, стр. 266.

килей – гуар. Но противников Хейердала подобное, как они утверждали, чисто спортивное достижение не могло заставить отказаться от господствующей теории заселения Полинезии, выдвинутой известным знатоком Полинезии полуирландцем-полумаори Питером Баком (Те Ранги Хироа) и изложенной в его блестяще написанной работе «Мореплаватели солнечного восхода».

Выступая в 1964 году в Лондоне, в Королевском Географическом обществе Тур Хейердал говорил в связи с награждением его медалью Общества: «Сочетание одобрения и противодействия – вот главный двигатель научного поиска. Одобрение – желанная награда, противодействие – вызов, не позволяющий успокоиться... Противодействие, возражения, а иногда и поражения необходимы, чтобы идти к научной истине, расширять пределы человеческого знания».

«Противодействий-вызовов» выпало на долю ученого более чем достаточно. Ему пришлось встретить широкий фронт противников, в котором объединились признанные этнографы, ботаники, археологи.

Тур Хейердал засел за подготовку аргументированного научного обоснования своей теории, расширяя и перерабатывая рукопись, написанную до экспедиции.

В 1952 году вышел его монументальный труд «Американские индейцы на Тихом океане. Теоретические предпосылки экспедиции “Кон-Тики”»¹³, где были систематизированы и обобщены исторические, географические, ботанические и другие свидетельства и доказательства, тщательно разобраны возражения противников. Но и после выхода в свет этого научного труда резкая критика его теории не прекратилась.

Однако теперь уже трудно было относиться к автору, как к «недоучившемуся студенту», «авантюристу» и т.д. После выхода научного труда Хейердала резко изменилось отношение если не к его теории, то к нему самому многих крупных ученых. Известный, французский этнограф Альфред Метро, выступавший до того с резкой критикой против него и не допускавший, в частности, возможности какого-либо сходства между изваяниями на острове Пасхи и древними статуями Перу, писал: «Хейердал, ставший одним из самых популярных героев нашего времени, теперь привлекает внимание публики новым достижением. Этот исследователь, вполне заслуживающий славы, которой он пользуется, был вправе обижаться на презрение, выпавшее на его долю. Он смиренно просил не выносить приговора, пока не опубликован труд, где он собирался представить свои идеи, подкрепленные документами. Он исполнил свое обещание. Всякий, кто откроет этот труд, занимающий 821 страницу, невольно будет поражен таким обилием познаний. Не подготовь нас Тур Хейердал заранее к этому труду, естественно было бы спросить, как мог один человек в такой короткий срок прочесть столько трудов, сделать выписки и представить итог исследования в виде подлинного свода фактов из области этнографии, археологии, лингвистики, ботаники, географии и истории. Мало кому под силу такой подвиг».

Сейчас, когда советскому читателю уже хорошо известна история жизни и научной борьбы Хейердала, написанная Арнольдом Якоби, нет необходимости излагать сложный путь новатора от критики и насмешек к постепенному признанию его как ученого.

Вместе с биографом читатель может проследить неутомимый исследовательский труд ученого, мобилизацию все новых аргументов и доказательств в защиту своих положений. В послесловиях советских ученых Г. И. Анохина к книге Якоби¹⁴ и В. М. Бахты к сборнику научных статей Тура Хейердала¹⁵ читатель также найдет краткое изложение этапов

¹³ American Indians in the Pacific. The Theory behind the Kon-Tiki Expedition. Stockholm – London – Chicago, 1952.

¹⁴ Арнольд Якоби. Сеньор Кон-Тики, стр. 236-245.

¹⁵ Тур Хейердал. Приключения одной теории, стр. 286-297

нелегкого научного пути норвежского исследователя.

Хотелось бы лишь подчеркнуть одну особенность научной борьбы Хейердала: *критике своих противников он неуклонно стремится противопоставить новые фактические доказательства*.

Ради этого он предпринимает сложные полевые работы – экспедиции на отдаленные острова, вновь изучает остатки древних культур Америки.

В результате организованной Хейердалом экспедиции с участием археологов на Галапагосские острова было доказано, что задолго до европейцев сюда неоднократно доходили древние обитатели Америки. Были обнаружены их стоянки в удобных местах для причаливания плотов и лодок. Специалисты изучили собранные экспедицией черепки и установили их американское происхождение. Были найдены, в частности, остатки полихромной керамики, относящейся к доинкскому периоду. В 1956 году результаты экспедиции были опубликованы¹⁶. Археологические свидетельства убедительно подтвердили доиспанские плавания на Галапагосские острова.

После тщательных полевых работ по изучению древнего доинкского центра культуры Тиауанако в районе озера Титикака и доинкских сооружений и каменных скульптур Хейердал организует археологическую экспедицию на остров Пасхи.

Впервые проведенное стратиграфическое исследование обнаружило несколько культурных и этнических слоев, отодвинуло по крайней мере на тысячу лет предполагавшееся время первоначального заселения острова человеком. Были опровергнуты представления о том, что остров Пасхи с древнейших пор лишен растительности и что именно отсутствие дерева побудило заселивших его полинезийцев перейти к изготовлению каменных изваяний.

Добытые Хейердалом рукописи открыли новый этап в историческом объяснении и толковании загадочной письменности острова Пасхи – ронго-ронго.

Именно глубокий анализ фактов – одна из причин убедительности аргументов Хейердала.

Вторая причина – это подход к решению поставленной проблемы с позиций компетентного использования и обобщений данных и аргументов различных наук.

В наше время жизнь убедительно подтверждает, что крупные научные открытия совершаются на стыках различных наук. Их дифференциация и растущая специализация лишь все более настоятельно требуют кооперации. И тем не менее часто узкие специалисты встречают в штыки всякую попытку «непосвященного» вторгнуться в заповедник их специальности.

Однако, научные исследования Хейердала убедительно показали, что он обладает необходимыми данными и эрудицией, чтобы сопоставлять и объединять материал различных наук и смело выносить свои выводы на суд различных специалистов.

После экспедиции «Кон-Тики» не было почти ни одного конгресса американистов, ни одного международного конгресса антропологов и этнографов, на котором Хейердал не выступал бы с обоснованием того или иного аспекта своей гипотезы.

Пишущему эти строки впервые довелось встретить Тура Хейердала на X Тихоокеанском конгрессе в Гонолулу в августе 1961 года. Этот конгресс явился, пожалуй, первым его крупным успехом на международном собрании ученых, примечательным еще и потому, что Тихоокеанские конгрессы в отличие от специализированных конгрессов, подобных антропологическим, объединяют в своих секциях и симпозиумах ученых всех областей естественных и гуманитарных наук. И тут сказалось влияние идей Хейердала в различных секциях и симпозиумах. А принятая конгрессом резолюция явилась признанием не только его научного вклада в исследование Полинезии, но и его точки зрения о заселении

¹⁶ T. Heyerdahl and A. Skjolsvold. Archaeological Evidence of pre-Spanish Visits to the Galapagos Islands. Memories of the Society for American Archaeology, №. 12, Salt Lake City, 1956.

также из Америки.

За 20 лет, прошедших со времени экспедиции «Кон-Тики», многие идеи Хейердала, подкрепленные дальнейшими исследованиями, получили признание. Что же толкнуло его на новый сенсационный рейс, на этот раз через Атлантику на папирусной лодке?

Сравнивая свои два путешествия, Хейердал пишет, что перед экспедицией из Перу у него «была гипотеза, были веские данные и логический вывод. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего».

Предусмотрительно он предупреждает: «Я вовсе не предполагаю, что египтяне принесли свою культуру на далекие острова или континенты. Многие считают, что задолго до Колумба древние египтяне достигали тропической Америки. Я такой гипотезы не выдвигаю, у меня нет свидетельств ни за, ни против. Я увлечен проблемой, но не вижу убедительного ответа».

Научная добросовестность Хейердала не позволяет ему выдвигать положение, которое он не может подтвердить бесспорными доказательствами. Но каждый, кто внимательно прочитает «Ра» и ознакомится с разбросанными в других работах мыслями Хейердала и возникшими у него аналогиями, невольно приходит к выводу, что в глубине души он допускает и верит в существование в древности хотя бы односторонних контактов между Африкой и Месоамерикой.

Переход Атлантики на папирусной лодке для нас, конечно, не просто экспериментальное доказательство мореходности этого судна.

Тур Хейердал уже давно был знаком с лодками из камыша тоторы. Он тщательно изучал их использование в наши дни. Он наблюдал их на острове Пасхи и доказал, что камыш тотора был завезен в древности мореплавателями из Америки. Хейердал пишет, что, готовя свою первую экспедицию, он имел небольшой выбор древних морских судов империи инков: бальсовый плот, камышовую лодку и понтоны из связанных бурдюков – надутых тюленьих шкур. Надувные понтоны для длительного перехода им были отвергнуты сразу. Бальсовый плот казался более солидным. Экспедиция и дальнейшие изыскания Хейердала убедили, что плот мог явиться мореходным средством, принесшим древних мореплавателей и их культуру в Полинезию. С точки зрения доказательств миграционной гипотезы Хейердала уже несущественно – совершались или нет плавание древних перуанцев в Полинезию не только на бальсовых плотях, но и на камышовых ладьях.

Другое дело – мореходные связи между Африкой и тропической Америкой. Бальсовых плотов в Африке не построишь. Следовательно, остается ладья из папируса. Доказанная возможность перехода через Атлантику на папирусном судне открывает реальный путь, по которому могли достигнуть Америки выходцы из Старого Света.

Книга «Ра» – описание экспериментального доказательства этой возможности, обладающая такой же притягательной силой, как «Кон-Тики». В этой работе вновь ярко отражены характерные черты автора как ученого, вдумчивого организатора научных экспедиций и замечательного человека.

Его идеи, кажущиеся сперва фантастическими – это результат аналогий и обобщений, выявленных в процессе многолетней работы. Способность удерживать в памяти все виденное, прочитанное, поразившее в природе, в древних памятниках, в искусстве и фольклоре, несомненно, облегчает возникновение плодотворных ассоциаций. Сила его сравнительного анализа в равной мере сказывается, когда он рассматривает явления природы и творения человека. И каждый раз Хейердал стремится проверить эти ассоциации, вновь сопоставляя и изучая лежащие в их основе явления.

В считанные дни, оставшиеся до прибытия лодочных мастеров в Каир, он переносится из страны в страну, комплектует команду для будущей «Ра», договаривается с У Таном о поднятии на папирусном судне флага ООН и умудряется вновь попасть на озера Титикака. Ему надо проверить свои догадки, касающиеся лодок из тоторы и папируса. Он летит к пирамидам Перу и Мексики, чтобы освежить свои впечатления. «После увиденного мной неделю назад нельзя было не поражаться сходству здешних пирамид с древнейшими

египетскими», – отмечает Хейердал.

Сочетание острой догадливости и наблюдений позволило Хейердалу опровергнуть утверждение специалистов, будто бальсовый плот в короткий срок теряет свою плавучесть, понять, как древние мореплаватели предотвращали эту опасность.

Это же свойство ученого помогло ему понять, почему современный папирусный кадай, применяемый для плавания по озеру Чад, как и камышовые лодки Титикаки, не требует постоянной просушки, понять, что восстановление древней конструкции папирусной ладьи вернет ей ее прежние мореходные качества. Как и с бальсовым плотом, Хейердал смог стерва теоретически опровергнуть утверждение специалистов о невозможности мореплавания на судах из папируса, а затем и доказать его мореходные качества своей экспедицией.

В книге «Ра» вновь выступают научно-организационные способности Хейердала, всегда поражавшие его спутников и сотрудников, будь то подготовка «Кон-Тики» или экспедиция на остров Пасхи.

Нужна большая целеустремленность, организованность и энергия, чтобы преодолеть все препятствия, свести вместе строителей лодок из племени будума, папирус из Эфиопии и создать судно по древним изображениям на каменных стенах гробницы фараона.

И прежде чем «Ра» отчалит в дальний путь через океан, перед читателем развернется увлекательная повесть о поисках камышовых лодок, строителей, папирусного сырья и т.д. Повесть, насыщенная талантливым описанием первобытной природы, людей, быта и сохранившихся древних обычаев.

Как и в прежних книгах, в этом произведении выступает Хейердал-человек. Его глубокая вера в интернациональность людей и их возможности – результат не только собственного восприятия мира, больших знаний, но и контактов с самыми различными народами и племенами разных рас и разного уровня социального развития. Она органична. В предисловии к советскому изданию «В поисках рая» Хейердал писал: «Один из самых полезных уроков, которые мне преподала жизнь, заключается в том, что человек остается человеком, будь он норвежец, полинезиец, американец, итальянец или русский, когда и где бы он ни жил – в каменном или атомном веке, под пальмами или у кромки ледника. Добро и зло, отвага и страх, ум и глупость не признают географических границ, они есть в каждом человеке... Все мы люди, об этом надо помнить и стремиться к дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству, чтобы человечество могло выжить на нашей маленькой планете, исправляя все, что было испорчено в веках из-за недостатка знаний и уважения к ближнему»¹⁷.

И это человеческое уважение, подлинный демократизм, очевидно, чувствуют в Хейердале люди, отделенные от него, казалось бы, непреодолимыми барьерами языка, психологии, многовекового разрыва с современным уровнем развития человеческого общества.

Поражает та простота и легкость, с какой устанавливались близкие контакты между молодым Хейердалом и местным населением еще во время его первого путешествия («В поисках рая»). И в дальнейших его экспедициях и полевых работах способность как-то естественно завоевать доверие открывает ему, в нарушение всяких табу, путь к сокровенным тайнам древних обычаев, к ритуалам и священным гробницам, заставляет хранителей и владельцев древних реликвий уступать их Хейердалу.

Со всем этим мы опять встречаемся в «Ра», читая страницы, посвященные подготовке экспедиции. Так же как старики на острове Пасхи высекали для Тура Хейердала каменными орудиями копии древних статуй и поднимали на платформу поверженных исполинов, старики на африканской реке связывают для него по старым, почти забытым канонам камышовую лодку.

Философский взгляд Хейердала на единство человека и природы, единство людей во

¹⁷ Тур Хейердал. В поисках рая. Аку-Аку. М., 1970, стр. 7.

времени и пространстве приводит его к глубокому убеждению в необходимости совместных усилий народов для сохранения мира и спасения человечества. «Сама жизнь, – пишет Хейердал, – говорила о том, как важны любые, даже самые скромные попытки наладить сотрудничество между народами». Составляя команду «Ра», он стремился объединить на тесной ладье представителей различных народов, различных идеологических концепций. «Мне хотелось собрать вместе столько наций, сколько позволит площадь». Европеиды и негроид с озера Чад. Египтянин и мексиканец как символ экспедиции, призванной подтвердить возможность контакта между древними цивилизациями Африки и Америки. По одному человеку из США и СССР, чтобы были представлены идеологические контрасты.

Так был составлен экипаж «Ра» из семи человек. Этнографический эксперимент становился своеобразным социальным. «Я задумал плавание как эксперимент, как научную экспедицию в далекое прошлое древних культур. Но этот эксперимент вполне мог сочетаться с другим – с экспедицией в тесный перенаселенный мир завтрашнего дня... Нам надо научиться сотрудничать, если мы не хотим пойти ко дну с нашим общим грузом».

Надо признать, что перенаселенная «Ра» с честью выдержала испытания, надо отдать должное Хейердалу – его человеческим качествам, его такту и находчивости не только в моменты, грозившие гибелью, но и в спокойные дни плавания. Его умение разрядить пусть незначительные конфликты, неизбежные при длительном пребывании в предельно тесном пространстве перегруженной лодки и крохотной каюты, несомненно сыграли огромную роль в сплочении участников плавания «Ра» в дружный коллектив.

Видимо, каждый согласится, что только личное обаяние Тура Хейердала, отношение к нему его спутников могло подвигнуть их на повторение трудного и опасного рейса в столь короткий срок.

Для Хейердала организация этой второй экспедиции чрезвычайно характерна. Казалось бы, первое плавание, хотя и кончилось уходом с развалившейся «Ра», достаточно убедительно доказало возможность мореходства между Африкой и Америкой.

Но ему этого мало. И к тому же он должен был исправить ошибки строителей папирусной лодки и команды и показать древнее средство связи в его подлинных возможностях. Впрочем, так же он совершенствовал технику управления бальсовым плотом после экспедиции «Кон-Тики». Очень удачно, что в этом томе читатель познакомится, пусть более кратко, и с экспедицией на «Ра II».

Можно не сомневаться, что «Ра», как и другие произведения Хейердала, займет свое место среди классики путешествий и открытий, станет одним из лучших ее образцов.

Думается также, что откроется и новая страница в исследованиях контактов между древним «старым» и древним «новым» светом.

Александр Губер